

А. В. Лаушкин

Русь и соседи:

история этноконфессиональных
представлений в древнерусской книжности
XI–XIII вв.

Университет Дмитрия Пожарского

А. В. Лаушкин

Русь и соседи:

история этноконфессиональных представлений
в древнерусской книжности XI–XIII вв.

Москва

Университет Дмитрия Пожарского

2019

УДК 94(3)
ББК 63.3(2)4
Л 12

Подготовлено к печати и издано по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. А. Горский*,
доктор исторических наук *А. В. Назаренко*

Лаушкин А. В.

Л 12 Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. — М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. — 304 с.

ISBN 978-5-91244-243-8

Монография посвящена этноконфессиональным представлениям о соседних народах на Руси домонгольского и раннего монгольского времени. Автор рассматривает бытовавшие в то время церковные предписания в сфере межконфессиональных контактов, присущую оригинальным русским текстам лексику самоидентификации и размежевания с «чужими», характерные для этих текстов провиденциальные модели описания отношений с другими народами и сопутствующие библейские параллели. В работе прослеживается зарождение и развитие названных представлений, делается вывод об их системном характере.

В оформлении обложки использована фотография В. В. Близнаку

УДК 94(3)
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-91244-243-8

© Лаушкин А. В., текст, 2019
© Оформление, Русский фонд содействия образованию и науке, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Первые три века после крещения князя Владимира занимают исключительное место в истории отечественной культуры. За это время христианская вера распространилась до самых «концев» огромной страны. В большей или меньшей степени она укоренилась во всех слоях древнерусского общества. Под ее влиянием возникли и оформились те идеи, представления и образы, сумма которых явилась сердцевиной культурной жизни нового христианского народа и надолго пережила эпоху ранней Руси.

В основу новой культуры в землях Рюриковичей легла восточнохристианская традиция. Знакомство с ней совершилось благодаря Византии, влияние которой — прямое и опосредованное — сохранялось на протяжении веков. Однако становление христианской Руси проходило в окружении этнических и политических общностей, не принадлежавших к этой традиции и существенно разнившихся между собой. Пожалуй, ни одна другая страна молодой «варварской» Европы не имела столь разнохарактерных соседей — с несхожими укладами жизни, языками и верами. Отношения с ними, и мирные, и военные, были для Руси всегда чувствительны и серьезно влияли на нее, приковывая к себе внимание не только князей и летописцев, но и, без сомнения, значительной части населения.

На пересечении двух важнейших линий в истории Руси — неуклонного взросления христианского общества и его постоянного взаимодействия с соседями-иноверцами — ожидаемо начали возникать представления о «своих» и «чужих», облаченные в религиозные одежды. Древнерусское этническое самосознание словно

оттачивалось о строй разномастных оселков — параллельно формировавшихся образов народов «чужея вѣры», и конфессио-нальная грань этого самосознания становилась всё более и более выраженной. Возникнув уже в XI—XII вв., культурные стереотипы в этой сфере были испытаны на прочность и дооформлены в XIII в., когда разобщенная страна подверглась мощным ударам со стороны других народов. Домонгольское и раннее монгольское время соединяются в истории этноконфессиональных представлений на Руси в единый период, в рамках которого они прошли путь от зарождения до зрелости.

Сразу надо оговориться, что представления, о которых идет речь, доступны современной науке лишь частично и по преимуществу в той форме, в какой они бытовали среди древнерусских книжников и были зафиксированы ими самими. Однако эти люди не существовали в изолированном мире. Они находились в гуще политической и церковной жизни, знали настроения своего времени и в какой-то мере даже аккумулировали их. Поднимаясь на церковные амвоны и берясь за перо, они имели возможность познакомить своих некнижных современников с собственными взглядами — плодами чтения книг и размышлений. Отрицать обоюдную связь между идеями образованного слоя и настроениями в обществе кажется нам в той же мере неверным, что и говорить об их тождестве.

Уже при первом взгляде на источники, вышедшие из этой среды, обращает на себя внимание одна деталь, которая представляется ключевой. Для создания окрашенного в религиозные тона образа другого народа книжникам было мало лишь существования конфессиональных различий с ним. Факт таких различий оказывался для них необходимым, но отнюдь не достаточным условием конструирования рассматриваемого образа. Эту требующую объяснения особенность их мировоззрения мы и примем за исходный пункт наших рассуждений об этноконфессиональных представлениях на Руси XI—XIII вв.

* * *

Заявленная тема не нова для отечественной науки. Еще историографы XVIII — первой половины XIX вв. обратили внимание на то, что религиозно-исторические представления летописцев влияли на характер их свидетельств о событиях прошлого¹. Уче-

¹ См.: Миллер Г. Ф. О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оная // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Апрель. С. 292; Щербатов М. М. История

ные середины XIX — начала XX в. постарались обрисовать общие контуры этих представлений², не исключая и те, что касались соседей Руси. С. М. Соловьев, к примеру, отметил, что о «нашествии варваров» летописец «отзывается постоянно как о наказании Божиим за грехи народа»³. М. И. Сухомлинов, разбирая вопрос более обстоятельно, подчеркнул, что в Повести временных лет отношения русских с отдельными народами вообще изображаются как сфера, где активно действует Промысел Божий: Всевышний помогает русским на поле брани и благословляет «защитников отечества», но может и наказывать их поражениями. Создатель Повести, по наблюдению Сухомлинова, любил «отечество» и одновременно «боялся клеветы <...> на врагов его», почему при их изображении оставался обычно сдержан и даже беспристрастен (заметно отличаясь в этом от своего польского коллеги и современника Галла Анонима)⁴. В. О. Ключевский, пересказав слушателям ряд летописных комментариев по поводу неудачных столкновений Руси с кочевниками, подытожил, что в глазах летописцев «поганые» были «бато́гом, которым Провидение исправляет детей своих»⁵.

Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1. С. 1; *Шлецер А. Л.* Нестор: Русские летописи на древне-славянском языке. СПб., 1809. Ч. 1. С. 396–397; *Елагин И. П.* Опыт повествования о России. М., 1803. Кн. 1. С. XXIV; *Розенкампф Г. А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. С. 3–4 («Примечаний к введению»); *Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1830. Т. 1. С. LV; *Надеждин Н. И.* Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. С. 96; *Погодин М. П.* Нестор: историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839. С. 223; и др.

² См.: *Клеванов А. С.* О значении русской летописи в духовном развитии русского народа // ЧОИДР. 1848. Кн. 1. С. 21, 46–55; *Филарет (Гумилевский), архиеп.* История Русской Церкви. Период второй. М., 1888. С. 153; *Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 113–117; *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1908. Т. 85. № 1. С. 165–173, 181–185 и далее; *Аристов Н. Я.* Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей. СПб., 1888. С. 42, 56, 69–108; *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 305; *Лашнюков И. В.* Пособие по изучению русской истории критическим методом. Киев, 1874. Вып. 2. С. 7–9; *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. С. 38–43; *Ключевский В. О.* Соч.: в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 112–115; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1. С. 261, 287, 311–317, 321–322; и др.

³ *Соловьев С. М.* Соч. Кн. 2. С. 116.

⁴ *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи ... С. 166, 173, 179–180, 185, 187, 189–194.

⁵ *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. С. 114.

Впрочем, дальше беглых замечаний, основанных, главным образом, на репликах самих летописцев, дореволюционные ученые не пошли. А в послереволюционный период тема и вовсе оказалась вне нового русла отечественной историографии⁶. Постепенное возвращение к ней намечилось с середины прошлого столетия. В самостоятельное же направление исследований она оформилась лишь в последние десятилетия. Поспособствовали тому не только общие перемены в российском историческом знании, преодолевшем марксистское предубеждение по отношению к культурно-религиозной проблематике, но и общие тенденции развития мировой исторической науки, всё более настойчиво интересующейся вопросами идентичности и категориями «чужого»⁷.

Обращаясь к прошлому Руси, исследователи раньше всего обратили внимание на книжный образ монголо-татар, что вполне объяснимо ролью, какую этот народ сыграл в отечественной истории. Среди первых подходов к проблеме тут следует выделить работы И. М. Кудрявцева и В. А. Кучкина, указавших на важность изучения библейских и иных книжных параллелей для понимания действительного (и не всегда очевидного для современного читателя) отношения древнерусских авторов к татарам и перспективам борьбы с ними⁸. Целый ряд значимых литературных параллелей такого рода выявил затем и Н. С. Борисов⁹. Развивая данный под-

⁶ Из работ, написанных в послереволюционный период русскими авторами в эмиграции, отметим небольшую статью М. В. Шахматова. В ней он постарался обрисовать сложившийся в древнерусской литературе образ «нечестивого царства» монголов, а также выявить «два типа мышления» книжников в плане их отношения к борьбе (либо открытой, либо до поры подспудной) с этим «царством» (*Шахматов М. В. Отношение древнерусских книжников к татарам // Труды IV-го съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 165–173*).

⁷ См., напр.: *Копелев Л. З. Чужие // Одиссей: Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 8–18; Шукуров Р. М. Введение, или Предварительные замечания о Чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 9–16; Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 5–18; Поршнев О. С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 126–129; и др.*

⁸ *Кудрявцев И. М. Послание на Угру Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 158–186; Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 235–237, 251–255.*

⁹ *Борисов Н. С. Иван Калита. М., 1995. С. 44–45, 130, 152–155, 221, 271–273; Его же. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.). М., 1999. С. 30–44, 270, 331–350 и др.*

ход, автор этих строк выдвинул гипотезу о формировании на Руси уже во второй половине XIII в. своеобразной идеологии «ордынского плена», архетипической основой которой явилась библейская история вавилонского пленения иудеев¹⁰. Одновременно соотнесенность ранних русских свидетельств о татарах с образами Священного Писания подчеркнул В. Я. Петрухин¹¹. Несколько позднее к рассмотрению библейских параллелей в русских нарративах о монголах присоединился и Ю. В. Селезнев¹². Кроме того, исследователи постарались описать общую историко-богословскую канву осмысления на Руси монгольского нашествия (включая эсхатологизм самой первой реакции на него) и установившейся следом за ним власти ханов¹³. Монографическое изучение этого аспекта темы предпринял В. Н. Рудаков, поставивший перед собой задачу проследить эволюцию религиозно-исторических взглядов

¹⁰ Лаушкин А. В. К истории возникновения ранних проложных Сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 3–25; *Его же*. Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 24–31; *Его же*. Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 211–223; *Его же*. Летописный некролог ростовскому князю Глебу Васильковичу // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 174–179.

¹¹ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 345–358.

¹² Селезнев Ю. В. Идеино-религиозная оценка современниками русско-ордынских отношений 1240–1270 гг. // Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Нашествие Батгя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII веков. Воронеж, 2004. С. 41–42, 48; *Его же*. Верховная власть ордынского хана в XIII в. в представлении русских книжников // Восточная Европа в древности и Средневековье: Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2007. С. 233–235; *Его же*. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // ДРВМ. 2009. № 1 (35). С. 39–40.

¹³ Halperin Ch. J. The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in the Medieval Russia. Bloomington, 2009. (Русский перевод: Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012.); Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в.: сборник научных трудов. М., 1990. [Ч. 1.] С. 15–69; Кривцов Д. Ю. Проблемы антитатарской борьбы в русской общественной мысли середины XIII — начала XV в. // Мининские чтения: (Материалы научной конференции, посвященной 380-летию освобождения Москвы земским ополчением под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского). Нижний Новгород, 1992. С. 56–58; Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М., 2000. С. 150–169, 179–180; Селезнев Ю. В. Идеино-религиозная оценка ... С. 37–48; и др.

на монголов в наиболее заметных литературных памятниках второй половины XIII–XV в.¹⁴

Сходные подходы стали использоваться и при изучении образа половцев — степных предшественников монголов. Научный интерес к этой теме возник во многом благодаря Л. С. Чекину, который наметил и наиболее важные направления исследований¹⁵. Таковыми стали летописная генеалогия кипчаков и эсхатологические мотивы в их книжном образе¹⁶. Затрагивались в историографии и другие аспекты религиозного восприятия «поганных» половцев, обусловившие специфику их изображения на страницах летописей и других памятников древнерусской литературы¹⁷.

¹⁴ Рудаков В. Н. Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII–XV века: (Эволюция представлений, сюжетов и образов): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1999; *Его же*. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009.

¹⁵ Chekin L. S. The Godless Ishmaelites: The Image of the Steppe in Eleventh-Thirteenth Century Rus' // Russian History / Histoire Russe. 1992. Vol. 19. Nos. 1–4. P. 9–28. Дополненная редакция статьи на русском: Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). С. 691–716.

¹⁶ Гарькавый И. В. «Измаильяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 87–89; Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 323, 330–331; Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI — начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 3–15; Ведюшкина И. В. Генеалогии «нечистых» народов в Повести временных лет // Восточная Европа в древности и Средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2000. С. 53–58; *Ее же*. Этногенеалогии в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 55–58; Дорошенко [Андрейчева] М. Ю. Ветхозаветная топонимика в статье 6604 (1096) года Повести временных лет // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 370–382; Данилевский И. Н. «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // Ruthenica. 2010. № 9. С. 7–17; Лаушкин А. В. Наследники праотца Измаила и библейская мозаика в летописных известиях о половцах // ДРВМ. 2013: Декабрь. № 4 (54). С. 76–86; Гунпиус А. А. Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 251–264; и др. На эсхатологические коннотации в «Слове о полку Игореве», связанные с половцами, еще ранее обращал внимание И. Клейн (Клейн И. «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература. (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 111).

¹⁷ Толочко О. П. Образ «чужинця» в картині світу домонгольської Русі // Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей. К., 1992. Т. 1. С. 33–34, 39–41; Лаушкин А. В. Провиденціальна концепція взаимоотношень Русі і Степи в древнерусському летописанні XI–XIII вв. // Славяне и кочевой мир. Средние

Параллельно начали появляться работы, авторы которых обращались к исследованию аналогичной проблематики, связанной с волжскими булгарами¹⁸, литвой¹⁹, венграми, поляками,

века — раннее Новое время. [Славяне и их соседи: сборник тезисов 17 конференции памяти В. Д. Королюка]. М., 1998. С. 75–78; *Его же*. Русско-половецкие контакты в свете летописной лексики этноконфессионального размежевания // Восточная Европа в древности и Средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2008. С. 128–132; *Добровольский Д. А.* Восприятие половцев в летописании XI–XIII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 286–294; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропониимики. М., 2013. С. 25–28, 32–39; *Конявская Е. Л.* Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев // *Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies*. 2015. Т. IV. № 1. С. 180–190; *Стефанович П. С.* Разное отношение к половцам и печенегам в начальном летописании // Восточная Европа в древности и Средневековье: XXX Юбилейные чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–20 апреля 2018 г. Материалы конференции. М., 2018. С. 275–278.

¹⁸ *Вережанин Е. М.* Образ волжских болгар «вѣры бохмичѣ» в древнерусской книжности // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в Средние века: сборник тезисов. М., 1990. С. 25–26; *Карпов А. Ю.* Генеалогия хвалисов и болгар в летописной статье 1096 г. // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 4. С. 8–10, 23–26; *Коновалова И. Г.* Древняя Русь и Волжская Булгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // Восточная Европа в Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы к конференции. М., 1999. С. 75–81; *Ведюшкина И. В.* Этногенеалогии ... С. 58–59; *Лаушкин А. В.* Булгары как новые половцы: суздальская линия на карте древнерусской идентичности // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 113–118; *Андрейчева М. Ю.* Мусульмане, католики и иудеи в летописном рассказе о выборе веры князем Владимиром: образы и смыслы // Одиссей. Человек в истории: Imitatio Christi в религиозной культуре Средневековья и раннего Нового времени. М., 2016. С. 406–416.

¹⁹ *Топоров В. Н.* Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в Средние века: сборник тезисов. М., 1990. С. 11–14; *Конявская Е. Л.* Литва в восприятии русских (на материале древнерусских литературных памятников XIV века) // Древняя Русь и Запад: Научная конференция: Книга резюме. М., 1996. С. 92–95; *Кириченко К. В.* Пошуки образу: Литва XIII–XIV ст. очима літописців Північної Русі та Новгородської землі // Просемінарій. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. К., 1999. Вып. 3. С. 4–17; *Косоруков А. А.* Изображение Литвы в повестях о Куликовской битве // Древнерусская литература: Тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002. С. 38–67; *Moser M.* Стереотипы Литвы и сведения о ней в древнейших восточнославянских летописях: Новгородская I, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи — до конца XIII в. // *Studia Slavica Hungarica*. 2004. Vol. 49. № 3–4. С. 229–271; *Лаушкин А. В.* Третьи «поганые»: изменение летописного образа литвы в первой трети XIII в. // ДРВМ. 2015: Сентябрь. № 3 (61). С. 73.

немцами, шведами²⁰, а также представителями иудейских общин Восточной Европы²¹ и некоторыми другими этническими группами, соседствовавшими с Русью²². Подход, апробированный в начале, в основном при изучении образов кочевников, показал свою плодотворность и универсальность.

Усилия последних десятилетий привели к накоплению интересного материала, освещающего тему восприятия различных народов на Руси. И это позволяет поставить научный вопрос следующего уровня: являлись ли выявленные образы «чужих» этносов элементами единой идейной системы? Системы, в центре которой стояло древнерусское этноконфессиональное «мы» и которая формировала картину «чужого» мира вокруг Руси? До сих пор проблема существования такой гипотетической системы не становилась предметом специального анализа. Если ее возможные звенья и привлекали внимание ученых, то лишь по линиям от-

²⁰ Müller L. Das Bild vom Deutschen in der Kiever Rus' // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht* 11.–17. Jahrhundert. München, 1989; Назаренко А. В. «Натиск на Восток» или «свет с Востока»? История русско-немецких отношений в кругу стереотипов // *Славяноведение*. 1992. № 2. С. 32–43; Кузьмин А. Н. Образ Польши и поляков в древнерусских источниках (до начала XIV века) // *Древняя Русь и Запад: Научная конференция*. М., 1996. С. 88–91; Хорошкевич А. Л. Католики в представлениях русских летописцев XIV–XV вв. // *Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.) / Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.)*. [Warszawa], 1997. С. 35–37; Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 357–358; Люстров М. Ю. Европа и европейцы в Галицко-Волынской летописи // *Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество*. М., 2002. С. 9–25; Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004; Лаушкин А. В. Библийские штрихи на портретах соседей-католиков в русской книжности XIII века // *Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени*. Материалы конференции [Славяне и их соседи: XXIV Конференция памяти В. Д. Королюка]. М., 2008. С. 52–56; Василик В. В. Восприятие немцев и шведов в Житии Александра Невского // *Россия и Германия в системе международных отношений: через века*. СПб., 2012. С. 39–48.

²¹ Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы ... С. 703–707; Литаврин Г. Г. Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // *Славяне и их соседи*. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: Средние века — Новое время. М., 1994. С. 66–82; Карпов А. Ю. Генеалогия хвалисов и болгар ... С. 7–26; Ео же. Об эсхатологических ожиданиях ... С. 11–13; Андрейчева М. Ю. Мусульмане, католики и иудеи ... С. 424–427.

²² Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы ... С. 697–698; Карпов А. Ю. «Заключенные человеки» в летописной статье 1096 г. // *Очерки феодальной России*. М., 1999. Вып. 3. С. 3–24.

дельных тематических срезов. К ним можно отнести, например, лексику этноконфессионального размежевания с соседями²³, практику использования различных провиденциальных ремарок в рассказах о контактах с сопредельными народами²⁴, а также представления о «чужих», характерные для какого-то одного региона страны²⁵.

Наша книга призвана хотя бы частично заполнить описанную лакуну. Ее цели — обрисовать подвижные контуры древнерусских этноконфессиональных представлений о соседних народах в домонгольское и раннее монгольское время, ответить на вопрос об включенности этих представлений в некую общую систему взглядов и попытаться проследить предпосылки, которые могли способствовать становлению и эволюции такой системы.

Внимание лишь к одной — религиозной — стороне этнических представлений может показаться читателю искусственным сужением проблемы. Безусловно, отчасти это так и есть. Образы соседних народов и тем более отдельных их представителей в древнерусских текстах несводимы только к мотиву различия вер. И тем не менее в пространстве книжной культуры Руси именно религиозная палитра оказывалась наиболее значимой и даже основной, когда начинался поиск красок для создания обобщающих портретов соседних народов. Сколько бы мы ни вчитывались в сочинения древнерусских авторов, мы почти не найдем в них иных, нерелигиозных, определений соседних народов — определений, связанных, например, с чуждым укладом жизни или загадочным «национальным характером» (знаменитая «лстьивость», она же «мудрость», греков из Повести временных лет²⁶ — в числе редких исключений из этого правила). Поэтому обращение к религиозному аспекту темы — это, без сомнения, обращение к ее центральному звену.

²³ Kappeler A. *Ethnische Abgrenzung: Bemerkungen zur Ostslavischen Terminologie des Mittelalters* // *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl*. Stuttgart, 1986. S. 124–138; Лаушкин А. В. К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестейяни» и «хрестьяньскыи» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // *Средневековая Русь*. М., 2006. Вып. 6. С. 29–65.

²⁴ Лаушкин А. В. «Провиденциальные круги» народов в русском летописании XI–XIII в. // *ДРВМ*. 2013: Сентябрь. № 3 (53). С. 78–79.

²⁵ Голик Р. «Тоземльцы и иноплемєнники»: «руський патріотизм», «образ світу» та етнічні стереотипи середньовічної Галичини й Волині // *Княжа доба: історія і культура*. Львів, 2011. Вип. 4. С. 100–118.

²⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 70; Т. 2. Стб. 57.

* * *

Больше всего материала по истории этноконфессиональных представлений на Руси содержат летописи. Именно они и будут находится в центре нашего внимания. Источниковый фундамент исследования составили памятники, посредством которых летописные тексты интересующего нас времени дошли в наиболее сохранном виде. Речь идет о Лаврентьевской летописи (с традиционным восполнением лакун под 6406–6429, 6596–6597, 6705 и 6711–6714 гг. по Радзивилловской летописи, а под 6771–6791 и 6796–6802 гг. — по сохранившимся фрагментам Троицкой и по Симеоновской летописи²⁷), летописях Радзивилловской и Московско-Академической (до статьи 6714 г.), о Летописце Переяславля Суздальского, об Ипатьевской летописи (опубликованной по Ипатьевскому списку с разночтениями и восполнением пробелов по Хлебниковскому списку²⁸), о Новгородской Первой летописи старшего извода (с восполнением лакуны под 6781–6806 гг. по Комиссионному списку младшего извода памятника), а также о Новгородской Первой летописи младшего извода в части читающихся в ней фрагментов раннего летописания XI в. В совокупности эти семь памятников с разной степенью полноты представляют летописание отдельных центров Южной Руси с середины XI до конца XIII в., Северо-Восточной (Суздальской) Руси со второй половины XII до начала XIV в. и Великого Новгорода со второй половины XI до первой трети XIV в. При работе с данным материалом мы опирались на текстологические построения как классиков отечественного летописеведения — А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, М. Х. Алешковского, А. Н. Насонова, Я. С. Лурье, так и новейших авторов, существенно расширивших научное понимание истории раннего летописания — А. А. Гиппиуса, Т. В. Гимона, А. Тимберлейка и др. В отдельных случаях, продиктованных исследовательской необходимостью, в работе привлекались и более поздние летописные памятники.

²⁷ Возможность такого восполнения двух последних лакун была доказана М. Д. Приселковым (см.: *Приселков М. Д. «Летописецъ» 1305 г. // Века. Пг., 1924. Т. 1. С. 30; Его же. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий // Ученые записки ЛГПИ. 1939. Т. 19. С. 192, 195; Его же. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 151–154). Согласно выводу Н. И. Милютенко, эти же памятники ближе всего передают и отсутствующий в *ЛЛ* текст за 6711–6713 гг. (*Милютенко Н. И. Владимирский великокняжеский свод 1205 года (Радзивилловская летопись) // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. СПб., 1996. Т. 49. С. 39–40*), который в 1-м томе ПСРЛ восполнен по Радзивилловской летописи.*

²⁸ См.: ПСРЛ. Т. 2. С. VII–VIII.

При обозначении в тексте книги отдельных летописных статей мы указывали не только их оригинальные годовые номера «от Сотворения мира», но вслед за цитируемыми изданиями дополняли эти указания номерами лет «от Рождества Христова», получаемыми вычитанием числа 5508 из номера погодной статьи. Напомним, что из-за бытования в Древней Руси различных и притом неянварских стилей летосчисления и существования иных сложностей с летописной хронологией²⁹ эти дополнительные указания носят сугубо условный характер. Они призваны лишь сориентировать читателя в нумерации погодных статей и далеко не всегда соответствуют действительной хронологии описываемых в них событий.

Помимо летописей источниками настоящего исследования послужил широкий круг оригинальных русских текстов той же поры, затрагивающих тему «своих» и «чужих» в этноконфессиональном аспекте. Среди них назовем прежде всего памятники древнерусской агиографии, выделив отдельно Киево-Печерский патерик, «Чюдо святого Николы о половчине», «Повесть о житии и о храбрости» князя Александра Невского и два Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. Не меньшее значение для нашей темы имеют произведения древнерусской учительной и полемической литературы и особенно — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Стязанье с латиною» митрополита Георгия, послание «на латину» митрополита Никифора I, послание «О вере крестьянской и латыньской» игумена Феодосия, введение к соборному «Правилу Кюрила, митрополита Руськаго» и «Слова» Серапиона Владимирского. Отдельные штрихи общей картины изучаемых представлений сохранили памятники русской гимнографии (молитва «за вся крестьяны» прп. Феодосия Печерского, службы русским святым и новым праздникам и др.). Проблема взаимоотношения Руси с другими народами по-своему преломилась в сочинениях русских паломников (в первую очередь интересно тут «Хождение» игумена Даниила в Святую землю), а также в двух знаменитых памятниках, не относящихся ни к одному из перечисленных выше жанров — «Слове о полку Игореве» и «Слове о погибели Рускыя земли». Свою долю интересного для нашей темы материала содержат сохранившиеся тексты внешнеполитических договоров Руси

²⁹ Ср.: *Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72; Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.*

(с греками и с немцами). Особое место среди русских источников работы принадлежит правовым текстам, связанным с Церковью: Уставу князя Ярослава Мудрого и памятникам древнерусского канонического права и покаянной дисциплины, включая «Неведомые словеса» митрополита Георгия, «Канонические ответы» митрополита Иоанна II, «Вопрошание Кирика Новгородца», «Ответы» патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста и др.

Наряду с русскими источниками в исследовании были использованы и некоторые бытовавшие на Руси переводные тексты — библейские, хронографические, апокрифические, эсхатологические, богословские, гимнографические, канонические и правовые. В ряде случаев привлекались и синхронные иностранные источники.

* * *

Пользуясь случаем, выражаю свою искреннюю признательность всем коллегам, чьи замечания, советы и консультации по общим или частным вопросам помогли мне в работе над книгой, — Д. Ю. Арапову, Т. В. Гимону, А. А. Гиппиусу, О. В. Гладковой, Е. Л. Конявской, В. А. Кучкину, П. В. Лукину, О. В. Панченко, Н. В. Понырко, А. М. Ранчину, П. С. Стефановичу, А. Е. Тарасову, А. С. Усачеву, С. З. Чернову и Р. М. Шукурову. Моя особая благодарность — Н. С. Борисову, А. А. Горскому, Т. А. Матасовой, А. В. Назаренко и Б. Н. Флоре, взявшими на себя помимо того и труд критически прочитать рукопись монографии.

Всё, что читатель сочтет в этой книге интересным и полезным, автор посвящает светлой памяти своих родителей.

ГЛАВА I

Две границы

Прежде чем обратиться к картине отношений Руси с соседями в древнерусских текстах XI–XIII вв., к рассуждениям и книжным ассоциациям их авторов, стремившихся объяснить и осмыслить поражения и победы своих соотечественников, необходимо хотя бы в самых общих чертах представить историю и факторы формирования «ментальной географии» на Руси. Мы имеем в виду те ментальные границы, которые не обязательно повторяли границы политические, а принадлежали к сфере культурных, точнее — интересующих нас этноконфессиональных представлений. Эти границы не всегда были четкими, они менялись со временем, да и известны лишь в той мере, в какой их позволяют различить сохранившиеся письменные источники, отражающие представления и стереотипы преимущественно книжного слоя древнерусского общества. И всё же эти границы существовали, а значит, были сформированы некими силами, которые, как кажется, было бы неразумно сводить только к явлениям литературного свойства — тем традиционным подходам и средствам словесной изобразительности, которые русские книжники нередко заимствовали у своих иноземных предшественников или друг у друга. Разграничительные линии формировались и вне «литературной реальности» — в реальной жизни, где этноконфессиональные сообщества выстраивали отношения между собой.

Кажется очевидным, что на возникновение этих ментальных линий серьезно влияли два существенных фактора. Первый — это априорные установки господствующей культуры, в нашем

случае — культуры христианства с ее церковными предписаниями в сфере общения с иноверцами. Второй — это исторический опыт общения с конкретными народами. Речь идет о сумме положительных и отрицательных впечатлений, которые постепенно сплавлялись в некое устойчивое мнение и формировали новый слой априорного — своего рода «опытный априоризм». По-другому этот второй фактор можно назвать «коллективным историческим»¹.

В настоящей главе мы хотели бы апробировать выдвинутое суждение. Ее задача — определить пограничные линии, создававшиеся каждым из названных факторов, сравнить их и оценить получившуюся картину.

§ 1. КАНОНИЧЕСКИЕ ПРЕДПИСАНИЯ

Насколько позволяют судить сохранившиеся источники, древнерусскому обществу было присуще достаточно терпимое отношение к иноверцам². Даже такой убежденный апологет православной веры и горячий полемист, каким был автор послания «О вере крестьянской и латыньской» (по одной версии — преподобный Феодосий Печерский, по другой — печерский игумен Феодосий Грек, живший в XII в.³), не распространял своего негативного отношения к иным конфессиям на их представителей и рекомендо-

¹ *Копелев Л. З.* Чужие // *Одиссей: Человек в истории.* 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 17.

² *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 281–284; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Вторая половина тома. М., 1904. С. 813–819.

³ Аргументация обеих версий строится в основном на косвенных данных, и вопрос окончательно не решен. На настоящий момент гипотеза об авторстве прп. Феодосия (самым последовательным сторонником которой являлся И. П. Ерёмин — см. *Еремин И. П.* Из истории древне-русской публицистики XI века // *ТОДРЛ.* М.—Л., 1935. Т. 2. С. 26–34; *Его же.* Литературное наследие Феодосия Печерского // *ТОДРЛ.* М.—Л., 1947. Т. 5. С. 161–163) выглядит менее убедительно, чем доводы в пользу авторства Феодосия Грека (которое наиболее обстоятельно отстаивал К. К. Висковатый; в последнее время к нему присоединился с новой аргументацией К. А. Костромин — см.: *Висковатый К. К.* К вопросу об авторе и времени написания «Слова к Изяславу о латинех» // *Slavia.* Praha, 1939. Т. 16. С. 535–567; *Костромин К. А., свящ.* Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // *Христианское чтение.* 2011. № 1 (36). С. 6–97).

вал киевскому князю быть милосердным по отношению к ним: «Милостынею же милуй, не токмо своя вѣры, нъ и чюжея. Аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бѣдою одържима, аще ти будетъ ли жидовинъ, ли сорочининъ, ли болгаринъ, ли еретикъ, ли латининъ, ли от поганыхъ, — всякого помилуй и от бѣды избави, якоже можеша, и мзды от Бога не погрѣшиши»⁴.

В древнерусских памятниках покаянной дисциплины были предусмотрены специальные епитимьи за негуманное обращение с язычниками, включая взятых в плен на поле боя⁵. Даже убийство врага во время сражения, пусть он вместе со своими единоплеменниками и вторгся в христианские земли, нередко рассматривалось в канонических текстах как деяние, заслуживающее епитимьи для воина-христианина (хотя и несравнимо более легкой, чем кара за преднамеренное убийство). Подобного мнения придерживался, например, киевский митрополит Георгий (1061/62–1075 гг.)⁶, ссылаясь на 13-е правило св. Василия Великого⁷. Этот странный, на первый взгляд, подход Церкви к вернувшимся с войны защитникам отечества (взгляд, разделявшийся, правда, не всеми⁸) помимо прочего препятствовал «расчеловечиванию» иноверцев в глазах христиан. В этом отношении показателен комментарий византийского канониста XIV в. Матфея Властаря к упомянутому

⁴ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 450.

⁵ См.: *Смирнов С. И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // ЧОИДР. М., 1912. Кн. 3 (242). С. 141 (пр. 5, 6, 15), 149 (пр. 50), 401–403 (комментарий); *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной Церкви: Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. 3: Приложения. С. 276 (пр. 45, 48).

⁶ *Турилов А. А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем (Славяне и их соседи. Вып. 11). М., 2004. С. 236–237. См. также: *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследования и тексты. СПб., 2006. С. 146, 148.

⁷ Названное правило св. Василия Великого предусматривало значительно более серьезную епитимью — три года вместо полугода или года у Георгия. При этом следует отметить, что свое правило Василий сформулировал не в форме императива, а лишь в виде совета или пожелания: «Ратьныхъ оубииствъ о(т)ци наши въ оубииствѣхъ не мнѣша, мнѣ же мнѣтися, прощение давшѣ паче цѣлоумудрия и бл(а)гочестья помагающимъ. Некъли добрѣ имать съвѣщавати, яко роукы нечисты 3 лѣт(а) отъ общения оудалитися» (*Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. 1. С. 476).

⁸ По свидетельству византийских канонистов XII в. Иоанна Зонары и Феодора Вальсамона, совет Василия Великого виделся излишне строгим и несправедливым по отношению к воинам, и потому оставался невостребованным в практической жизни (Правила Святых Апостол и Святых Отец с толкованиями. М., 2000. С. 211–212 (третьей пагинации)).

правилу св. Василия: «Хотя убийство врагов и законно, но... почитается порочным ради высочайшего и общего родства»⁹.

В ситуациях войн и тлеющих конфликтов межконфессиональное напряжение, помноженное на обычное для всех культур недоверие к миру «чужих»¹⁰, конечно же, усиливалось, однако, что важно подчеркнуть, не приводило к возникновению на Руси религиозных гонений.

Сказанное, впрочем, не означает, что отсутствовала бытовая обособленность конфессиональных общин. Представление о религиозной «нечистоте» иноверцев, свойственное в той или иной степени всем исповеданиям¹¹, вело к ограничению контактов между представителями разных вер.

Осознанию значимости конфессиональных различий способствовали прямые церковные предписания. В памятниках канонического права, имевших хождение на Руси в XI–XIII вв. и регулировавших повседневную жизнь христиан, встречается целый ряд таких запретов и ограничений. Совершенствуясь от столетия к столетию, канонические нормы указывали на опасность для духовной жизни христианина близких контактов с иноверцами и, конечно, влияли на представления и поведение людей. В отличие от книжных историософских схем данные предписания становились известны многим: как свидетельствуют поучения древнерусских архиереев и сборники канонических правил, их распространение входило в круг непосредственных обязанностей духовенства.

Изучение этой сферы церковной деятельности сопряжено с рядом трудностей методического характера. Читая древние законодательные акты, мы всегда остаемся в сомнении относительно того, насколько содержащиеся в них нормы выполнялись на практике и, таким образом, отражали реальное положение вещей. Слабая сохранность ранних канонических памятников, сложность их текстологического изучения и характерная для рукописной эпохи «пластичность» канонического права, когда в одно и то же время могли бытовать нормы различного содержания, не позво-

⁹ *Матфей Властарь*. Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, или Алфавитная Синтагма. Симферополь, 1892. С. 391 (третьей пагинации).

¹⁰ См., напр.: *Толочко О. П.* Образ «чужинця» в картині світу домонгольської Русі // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей*. Київ, 1992. Т. 1. С. 26–38.

¹¹ См., напр.: *Щедровицкий Д. В.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2001. С. 659–660; *Керимов Г. М.* Шариат. Закон жизни мусульман. М., 1999. С. 148–151.

ляют составить полное и однозначное представление о том, какие требования в конкретный момент истории предъявляли русские духовники к своей пастве. Очевидно, что и объем этих требований, и степень твердости при их претворении в жизнь значительно разнились в зависимости от эпохи, исторической ситуации, взглядов конкретного епископа или священника и готовности той или иной общины следовать предлагаемым императивам. Однако вектор «правового давления» на общество при этом оказывается всё же легко вычленимым, а использование дополнительных источников помогает составить представление (пусть не всегда полное) о том, насколько общество подчинялось этому давлению.

Можно назвать несколько областей повседневной жизни древнерусского человека, затронутых церковной регламентацией такого рода. Обратимся к их рассмотрению.

1. Молитва с иноверцами. Участие в обрядах иноверцев и посещение их молитвенных мест строго запрещались авторитетными 65-м и 71-м правилами «святых Апостол» (II–III вв.). За посещение синагоги, еретической молельни или языческого капища, а также за участие в молитвах и жертвах нехристиан мирянам полагалось отлучение от Церкви, а клирикам — извержение из сана¹². В «Неведомых словесах» упоминавшегося выше митрополита Георгия — новооткрытом памятнике, сохранившем весьма раннюю обработку правил этого иерарха¹³, — запрет распространяется и на католиков (правда, без определения епитимьи, что может свидетельствовать о том, что этот грех еще не воспринимается как особо тяжкий): «не достоить в латыньстѣи ц(е)ркви стояти и пѣнія их слоушати»; «не подобает... оу латыни комканія [причастія. — А. Л.] приимати, ни м(о)л(и)твы»¹⁴. «Канонические ответы» митрополита Иоанна II¹⁵ (ранее 1077/78–1089 г.), преемника Георгия на киевской кафедре, запрещают совершать

¹² Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая ... Т. 1. С. 75, 77.

¹³ Мошкова Л. В., Турилов А. А. «Неведомые словеса» киевского митрополита Георгия // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья: сборник тезисов / «Славяне и их соседи»: XX конференция памяти В. Д. Королюка. М., 2001. С. 68–71; Турилов А. А. Ответы Георгия ... С. 211–219; Баранкова Г. С. «Невѣдомы(х) словесъ изложено Георгиемъ, митрополито(м) киевскимъ, Герману игоумену въпрошающу, оному повѣдающу»: вопросы подлинности памятника и особенности его языка // Религии мира: История и современность. 2006–2010. М. — СПб., 2012. С. 15–43.

¹⁴ Турилов А. А. Ответы Георгия ... С. 240–241 (пр. 31, 39).

¹⁵ Сомнения в том, что все правила памятника принадлежат одному и тому же лицу, см.: Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 173, 176–177.

с католиками совместные службы: «сообщатися с ними или служити не подобает»¹⁶. Знаменитое «Вопрошание Кирика», отразившее позицию новгородского (архи)епископа XII в. Нифонта, уже предусматривает для тех, кто носил «к варяжьскому попоу дѣти на молитвоу», епитимью — шесть недель поста — и называет таковых «двоуѣрцами»¹⁷.

При этом иноверцам, судя по всему, посещать православные храмы не возбранялось (в надежде на их обращение). Повесть временных лет под 6420/912 г. рассказывает, как греческие «моужи» по воле своего императора Льва VI показывали русским послам-язычникам «ц(е)рк(о)вную красоту... и стр(а)сти Г(оспод)ня, и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи с(вя)тых», рассказывая им при этом о своей вере¹⁸. То же произошло и с другим русским посольством во время знаменитого «испытания вер» (под 6495/987 г.). Прибывшие в Царьград от лица князя Владимира Святославича бояре были приведены на храмовое богослужение, впечатление («изумѣнье») от которого и предопределило их выбор¹⁹. Как бы ни относиться к достоверности этих сообщений²⁰, ясно, что пребывание язычников в христианском храме летопись описывает как нечто вполне допустимое. Красотой церковной службы старался воздействовать на иноземцев и Андрей Боголюбский. Как свидетельствует Повесть об убиении князя, он приказывал вести таковых в церковь и даже на хоры, в результате чего некоторые из гостей обращались: «и крѣстятся и болгарѣ, и жидовѣ, и вся погань, видивше славу Б(ож)ию, и оукрашение ц(е)рк(о)вьное»²¹. Привести иноверца в храм мог и простой человек. Об этом сообщает возникшее в домонгольское время «Чудо

¹⁶ Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (памятники XI–XV вв.) // РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 3 (пр. 4).

¹⁷ Там же. Стб. 60 (пр. 16).

¹⁸ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 38.

¹⁹ Там же. Стб. 107–108.

²⁰ См., напр.: Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 425.

²¹ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 591. О. В. Белова и В. Я. Петрухин предположили, что этот перечень не содержит исторической информации, а имеет «этикетный» характер «в контексте посмертного панегирика князю Андрею», актуализирующего мотив «малой эсхатологии», и соотносится с известной иконографией Страшного суда в части «этнографических» композиций (Петрухин В. Я. «Русь и все языки». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 309). Такое допущение возможно, но его трудно принять без дополнительной аргументации хотя бы потому, что описанный эпизод отчетливо перекликается с историей Владимировых послов в Константинополе (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 107), а она вполне могла рассматриваться

святого Николы о половчине»²². В памятнике рассказывается, как один киевлянин, пожелавший отпустить своего пленника-половца, но не имевший поручителя в том, что кочевник принесет за себя выкуп, привел его в церковь, чтобы тот взял себе в поручители самого святителя Николая, изображенного на иконе²³.

Допускались в храм и даже участвовали в церковных службах (за некоторыми исключениями) и оглашенные — люди, которые еще только готовились принять крещение²⁴. Оглашенный-ино-племенник, как свидетельствуют дошедшие до нас источники, — вполне жизненное явление рассматриваемого времени. К примеру, согласно «Вопрошанию Кирика», в Новгороде среди таковых можно было встретить как бывших мусульман (булгар), так и бывших язычников (чудь и половцев)²⁵. О принятии христианства неким «половчином» «с родомъ своим» сообщает Киево-Печерский патерик²⁶. Известен по крайней мере один случай крещения на Руси половецкого хана — Басты (в 1223 г.)²⁷. Во второй половине XIII в. имели место случаи крещения монголов (остававшихся еще по преимуществу в язычестве), и сарайский епископ

князьями как освященная авторитетом Византии модель должного миссионерского поведения.

²² Памятник точно не датирован, но упоминание в нем половцев и наименование жителей Руси людьми, «новопознавшими» Бога, свидетельствуют в пользу его древности (см.: *Леонид (Кавелин)*, архим. Посмертные чудеса святителя Николая. Памятник древней русской письменности XI века. Труд Ефрема, епископа Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV века библиотеки Троице-Сергиевой Лавры № 9) // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1888. Т. 72. С. 47 и сл., 53). Составители перечня «Древнерусские письменные источники X—XIII вв.» (М., 1991) относят «Чудо» к концу XI — XII в. (С. 22), А. С. Щавелёв — к домонгольскому времени (*Щавелёв А. С.* Древнерусские реалии в «Чуде о половчине» св. Николая Мирликийского // Восточная Европа в древности и Средневековье: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2009. С. 357, 359).

²³ *Леонид (Кавелин)*, архим. Посмертные чудеса ... С. 47.

²⁴ *Павлов А. С.* Памятники. Стб. 33 (пр. 40); *Смирнов С. И.* Материалы. С. 26 (пр. 34).

²⁵ *Смирнов С. И.* Материалы. С. 26 (пр. 34); *Павлов А. С.* Памятники. Стб. 33 (пр. 40).

²⁶ БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 370.

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741. В интерпретации христианских имен некоторых половецких ханов второй половины XII — первой трети XIII в. как возможных маркеров их вероисповедания многие исследователи проявляют оправданную осторожность (*Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX—XIII вв. Киев, 1884. С. 224—225) или даже последовательный скепсис (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013).

Феогност специально выяснял у патриарха Иоанна XI Векка, какой должна быть форма проведения этого таинства в географических условиях степи²⁸. К той же эпохе церковное предание относит и крещение «ордынского царевича» Петра, произошедшее в Ростове²⁹. С 1262 г. — времени появления на Руси Сербской редакции Кормчей, присланной по инициативе митрополита Кирилла II, — в русских богослужебных сборниках начинают распространяться особые «чины» принятия в православие иноверцев³⁰.

Таким образом, если границы чужого молитвенного места оказывались в церковных предписаниях для русского-христианина под строгим запретом, то свой собственный храм он мог рассматривать как допустимое пространство миссионерского диалога с иноверцем.

2. Употребление пищи. Наряду с установлениями, касающимися постов, и запретами на некоторые виды продуктов (плоть отдельных животных, мясо с кровью, мертвечина, удавленина и пр.), в канонических памятниках встречаются статьи об употреблении пищи, принятой от людей другой религии, и о совместной трапезе с ними.

Представление о религиозной нечистоте иноверческого «брашна» основывалось на трех главных опасениях: что оно является идоложертвенным — использованным прежде в религиозном обряде жертвоприношения; что оно содержит продукты, которые у христиан находятся под запретом (к примеру, кобылину или медвежатину); что оно осквернилось от самих иноверцев.

Согласно «Каноническим ответам» митрополита Иоанна II, вкушение с язычниками их пищи оскверняет христианина. Если этот поступок был совершён христианином «не ведая» (по незнанию), то священнику достаточно прочитать над ним особую молитву от осквернения³¹, если же — «своею волею» (осознанно), то еще и строго вразумить. Митрополит отмечал, что «своею волею» согрешают те, которые «ходять к поганымъ коупля ради

²⁸ Павлов А. С. Памятники. Стб. 136 (пр. 23).

²⁹ БЛДР. СПб., 2000. Т. 9. С. 72. О времени сложения «Повести» о св. Петре Ордынском см., напр.: Мельник А. Г. К вопросу о времени возникновения «Повести о Петре, царевиче ордынском» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 626–627.

³⁰ Корогодина М. В. Принятие в православие в XIV–XV в.: письменная традиция и практика // ДРВМ. 2013. № 1 (51). С. 98–106.

³¹ Примеры таких молитв на греческом и церковно-славянском языках приводит М. Арранц и высказывает предположение, что в Византии они «употреблялись в случаях возвращения домой военных и плененных, долго бывших среди варваров и питавшихся за рубежом чем попало» (Арранц М. Избранные сочинения по литургике. Рим; М., 2003. Т. 2: Таинства византийской традиции. С. 400–404).

и скверное ѣдять» (видимо, во время совместных «деловых» трапез³²). Прибыль, полученная ценой такого сознательного осквернения, делает купца «лихоиманником», а его поступок митрополит расценивал как граничащий с хулой на Христа³³. В качестве преступления, подлежащего суду архиерея, рассматривает добровольное вкушение пищи с иноверцами Пространная редакция Устава князя Ярослава, возникшая в XII — первой четверти XIII в.³⁴ Причем к числу иноверцев в Уставе отнесены не только некрещеные «иноязычники», но и некрещеные люди «от нашего языка»³⁵. Запрет совместного вкушения пищи мог действовать даже в отношении оглашенных, которые, как мы видели выше, уже посещали церковные службы. Такое требование, к примеру, содержит «Правило с именем Максима», отнесенное С. И. Смирновым к XII—XIV вв. и опубликованное по рукописи начала XVI в.³⁶

Некоторые древние памятники предусматривают за совершение рассматриваемых грехов епитимьи — правда, не очень строгие. Так, «Правило из Схоластиковой кормчей», сохранившееся в Устюжской кормчей XIII в., устанавливает для того, «кто вькоусит погана хлѣба или мяса, любо жидовьска, или водоу ись соуда ихъ пиеть», трехдневный пост³⁷ (надо думать, речь здесь идет о неумышленном проступке³⁸).

³² Иную ситуацию разобрали в начале IV в. участники Анкирского собора: если христианин принял участие в праздничном пиршестве язычников и при этом ел только то, что принес с собой (то есть не вкушал от снеди хозяев), он всё равно виновен и должен понести епитимью не менее двух лет (пр. 7) (*Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая ... Т. 1. С. 232*). Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон в своих комментариях к этому правилу говорят, что вина христианина в том, что он, хотя и ел свое, однако вместе с язычниками праздновал их праздник (Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000. С. 23–25).

³³ *Павлов А. С. Памятники. Стб. 9 (пр. 19), 15–16 (пр. 28).*

³⁴ *Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 255–257.*

³⁵ *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 89 (ст. 47, 49).*

³⁶ *Смирнов С. И. Материалы. С. 52 (пр. 15), 333, 337, 339–340 (комментарий).*

³⁷ Там же. С. 134 (пр. 19).

³⁸ Ср. с аналогичной статьей в правиле «Аще двоеженец», предусматривающей за невольное вкушение трехдневный пост, а за умышленное — двенадцатидневный (*Смирнов С. И. Материалы. С. 74 (пр. 40)*). В 122-м правиле «Заповеди ко исповедающимся сыномъ и дочеремъ», опубликованной С. И. Смирновым по списку XVI в. — соответственно 8 дней и 2 года (Там же. С. 126), что, видимо, отражает развитие данной нормы. (Гипотезу о раннем происхождении «Заповеди» в целом см.: *Пихоя Р. Г. Возникновение памятников покаянной дисциплины Древней Руси в XI в. // Античная древность и Средние века. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. С. 73–81; см. также: Турилов А. А. Ответы Георгия ... С. 220–224.*)

Уже с раннего времени запрет совместных трапез распространялся некоторыми духовниками не только на нехристиан, но и на католиков. В «Неведомых словесах» митрополита Георгия указывается на недопустимость пить с «латыной» «изъ единѣх чашъ, ни ясти с ними изъ единѣхъ съсоудовъ»³⁹. В том же духе высказывался и киевский митрополит Никифор I (1104–1121 гг.), не рекомендовавший с католиками ни «пити, ни ясти... ни цѣловатися». Если же трапеза оказывалась неизбежна, то в таких случаях он предписывал накрывать столы отдельно — «да кромѣ поставити трапезу имъ и сосуды ихъ»⁴⁰. Как на причину таких запретов митрополит указал на то, что католики употребляют в пищу запрещенные продукты — «давленину» и «звѣроедину» (плоть зверей и птиц, погибших в силках или убитых охотничьими животными), кровь, а также мясо нечистых зверей (медвежатину, бобровину, «веверичину») и «вся гнуснѣиши сего»⁴¹. Подобный же список с добавлением «жълви» (черепахи или ежа⁴²) и ослятины читается и у митрополита Георгия в другом его сочинении — «Стязанье с латиною»⁴³. Мнению двух предстоятелей Русской Церкви вторил автор послания «О вере крестьянской и латыньской». Он советовал киевскому князю не принимать у католиков их угощения, не есть и не пить с ними из одних сосудов, кормить же их «Бога дѣля» из их собственной посуды, а если таковой у них не окажется и придется давать свою, то омывать ее после трапезы и творить над ней молитву от осквернения, «занеже неправо вѣруют и нечисто живутъ» (то есть, прежде всего, вкушают недозволенное)⁴⁴.

Однако подобный подход не был единственным⁴⁵. Пространная редакция Устава князя Ярослава не знает никаких запреше-

³⁹ Турилов А. А. Ответы Георгия ... С. 240 (пр. 31, 35).

⁴⁰ Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 76.

⁴¹ Там же. С. 71–72, 75. О неприемлемом обычае католиков есть «давленину» говорится и в Послании Льва, митрополита Переяславского, «об опресноках» (Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2. Вып. 1 // РИБ. Пг., 1920. Т. 36. С. 99–100). См. также: Турилов А. А. Ответы Георгия ... С. 219.

⁴² Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 273.

⁴³ Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т. 2. [Приложения.] С. 278 (пр. 15–16, 18).

⁴⁴ БЛДР. Т. 1. С. 448. Об обоснованности «пищевых» упреков автора послания в адрес католиков см.: Кириллин В. М. «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996. С. 58–62, 92–93.

⁴⁵ О двух мнениях в Византийской церкви относительно общения с латинянами см.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Вторая половина тома. С. 796–805.

ний в данной сфере, связанных с латинянами⁴⁶. Преемник митрополита Георгия на киевской кафедре митрополит Иоанн II, о нетерпимом отношении которого к совместной трапезе христиан и язычников мы говорили выше, оказывался более снисходителен, когда речь заходила о католиках⁴⁷ (хотя и признавал, что они вкушают запрещенную «давлению»). Он с пониманием относился к тем, кто «чистоты ради или немощи» избегал трапез с латинянами, но при этом замечал, что «ясти... с ними, ноужею соуще, Христовы любве ради не отинудь възбранно». В противном случае, добавлял владыка, может родиться «вражда велика и злопоминанье», и это станет еще большим злом, нежели возможное осквернение: «подобает от болшаго зла изволити меньшее»⁴⁸. Надо думать, на практике пищевые запреты в отношении католиков долгое время и проповедовались, и исполнялись слабее, чем в отношении других иноверцев. Это заметно не только на примере позиции митрополита Иоанна, но и в том, что памятники древнерусской литературы изучаемого времени затрагивают эту тему, как будет показано далее, только в приложении к нехристианам.

В рассматриваемый период на Руси были известны правила, запрещавшие не только есть вместе с иноверцами, но и брать (покупать) приготовленную их руками пищу — в отличие от сырых продуктов, над которыми было достаточно сотворить молитву. Так, «Неведомые словеса» митрополита Георгия содержат статью с однозначным запретом принимать от «жидовина» приготовленные им хлеб, мед или вино, но с разрешением взять «рыбу или животину»⁴⁹. «Правило с именем Максима» добавляет, что полученное затем следует «измыть» и очистить молитвой⁵⁰. «Правило о верующих в гады», возникновение которого С. И. Смирнов датировал временем не позднее середины XIII в. и напечатал по рукописи XIV в., запрещает использовать продукты, которых касался «евреинь», до тех пор, пока священник не освятит их⁵¹. Надо

⁴⁶ Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь ... С. 256–257.

⁴⁷ А. С. Павлов в свое время справедливо указывал на то, что даже полемизирова с латинянами о вере, Иоанн II сохранял «дух любви и мягкость тона» (Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 60–61).

⁴⁸ Павлов А. С. Памятники. Стб. 3 (пр. 4).

⁴⁹ Турилов А. А. Ответы Георгия ... С. 250 (пр. 92).

⁵⁰ Смирнов С. И. Материалы. С. 53 (пр. 27).

⁵¹ Там же. С. 146 (пр. 20), 406 (комментарий).

полагать, действие подобных правил могло распространяться не только на иудеев, но и на других иноверцев⁵².

По-иному решался вопрос о пище, если христианин оказывался в плену у «неверных». Наиболее авторитетным в этой области являлось 1-е правило св. Григория Неокесарийского (III в.), которое разрешало пленникам вкушать любую пищу, особенно если было известно, что она не является идоложертвенной⁵³. Это установление читалось в разных канонических сборниках, начиная с известного на Руси с XI в. Номоканона XIV титулов⁵⁴ (старший русский список памятника датируется началом XII в.)⁵⁵. Попало оно (в сокращенном виде) и в юридический сборник Мерило Праведное⁵⁶.

Впрочем, на практике, если полагаться на свидетельства Киево-Печерского патерика, узники могли придерживаться и более строгих правил (в том числе не исключено, и под влиянием библейских образцов поведения⁵⁷). В слове «О блаженнѣмъ Еустратии постници», описывающем события конца XI в., рассказывается о том, как захваченные половцами пленники были проданы некому иудею, у которого в течение нескольких дней «изомроша от глада и истаавша жаждею». В живых остался только закаленный постом монах Евстратий. Увидев произошедшее, иудей обвинил в «погыбели злата его, еже на плѣнныхъ вдасть» (денег, уплаченных за пленников) Евстратия. Обвинение, как следует из контекста, было вызвано тем, что монах, призывавший единоверцев стоять за Христа до конца, настроил их ничего не есть и не пить из предлагаемой иудеем пищи⁵⁸. Сходная история читается в слове «О смиреннемъ и многотръпѣливемъ Никоне черноризци». Находясь в плену у половцев, Никон сумел исцелить ослабевших

⁵² См., например, ст. 44 правила «Аще двоеженец», которая запрещает принимать «ядь своего dospѣха» (приготовления) от язычника, иудея и католика (запрет не распространяется на необработанные продукты и одежду) (*Смирнов С. И. Материалы*. С. 74).

⁵³ Правила Святых Апостол и Святых Отец ... С. 76 (третьей пагинации).

⁵⁴ *Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая* ... Т. 1. С. 605.

⁵⁵ *Щапов Я. Н. Памятники церковного права IX–XII вв. Древней Руси и славянских стран. (Опыт сравнительно-исторического изучения.)* // Исторические записки. М., 1982. Т. 107. С. 316.

⁵⁶ Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961. С. 229 (пр. 1).

⁵⁷ См., напр.: Дан. 1:8–16.

⁵⁸ БЛДР. Т. 4. С. 366. См. также: *Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре* // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 703, 705. О историчности

от недоедания союзников, помолившись о них и заповедав им «не вкусити ничтоже от поганных»⁵⁹. Даже предполагая, что эти патериковые картины сложились под определенным воздействием агиографической топики, трудно не увидеть в них по меньшей мере свидетельство того, что проблема вкушения пленниками «нечистой» пищи осознавалась и четко акцентировалась авторами текстов.

Представление о нечистоте иноверцев, связанной с употреблением пищи, отразилось и в некоторых других памятниках древнерусской литературы. Так, *ПВЛ*, противопоставляя христиан и половцев, указывает, что последние едят «мерьтвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы»⁶⁰. Тошнотворную картину пищевой нечистоты язычников (со ссылкой на Псевдо-Мефодия Патарского) Повесть рисует под 6604/1096 г., описывая обычаи «заклепленных» людей: «ядяху скверну всяку: комары и мухы, коткы, змиѣ, и мертвецъ не погрѣбаху, но ядыху, и женьскыя изворогы, и скоты вся неч(и)стыя»⁶¹. Именно эти пищевые обычаи, согласно «Откровению» Псевдо-Мефодия, и стали той главной причиной, по которой Александр Македонский заточил диких варваров в «сѣверьскихъ горахъ», побоявшись, что они «доидуть до земле с(вя)тые и осквернеть ю от скверныхъ своихъ ядыи»⁶². Пространное Сказание о Михаиле Черниговском (середина XIII — начало XIV в.) цитирует слова княжеского духовника, который, провожая Михаила в Орду, убеждает его быть твердым в исповедании христианской веры и, в частности, говорит: «ни брашна, ни питья ихъ

этого патерикового рассказа см.: *Литаврин Г. Г.* Киево-Печерский патерик о работорговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // *Славяне и их соседи*. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: Средние века — Новое время. М., 1994. С. 66—80.

⁵⁹ БЛДР. С. 370.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16. Чтение находится в недатированной части памятника в составе фрагмента, который со времен А. А. Шахматова традиционно считается вставкой составителей *ПВЛ* в текст Начального свода (*Гиппиус А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер*: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 86). Другими словами, акцент на пищевой нечистоте половцев появился в летописи в начале XII в.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 235—236. См. также о булгарах: Стб. 86.

⁶² *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследования и тексты. М., 1897. С. 89.

не прими въ оуста»⁶³. Именно так, согласно одной из летописных версий, в 1238 г. вел себя попавший в плен к татарам ростовский князь Василько Константинович, зять Михаила. Отказавшись перейти на их сторону, Василько «никако ж не прият и пищи их, ни пития их, но сице противоу имъ гл(агол)аше: “О, глухое ц(а)рство и скверное, никако ж мене отлучите от хрестянянские вѣры!”»⁶⁴. Этим свидетельствам русских источников вторит Гильом де Рубрук, побывавший у монголов в 1253–1254 гг. По его наблюдениям, русские, находясь в степях, боялись оскверниться как раз от тех блюд, которые были шире всего распространены у кочевников, — мяса (из опасения, что оно взято от павшего животного или является идоложертвенным) и кумыса. Говоря о кумысе, Рубрук пишет, что христиане-русские (равно как и греки с аланами), «которые хотят крепко хранить свой закон, не пьют его и, даже когда выпьют, не считают себя христианами, и их священники примиряют их тогда [со Христом], как будто они отказались от христианской веры»⁶⁵. Сцену такого осквернения кумысом представляет в лицах Галицко-Волынская летопись под 6758/1250 г. На вопрос Батые, пьет ли он «черное молоко, наше питье, кобылии коумоузъ», князь Даниил Романович отвечает, что раньше не пил, но если хан повелит, то теперь выпьет. Батый принял этот ответ и напутствовал пьющего князя выразительной фразой, отражающей, как кажется, культурное ощущение и самого автора текста: «Ты оуже нашъ же, тотаринь! Пии наше питье!». Впрочем, не желая испытывать покорность своего нового вассала заново⁶⁶, хан в следующий раз прислал князю вместо кумыса

⁶³ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Приложения. С. 65. Можно указать и еще на одну реальную черту церковно-канонической жизни XIII в., сохраненную Сказанием. Речь идет о довольно редком в православной практике обычае, допускающем в исключительных случаях самопричащение мирян Преждеосвященными Дарами (см.: *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной Церкви. Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. 2. С. 116–122). Такое причастие, полученное от духовного отца еще в Чернигове, принимают перед смертью Михаил и Феодор (*Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития ... Приложения. С. 65, 67). Не исключено, что толчком к распространению этого обычая на Руси явилось именно установление ига.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 519–520.

⁶⁵ *Плано Карпини Дж., дель.* История монгалов. *Де Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 104–105.

⁶⁶ А. Г. Юрченко доказывает, что угощая Даниила «черным молоком» — кумысом высшего качества, Батый оказывал ему большую честь и что «совместное питье “черного молока” означало признание высокого статуса русского князя

вино, по поводу чего летописец произнес свою знаменитую фразу: «О, злѣе зла честь татарская!»⁶⁷.

В связи с рассмотренным представлением о пищевой «нечистоте» представителей других вер показательна эволюция, которую в русском языке претерпело прилагательное «поганый» (а также родственные ему слова). Если в XI–XIV вв. оно использовалось по преимуществу в конфессиональном смысле, указывая на язычников и вообще иноверцев⁶⁸, а значение «нечистый, скверный» было в нём лишь слегка намечено⁶⁹, то со временем ситуация совершенно изменилась. В смысловой палитре слова на первое место выступили новые значения — «не употребляемый в пищу вследствие ядовитости, нечистоты», «предназначенный для отбросов, нечистот», «нечистый, грязный»⁷⁰. Актуализированный признак (пищевая «нечистота» иноверцев) потеснил в языке сам объект, к которому он прилагался, — иноверцев как таковых⁷¹.

в монгольской иерархии» (*Юрченко А. Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта): книга-конспект. СПб., 2012. С. 246–247). Отчасти это, видимо, так и было. Но одновременно хан едва ли не был осведомлен о том, что русские князья относятся к этому напитку отрицательно (согласно летописи, он знал, что они «не обыкли» пить кумыс), и в таком контексте предложение кумыса приобретало одновременно и явный характер испытания лояльности. Однако, как бы ни смотрел на дело Батый, для Даниила это действие оставалось унижительным — недаром, словно бы желая снять с себя часть ответственности за происходившее, он заявляет, что делает это только из-за повеления хана: «доселѣ есмь не пилъ, нынѣ же — ты велишь — пью» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 807).

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 807.

⁶⁸ См., например, употребление этого прилагательного по отношению к мусульманам в Лаврентьевской летописи под 6692/1184 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 390) и в «Хоженъи» игумена Даниила (начало XII в.) (БЛДР. Т. 4. С. 90, 102 и др.), к иудеям в «Книге Паломник» Добрыни Ядрейковича (начало XIII в.) (*Савваитов П. И.* Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб., 1872. Стб. 25), к католикам в «Повести о Довмонте» (XIV в.) (*Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985. С. 190–192).

⁶⁹ См.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. М., 2000. Т. 6. С. 483–485.

⁷⁰ См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 3. С. 153; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1986. С. 456; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 3. С. 294–295.

⁷¹ Сходную трансформацию могли претерпевать в русском языке и некоторые этнонимы, как это произошло со словом «литва», которое в некоторых диалектах (видимо, уже с XIV–XVI вв.) стало терять этнонимический смысл и становится бранным (см.: *Топоров В. Н.* Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // *Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в Средние века: сборник тезисов*. М., 1990. С. 14–16).

3. Сожительство и брак. Грехам против седьмой заповеди («не прелюбы сотвори») и институту брака канонические памятники уделяют повышенное внимание. Все формы внебрачных связей и неестественные формы сексуальности однозначно осуждаются Церковью. Установления детально регламентируют вступление в брак, отношения между супругами (включая интимную сторону этих отношений), развод и т. д. Отдельные правовые нормы касаются и связей с иноверцами.

Сожительство с иноверцем Пространная редакция Устава князя Ярослава рассматривает как усугубленную форму блуда и предписывает строго наказывать. За связь с иудеем или «бесерменином» (мусульманином?)⁷² христианку («рускую») полагается отправлять в монастырь на покаяние («поняти в дом церковный»), а с иноверца взыскать штраф в пользу митрополита в размере 50 гривен⁷³. Это на 10 гривен больше, чем обычная для Устава ставка штрафа в 40 гривен «за наиболее важные проступки, нарушающие требования гражданского и церковного права», — поджог, сожительство между ближайшими родственниками и даже блуд с черницей⁷⁴. Таким образом, деяние иноверца, посягнувшего на христианку, квалифицируется как весьма тяжелое преступление. Что касается кары, предусмотренной для женщины, то она не отличается от наказания, предписанного Уставом за женские блуд или прелюбодеяние и приравненные к ним проступки⁷⁵.

⁷² Вопрос о том, что означало в интересующие нас века древнерусское слово «бесоурменинь», не имеет однозначного ответа. Составители «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» осторожно определили его смысл как «нехристианин, иноверец» (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 155). Между тем М. Н. Тихомиров не без основания предполагал в этом слове два более конкретных значения: 1) мусульманин или вообще иноверец; 2) представитель народа волжских (камских) булгар (*Тихомиров М. Н.* Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964. С. 50–57). В последнее время В. Н. Рудаков, согласившись в целом с Тихомировым, допустил, что со второй половины XIII в. слово могло использоваться и для обозначения монголо-татар (*Рудаков В. Н.* О значении термина «бесермене» в русских источниках второй половины XIII–XVI вв. // Вестник славянских культур. 2013. Т. 29. № 3. С. 19–24). В контексте процитированной статьи Устава предпочтительным, на наш взгляд, является первый вариант значения из предложенных М. Н. Тихомировым.

⁷³ Древнерусские княжеские уставы ... С. 88 (ст. 19).

⁷⁴ *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь ... С. 275. Я. Н. Щапов предполагает, что первоначально ставка штрафа в этой статье составляла также 40 гривен, но была повышена в XIII в. после установления ордынского ига (Там же. С. 256, 276).

⁷⁵ См.: Древнерусские княжеские уставы ... С. 87–88 (ст. 5, 6, 9, 10, 17, 27).

По-другому наказывался христианин, вступивший в связь с иудейкой или «бесерменкою». Устав не поясняет, как следовало поступить с тем, кто совершил это однажды (по-видимому, вопрос отдавался на рассмотрение духовника). Но в том случае, если мужчина отказывался прервать эту связь («не лишится»), ему грозило отлучение от Церкви (!) и еще штраф в 12 гривен⁷⁶, то есть гораздо более жесткое наказание, чем за аналогичное преступление христианки-женщины.

Вопрос о браках между христианами и нехристианами регулировался авторитетными соборными правилами. Так, 31-е правило Лаодикийского собора (IV в.) запрещало браки христиан с еретиками за исключением случаев, когда иноверный жених или невеста пообещают «хрѣстияни быти»⁷⁷. 72-е правило VI Вселенского (Трулльского) собора (691–692 гг.) повторяло запрет на браки с еретиками, сопровождая норму следующим комментарием: «не подобаєть бо несѣмѣсимыхъ сѣмѣшати, ни вѣлка съ овчѣтьмъ сѣкоупляти». Но при этом, если в семье иноверцев один из супругов становился христианином, то такую семью разрушать не следовало: «да не разлоучаетъся по Божѣствуноуоу ап(осто)лоу: “ос(вя)титъ бо ся моужь невѣрныи женою, и ос(вя)титъся жена невѣрная моужьмъ”»⁷⁸ (1 Кор. 7:14).

Правила, касающиеся еретиков, еще с большей строгостью прилагались к нехристианам⁷⁹. О невозможности смешанных браков говорит *ПВЛ* под 6496/988 г.: «не достоить х(р)ес(ть)яномъ за поганѣя дати»⁸⁰. Митрополит Иоанн II указывал, что «божествныи оуставъ и мирьскыи законъ тояже вѣры благовѣрство повелѣваетъ поимати», и запрещал даже браки православных с латинянами⁸¹. То же делал и автор послания «О вере крестьянской и латыньской», убеждая киевского князя «дѣчерѣй не даяти за нѣ [за католиков. — *А. Л.*], ни поимати

⁷⁶ Древнерусские княжеские уставы ... С. 90 (ст. 51).

⁷⁷ *Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая ... Т. 1. С. 273.

⁷⁸ Там же. С. 188–189 (пр. 71 (sic)). Со временем, однако, данное установление стало вызывать сомнения у византийских канонистов. Так, Матфей Властарь по этому поводу писал: «Я убежден, что сие было изначала, при введении христианства; что же касается настоящего времени, то как можно крещенному иудею или агарянину сожительствовать с тою, которая еще не крещена, или крещеной — с неверующим?» (*Матфей Властарь.* Собрание по алфавитному порядку ... С. 121 (третьей пагинации)).

⁷⁹ *Павлов А. С.* Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 335–336.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 110.

⁸¹ *Павлов А. С.* Памятники. Стб. 7 (пр. 13).

у нихъ»⁸². «Правило о верующих в гады» предписывало женившихся «на иновѣрныхъ дѣщеря или с(ы)ны» на пять лет отлучать от причастия, а священников, заключивших такой брак, на три года запрещать в служении⁸³.

В отношении язычников, как можно полагать, брачные запреты исполнялись, по крайней мере в княжеской среде. В источниках не отмечено случаев, чтобы дочь русского князя была выдана за язычника или другого нехристианина⁸⁴ (в известных ситуациях это случалось даже с византийскими царевнами⁸⁵). Упоминаемое в *ИЛ* под 6667/1159 г. и единственное в своем роде замужество вдовы князя Владимира Давыдовича, вышедшей за половецкого князя Башкорда, стало следствием ее самовольного бегства «в половци»⁸⁶ (к тому же остается открытым вопрос о вероисповедании Башкорда, который — теоретически — сам мог стать христианином). Нет и ни единого подтверждения тому, что половчанки⁸⁷, а затем монголки, выходившие замуж за русских князей, официально сохраняли на Руси свою отеческую веру. Их крещение, без сомнения, было обязательным условием русской стороны, и это условие не могли обойти даже дочери и сестры могущественных ханов Орды.

Что же касается католиков, то тут мнение киевских канонистов XI в. о недопустимости смешанных браков долгое время (по крайней мере, до XIII в.) оставалось для князей лишь благим по-

⁸² БЛДР. Т. 1. С. 448.

⁸³ *Смирнов С. И.* Материалы. С. 146 (пр. 23).

⁸⁴ А. В. Назаренко, комментируя одно туманное свидетельство «Славянской хроники» Арнольда Любекского (конец XII — начало XIII в.), допустил, что неизвестная по имени внучка киевского князя Святослава Ярославича могла стать женой сельджукского султана Месуда I (1116–1156). Но случилось это не по ее воле и не по воле ее родителей: «логичным представляется предположение, что либо сама Святославна, либо ее дочь была выдана замуж в Византию, где в силу каких-то обстоятельств оказалась в плену у сельджуков» (*Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 643–648).

⁸⁵ См.: *Лебедев Н. С.* Византия и монголы в XIII веке (По известиям Георгия Пахимера) // Исторический журнал. 1944. № 1. С. 93.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 501. См. также: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Брак и власть между Западом и Востоком: матримониальный портрет династии Рюриковичей // Средневековая Европа: Восток и Запад. М., 2015. С. 39–40 (примеч. 32).

⁸⁷ По наблюдения П. П. Толочко, летописи упоминают десять случаев, когда русские князья брали в жены половчанок (*Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 122–123).

желанием⁸⁸. Даже в монашеской среде во взгляде на данный вопрос полного единства, как кажется, не было. На это указывает любопытный акцент в слове Киево-Печерского патерика «О преподобнем Моисѣи Угринѣ». Как повествует патерик, находясь в польском плену, Моисей отказывался вступить в брак с богатой полькой, настойчиво предлагавшей ему себя в жены. Свою позицию святой объяснил стремлением к телесной чистоте и монашеству, но отнюдь не различием вер с самозванной невестой. Более того, он признал, что хотя и не может жениться на польке, однако же советующие ему сделать это действуют из лучших побуждений («добре ми съвещаете»)⁸⁹. Несмотря на то, что описанные события происходили еще до разрыва между Римом и Константинополем в 1054 г., памятник, без сомнения, сложился позднее этой даты и отразил одну из точек зрения своего времени. На другую точку зрения, относящуюся, правда, уже к XIII в. — периоду обострения отношений Руси с католическим миром, — намекает «Хроника Ливонии» в рассказе об изгнании псковичами князя Владимира Мстиславича в 1211 г. Хотя в этой истории просматриваются политические причины, «Хроника» связывает ее с браком дочери князя, вышедшей замуж за Теодориха, брата рижского епископа Альберта: «русские в Пскове возмутились против своего короля Владимира, потому что он отдал дочь свою замуж за брата епископа рижского»⁹⁰.

4. Нахождение в плену. Выше отмечалось, что нахождение христианина в руках у иноверцев было сопряжено по меньшей мере с опасностью оскверниться от их «нечистой» пищи. Этим, конечно, опасности для духовной жизни пленников не исчерпывались. Нетвердый духом мог отступить от «правоверства», во время войны начать сотрудничать с поработителями, женщина подвергалась угрозе насилия.

Но даже если ничего этого не случалось, вернувшийся из плена человек должен был пройти через особый очистительный обряд. «Канонические ответы» митрополита Иоанна II ограничивали его молитвой, которую над освобожденным (или освободив-

⁸⁸ См.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Вторая половина тома. С. 805–806; Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004. С. 19–21; Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические очерки). М., 2009. С. 273–283, 317.

⁸⁹ БЛДР. Т. 4. С. 418–422.

⁹⁰ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938. С. 151. См. также: Маузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 120, 165.

шимся) человеком должен был прочесть священник⁹¹. Другие древние правила предусматривали еще и несколько дней поста (обычно 8), после которых, «молитвою възьмь», вчерашний невольник мог причаститься, тем самым восстанавливая прерванную духовную связь с Церковью⁹².

Если христианин в плену отрекся от своей веры, возвращение в Церковь проходило по-другому. Митрополит Иоанн II, оставляя в стороне вопрос о церковном наказании отступника, указывал на необходимость совершения над ним таинства миропомазания⁹³ (чего нет в современной практике Русской Церкви). «Правило из Схоластиковой кормчей» и «Правило с именем Максима», касаясь уклонения в язычество или иудаизм, устанавливали еще и 40-дневный пост, после которого над согрешившим читалась специальная молитва, он принимал миропомазание и причащался⁹⁴. В обоих правилах отсутствуют указания, что речь идет именно о недавнем узнике. Но очевидная мягкость кары свидетельствует о том, что отступничество было совершено не по своей воле и при смягчающих вину обстоятельствах. А это как раз и заставляет думать об обстоятельствах плена. К примеру, то же «Правило с именем Максима» за переход (вот тут, видимо, уже сознательный) в еретичество предусматривает публичное покаяние и отлучение от причастия на два года, а «Правило о верующих в гады» за добровольное присоединение «къ евреемь» — отлучение от причастия на девять лет; причем в первые три года кающемуся запрещалось присутствовать на «литургии верных» — заключительной и важнейшей части евхаристического богослужения⁹⁵. Но и это не самая строгая мера за добровольное вероотступничество, которую можно отыскать в церковных правилах. Авторитетные 73-е правило св. Василия Великого (IV в.) и 2-е правило св. Григория Нисского (IV в.) устанавливали за подобное деяние вообще пожизненное покаяние и разрешали причащать наказанного лишь перед смертью⁹⁶.

⁹¹ Павлов А. С. Памятники. Стб. 15 (пр. 27).

⁹² Смирнов С. И. Материалы. С. 52 (пр. 16), 74 (пр. 41), 134 (пр. 21).

⁹³ Павлов А. С. Памятники. Стб. 15 (пр. 27).

⁹⁴ Смирнов С. И. Материалы. С. 52 (пр. 13), 134 (пр. 22). То же в древнем южнославянском памятнике «Правила святыихъ отецъ по заповеди святого и великаго Василиа» (см.: Jagić V. Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovenskih rukopisa // Starine. Zagreb, 1874. Kn. 6. S. 139 (пр. mm)).

⁹⁵ Смирнов С. И. Материалы. С. 52 (пр. 14), 146 (пр. 22).

⁹⁶ Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая ... Т. 1. С. 502, 617–618. См. также: Правила Святых Апостол и Святых Отец ... С. 352–354, 459–464 (третьей пагинации).

В известных на Руси канонических сборниках содержались и гораздо более строгие, нежели 40-дневный пост, наказания за отречение от веры даже по принуждению. К примеру, упомянутое правило св. Григория Нисского для тех, кто был склонён к отступничеству «моуками лютыми и ранами», устанавливало епитимью столь же строгую, как и для блудников (девять лет), св. Василий Великий в 81-м правиле полагал для таковых восьмилетний срок покаяния, а св. Пётр Александрийский (III — нач. IV в.) в своем 1-м правиле — трехлетний. Накладывать многолетние епитимьи на неустоявших в вере из-за насилия предписывали и отцы Анкирского собора (314 г.). Причем все древние канонисты были согласны в том, что если к падению христианина привели не столько сами муки, сколько страх перед ними, наказание следовало увеличить. Если же отступничество было притворным и отступник не участвовал в ритуалах чужой религии, то срок епитимьи, согласно 5-му правилу св. Григория Нисского, мог быть, напротив, сокращен до 6 месяцев⁹⁷.

Как видим, молчание митрополита Иоанна II о епитимье и легкое 40-дневное наказание, предусмотренное другими бытовавшими на Руси каноническими памятниками, свидетельствуют о явном снисхождении, которого, по мнению древнерусских канонистов, заслуживали люди, еще не очень укоренившиеся в вере. В повседневной же практике духовник мог избрать и более строгие наказания, предусмотренные Отцами Церкви.

Епитимья за вынужденное и не сопряженное с прямым отречением от Христа вероотступничество упоминается в Сказании о Михаиле Черниговском. Спутники князя умоляли его ради сохранения жизни створить «волю ц(е)с(а)р(е)ву» (хана Батыя) — пройти «сквозь огонь» и поклониться «идолу» (речь шла, очевидно, об изображении Чингисхана⁹⁸), обещая принять наказание за его грех на себя: «вси за тя примемъ опитемью»⁹⁹ со всею властью [областью, подчиненной Михаилу. — А. Л.]».

⁹⁷ Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая ... Т. 1. С. 230–233 (пр. 4–9), 505–506, 578–579, 581–583, 618, 622. См. также: Правила Святых Апостол и Святых Отец ... С. 23–28, 32–37, 367–371, 460–461, 471 (третьей пагинации); Правила Святых Поместных Соборов. С. 12–28 (пр. 4–9).

⁹⁸ Плано Карпини Дж., дель. История монгалов. Де Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. С. 35–36; Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 141–144.

⁹⁹ О епитимии за других см.: Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 210–211, 321–323.

Однако князь предпочел смерть вероотступничеству, и его примеру затем последовал один из бояр — Феодор¹⁰⁰.

Рассматривался в каноническом праве и вопрос о гражданской измене пленников, которые, перейдя на сторону врага, убивали единоплеменников или служили неприятелю в качестве проводников. Отразившееся в Номоканоне XIV титулов и родственных ему памятниках 8-е правило св. Григория Неокесарийского запрещало таковым переступать порог церкви, «донъдеже обыче о нихъ чѣто изволиться съшьдъшемъся святымъ [отцем. — А. Л.]»¹⁰¹. Таким образом, право наложения наказания за такой проступок было изъято у рядового духовника и передавалось собору духовенства. В сокращенном виде правило попало и в Мерило Праведное, причем там санкция звучит неопределенно и оттого еще более грозно: «Мудръствующе варварская плѣньци, оубивающе же едиnorodныя своя и пути и дома варваромъ показающе, казнь [наказание. — А. Л.] подымоуть»¹⁰². Добавим, что гражданское право Византии предусматривало за переход на сторону врага смертную казнь¹⁰³.

Во время «ратей» и затем в плену в наихудшем положении, без сомнения, оказывались женщины, которые помимо других тягот часто подвергались насилию. Такое случалось даже во время внутренних княжеских войн¹⁰⁴, не говоря уже о набегах «беззаконных». *НПЛ*, к примеру, описывает, что во время Батыева нашествия происходило «поругание черницамъ и попадьямъ, и добрымъ женамъ, и дѣвицамъ пред матерьми и сестрами»¹⁰⁵. Приписывать этот пассаж лишь литературному этикету нет оснований¹⁰⁶, равно как и думать, что насилие над захваченными в плен «женами» ограничивалось временем войны.

В канонических памятниках проблема «оскверненных и понасиленных жен» нашла свое ясное разрешение. 2-е правило

¹⁰⁰ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития ... Приложения. С. 65–66.

¹⁰¹ *Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая ... Т. 1. С. 610.

¹⁰² Мерило Праведное по рукописи XIV века. С. 231 (пр. 11).

¹⁰³ *Матфей Властарь.* Собрание по алфавитному порядку ... С. 351 (третьей пагинации).

¹⁰⁴ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 643.

¹⁰⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 75.

¹⁰⁶ В целом такую же картину рисует, например, архиепископ Сплитский Рогерий, переживший Батыево нашествие в Венгрии (*Рогерий, магистр.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 47–48, 54).

св. Григория Неокесарийского устанавливало, что если женщина до пленения имела безупречную репутацию, то изнасилование в плену не нарушает ее чистоты. В подтверждение этого святой ссылается на ветхозаветное установление о невиновности изнасилованной отроковицы в том случае, если она звала на помощь, но некому было ее спасти (Втор. 22:25–27). Если же имевшая связь с иноверцем женщина до плена имела славу блудодейки, то после возвращения домой для нее следовало установить продолжительный срок покаяния («не абие подобает таковымъ приобщи́тися м(о)л(и)твѣ») ¹⁰⁷. В общей форме о невиновности изнасилованных говорит и 49-е правило св. Василия Великого ¹⁰⁸. Митрополит Иоанн II разбирает частный случай проблемы — как священникам следует поступать со своими женами, если они побывали в плену и иноплеменники надругались над ними. Появление такого вопроса было, конечно, связано с тем, что каноническое право в целом ряде случаев предъявляет к духовенству значительно более строгие, чем к мирянам, требования в брачной сфере, и важно было уточнить, нет ли каких-то особых установлений и в данном случае. Митрополит, сославшись на 49-е правило св. Василия Великого и упомянутое чтение из Второзакония, восклицает: «Аще она неповинна и от своихъ си чиста, како от иноплеменникъ осквернившася скверна есть?!» Священник не должен отказываться от такой жены ¹⁰⁹.

Христианин мог оказаться в полной власти иноверца не только вследствие пленения, но и из-за продажи в рабство. Церковь стремилась не допустить этого по крайней мере в той ситуации, когда продавцом раба был его единоведец — христианин ¹¹⁰. Так, по установлению киевского митрополита Иоанна II, продающий христианина в рабство язычнику, иудею или еретiku

¹⁰⁷ Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая ... Т. 1. С. 605–606; Мерило Праведное по рукописи XIV века. С. 229; Смирнов С. И. Материалы. С. 102 (пр. 21).

¹⁰⁸ Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая ... Т. 1. С. 494.

¹⁰⁹ Павлов А. С. Памятники. Стб. 14–15 (пр. 26).

¹¹⁰ О существовании того же общественного порока у западных соседей Руси см.: Флоря Б. Н. Христианство в древнепольском и древнечешском государстве во 2-й половине X — 1-й половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 213–214. Разумеется, не ограничивалось это зло и пределами славянского мира; так, Вульфстан Йоркский в своей знаменитой проповеди к англам «*Sermo Lupi ad Anglos*», написанной в начале XI в., обличает своих единоплеменников в том, что они продолжают продавать христиан в чужие края, хотя это «Богу ненавистно» (Англосаксонская хроника. СПб., 2010. С. 141).

заслуживает самого строгого наказания: в начале до него следует довести всю греховность его поступков «наоученьемъ и наказаньемъ многымъ», но если не послушает, то «яко иноязычникъ и мытарь имѣти» (Мф. 18:17) — предать отлучению¹¹¹. Не такое серьезное, но всё же чувствительное наказание за этот грех предусматривают и «Неведомые словеса» митрополита Георгия. За продажу «кр(е)стиана челядина» «поганым» там установлено отлучение от причастия на год и публичные земные поклоны в храме¹¹².

5. Другие ситуации. Без сомнения, перечисленными пунктами дело не ограничивалось.

К примеру, 11-е правило VI Вселенского собора запрещало прибегать к врачебной помощи иудеев (под страхом извержения из сана священнослужителей и отлучения мирян). Комментаторы Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон (XII в.) распространяли действие правила и на еретиков¹¹³. Указание на следование данной норме в Древней Руси (хотя и не всеобщее) содержит Киево-Печерский патерик. В слове «О святемъ и блаженнемъ Агапитѣ, безмѣдномъ врачѣ» рассказывается о лекаре-армянине, к искусству которого прибегали многие киевляне и даже черниговский князь Владимир Мономах. Однако когда армянин пришел навестить заболевшего коллегу — инока Агапита, и тот понял, что перед ним иноверец (дохалкидонит), то из уст Агапита раздалась грозная отповедь: «То како смѣлъ еси внити и осквернити кѣлию мою, и дрѣжати за грѣшную мою руку?! Изыди от мене, иновѣрне и нечестиве!»¹¹⁴. Осуждение тех, кто лечится «от иновѣрныхъ челоуѣкъ», звучит и в другом слове памятника — «О преподобнѣмъ Спиридонѣ проскурницѣ и о Алимпии иконницѣ»¹¹⁵. Одновременно патерик свидетельствует, что проблема с врачом возникала именно из-за его вероисповедания, а не национальности. Слово «О преподобномъ князи Святоши Черниговскомъ» повествует о православном лекаре-сирийце Петре. Уйдя из мира, князь Николай Святоша перестал у него лечиться, но сделал это по благочестию — желая положиться во всём на волю Божию,

¹¹¹ Павлов А. С. Памятники. Стб. 10–12 (пр. 22).

¹¹² Турилов А. А. Ответы Георгия ... С. 235 (пр. 13).

¹¹³ См.: Правила Святых Вселенских соборов с толкованиями. М., 2000. С. 315–317.

¹¹⁴ БЛДР. Т. 4. С. 402

¹¹⁵ Там же. С. 460, 462.

а не по предубеждению относительно происхождения лекаря, который и далее остался его близким товарищем¹¹⁶.

На существование еще одного представления — о «нечистоте» одежды иноверцев — намекает, как кажется, новгородский владыка Нифонт. Отвечая на вопрос иерея Саввы, разрешается ли использовать ткань от женского «плата» при пошиве священнического «порта», он иронично восклицает: «Ци погана есть жена?!»¹¹⁷ Можно думать, что подход владыки к использованию для таких целей одежды язычника был бы иным.

Нет сомнения, что существовали еще и иные правила бытового общения с иноверцами, которые не попадали на страницы канонических сборников, но выдвигались духовниками или передавались среди христиан в качестве благочестивого обычая.

Как видим, церковными установлениями регулировались едва ли не все сферы контактов с иноверцами. Под их воздействием религиозные различия приобретали бытовое измерение, фиксировались в понятных каждому человеку категориях повседневной жизни и не требовали для своего усвоения богословской подготовки. Не возбуждая прямой враждебности, эти нормы предписывали соблюдать дистанцию при общении с представителями других вер. Предостережения касались не только нехристиан, но и католиков, хотя к регламентации контактов с последними русские канонисты относились еще не очень строго.

Можно думать, что быстрее всего процесс осознания различий с соседями-иноверцами протекал в приграничных областях, где редкостью не были ни контакты, ни конфликты с ними. Учитывая, что Русь в XI–XIII вв. была окружена либо нехристианами, либо христианами «латинского обряда», рассмотренные канонические нормы прочерчивали более или менее четкую линию религиозного размежевания вдоль всей внешней границы страны.

Все эти предписания представляли собой обычную церковную практику. С некоторыми особенностями она была усвоена на Руси и создавала для русских книжников, описывавших современные им события, удобную возможность для актуализации конфессиональных различий всякий раз, когда речь заходила о соседях и контактах с ними. Посмотрим, часто ли они пользовались такой возможностью.

¹¹⁶ БЛДР. Т. 4. С. 376–380.

¹¹⁷ Павлов А. С. Памятники. Стб. 53 (пр. 6).

§ 2. КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Актуализация религиозных отличий соседних народов в летописях и других древнерусских памятниках — это высвечивание отдельных участков той «канонической границы», о которой мы говорили выше. Чтобы проследить динамику данного процесса, необходимо не только учесть прямые замечания книжников, но и обратиться к такому информационному слою, в котором изменения запечатлевались бы в наименее субъективизированном виде. Как представляется, в качестве такого слоя может быть избрана «отчленяющая» конфессиональная лексика, привлекавшаяся книжниками для определения русских и их соседей-иноверцев.

От исследования этого материала нельзя, конечно, ожидать исчерпывающих результатов. К тому же использование этой лексики легче всего отнести на счет летописной топики или, по-другому, — «литературного этикета». Однако не приходится сомневаться, что сама этикетная норма складывалась и, что важно, далее видоизменялась под воздействием не только литературных образцов, но и неких внешних по отношению к литературе явлений — представлений и культурных установок, которые сами не оставались неизменными. Новации в практике использования устойчивых слов и оборотов, особенно имевшие системный характер, по-своему маркировали в языковой среде меняющиеся общественные взгляды. Об этом справедливо писал Р. Пиккио, подчеркнувший, что «темы и формы», определявшие «характеристику текстов Древней Руси», рождались «из формирующегося и развивающегося местного религиозного самосознания»¹¹⁸. А Д. С. Лихачёв, рассуждая о «литературном этикете» в связи с интересующей нас темой иноплеменников, отмечал, что древнерусский книжник, описывая агрессивные действия «врага Руси», подчинял свой рассказ «представлениям своего времени о враге Руси»¹¹⁹. Некую живую связь между топикой древнерусских текстов и явлениями исторической действительности неоднократно подчеркивали и другие исследователи¹²⁰.

¹¹⁸ Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002. С. 46.

¹¹⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 90. (См. также: Лихачев Д. С. О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. 1948. № 9. С. 27.)

¹²⁰ Сам Д. С. Лихачёв в другом месте писал: «часть этикетных правил [литературы. — А. Л.] взята из жизненного обихода, из реальной обрядности, часть создавалась в литературе» (Лихачев Д. С. Литературный этикет древней Руси (к проблеме

Лексика этноконфессионального размежевания из-за своей вариативности и распространенности в текстах (а, быть может, и в живой речи, о чём мы скажем ниже) вполне может рассматриваться как своеобразный «массовый источник», по-своему фиксировавший и меняющиеся представления о других народах, и то «чувство — мы»¹²¹, которое всегда неотделимо от этих представлений.

Материал, о котором мы сейчас говорим, состоит из двух взаимосвязанных комплексов: лексики отторжения и лексики самоидентификации.

Изучение первого комплекса было начато в обстоятельной статье А. Каппелера, который указал на важность лексики отторжения для исследования этнического самосознания обитателей

изучения) // ТОДРЛ. М.—Л., 1961. Т. 17. С. 9). И. Клейн заметил, что «[литературный. — А. Л.] этикет <...> коренится скорее в общественной жизни и ее этике, чем в литературе» (*Клейн И.* «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература. (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 114). Т. Р. Руди, развивая подходы Д. С. Лихачёва на материале агиографии, указала на то, что в некоторых случаях соотносённость исторической действительности и литературной топики может доходить почти до границ тождественности, когда представления о должном поведении оказывалось одинаковым и у героя повествования — «в жизни», и у его биографа — «внутри условной реальности литературного текста» (*Руди Т. Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // *Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика.* СПб., 2005. С. 63). И. П. Ерёмин обратил внимание на иную грань явления: по его мнению, использование древнерусским автором «формул и штампов» не являлось «украшением» текста или «данью литературной традиции», а позволяло ему «обнаружить свое отношение к тому или иному историческому деятелю или событию» (*Ерёмин И. П.* Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.—Л., 1949. Т. 7. С. 93). О. В. Творогов относил к традиционным формулам те словосочетания, которые «намеренно» употреблялись «для обозначения *определённых явлений действительности*» (*Творогов О. В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.—Л., 1964. Т. 20. С. 36. Курсив наш), то есть распознавал в них своеобразные маркеры этих самых «явлений действительности». В. Н. Рудаков выразил сходную мысль, глядя на ситуацию с точки зрения коммуникации пишущего и читающего, и призвал видеть в шаблонных выражениях, использовавшихся летописцами для изображения монголо-татар, «не просто дань литературной моде того времени, но и осознанно выбранный автором способ передачи важной для читателя информации» (*Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. М., 2009. С. 57). См. также: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 360.

¹²¹ О данном понятии см.: *Эггерт В.* Идентификация и «чувство — мы» у франкских и немецких средневековых хронистов (до периода борьбы за инвеституру) // *Средние века.* М., 1982. Вып. 45. С. 108 и сл.

Руси, назвал те народы, применительно к которым она чаще всего использовалась в летописании XI–XIII вв., и постарался рассмотреть хронологию ее бытования¹²². И хотя отдельные выводы, к которым пришел исследователь, нуждаются, как мы увидим, в уточнении, предложенный им подход представляется плодотворным, а полученные результаты — очень интересными.

Лексика отторжения — негативные эпитеты и обороты, указывающие на иноверие некоторых соседей Руси — активно появляется уже в начальном русском летописании последних десятилетий XI — начала XII в. При этом неконфессиональные характеристики инородцев, как мы уже отмечали во Введении, встречаются у первых русских летописцев и их преемников очень редко.

Наиболее распространены в памятниках летописания XI–XIII вв. четыре негативных эпитета: «поганные»¹²³, «безбожные»¹²⁴, «оканнии»¹²⁵ (в значении: «проклятые, отрешенные от Бога»¹²⁶) и «безаконные»¹²⁷ (то есть не знающие истинной веры, не испол-

¹²² См.: *Kappeler A. Ethnische Abgrenzung: Bemerkungen zur Ostslavischen Terminologie des Mittelalters // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl. Stuttgart, 1986. S. 124–138. См. также: Кириченко К. В. Пошуки образу: Литва XIII–XIV ст. очима літописців Північної Русі та Новгородської землі // Просемінарії. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Київ, 1999. Вип. 3. С. 14–17; Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Труды Уральского Межрегионального института общественных наук. Екатеринбург, 2006. Т. 20. С. 180–181.*

¹²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 139, 163, 164, 167, 172, 200, 219, 222, 223, 226, 228, 230, 233, 263, 264, 296, 352, 360, 363, 364, 383, 384, 388, 390, 429, 440, 448, 462, 465, 469, 471, 476; Т. 2. Стб. 263, 264, 268, 290, 304, 323, 401, 537, 558, 563, 565, 590, 603, 607–608, 610, 612, 623, 625–626, 632, 637, 645, 648, 672, 673, 678, 695, 715–716, 773, 786, 799, 797, 800, 812, 813, 815, 827, 828, 834, 840, 899; СПб., 1913. Т. 18. С. 72–74, 76, 78; *Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 328, 333, 335; Новгородская первая летопись ... С. 45, 58–59, 62, 69, 73–76, 84, 85, 104, 183–184, 186, 190.*

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163, 232, 234, 414, 435, 444, 446, 460, 465, 467–469; Т. 2. Стб. 313, 612, 628, 740, 778, 779, 782, 787–789, 845; Новгородская первая летопись ... С. 52, 62, 73–76, 183.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 233, 446, 464, 476; Т. 2. Стб. 612, 628, 700, 716; Новгородская первая летопись ... С. 62, 73, 76, 80–83, 85, 87, 91.

¹²⁶ Данное значение появляется в древнерусском языке под влиянием памятников борисоглебского цикла, где «окаянным» последовательно именуется братоубийца Святополк (*Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 34–35*). О возможных негативных религиозных коннотациях слова см. также: *Кириченко К. В. Пошуки образу ... С. 16–17.*

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 224, 446; Т. 2. Стб. 644, 894; Новгородская первая летопись ... С. 62, 75, 76.

няющие ее установлений¹²⁸). Реже можно встретить такие наименования: «проклятые»¹²⁹, «нечестивые»¹³⁰, «богопротивные»¹³¹, «неч(и)стии ищадыя деломъ и нравомъ сотониным»¹³², а также «бесурмене»¹³³, «бохмиты»¹³⁴ (мусульмане) и «римляне»¹³⁵ (католики). В ряде случаев летописцы используют определения, образованные от имен тех героев Ветхого Завета, которые считались родоначальниками «нечестивых» народов: «сынове Измаилевы» / «измаильтяне»¹³⁶, «внуци Агарины» / «агаряне», «срацины» (псевдоэтимология от Сарры)¹³⁷, «с(ы)нове... Моавли» / «моавитяне»¹³⁸, «с(ы)н(о)ве Аммоновы»¹³⁹. Вероятно, негативный религиозный подтекст имело и единичное употребление таких слов, как «плотоядцы»¹⁴⁰, «сыроядцы»¹⁴¹ и «кровопийцы»¹⁴².

Второй комплекс лексики размежевания представлен конфессиональными автохарактеристиками, с помощью которых летописцы подчеркивали правоверие своих единоплеменников, в том числе и при описании международных событий. Иногда эти

¹²⁸ Словарь древнерусского языка (X–XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 121–122. О дополнительных смысловых коннотациях в этом понятии см.: Цыбульский С. Л. «Языки беззаконные» в «Повести временных лет» и древнеславянских кормчих книгах X–XIII вв. // Человек верующий в культуре Древней Руси: Материалы международной научной конференции 5–6 декабря 2005 года. СПб., 2005. С. 29, 31–32; Борюшкина Е. Н. «Грѣхъ» и «беззаконие» в Толковой Палее // ДРВМ. 2013. № 4 (54). С. 50–52; Конявская Е. Л. Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев // Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. IV. № 1. С. 183–184.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 295, 465.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Т. 2. Стб. 700, 779, 780; Новгородская первая летопись ... С. 84.

¹³¹ Новгородская первая летопись ... С. 284 (только в младшем изводе памятника).

¹³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612.

¹³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476, 481, 482; Т. 18. С. 72; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 328.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 390; Т. 2. Стб. 626.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479 (в «Повести о житии» Александра Невского).

¹³⁶ Там же. Стб. 223, 232, 234, 446; Т. 2. Стб. 612, 628, 716, 778; Новгородская первая летопись ... С. 62, 75.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234; Т. 2. Стб. 612, 700, 716, 779, 894; Новгородская первая летопись ... С. 288, 310. О «срацинах» как самозванных потомках Сарры см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234; Т. 2. Стб. 740.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 466.

¹⁴¹ Новгородская первая летопись ... С. 82.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464, 468.

автохарактеристики имеют развернутый характер (что особенно характерно для *ПВЛ*): «новии людье... избрании Бо(го)мъ», «кого... тако Б(ог)ъ любить, якоже ны възлюбилъ есть?», «люди своя» для Бога¹⁴³ и др. Однако наибольшее распространение получили краткие автохарактеристики с использованием слов «хрестеяни» и «хрестьяньский». Данная языковая практика имела не менее устойчивый характер, чем использование негативно-конфессиональных наименований соседей¹⁴⁴. Но ее изучение осложняется тем, что названные слова в древнерусском языке полисемантичны, и в каждом конкретном случае смысловой вариант их употребления необходимо определять, исходя из контекста, что оказывается гораздо более трудоемким, чем наблюдение за очевидными характеристиками других народов.

Если пренебречь второстепенными смысловыми оттенками, можно сказать, что в древнейший период слова «хрестеяни» и «хрестьяньский» в русском языке тяготели к одному из трех семантических полюсов.

Прежде всего, они использовались в чисто религиозном смысле, указывая на членов «тела Христова» (1 Кор. 12:12–27) — верующих во Христа, следующих (хорошо или плохо) по заповеданному Им пути спасения, чающих «воскресения мертвых и жизни будущего вѣка». Тут актуализировалось основное — духовное — значение слов, речь шла о представителях религиозного учения с точки зрения их верности этому учению. Именно об этом, касаясь разбираемого понятия, писал св. Василий Великий во «Втором каноническом послании к Амфилохию»: «Иже аще кѣто имя приимѣ хрѣстьянства, роугается Х(рист)оу, нѣсть пользы емоу отъ наречен[ь]я»¹⁴⁵. В оригинальных древнерусских текстах примером данного употребления может служить самое первое чтение *ПВЛ*, где встречается интересующее нас слово: «Мы же, х(ре)с(т)еяне елико земль, иже вѣрують въ С(вя)тую Тр(ои)цю... законъ имамъ единъ, елико во Х(ри)с(т)а кр(е)стихомся и во Х(ри)с(т)а облекохомся»¹⁴⁶.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121, 225; Т. 2. Стб. 268.

¹⁴⁴ Лаушкин А. В. К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестеяни» и «хрестьяньский» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 29–65.

¹⁴⁵ Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая ... Т. 1. С. 492 (пр. 45).

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16. См. также: Ведюшкина И. В. «Чувство — мы» в Повести временных лет // Восточная Европа в древности и Средневековье: Древняя Русь в системе этно-политических и культурных связей. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: Тезисы докладов. М., 1994. С. 6.

Те же слова в других местах отличала иная смысловая функция. Их использовали в качестве социоконфессионального определения, отделяющего христиан от нехристиан не столько по духовному содержанию их жизни, сколько по признаку формальной принадлежности к христианскому социуму или субсоциуму. Пример такого словоупотребления видим в сохраненном Повестью временных лет договоре Игоря с греками 944 г., где противопоставляются две части подданных князя — «х(рест)еяни» и «не х(рест)еянии», а соблюдать этот договор, согласно летописи, клянутся отдельно «поганые Русь» и «х(рест)еяная Русь»¹⁴⁷.

Еще один, третий, вариант употребления рассматриваемых слов относился к сфере этнонимии или политонимии¹⁴⁸. Он появлялся в тех контекстах, в которых христианство рассматривалось как важный (доминирующий) этнический или государственный признак конкретного народа и наименование «хрестеяни» вследствие того оказывалось допустимой заменой этнонима или политонима — входило в этнонимическую систему¹⁴⁹.

Так, для упомянутого договора 944 г., равно как и для договора Олега 911 г., характерна показательная оппозиция «хрестеянинъ» в смысле подданный императора, византиец¹⁵⁰ — «роусинъ»¹⁵¹. И это несмотря на то, что среди «русинов» в договоре 944 г. тоже упоминались христиане. Данное словоупотребление в русско-византийских актах отразило, скорее всего, не русскую, а еще греческую языковую практику, в которой, по наблюдениям С. А. Иванова, понятие «христиане» (Χριστιανοί) претерпело показательную эволюцию от обозначения религиозной группы к обозначению «скорее подданства». Если на первых порах слово означало лишь «приверженцев христианской религии в противоположность сначала язычникам, а потом “еретикам”», то с VIII в. противопоставление врагу-иноверцу «перестает быть обязательным», и понятие приобретает «гражданскую окраску». Причиной такого семантического перерождения слова в греческом языке

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 49, 54.

¹⁴⁸ Термин «политоним» был введен Ю. В. Бромлеем для обозначения наименования населения той или иной страны не по этническому, а по государственному (политическому) признаку (*Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса*. М., 1983. С. 46).

¹⁴⁹ О этнонимических системах см.: *Джарылгасинова Р. Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы)* // Советская этнография. 1987. № 4. С. 21–22.

¹⁵⁰ *Лихачев Д. С. Комментарии*. С. 422.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33–37, 49–53.

исследователь считает «длительную изоляцию Византии, явно ощущавшей себя с VII по конец IX в. единственной христианской державой»¹⁵². То же самое или что-то сходное мы видим и в древнерусском языке. В нём рассматриваемые слова постепенно получили новое — этнонимическое или, лучше сказать, параэтнонимическое — звучание, и слово «хрестеянин» в определенных контекстах стало означать не просто верующего во Христа или члена некоего христианского сообщества, а «православного жителя Русской земли»¹⁵³. Показательно, что в XIII в. автор «Слова о погибели Руския земли», уверенно употреблявший понятия «крестияньский языкъ» и «крестияне» для обозначения жителей раскинувшейся от Причерноморских степей до Белого моря «земли Руськой», не знал или сознательно избегал каких-либо иных собирательных наименований для своих соплеменников. Тогда как для обозначения соседних народов, в том числе и христианских, он использовал четкие этнические определения — «угры», «ляхи», «чахи», «ятвязи», «литва», «нѣмцы», «корѣла», «тоймици», «болгары», «буртасы», «черемисы», «морѣдва», «половоцы» и др.¹⁵⁴ В XIV в. наименование «хрестеянь» («крестьян») закрепилось за основной массой русского населения и, видимо, вошло в таком качестве в широкий обиход (сохраняясь в русском языке до сегодняшнего дня для обозначения сельских жителей, занятых в аграрном производстве)¹⁵⁵.

¹⁵² *Иванов С. А.* «Христиане» как обозначение подданства в средневизантийский период // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 278–282.

¹⁵³ *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 309; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1403–1404, 1410; *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 576; *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.–Л., 1958. С. 39–40; *Соловьев А. В.* Заметки к «Слову о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.–Л., 1958. Т. 15. С. 111; *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 165; *Новосельцев А. П.* Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в Средние века // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 31; *Даркевич В. П.* Единство и многообразие древнерусской культуры (конец X — XIII вв.) // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 42.

¹⁵⁴ БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 90.

¹⁵⁵ *Срезневский И. И.* Материалы ... СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1344–1345; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 2. С. 374; *Толстой Н. И.* Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху

Письменные источники XI–XIII вв. позволяют сделать интересные наблюдения за переменами в употреблении слов «хрестеяни» и «хрестьяньский». Наиболее отчетливо эти перемены прослеживаются в памятниках летописания. Только в *ПВЛ*, в примыкающих к ней текстах *ЛЛ* и *ИЛ*, а также в *НЛ* в части до начала XIV в. (с восполненными лакунами) паразитно-нормативный вариант использования рассматриваемых слов выявлен нами более двухсот раз. И лишь в немногочисленных случаях из-за сложения или соподчинения выделенных семантических вариантов словоупотребления оставались сомнения в верности сделанной атрибуции (все эти случаи специально оговорены).

Бытование обоих комплексов этноконфессиональной лексики размежевания — негативно-конфессиональных эпитетов и автохарактеристик «хрестеяни»/«хрестьяньский» — мы будем рассматривать параллельно в рамках трех хронологических отрезков, искусственно выделенных для удобства работы с материалом.

1. Последние десятилетия XI — начало XII в. Хронологические рамки этого отрезка охватывают время появления Повести временных лет и предшествовавших ей текстов начального летописания второй половины XI в.

1.1. Обратимся вначале к использованию существительного «хрестеянинъ» и прилагательных «хрестеяний»/«хрестьяньский». В Повести временных лет по Лаврентьевскому списку (с традиционным восполнением лакуны за 6406/898–6429/921 гг. по Радзивилловской летописи) и в заключительных статьях памятника за 6618/1110–6625/1117 гг., сохранившихся в Ипатьевском списке, отыскивается 66 случаев употребления этих слов¹⁵⁶. К первому

раннего Средневековья. М., 1982. С. 243; *Трубачев О. Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 35; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). С. 323; *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне ... С. 320. Со временем этнодифференциальный характер приобретает и слово «православный» (Русские. М., 1997. С. 650; *Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 504).

¹⁵⁶ В это число не входят 4 случая использования рассматриваемых слов в подборке сочинений Владимира Мономаха, которая была внесена в Лаврентьевский список *ПВЛ* кем-то из позднейших редакторов (см.: *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 524–525; *Его же.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.—Л., 1940. Т. 4. С. 26–27).

из определенных выше семантических вариантов можно отнести 29 из них¹⁵⁷, ко второму — 5¹⁵⁸. Оставшиеся 32 требуют специального рассмотрения.

Для обозначения византийцев (ромеев) исследуемые слова прямо или косвенно использованы 19 раз. Практически все случаи (за исключением единственного) локализуются в текстах договоров Руси и Византии 911 и 944 гг. и, как было отмечено выше, восходят, по всей видимости, к греческим оригиналам¹⁵⁹. Более последователен в этом отношении договор 911 г. (14 случаев в девяти статьях). Византийская сторона, противопоставленная в договоре языческой Руси, выступает под наименованиями, которые выстраиваются в показательные синонимические пары: «грекы»/«хрестьяны», «земля Грецкаа» / «земля Хрестьянская», «греческий ц(а)рь» / «хр(е)стьянский ц(а)рь»¹⁶⁰. Договор 944 г., который фиксирует появление христиан в среде «русинов», использует конфессионимы для определения византийской стороны уже значительно реже (4 случая в двух статьях с одной дублировкой), предпочитая этнонимические определения («грекы» и т. п.)¹⁶¹. Последний (по ходу нашего рассмотрения) случай наименования жителей империи «кр(ес)т(ья)нами» встречается в *ПВЛ* под 6374/866 г. в известии о походе Аскольда и Дира на столицу Византии, во время которого «безбожные русь» «много оубииство кр(ес)т(ья)номъ створиша»¹⁶². Показательно, что данное известие, включая процитированный оборот, также восходит к греческому источнику — приписываемому перу Симеона Логофета продол-

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16, 54 («бѣша варязи х(ре)с(т)еяни»), 61, 63, 82, 83, 85, 86, 110, 111, 118, 121, 125, 131, 135, 138, 151, 153, 170, 180, 233; Т. 2. Стб. 264, 268.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 49, 53, 54 («х(рест)еяную Русь»).

¹⁵⁹ Иванов С. А. «Христиане» как обозначение ... С. 280–281. А. В. Назаренко допустил, что понятие «христиане» в договорах может отражать попытки адекватного перевода другого исходного греческого слова — «Ρωμαιοί», которое, однако, не было «не только этнонимом, но и политонимом, содержа ярко выраженный конфессиональный обертон» (Назаренко А. В. Греч. *Ρωμαιοι* — др.-русс. *грѣци/хрѣстьяни* (псевдоэтноним на «пути из варяг в греки») // Восточная Европа в древности и Средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2008. С. 164–166). Но и в этом случае перед нами скорее логика переводчика, хорошо знакомого с языковой практикой византийцев, нежели реальная древнерусского сознания.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33–37.

¹⁶¹ Там же. Стб. 49–53.

¹⁶² Там же. Стб. 21.

жению Хроники Георгия Амартола¹⁶³. Таким образом, все случаи использования конфессионимов для обозначения византийцев в *ПВЛ* могут рассматриваться как преломление в древнерусской языковой среде греческой словоупотребительной практики.

Обратимся к оставшимся 13 случаям.

Первый из них встречаем в некрологической похвале Ольге под 6477/969 г., где говорится, что княгиня «быс(ть) предътекущая кр(ес)тьяньстѣи земли» (такое же чтение, судя по тексту младшего извода Новгородской I летописи, имелось и в Начальном своде 90-х гг. XI в.¹⁶⁴). В слове «крестьянская» здесь актуализирован прежде всего духовный смысл. Но одновременно, будучи сопряжено со словом «земля», это прилагательное имеет и характер конкретизирующего этногеографического указания: «крестьянская земля» — это Русь после крещения, противопоставляемая в некрологе Руси языческой. Автор подчеркивает, что Ольга первой «вниде в Ц(а)рство Н(е)б(е)сное от Руси» и ее «хвалят рустие сын(о)ве аки началницу»¹⁶⁵. Схожее словоупотребление обнаруживаем и в другой, более поздней, похвале — преподобному Феодосию Печерскому (под 6599/1091 г.). Святой, говорится в ней, после своей смерти молится «за порученное ему стадо [то есть за братию монастыря. — А. Л.] и за люди х(ре)с(т)ьяньския, за землю Русьскую»¹⁶⁶. Было бы неверным утверждать, что между «людьми хрестьяньскими» и «землей Русьской» здесь стоит знак равенства¹⁶⁷, но связь между двумя понятиями, сближаемыми и в других местах *ПВЛ* (см. ниже), уже налицо.

¹⁶³ Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 48. Ср.: Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Петроград, 1920. Т. 1. С. 511; Петроград, 1922. Т. 2. С. 11.

¹⁶⁴ Новгородская первая летопись ... С. 120; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 5–11; Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.—Вологда, 2012. С. 46–49.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 68; Т. 2. Стб. 56.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 213; Т. 2. Стб. 204. См. также аналогичный оборот в Киево-Печерском патерике: «...за порученное ему стадо и за вся православныя христианя, и за землю Рускую» (БЛДР. Т. 4. С. 330).

¹⁶⁷ В *ПВЛ* несколько раз встречаются обороты, в которых под «христианами» имеются в виду именно русские христиане, крестившиеся русские, но на первый план выдвигается не этногеографический, а духовный смысл. Эти случаи были отнесены к первому варианту употребления (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121 («людые х(ре)с(т)ьяньстии»), 138, 153).

Следующий случай отыскиваем под 6568/1060 г. в известии о походе трех князей Ярославичей и князя Всеслава Брячиславича на торков. Испугавшись огромной русской рати, «торци... пробѣгоша... и помроша бѣгаючи, Б(о)жымъ гнѣвомъ гоними». «Тако, — заключил летописец, — Б(о)гъ избави х(ре)с(т)ьяны от поганыхъ»¹⁶⁸. По ходу памятника это первый пример определения русских в рамках оппозиции *мы* — *чужие* с помощью конфессионима «хрестьяны».

Рассказывая о русско-половецких отношениях, *ПВЛ* дает еще ряд таких примеров. Под 6601/1093 г., говоря о тяжелых поражениях, которые потерпели дружины киевского, черниговского и переяславского князей от половцев, летописец сетует, что после всего случившегося «на х(ре)с(т)ьяньсте родѣ страхъ и колѣбанье, и бѣда оупространися»¹⁶⁹. Совершенно очевидно, что «хрестьянский род» здесь — это не христиане вообще, а жители русских городов и сел, пострадавшие от половецких набегов. Продолжая повествование, летописец сообщает, что половцы после взятия Торческа погнали в плен «мъного роду х(ре)с(т)ьяньска» (в *ИЛ* этих слов нет¹⁷⁰) и что по пути пленники вспоминали свои города и села на Руси, «гл(агол)юще: “Азѣ бѣхъ сего города”, и други: “А язѣ — сея в[ъ]си”... очи возводяще на н(е)бо к Вышнему, свѣдущему тайная»¹⁷¹. Под 6603/1095 г. о половцах сказано, что они «губять землю Русьскую и кровь х(ре)с(т)ьянску проливають»¹⁷² бесперестани» (сходное чтение имеется и под 6611/1103 г.). Под 6604/1096 г. содержится провиденциальная

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163; Т. 2. Стб. 152; Новгородская первая летопись ... С. 183.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 223; Т. 2. Стб. 214.

¹⁷⁰ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 216.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 225. См. также: ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 89–90. П. С. Стефанович предположил, что речь здесь идет именно о жителях Торческа, причем — о крещеных торках (*Стефанович П. С. Идентичность Руси в «имперско-эсхатологической» перспективе составителя «Начального свода» // ДРВМ. 2018. № 2 (72). С. 53–56*). Интерпретация кажется интересной (она представляет собой элемент гипотезы исследователя о восприятии крещеных торков как части христианской Руси), но требует дополнительного обоснования. Не исключено, что в этом фрагменте, венчающем описание трагических событий года, летописец имел в виду не только плененных жителей Торческа и округи, но всех пленных, захваченных половцами на Руси.

¹⁷² Со временем выражение «пролити кровь (христианскую)» превратится в литературное клише (см.: *Прохазка Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 234*), что указывает на формирование симптоматичного языкового стереотипа.

констатация, что половцы, повоевавшие южные пределы Руси, ворвавшиеся в Киев и разорившие Печерский монастырь, «пущени... на казнь х(ре)с(т)ьяномъ». Под 6618/1110 г., рассуждая об ангелах-хранителях и об их помощи «русьскимъ княземъ на поганя», летописец отметил, что они «молятъ Б(ог)а прилѣжно за хрестьяньскыя люди». И в этих «людях» контекст заставляет видеть скорее русских, нежели христиан вообще. Под 6619/1111 г. в известии о крупнейшем походе на половцев автор записал, что степняки «падаху предъ хрестьяны... предъ рускыми князи и вои»¹⁷³. Помимо того, *ИЛ* под 6611/1103 г. в избыточном по сравнению с *ЛЛ* чтении сообщает, что победу над половцами Бог дал «бл(а)говѣрнымъ княземъ Русьскимъ и всимъ хрестьяномъ»¹⁷⁴. Последние два примера особенно показательны, ибо в них «хрестьяне» прямо отождествлены с русскими князьями и их войском. Менее четкие, но типологически сходные с только что приведенными случаи отыскиваются в известиях об использовании князем Олегом Святославичем половецких отрядов для решения внутривосточных проблем (под 6586/1078 и под 6602/1094 гг.)¹⁷⁵.

Таким образом, уже в начальном летописании при рассмотрении русско-степных (в основном — русско-половецких) отношений возникает устойчивое употребление слов «хрестяени» и «хрестьяньскыи» для обозначения жителей Руси. Чаще всего оно встречается в описаниях нападений кочевников на Русь и практически не выходит за рамки оппозиции *мы* — *чужие*, имея в целом ситуативный характер. Однако сама по себе такая ситуативность самоопределения не говорит о неразвитости самосознания и не является аномальной. В той или иной степени она присуща практически всем общностям и всем эпохам¹⁷⁶, указывая на

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 227, 234, 279; Т. 2. Стб. 218, 224, 255, 264, 267.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 254.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200, 226; Т. 2. Стб. 191, 217. Меньшая четкость этих двух примеров связана с тем, что летописец обвиняет в пролитии «крови хрестьяньской», погублении «д(у)шъ х(ре)с(т)ьяньскихъ» / «х(ре)с(т)ьянь» не самих половцев, а приведших их на Русь князя Олега Святославича.

¹⁷⁶ *Ведюшкина И. В.* Формы проявления коллективной идентичности в Повести временных лет // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. М., 2003. С. 309. См., напр., в Англосаксонской хронике показательные, но в то же время единичные случаи противопоставления «христиан» (= англосаксов) «данам», пытавшимся расширить зону своего контроля в Англии (*Англосаксонская хроника*. С. 78, 80–81).

значимость в конкретных условиях тех или иных аспектов идентичности. В данном случае картина весьма красноречива: несмотря на то, что Русь окружена множеством нехристианских (в основном — языческих) народов, конфессиональный аспект самоидентификации актуализируется только на той границе, где идет тяжелая кровопролитная борьба с соседями (торками, затем половцами). Причем чаще всего русские определены с помощью изучаемых слов в тех случаях, когда описываются нападения степняков на Русские земли, то есть события наиболее трагические для современников.

1.2. Во многом симметричную картину обнаруживает употребление в *ПВЛ* негативно-конфессиональных эпитетов.

Первый случай находится в той же статье 6568/1060 г., где русские впервые определены как «хрестьяне» в рамках оппозиции *мы* — *чужие*. Торки там названы «погаными»¹⁷⁷. Ниже, под 6604/1096 г., они отнесены (вместе с половцами, печенегами и «торкменами») к потомству ветхозаветного Измаила¹⁷⁸.

Половцы, первое упоминание о которых читается в *ПВЛ* под 6562/1054 г. в известии о заключении с ними мира¹⁷⁹, начинают характеризоваться «погаными» и «безбожными» со статьи 6569/1061 г.¹⁸⁰ В ней рассказывается об их первом набеге на Русь¹⁸¹. И далее именно они собирают в *ПВЛ* основной урожай характеристик такого рода. Эти характеристики появляются систематически вплоть до статьи 6619/1111 г., повествующей о знаменитой победе русских князей на р. Салнице. Помимо «поганных»¹⁸² и «безбожных»¹⁸³, половцы оказываются под пером летописца «беззаконными»¹⁸⁴, «оканными»¹⁸⁵, а также, как уже говорилось, возводятся к праотцу Измаилу (впервые — под 6601/1093 г.)¹⁸⁶.

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163; Новгородская первая летопись ... С. 183.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

¹⁷⁹ Там же. Стб. 162.

¹⁸⁰ См. также: Kappeler A. *Ethnische Abgrenzung* ... S.128–129.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163; Новгородская первая летопись ... С. 183.

¹⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167, 172, 200, 219, 222, 223, 226, 228, 230, 233, 263, 264; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 263–264, 268; Новгородская первая летопись ... С. 184, 186, 190.

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 232, 234.

¹⁸⁴ Там же. Стб. 224.

¹⁸⁵ Там же. Стб. 233.

¹⁸⁶ Там же. Стб. 223, 232, 234.

Без сомнения, широкий шлейф конфессиональных определений, следующий за половцами в летописи вплоть до Батыева нашествия, является элементом того общего негативного образа кипчаков, который сложился в среде книжников домонгольской Руси¹⁸⁷. Впрочем, подобно самим русско-половецким отношениям, несводимым к одному военному противостоянию, этот книжный образ при ближайшем рассмотрении оказывается не таким однозначным, каким может показаться на первый взгляд. Подтверждение этому обнаруживаем при обращении к особенностям использования интересующих нас определений в различных контекстах.

Разделим известия, в которых упоминаются половцы, на четыре группы по содержанию: (1) об их нападениях на Русские земли, (2) об использовании половецких отрядов русскими князьями в ходе междоусобных конфликтов, (3) о походах русских войск в степь против половцев и (4) о мирных контактах с ними. Полновесные гроздя разнообразных негативно-конфессиональных эпитетов регулярно встречаются только в известиях первой группы. В сообщениях второй и третьей групп временами читается только определение «поганные» (которое, надо думать, имело меньший отрицательный заряд, чем прочие¹⁸⁸). В сообщениях же четвертой группы интересующие нас наименования совершенно отсутствуют (как и самоидентификация «хрестьяне»).

Закономерно, что наиболее мрачный образ половцев-иноверцев создается летописцами при описании их набегов

¹⁸⁷ *Chekin L. S. The Godless Ishmaelites: The Image of the Steppe in Eleventh-Thirteenth Century Rus' // Russian History/Russe Histoire. 1994. Vol. 19. Nos. 1–4; Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI — начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропоники. М., 2013. С. 35–38. Интересно отметить, что в это же время сходный набор негативно-конфессиональных определений (прикладываемых, правда, к мусульманам) появляется и в хрониках I Крестового похода, где среди прочих встречаются такие эпитеты как «pagani» (язычники), «infideles» (неверующие), «perfidii» (неверные, вероломные) (Луцицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 40–69).*

¹⁸⁸ При этом — следует согласиться с Е. Ч. Скржинской — это слово было всё же «порицательным... прозвищем», а не только конфессионимом (Скржинская Е. Ч. Половцы. Опыт исторического истолкования этника // Византийский временник. М., 1986. С. 259. Примеч. № 18).

на Русь — на землю христиан. Но вот слабая окрашенность разбираемыми понятиями сообщений о походах русских князей в степи (походах, которые иногда ложно квалифицируются в литературе как «крестовые»¹⁸⁹), заслуживает внимания. Так, в рассказах о четырех победоносных кампаниях начала XII в. — 1103, 1107, 1111 и 1116 гг. — «погаными» половцы названы лишь однажды (под 6619/1111 г.), хотя несколько раз именуются «врагами» русских¹⁹⁰, а русские, участвовавшие в походах, дважды названы «хрестьянами» (в первом и третьем случаях)¹⁹¹, и летописцы с видимой охотой рассуждают о помощи, полученной соотечественниками от самого Бога (в трех первых случаях). Представляется возможным говорить о том, что если под пером летописцев иноверие степняков и объясняло их агрессивность¹⁹² и прочие дурные качества (включая святотатство и богохульство¹⁹³), то отнюдь не служило само по себе аргументом для обоснования войн с ними. Главную причину этих войн летописцы видели не в «поганстве», а во враждебности половцев и никакой религиозной (антиязыческой или миссионерской) подоплеки в степных «путях» русских князей, видимо, не чувствовали.

Интересно обратить внимание и на то, что одновременно с появлением в летописи конфессиональной терминологии размежевания некоторые этнонимы, обозначавшие нехристианские народы (к примеру, волжских булгар), уже в период сложения

¹⁸⁹ См., напр.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 459; Сахаров А. Н. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV — XVII в. М., 1989. С. 52–53; Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. С. 118; Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2011. С. 12.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279, 282; Т. 2. Стб. 267.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 254, 267.

¹⁹² Акцентировка этой связи между верой язычников и их агрессивностью была характерна и для византийской культуры, оказавшей сильное влияние на формирование представлений книжного слоя Древней Руси. По словам С. А. Иванова, «когда византийцы пытались сформулировать, зачем нужно крестить “варваров”, то ответ был всегда один: чтобы ослабить их агрессивность» (Иванов С. А. Миссия восточнохристианской Церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 20–21).

¹⁹³ См., напр.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 233.

ПВЛ начали приобретать в древнерусском языке конфессиональный оттенок¹⁹⁴, что еще раз указывает на устойчивый характер зародившейся в это время диффузии между сферами этнонимии и конфессионимии¹⁹⁵.

2. XII в. Обратимся теперь к рассмотрению летописных текстов XII в., возникших позже *ПВЛ* и дошедших до нас в составе *ИЛ*, *ЛЛ* и *НЛЛст.* (до статей 6708 г. включительно).

2.1. Наблюдения за употреблением понятий «хрестяни» и «хрестьяньскыи» целесообразно начать с южнорусского летописания, отложившегося посредством Киевского свода конца XII в. в Ипатьевской летописи под 6626/1118–6708/1200 гг. На этом участке встречаются 63 случая использования изучаемых слов. Распределение их по семантическим группам в ряде эпизодов затруднено недостаточной ясностью контекста или присутствием смысловых полутонов. К первому (духовному) варианту употребления с большей или меньшей уверенностью мы отнесли 15 случаев¹⁹⁶. Остальные 48 требуют специального рассмотрения.

В рамках уже знакомой оппозиции *мы* — *чужие* слова «хрестяни» и «хрестьяньскыи» для обозначения русской стороны использованы 23 раза. Причем «хрестянам» противопоставляются уже не только язычники-половцы (как — вместе с торками — было в *ПВЛ*), но и мусульмане-булгары (2 случая в одном

¹⁹⁴ См.: *Верещагин Е. М.* Образ волжских болгар «вѣры бохмичѣ» в древнерусской книжности // *Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в Средние века: (сборник тезисов)*. М., 1990. С. 25.

¹⁹⁵ Аналогичное явление со временем затронет и католические народы. Так, Киево-Печерский патерик противопоставляет «варягов» (приверженцев «латиньской буети») «христианам», то есть православным (БЛДР. Т. 4. С. 300), а Новгородская I летопись под 6907/1399 г. называет католичество «лятской вѣрой» (Новгородская первая летопись ... С. 395). См. также: *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне ... С. 319–323. О замене конфессиональных определений этническими как о распространенном явлении в народной культуре Восточной Европы позднейшего времени см., напр.: *Белова О. В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 76–82.

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387, 444, 453, 531, 541, 552–553, 559 («...Б(огороди)щю, скорую помощьницю роду кр(е)стьяньскому»), 561, 565 («хр(е)стьяньская молитва»), 574, 591 («...и до всего хр(е)стьяньства, и до всеѣ погани» — условно; «истинное хр(е)стьяньство»), 594, 649.

известии под 6681/1173 г.)¹⁹⁷. Правда, это нововведение следует отнести не столько на счет южнорусских книжников, причастных к составлению Киевского свода, сколько на счет летописцев Суздальской земли — по всей видимости, владимирских¹⁹⁸. Для южных же летописцев единственным народом, которому они противопоставляют «христиан»-русских, остались «поганые» половцы.

Однако тут надо отметить важный нюанс. Хотя в статьях памятника за первую половину XII в. половцы упоминаются регулярно (в основном — как участники княжеских междоусобий), все случаи изучаемого словоупотребления приходится на вторую половину века. Другими словами, относятся ко времени очередного обострения русско-половецких отношений, когда ханы возобновили свои набеги на Русь¹⁹⁹. И именно в описаниях этих набегов искомые примеры встречаются чаще всего. Правда, иногда их можно найти и в сообщениях о продолжающихся усобицах с участием половцев, но такие примеры редки. По всей видимости, в таких случаях ответственность за действия кочевников летописцы возлагали по преимуществу на князей, как делали это еще авторы *ПВЛ*²⁰⁰, и подчеркивание религиозной подоплеки происходящего не казалось им важным.

Во всех разбираемых чтениях под «крестьянами» летописцы недвусмысленно имеют в виду жителей Руси — будь то рассуждения о Божьей помощи, которую «крестьяне» получают в про-

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 565 («хр(е)стьяны покры рукою своею»), 566. При желании можно отыскать в Киевском своде и косвенное противопоставление «христиан»-русских чуди и другим языческим соседям Новгорода (под 6686/1178 г.). Летопись рассказывает, что Мстислав Ростиславич Храбрый, сделавшись новгородским князем, совершил удачный поход против «поганых» чуди и намеревался продолжить наступление на других язычников — соседей Новгорода («хотя на всѣ сторонѣ поганяя»), но скончался. Далее следует некролог, в котором автор хвалит покойного за то, что он всегда был готов умереть «за Роускоюю землю и за хр(е)стьяны», в том числе и освобождая последних из плена «поганых» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 607–608, 610–611). Учитывая предшествующий рассказ о борьбе князя с «поганой» чудью, следует думать, что оборот «Роуская земля» использован тут летописцем в широком значении (хотя выше он употребляет его явно в узком — ср.: стб. 606–607), и под противопоставленными «крестьянам» «погаными» имеются в виду не только половцы (с ними князю тоже приходилось воевать), но и соседи Новгорода, которых автор некролога первым из летописцев (насколько позволяло судить сохранившиеся источники) назвал «погаными».

¹⁹⁸ Речь идет об известии о походе на волжских булгар владимирской, рязанской и муромской ратей под началом Мстислава, сына Андрея Боголюбского. Известие имеет точное соответствие в тексте *ЛЛ* под 6680 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 364).

¹⁹⁹ См.: *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. С. 112–116.

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200, 226.

тивоборстве с половцами (под 6680/1172, 6682/1174, 6691/1183, 6704/1196 гг.)²⁰¹, или упоминания «хр(е)стьянь» / «д(у)шь кр(е)стьяных», попавших в половецкий плен или освобожденных из него (под 6660/1152, 6678/1170, 6680/1172, 6685/1177, 6686/1178, 6688/1180, 6693/1185 гг.)²⁰². К примеру, киевский князь Мстислав Изяславич на княжеском «снеме» обращается к «братии» с такими словами: «пожалте си о Руской земли и о своєї отчинѣ и дѣдинѣ, оже [половцы. — А. Л.] несуть хр(е)стьяны на всяко лѣто оу вежѣ свои...». Князья в ответ выражают готовность умереть за обитателей своих отчин и дедин: «а намѣ даи Б(ог)ъ за кр(е)стьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ м(у)ч(ени)комъ причтеномъ быти» (под 6678/1170 г.)²⁰³. Аналогичный оборот встречается и в некрологической похвале князю Мстиславу Храброму под 6686/1178 г., где выражение «Руская земля» используется, видимо, в широком смысле, и «хрестьяне», таким образом, оказываются собирательным понятием для всех жителей Руси²⁰⁴. Под тем же годом половцы определены как «врази» «правовѣрнымъ кр(е)ст(ья)нымъ» и не «единемъ кр(е)стьяномъ, но и самомоу Б(ог)оу»²⁰⁵. Не столь очевидный, но весьма примечательный материал содержит летописный рассказ о знаменитом походе в степь князя Игоря Святославича (под 6693/1185 г.). Игорь, захваченный врагами на поле боя, кается в своих грехах, из-за которых его постигли страшные наказания Божьи — поражение и плен, и вспоминает, как годом раньше во время междоусобного набега на соседнюю волость разгромил городок Глебов: «много оубииство, кровопролит(ь)е створихъ в землѣ кр(е)стьяньстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ хр(е)стьянь, но взяхъ на щить городъ Глѣбовъ оу Переяславля. Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хр(е)стьяни...». Прямой межэтнической оппозиции тут нет, но «земля крестьянская», частью которой является Глебов, в контексте описываемой ситуации недвусмысленно противопоставляется Половецкой земле, в которую «моужь именемъ Чилбоукъ» ведет плененного князя²⁰⁶.

Все упомянутые выше примеры из *ПВЛ* и *ИЛ* принадлежат летописным известиям о конфликтах Руси с внешними врагами.

²⁰¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 559, 569, 632, 700.

²⁰² Там же. Стб. 460, 538, 540, 559, 605, 611, 623, 648.

²⁰³ Там же. Стб. 538.

²⁰⁴ Там же. Стб. 611–612.

²⁰⁵ Там же. Стб. 612.

²⁰⁶ Там же. Стб. 643–644. См. также сходный случай: Стб. 545.

Однако в *ИЛ* появляется и нечто совершенно новое. Где-то на пересечении второго (социоконфессионального) и третьего (параэтнонимического) значения рассматриваемых слов летописцы с середины XII в. начинают называть «хрестеянами» своих единоплеменников и единоверцев, противопоставляя их не кочевникам-врагам, а кочевникам, состоявшим в подданстве у русских князей. Всего фиксируется 7 случаев такого рода, что позволяет говорить об определенной тенденции. Под 6654/1146 г., описывая борьбу переяславского князя Изяслава Мстиславича за Киев, летописец выделяет две группы присягнувших князю людей — «хр(е)стьяныя и поганыя», разумея под первыми (как это следует из контекста) киевлян, белгородцев, васьильевцев и переяславцев, а под вторыми — черных клобуков и «все Поросье», то есть вассальный Киеву союз кочевников, располагавшийся в районе р. Рось. В той же летописной статье описывается «рать» переяславского и черниговских князей на Новгород-Северский, в которой приняли участие русские и берендеи (часть черных клобуков); приступ к городу начался с того, что князья «поустиша стрѣльцѣ свои къ градуу — и хр(е)стьяныя, и берендѣя»²⁰⁷. Этнонимический подтекст слова «хрестьянии» здесь подчеркнут его противопоставлением этнониму «берендѣи». Сходные примеры встречаем и в летописных статьях 6657/1149, 6659/1151 и 6702/1194 гг.²⁰⁸

Рассмотренный материал Киевского свода, касающийся использования слов «хрестеяни» и «хрестьяньскыи» в рамках оппозиции *мы* — *чужие*, может быть дополнен чтениями из некоторых внелетописных памятников, также возникших на Юге Руси. В своем «Поучении» Владимир Мономах, рассказывая об атаке на Чернигов князя Олега Святославича «с Половечьскою землею», пишет, что перед лицом таких врагов он решил уступить, «сѣжаливѣси х(ре)с(т)ѣяных д(у)шь и сель горящих», то есть проявляя заботу о жителях Черниговской земли, разоряемой «погаными»²⁰⁹. В домонгольском «Чюде святого Николы о половчине» рассказывается, как некий киевлянин согласился отпустить своего пленника-половца, если тот пообещает перед иконой св. Николы Мирликийского принести за себя положенный выкуп. Получив свободу, «половчин» забыл о данном слове, но после вмешательства святого был вынужден исполнить обещанное. Думая или рассуждая о своем бывшем господине из Киева, кочевник называ-

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323, 331.

²⁰⁸ Там же. Стб. 373, 419, 681.

²⁰⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249.

ет его то «русином», то (чаще) «хр(е)стианином». Соплеменники половца используют только последнее определение, а христианский Бог для них — это «Б(о)гъ руский»²¹⁰. Нарисованная автором «Чюда» картина представлений половцев о русских, в которой этнические и конфессиональные признаки оказываются тесно переплетены, отразила, без сомнения, прежде всего его собственное понимание существа дела²¹¹. (Отметим, что использование слова «русский» в качестве замены понятия «христианский» встречается еще в одном древнерусском памятнике, возникшем примерно в одно время с «Чюдом». Речь идет о Пространной редакции Устава князя Ярослава, которая, как мы уже говорили выше, строго запрещает связь христианки — «руской» — с иудеем или «бесермнинном»²¹².) Наконец, в «Слове о полку Игореве» последовательно проводится противопоставление «рускихъ сыновъ» «поганым» половцам, и это скрытое конфессиональное противопоставление раскрывается в последних строках поэмы: «Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганяя плъки!»²¹³. Контекст памятника не оставляет сомнения, что «христьяны» тут — это и есть «русские сыны», жители всех Русских земель.

Вернемся, однако, к рассмотрению фрагмента *ИЛ*, чтобы увидеть там еще одно несомненное новшество. В 18 случаях изучаемые слова употреблены для обозначения жителей Руси вне их противопоставления иноверцам, то есть в качестве автономных определений. Причем большинство таких примеров отыскиваются не в авторской речи самих летописцев, а в «речах» героев повествования — князей (13 раз) и духовных лиц (2 раза). Это позволяет думать, что

²¹⁰ Леонид (Кавелин), архим. Посмертные чудеса ... С. 48–51.

²¹¹ Мнение Б. А. Успенского о том, что оборот «Богъ руский» в «Чюде» был характерен для нерусского окружения Руси и обозначал св. Николая Мирликийского, представляется любопытным, но всё же недостаточно обоснованным для рассматриваемой эпохи. При этом исследователь признаёт, что для русского «повествователя» (автора памятника) это определение относится именно к Богу (Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 120–122).

²¹² Древнерусские княжеские уставы ... С. 88 (ст. 19). О датировке памятника в целом и процитированной статьи см.: Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь ... С. 255–257. Не исключено, что с течением времени некоторый конфессиональный оттенок приобрело и выражение «Русская земля» (см.: Ужанков А. Н. Некоторые наблюдения над «Словом о погибели Русской земли». (К вопросу о месте написания и времени присоединения его к «Житию Александра Невского»)) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 114, 117).

²¹³ БЛДР. Т. 4. С. 266.

данное словоупотребление могло бытовать и за пределами книжных текстов — например, в этикетно-дипломатическом языке с его устойчивыми речевыми конструкциями. Основание для такого предположения дает вывод ряда исследователей о стремлении летописцев к документальности при изложении ими официальных заявлений и дипломатических посланий правителей²¹⁴.

Наиболее раннее и еще не очень четкое чтение рассматриваемой группы находим уже под 6636/1128 г. в рассказе о едва не вспыхнувшей «каторе» между киевским князем Мстиславом Владимировичем и черниговским князем Всеволодом Ольговичем. Мстислав собирался начать боевые действия, выполняя крестоцеловальную клятву, данную им ранее дяде Всеволоду муромскому князю Ярославу Святославичу. Однако игумен Андреевского монастыря Григорий сумел убедить Мстислава, что нарушение «хрестьного целования» — это меньшее зло, «неж[ели] кровь пролити хрестьянскую». «Кровь хрестьянская» тут выступает как атрибут братьев по вере и не имеет эксплицитной привязки к конкретным людям. Но, произнося эти слова, игумен имеет в виду потенциальных участников конфликта — киевлян, переяславцев, муромцев и черниговцев²¹⁵. Упоминание пролития «хрестьянской» крови в сходных контекстах встречаем еще несколько раз: под 6657/1149 г. суздальский князь Юрий Долгорукий предлагает мир киевскому князю Изяславу Мстиславичу и призывает его не проливать «крови хр(е)стьяньскы»; под 6659/1151 г. киевский князь Вячеслав Владимирович, на стороне которого выступают брат его соправителя смоленский князь Ростислав Мстиславич и некоторые другие князья, пытается предотвратить столкновение с Юрием Долгоруким и черниговскими Ольговичами и выступает с тем же призывом (ситуации в обоих случаях осложнены присутствием в составе противоборствующих коалиций кочевни-

²¹⁴ По наблюдениям Д. С. Лихачёва, летописцы старались передавать дословно посольские «речи» (Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 142, 146–149, 152–153) и, конечно же, хорошо представляли себе их ключевые формулы. О «документальном» характере княжеских речей на страницах Киевского свода см. также: Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.–Л., 1949. Т. 7. С. 74–79; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 353; Гимон Т. В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // Восточная Европа в древности и Средневековье: XXX Юбилейные чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–20 апреля 2018 г. Материалы конференции. М., 2018. С. 64–71.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 291.

ков, но этот момент в летописных отчетах о переговорах не акцентируется); под 6667/1159 г. черниговский князь Святослав Ольгович указывает на свое прежнее смирение («не хотя крови пролити хр(е)стьяньски») и упрекает киевского князя Изяслава Давыдовича в вероломстве; под 6685/1177 г. — князья Роман и Рюрик Ростиславичи, «не хотяче гоубити Роуской земли и кр(е)ст(ья)ньской крови проливати», без боя уступают Киев черниговскому князю Святославу Всеволодичу (который, правда, уже пригласил себе на помощь половцев); под 6703/1195 г. — митрополит Никифор II примиряет киевского князя Рюрика Ростиславича с владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо, говоря при этом так: «мы есмы приставлены в Роуской земле от Б(ог)а востягивати васъ от кровопролитья, ажъ ся прольяти крови кр(е)стьяньской в Роуской земле» (здесь обращает на себя внимание употребление топонима «Руская земля» в безусловно широком значении)²¹⁶. В княжеских «речах» при описании мирных переговоров часто встречается еще одна устойчивая формула: «Руских деля земель и хрестьян деля». Ради «Руских земель» / «Руской земли» и «хрестьянь» мирятся Ольговичи и Мстиславичи (под 6656/1148 г.), готов к миру с киевским князем Изяславом Мстиславичем князь Юрий Долгорукий (под 6657/1149 г.), другой киевский князь, Вячеслав Владимирович, желает замирииться с Юрием Долгоруким и Ольговичами (под 6659/1151 г.)²¹⁷; «хр(е)стьяных дѣля д(у)шъ, а бышь не погинули» готов отступить от Чернигова в пользу князя Изяслава Давыдовича князь Святослав Ольгович (под 6663/1155 г.)²¹⁸. Находим и другие, еще более выразительные, случаи того же словоупотребления. Под 6656/1148 г. в описании упомянутых уже мирных переговоров между Ольговичами и Мстиславичами содержится показательная оппозиция «Роускою землю гоубити» — «хр(е)стьянь блюсти», а ниже встречается оборот «Роуской земли блюсти»²¹⁹. «Блюдение» (сохранение) «Руской земли» оказывается, таким образом, тем же самым, что и «блюдение» населяющих ее людей — «хрестьян». Под 6657/1149 г. о князе Андрее Боголюбском, склоняющем отца к миру с князем Изяславом Мстиславичем, сказано: «сущю бо ему м(и)л(о)ст(и)ву на свои родъ [князей Рюриковичей. — А. Л.], паче же — на кр(е)стьяны»²²⁰.

²¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 380, 429, 431, 500, 605, 684.

²¹⁷ Там же. Стб. 365–366, 380, 429–431.

²¹⁸ Там же. Стб. 478.

²¹⁹ Там же. Стб. 364, 366.

²²⁰ Там же. Стб. 392.

Как видим, приложение к жителям Русских земель собирательного определения «хрестьяне» и производных от него вне противопоставления иноплеменникам-иноверцам имеет на данном отрезке *ИЛ* систематический характер. «Хрестьяне» в приведенных случаях — это больше, чем просто единоверцы, это «свои» люди, подданные русских князей.

О том, что такая словоупотребительная практика не была изобретением летописцев, а, скорее всего, действительно пришла в летопись из живого языка, свидетельствуют и два внелетописных памятника, возникших раньше, чем рассмотренные чтения *ИЛ*. Первый из них — письмо князя Владимира Мономаха к князю Олегу Святославичу (1097 г.), где автор называет «христианами» страдающих от княжеских ссор жителей Русских земель и не противопоставляет их при этом кочевникам: «не хочу я лиха, но добра хочу брат(ъ)и и Русьскѣи земли... Оже ли кто вас [князей. — *А. Л.*] не хочет добра, ни мира х(ре)с(т)ьяном, а не буди ему от Б(ог)а мира оузрѣти...»²²¹. Перед нами знакомая синонимическая пара «Русская земля» — «хрестьяне». Второй памятник — это «Житье и хоженъе» игумена Даниила (начало XII в.). На Святой Земле Даниил, называющий себя «игуменом... Руския земля» и устанавливающий на Гробе Господнем лампаду «от всея Русьскыя земля», не забыл упомянуть имена своих соплеменников: «князь русских и княгинь, и дѣтей ихъ, епископъ, игумень, и боярь, и дѣтей моих духовных, и всѣх христианъ», усердно молился «за князи русскыя и за вся христианы»²²². В обоих случаях Даниил прибегает к существительному «христианы» для обозначения не христиан вообще, а именно жителей Русской земли. И это при том, что он свободно употребляет это существительное и в других смыслах, а для своих единоплеменников знает и вполне определенное этнонимическое определение — «русьстии сынове»²²³.

(Интересно, что в первой приведенной цитате из «Житья и хоженъе», отдаленно напоминающей перечисление лиц и групп

²²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 254–255. К параэтнонимическому варианту, видимо, относится и употребление интересующего нас слова в начальной (дефектной) фразе «Почтения», где Мономах говорит о спасении «от всѣх бѣдъ» множества «х(ре)с(т)ьяных людиин» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 241).

²²² БЛДР. Т. 4. С. 26, 108, 116.

²²³ Там же. С. 34, 36, 50, 56, 78, 98, 114.

в некоторых богослужебных текстах — ектеньях и молитвах²²⁴, «христиане» у Даниила выступают как бы синонимом понятия «люди»²²⁵. Они отделены от князей, бояр и высшего духовенства²²⁶. Из-за этого слово приобретает определенное социальное звучание, которое с течением времени будет укореняться в языке как один из вариантов смысла. Сходный подтекст слова встречаем, к примеру, в «Наказании» тверского епископа Семёна (вторая половина XIII в.). Порицая князя, который дает власть «лиху челоуѣку губити *люди*», владыка восклицает: «Будет ли князь без Божия страха, христьян не жалуеть, сир[о]т не милуеть, и вдовицами не печалуеть, — поставляеть тивуна или коего волостеля, человека зла...»²²⁷.)

Конечно, в процитированных местах — и в летописи, и за ее пределами — исследуемые слова еще не имеют прямого этнонимического смысла. Связь между ними и часто встречающимся рядом понятием «Русская земля» носит скорее корреляционный характер. Однако, как представляется, в текстах уже налично совершенно определенное культурное «ощущение» — такое, из каких в конечном счете и вырастает этническое самосознание²²⁸. Христианская вера осознаётся и князьями, и книжниками как важнейший атрибут обитателей Руси, как их сугубая коллективная ценность, делающая, в частности, недопустимым пролитие их крови. В этой связи показательно, что автор «Слова о князьях» в том же XII в. стыдит потомков Рюрика за то, что они поднимают руку не только «на братию» (других русских князей), но и на «единовѣрники своя»²²⁹, а епископ Серапион в XIII в., призывая владимирцев быть милостивыми к каждому из «брат(и)и своей», будь

²²⁴ См.: ОР ГИМ. Син. 605. Служебник, нач. XIV в. Л. 10об., 29об.—30об., 39—39об. (ср.: *Георгиевский А. И.* Чинопоследование Божественной литургии. М., 1951. С. 27, 40, 49, 68—69, 83). Та же схема используется и в молитве «за вся крестяны» преп. Феодосия Печерского (см.: БЛДР. Т. 1. С. 452, 454).

²²⁵ Ср. с договором 944 г.: «...послании от Игоря, великого князя Рускаго, и от всякоя княжя и от всѣхъ людий Руския земля» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47).

²²⁶ Не столь явное, но близкое словоупотребление видим у Кирилла Туровского (XII в.), который вкладывает в уста нерадивому схимнику, нарушившему пост, такое оправдание: «“Крестяне звали, а паки заговѣю!”». Здесь «крестяне» — это миряне, невольно искушающие инока (БЛДР. Т. 4. С. 200).

²²⁷ БЛДР. Т. 5. С. 394.

²²⁸ См.: *Толстой Н. И.* Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). С. 441.

²²⁹ БЛДР. Т. 4. С. 228.

то «велможа или простыи», восклицает: «Не таков же ли ч(е)л(о)-в(ѣ)къ, яко же и ты? Не звѣрь есть, ни иновѣрец!»²³⁰ Именно вера оказывается определяющим признаком своих — «братии». Уместно тут вспомнить и преподобного Феодосия Печерского, который еще в XI в. в своей «Молитве за вся крестьяны» просил Бога обратить язычников «на крестьянство», после чего, по его убеждению, они станут «братья наша»: «Иже суть погани, Господи, обрати я на крестьянство, и ти будутъ братья наша»²³¹.

Обратимся к Лаврентьевской летописи, которая в статьях с 6619/1111 г. до середины 50-х гг. XII в. отразила в основном южнорусское летописание, а начиная со второй половины 50-х гг. и до конца XII в. — по преимуществу летописание различных центров Суздальской земли. В этих границах присутствуют 22 случая использования слов «хрестеяни» и «хрестьяньскыи». Из них к первому (духовному) варианту употребления мы отнесли 14 случаев²³². К третьему (параэтнонимическому) — 8. Из этого числа семь читаются в составе текстов, параллельных с *ИЛ*²³³, и еще один не имеет соответствия в *ИЛ*. Находится он под 6644/1136 г. в составе южного по происхождению известия. В нём летописец обвиняет подступивших к Киеву и готовых напасть на город Ольговичей в желании «пролить кровь... хр(е)с(т)ьяньскую»; на стороне Ольговичей воюют половцы, но на этом внимание читателя не заостряется²³⁴. Что же до семи общих с *ИЛ* примеров, то по крайней мере в двух из них, уже упоминавшихся выше, мож-

²³⁰ Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прибавление к исследованию. С. 14–15. Внешне похожее, но иное по смыслу сопоставление диких зверей и людей другой веры встречаем у игумена Даниила в его «Хожении»: «Божиею помощию укрѣпляем, походих мѣста та святаа, не видѣх нигдеже поганах, ни лютаго звѣри, ни пригоди ми ся видѣти иного зла ничтоже...» (БЛДР. Т. 4. С. 106). Здесь игумен вспоминает «поганах» в числе различных опасностей, подстерегающих паломника, причем, как следует из контекста памятника, имеет в виду не иноверцев вообще, а разбойников из их среды.

²³¹ БЛДР. Т. 1. С. 452.

²³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 310, 355–356, 361 («роду хр(е)с(т)ьяньску»), 362, 364 («хр(е)с(т)ьяньска м(о)л(и)тва»), 367, 370, 392–393, 396, 400, 412. Под 6693/1185 г. в рассуждении по поводу крупного пожара в г. Владимире летописец цитирует поучение из *ПВЛ* о нашествии половцев на Киев в 1193 г., и в том числе фразу: «на хр(е)с(т)ьяньскѣ родѣ страх и колѣбанье, и бѣда оустранися [упространися]» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 393. Ср.: Стб. 223). Однако если в *ПВЛ* контекст позволял разглядеть в выражении «хр(е)с(т)ьяньский род» определенный этнонимический оттенок (см. выше), то здесь он почти отсутствует (хотя ясно, что речь идет именно о жителях погоревшего города).

²³³ Там же. Стб. 297, 325–326, 339, 361, 364.

²³⁴ Там же. Стб. 304.

но видеть руку не южного, а владимирского летописца. Речь идет об известии *ЛЛ* под 6681/1173 г. о походе на Волжскую Булгарию суздальско-рязано-муромской рати под началом князя Мстислава, сына Андрея Боголюбского. При возвращении с этой тяжелой, но в целом удачной войны русские отряды едва не были настигнуты болгарской погоней. Но, рассказывает летописец, Бог обратил преследователей вспять, «хр(е)с(т)ьяны покрывъ рукою Своею», и «хр(е)с(т)ьяне, хваляще Б(о)га, возвратишася в своя си»²³⁵. Как видим, летописцы Суздальской земли не только пассивно принимали интересующее нас словоупотребление вместе с известиями из своих южных источников, но и применили его на практике, распространив понравившийся подход на новый народ, перипетии отношений с которым занимали их не меньше, чем южных летописцев — отношения с половцами.

В новгородском летописании XII в., как оно сохранилось в старшем изводе Новгородской I летописи, отыскивается 8 случаев использования интересующих нас слов. Из них 6 относятся к первому варианту употребления²³⁶, а 2 — к третьему, причем вне оппозиции *мы* — *чужие*. Под 6688/1180 г. летописец описывает междоусобье, в ходе которого с одной стороны выступают черниговцы, новгородцы и половцы во главе с князем Святославом Всеволодовичем, с другой — «суждальци», рязанцы и муромцы во главе с князем Всеволодом Юрьевичем. Рати сходятся на берегах р. Влены. Имеют место отдельные стычки, но до генерального сражения дело не доходит, поскольку, отмечает летописец, «Богъ своею милостью боле кръве не проляя кръстьяньстѣи»²³⁷. Аналогичное чтение имеется и под 6706/1198 г., где описывается конфликт между Новгородом и Полоцком и сказано, что «Богъ... не вда кръви пролѣтъя кръстьяномъ межи собою»²³⁸.

Таким образом, летописание XII в., как и некоторые литературные источники этого времени, фиксирует расширение диапазона паразитнонимического использования слов «хрестяни» и «хрестяньский». Книжники начинают постепенно расширять акцентированную границу между христианами-русскими и их иноверными соседями. По ту сторону этой границы у южно-русских летописцев вместе с половцами временами оказываются

²³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 364.

²³⁶ Новгородская первая летопись ... С. 29, 36, 40, 42, 44 (везде в рамках клише: церковь/монастырь — «крѣстьяномъ (прибежище)» / «радость крѣстьяномъ»).

²³⁷ Там же. С. 36. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 618–619.

²³⁸ Новгородская первая летопись ... С. 44.

уже и кочевые сообщества черных клобуков, с которыми русских князей связывали в целом партнерские, хотя и не безоблачные отношения, а у летописцев Суздальской земли — мусульмане-булгары, с которыми, напротив, время от времени вспыхивало вооруженное противостояние. Обращает на себя внимание и намечающаяся практика обозначения русских с помощью изучаемых слов без их противопоставления иноверцам.

2.2. Обращение ко второму типу лексики размежевания в летописании XII в. — негативным эпитетам — дает во многом сходную картину. Наибольшее число таких эпитетов по-прежнему притягивают половцы. И если в летописных статьях до середины столетия рассматриваемые прозвания крайне редки (несмотря на регулярное участие половецких отрядов в межкняжеской борьбе) и представлены лишь одним вариантом — «поганые»²³⁹, то в период обострения русско-половецких отношений второй половины века негативно-конфессиональная лексика становится обильной и разнообразной. В первую очередь это относится к южному летописанию, в меньшей степени — к северо-восточному (в *НПЛ* ее пока еще нет совсем). Летописцы используют весь фонд негативных определений, читавшихся в *ПВЛ* («поганые»²⁴⁰, «безбожные»²⁴¹, «оканьнии»²⁴², «безаконные»²⁴³, потомки Агари и Измаила²⁴⁴), и даже находят новые — «неч(и)стии ишадья деломъ и нравомъ сотонинымъ»²⁴⁵, «нечестивые»²⁴⁶. Кроме того, хан Кончак персонально назван не только «оканьным» и «безбожным», но и «б(о)гостудным», «злоу начальником» и «треклятым»²⁴⁷.

Распределение эпитетов по тематическим группам сообщений остается таким же, как было в *ПВЛ*. Обильно они используются лишь в рассказах о половецких набегах на земли Руси. В известиях же об ответных походах князей или об участии половцев в межкняжеских войнах встречается обычно только наименование «по-

²³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296; Т. 2. Стб. 290, 304.

²⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 360, 363, 383–384, 388; Т. 2. Стб. 558, 563, 603, 612, 623, 632, 637, 645, 648, 672, 672, 673, 678, 695.

²⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414; Т. 2. Стб. 612, 628.

²⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612, 628, 700.

²⁴³ Там же. Стб. 644.

²⁴⁴ Там же. Стб. 612, 628, 700.

²⁴⁵ Там же. Стб. 612.

²⁴⁶ Там же. Стб. 700.

²⁴⁷ Там же. Стб. 612, 634.

ганные», а в сообщениях о мирных контактах с половцами рассматриваемых определений нет вовсе.

За словом «обычно» в предыдущей фразе мы спрятали два неявных исключения из *ИЛ*, которые, скорее, подтверждают правило. Под 6693/1185 г. автор Повести о походе на половцев Игоря Святославича говорит, что князь, оказавшись в плену, кается в своих грехах и признаёт, что «в роуки безаконнымъ» он был предан Богом за свое «безаконие»²⁴⁸. Наименование половцев «безаконными» происходит в ситуации, когда инициатива уже перешла от Игоря, начавшего войну, к самим кочевникам. Кроме того, появление этого определения могло быть обусловлено и чисто литературной предпосылкой — желанием автора обыграть созвучие слов «безаконие» (греховность) и «безаконные» (не знающие истинной веры). В другом месте *ИЛ*, под 6704/1196 г., речь идет о заключении мира между князьями, и летописец с удовлетворением восклицает, что Бог не дал радости «дикымъ половцемъ, ажъ бяхоуть на се готови и оустремилися на кровопролитье, и обрадовалися бяхоуть свадѣ в Роускихъ князехъ; избави Б(ог)ъ кр(е)ст(я)янь от роукъ неч(е)ст(и)выхъ и оканьныхъ агарянь...»²⁴⁹. Из контекста ясно, что половцы могли принять участие в несостоявшемся междоусобье. Но летописец говорит о них тут не как о союзниках одного из князей, а скорее как о самостоятельной силе, готовой воспользоваться княжеской ссорой для собственного набега.

Помимо половцев в южнорусском летописании XII в. встречаются единичные случаи приложения негативно-конфессиональных определений к другим народам: торкам, которые в *ЛЛ* под 6633/1125 г. охарактеризованы как «проклятые»²⁵⁰; черным клобукам, которые в *ИЛ* под 6654/1146 и 6658/1150 гг. наречены «погаными» (в отличие от своих соратников-русских)²⁵¹; берендеям, которые в *ИЛ* под 6677/1169 г. устами обманувшегося в их преданности князя Владимира Мстиславича награждены тем же эпитетом²⁵²; чуди и, возможно, некоторым другим неназванным языческим соседям Новгорода, которые в *ИЛ* под 6686/1178 г. при упоминании вооруженных конфликтов с ними также названы «погаными»

²⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 644.

²⁴⁹ Там же. Стб. 700.

²⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 295.

²⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323, 401.

²⁵² Там же. Стб. 537.

(несколько раз)²⁵³. (По-видимому, по некоторой оплошности позднейшего переписчика в этом же ряду оказались и поляки, которые в *ИЛ* под 6651/1143 г. поименованы «безбожными», что никак не мотивировано контекстуально²⁵⁴ и является аномальным для рассматриваемого периода, когда изображение католиков в летописи оставалось нейтральным.) Эти разрозненные чтения еще не складываются в четкую тенденцию, но всё же свидетельствуют о постепенном растягивании линии конфессионального размежевания, что мы наблюдали и на примере паразитнонимического употребления слов «хрестеяни» и «хрестеяньский» (так, оба комплекса изучаемой лексики синхронно акцентировали конфессиональную границу между русскими и «своими» кочевниками).

Еще более убедительно о том же самом свидетельствует появившиеся со второй половины XII в. и на сей раз уже не единичные случаи приложения негативно-конфессиональных эпитетов к еще одному этносу — волжским булгарам²⁵⁵ (которым, как говорилось выше, в то же самое время стали противопоставляться «хрестьяне»-русские). Булгары начали систематически именоваться в летописи «погаными», а одним из летописцев были названы сверх того еще и «бохмитами». Эти нововведения фиксируются в известиях о походах русских князей против Волжской Булгарии в *ЛЛ* под 6672/1164, 6680/1172 и 6692/1184 гг. и в *ИЛ* под 6681/1173 и 6690/1182 гг. (а также в Повести об убиении Андрея Боголюбского в *ИЛ*)²⁵⁶. Названные статьи *ИЛ* почти идентичны

²⁵³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 607–608, 610. Князь Мстислав Ростиславич перед лицом новгородских «моужей» говорит про чудь, что «обидять ны погании» (видимо, речь идет о нападении чуди на Псков, описанном в *НЛ* под 6684/1176 г. — Новгородская первая летопись ... С. 35), затем в известии *ИЛ* описан поход на «Чюдскоую землю», завершившийся победой над «погаными», а ниже в некрологе Мстиславу вновь говорится о его борьбе с «погаными» во благо Новгорода и о его оставшихся неосуществленными планах повоевать за Новгород «на всѣ сторонѣ поганья».

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313. Речь идет о свадьбе князя Святослава Всеволодовича, сына Всеволода Ольговича, на которую, по словам летописи, «скоупишася братья вся и безбожни ляховѣ». Если перед нами действительно ошибка, то появилась она сравнительно рано, поскольку отразилась в обоих старших списках памятника.

²⁵⁵ См. также: *Kappeler A. Ethnische Abgrenzung ... S. 130–131; Коновалова И. Г. Древняя Русь и Волжская Булгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // Восточная Европа в Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 1999. С. 79–80.*

²⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352, 364, 390; Т. 2. Стб. 565, 590, 625–626.

двум последним статьям *ЛЛ* (за исключением отдельных чтений статьи *ИЛ* за 6690/1182 г.²⁵⁷). Происхождение этого общего для двух памятников летописного материала не оставляет сомнения, что инициаторами новшества были летописцы Суздальской земли из столичного Владимира²⁵⁸. Новые краски в изображении болгар появились на фоне обострения русско-болгарских отношений, начавшегося с середины столетия и затронувшего главным образом владимирских князей и их союзников²⁵⁹.

К сказанному следует добавить, что негативно-конфессиональные эпитеты, намекающие, по-видимому, прежде всего на болгар, появляются в это время и в ростово-владимирской гимнографии²⁶⁰.

3. XIII в. Для изучения третьего хронологического отрезка мы привлекли тексты *ЛЛ* от статьи 6709 г. и до конца памятника (с восполнением лакун под 6771–6791 и 6796–6802 гг. по *Сим.*²⁶¹), *НЛст* на участке 6709–6808 гг. (с восполнением лакуны под 6781–6806 гг. по Комиссионному списку *НЛмл*) и Галицко-Волынской летописи (по *ИЛ*).

²⁵⁷ См.: *Ведюшкина И. В.* Летописные повести о походе Всеволода Большое Гнездо на Волжскую Булгарию в 1183 году // *Восточная Европа в древности и Средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии.* XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2002. С. 35–37.

²⁵⁸ Подробнее вопрос о происхождении общих и созвучных чтений *ЛЛ* и *ИЛ* о волжских булгарах будет рассмотрен в гл. IV, § 2.1.

²⁵⁹ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 214–215.

²⁶⁰ Канон Покрову Пресвятой Богородицы, составленный, скорее всего, в 60-е — начале 70-х гг. XII в. (см.: *Воронин Н. Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы в XII в. // *Византийский временник.* М., 1965. Т. 26. С. 214; *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 88–89), в 1-м тропаре 9-й песни содержит прошение о даровании князю «на поганая побѣду» (ОР ГИМ. Син. 325. Псалтирь с шестодневом и избр. службами, XIV в. Л. 128об.). Представляется верным мнение Н. Н. Воронина, что речь тут идет не о «далеких половцах», а о «соседних болгарях» (*Воронин Н. Н.* Из истории ... С. 213). Канон свт. Леонтию Ростовскому, возникший, очевидно, в конце XII в. (см.: *Каган М. Д.* Иоанн, епископ Ростовский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 212), в 3-м тропаре 9-й песни содержит мольбу о низложении «под нозѣ правовѣрному и бл(а)гозвумному князю нашему» неких «нечестивых» врагов, под которыми, учитывая явно ростовское происхождение памятника, следует понимать прежде всего болгар (ОР ГИМ. Епарх. 407 (648). Сборник жит.-учительный, 1548 г. Л. 38об.—39; см. тж.: ОР РГБ. Ф. 304. Оп.1. № 327 (858). Псалтирь с восслед., XVI в. Л. 635).

²⁶¹ При использовании *Сим.* производилась сверка чтений памятника с сохранившимися фрагментами *Тр.*

3.1. Рассмотрение слов «хрестеяни» и «хрестьяньскый» в летописании XIII в. начнем с *ЛЛ-Сим.* На участке от начала столетия до статьи 6813/1305 г. (где *ЛЛ* заканчивается) там представлены главным образом тексты северо-восточного происхождения (с доминированием ростовских и владимирских), а также вкрапления из летописных памятников других регионов. В указанных границах (с восполненными по *Сим.* лакунами) изучаемые слова встречаются 35 раз. Из них 17 мы отнесли к первому (духовному) варианту употребления²⁶², оставшиеся 18 — к третьему (параэтнонимическому).

Вне оппозиции врагам-иноверцам для обозначения жителей Руси слово «хрестьяне» употреблено 1 раз (под 6713/1205 г. князь Всеволод Большое Гнездо отказывается от междоусобья на Юге «хр(е)с(т)ьянь дѣля»²⁶³).

В рамках названной оппозиции слова использованы 17 раз: при противопоставлении русских половцам (под 6710/1202, 6713/1205, 6731/1223 гг.)²⁶⁴, пришедшим им на смену монголам (под 6745/1237, 6746/1238, 6771/1263, 6783/1275, 6786/1278, 6789/1281, 6791/1283 гг.)²⁶⁵, а также откупщикам ордынской дани — «бесурменам» (под 6770/1262 г.)²⁶⁶, а еще — литве (под 6733/1225, 6793/1285 гг.)²⁶⁷, чего раньше в летописании также

²⁶² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 420 («роду хр(е)стьяньскому», «всякыи хр(е)сть[я]ныи»), 425, 439, 449, 452, 461–462, 464 («по правовѣрнѣи вѣрѣ хр(е)с(т)ьяньстѣи»), 465, 468–469, 476 («хр(е)с(т)ьяном велику досаду»), 488.

²⁶³ Там же. Стб. 421.

²⁶⁴ Там же. Стб. 418, 420 («рад(о)сть велика всѣм хр(е)с(т)ьяном Русской земли»), 446. В Летописце Переяславля Суздальского есть еще одно чтение такого рода, отсутствующее в *ЛЛ*, — под 6714/1206 г. в известии об удачном походе рязанских князей на половцев говорится, что рязанцы «хр(и)стианъ немало отположиша и пустиша ихъ въсвои» (ПСРЛ. М., 1995. Т. 41. С. 127).

²⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464 («на хрестьяньскѣ родѣ страх и колѣбанье, и бѣда оупространися»), 466–467; Т. 18. С. 72, 74, 76, 78, 79; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 328, 332, 335. То же встречаем и в «Повести о житии» Александра Невского (БЛДР. Т. 5. С. 368).

²⁶⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476 («въ сердца крестьяномъ», «души крестьяньскыя раздано ведоша»).

²⁶⁷ Там же. Стб. 448, 483. Показательно, что примерно с этого же времени по отношению к литве летописцы начинают использовать негативно-конфессиональные эпитеты, что также не встречалось ранее (*Kappeler A.* *Ethnische Abgrenzung ...* S. 133). По-видимому, именно из этого противопоставления русских/христиан литве со временем и вырастет знаменитый оборот московско-новгородского договора с Тверью 1375 г. «князи велиции крестьяньстии», указывающий, по заключению В. А. Кучкина, на русских православных князей — союзников Москвы, «княжества которых граничили с литовскими вла-

не было. Почти во всех этих случаях речь ожидаемо идет о конфликтных ситуациях или их прямых последствиях. Обороты, в которых встречается данное словоупотребление, аналогичны тем, которые рассматривались применительно к XII в.

На исследуемом отрезке *ЛЛ* отдельного упоминания заслуживает известие под 6737/1229 г. о «страсти новаго мученика Христова» Авраамия²⁶⁸. Мученик прибыл по торговым делам в Волжскую Булгарию, где его захватили болгары, принуждали «отвергнися Х(ри)с(т)а и вѣры хр(е)с(т)ьяньскыя», но он «не покорися» и был за это убит в «Великом градѣ» (Бряхимове), а «Русь хрестьяне» (находившиеся там русские) похоронили его. Приступая к этому скорбному рассказу, летописец подчеркнул, что Авраамий «быс(ть) иного языка, не рускаг(о), хр(е)с(т)ьян же сы»²⁶⁹. В слове «хрестьян» здесь явно актуализирован духовный смысл, однако фраза в целом заключает в себе важный для летописца нюанс: мученик был христианином, но не был русским. Характерно, что позднейший редактор, правивший этот текст, не только почувствовал, но и усилил скрытую в нём антитезу: Авраамий, согласно версии этого рассказа в московских сводах, был «инога языка, не русьскаго, *но* христьянъ сыи»²⁷⁰. Чтение *ЛЛ* лишний раз указывает на сформировавшуюся связь между понятиями «хрестьяне» и «русьскы языкъ». Разрыв этой связи потребовал от летописца некоторого усилия и, как следствие, — краткой оговорки.

В новгородском летописании XIII в., отразившемся в *НЛст* (с восполненной лакуной по *НЛмл*), отыскиваем 19 случаев употребления изучаемых слов, из которых к первому семантическому варианту можно отнести 6 случаев²⁷¹, к третьему — оставшиеся 13.

Из этих 13 случаев вне оппозиции соседям-иноплеменникам слова употреблены 3 раза: под 6762/1254 г. — летописная статья

дениями или находились близко от них» (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 196–197, 340).

²⁶⁸ Имя святого сообщается в следующей погодной статье — 6738 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 453).

²⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452.

²⁷⁰ ПСРЛ. М.—Л., 1949. Т. 25. С. 123; СПб., 1885. Т. 10. С. 97.

²⁷¹ Новгородская первая летопись ... С. 60, 70, 73 («кровопролитию крестьянску»), 81 («христьяномъ радость»), 84 («вѣру христьянскую», «вѣры христьянскыя»).

ограничивается одной фразой: «Добро бяше христьяномъ»²⁷², под 6763/1255 и под 6778/1270 гг. — в обеих статьях речь идет о недопущении «кровопролития христьяномъ» (в первой — во время конфликта между новгородцами и князем Александром Невским, пришедшим на Новгород «ратью» с низовцами и новоторжцами, во второй — во время едва не начавшегося крупного междоусобья с участием тверичей, переяславцев, смолян, новгородцев, псковичей, ладожан, а также корелы, ижерян и вожан)²⁷³.

В оставшихся 10 случаях слова «хрестеяни» и «хрестьяньский» использованы для обозначения жителей Русских земель при их противопоставлении врагам-язычникам: половцам (под 6732/1224 г.)²⁷⁴, монголам (под 6746/1238, 6767/1259 гг.)²⁷⁵ и, чаще всего, литве (под 6742/1234, 6761/1253, 6773/1265, 6774/1266 гг.)²⁷⁶. При чем литве — в связи с иными, нежели в *ЛЛ*, историческими событиями. Это указывает на быстрое распространение новой языковой практики в XIII в., в эпоху резкого усиления литовской экспансии, непосредственно затронувшей Новгородскую землю. Как и в *ЛЛ*, практически все чтения группы находятся в сообщениях о межэтнических столкновениях или конфликтных ситуациях (какой, например, была едва не приведшая к мятежу ордынская перепись в Новгороде зимой 1259/60 г., в рассказе о которой летописец назвал усадьбы горожан «домами христьяньскими»). Доминирующим в группе является хорошо известный нам оборот «кровь крестиянская» (7 случаев).

²⁷² Новгородская первая летопись ... С. 80. Не исключено, что здесь всё же присутствует скрытое противопоставление христиан/русских и их соседей, поскольку под предыдущим 6761/1253 г. летописец описывает ряд военных столкновений с литвой, проливающей «кровь христьянскую», и немцами, которых именует «оканьнии преступници правды». Впрочем, эта интерпретация необязательна, т. к. выше (под 6759/1251 и 6760/1252 гг.) речь идет о голоде в Новгородской земле, а также большом новгородском пожаре, и фразой «добро бяше христьяномъ» летописец мог подвести черту под всей вереницей неприятностей — как внутренних, так и внешних.

²⁷³ Там же. С. 81, 89.

²⁷⁴ Там же. С. 62.

²⁷⁵ Там же. С. 75, 83. Возможно, в *НЛЛсм* первоначально читался еще один пример противопоставления христиан/русских монголо-татарам — под 6801/1293 г. Содержащий эту летописную статью участок текста (между листами *НЛЛсм* 150об. и 151 позднейшей пагинации) был утрачен, но в младшем изводе летописи, где пропуска текста нет, сообщается, что Дюденева рать, затронувшая Владимир, Москву, Дмитров, Волок «и инии грады», принесла «много <...> пако-сти крестияномъ» (Там же. С. 327).

²⁷⁶ Там же. С. 73, 80, 84 («кровь христьянскую», «въ христьянехъ»), 85.

Интерес представляет рассказ *НЛст* о литовских событиях под 6773/1265 г. Вспоминая факты из биографии принявшего православие и монашеский постриг литовского князя Войшелка, сына Миндовга, летописец написал, что он «сгради собѣ манастирь въ христьянехъ», то есть за пределами языческой Литвы. О точном расположении этого монастыря сообщает *ИЛ*: «на рѣцѣ на Неманѣ межи Литвою и Новымъгородькомъ»²⁷⁷. Речь идет о регионе (впоследствии получившем наименование «Черной Руси»²⁷⁸), который в то время переходил под власть литовских князей. Таким образом, за определением новгородского летописца «въ христьянехъ» скрывается указание на одну из окраинных волостей Руси. В погодной статье также сообщается, что после того, как Войшелк (родственник галицко-волинских князей и союзник князей пинских), пойдя «на поганую литву», победил ее, «по христьяньской земли веселие бысть всюда»²⁷⁹. Нетрудно догадаться, что «христьянская земля» в данном случае — это прежде всего земли Руси, страдавшие от литовских набегов.

Галицко-волинское летописание, сохранившееся в *ИЛ* на участке со статьи 6709/1201 по статью 6800/1292 г. (где летопись заканчивается), включает 8 случаев употребления изучаемых слов. Из них 3 можно отнести к первому варианту употребления²⁸⁰. Оставшиеся 5 случаев принадлежат к числу сложных и требуют специального рассмотрения.

Под 6732/1224 г. в рассказе о битве на р. Калке, в котором отразился труд киевских и галицких книжников²⁸¹, говорится, что монголы победили «роуьскыя князя за прегрешение кр(е)сть(я)ньское», но Бог, ожидая «покаяния кр(е)стьяньскаго», «обрати и [татар. — *А. Л.*] воспать на землю восточную»²⁸². В прилагательном «крестьяньский» тут, как кажется, актуализирован одновременно и первый, и третий оттенок смысла: летописец рассуждает о духовной стороне произошедших событий (грехи христиан вызвали гнев Божий, и чтобы он не усилился, необходимо покаяться), но речь явно идет не о христианах вообще, а христианах Руси.

²⁷⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 859.

²⁷⁸ О позднем происхождении топонима «Черная Русь» см.: *Кибинь А. С.* От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. М., 2014. С. 174–186.

²⁷⁹ Новгородская первая летопись ... С. 84–85.

²⁸⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809, 859, 869.

²⁸¹ См.: *Романов В. К.* Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980 год. М., 1981. С. 99–103.

²⁸² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745.

Следует отметить, что при желании подобный этногеографический подтекст можно увидеть и в некоторых других случаях, выше отнесенных к первому типу употребления, однако в данном эпизоде этот подтекст ясно подчеркнут самим летописцем: наказание «за прегрешение крестьяньское» (выше уточняется — произошло всё «грѣхъ ради нашихъ»²⁸³) несут «роусьскыя князи», а люди, от которых Бог ожидает «покаяния крестьянскаго», косвенно противопоставлены обитателям «земли восточной», в которую уходят кочевники.

Любопытные случаи использования изучаемых слов содержит повествование под 6759/1251 и 6760/1252 гг. По свидетельству летописца, во время совместного русско-польского похода на ятвягов князь Даниил Галицкий обратился к войску с такими словами: «О, моужи воистии! Не вѣсте ли, яко кр(е)ст(ь)яномъ пространство есть крѣпость, поганым же есть тѣснота...». Как следует из контекста, под общим наименованием «крестьян» язычникам-ятвягам тут противопоставлены одновременно и православные-русские, и католики-поляки²⁸⁴. Еще один, более яркий, пример такого же словоупотребления встречаем в речи посла, отправленного галицкими князьями к князьям польским с предложением о новом совместном походе на литву: «Время есть христьяномъ на поганѣѣ, яко сами имѣють рать межи собою»²⁸⁵. Перед нами редчайшие примеры, когда на страницах разбираемых памятников слово «хрестьяне» применено для обозначения православно-католической конфессиональной общности (хотя наименование католиков «христианами» в духовном смысле в летописании изредка встречается²⁸⁶). Похожий пример встречается

²⁸³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744.

²⁸⁴ Там же. Стб. 812. В конце повествования о походе отмечено, что галицкие князья «много кр(е)стьяны от пленения избависта» (стб. 813); однако не ясно, идет ли речь только о русских пленниках, или и о «ляшских» тоже.

²⁸⁵ Там же. Стб. 815.

²⁸⁶ В *ПВЛ* под 6494/986 г. миссионер-иудей напоминает князю Владимиру Святославичу о том, что «приходиша болгаре и х(ре)с(т)еяне, оучаше тя», имея в виду описанные перед тем посольства от волжских булгар и папы Римского (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85); показательно, что позднейший редактор, труд которого отразился в *Летописце Переяславля Суздальского*, в процитированном фрагменте заменил слово «хрестеяни» на слово «римляне» (ПСРЛ. Т. 41. С. 24). Ниже в уста тому же миссионеру вложена фраза «предана быс(ть) земля наша хр(е)с(т)еяномъ», под которыми, по заключению большинства исследователей, имеются в виду участники I Крестового похода, завоевавшие Иерусалим в 1099 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 86; *Лихачев Д. С.* Комментарии. С. 454; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях ... С. 627–628); несогласие с этой атрибуцией высказал В. Я. Петрухин (*Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой

только в *ИЛ* под 6657/1149 г., где описывалось совместное посольство русского князя Изяслава Мстиславича, венгерского короля Гезы II и польских князей Болеслава и Генриха к князьям Вячеславу и Юрию Владимировичам, сыновьям Мономаха. Посольская речь, пересказанная летописцем, включала такие слова: «мы есмы по Бозѣ все кр(е)стьяне, одна брат(и)я собѣ»²⁸⁷ (не исключено, что такое словоупотребление бытовало в дипломатической речи).

Необходимо напомнить, что древнейшее летописание (за редкими исключениями)²⁸⁸ и в отличие от канонических правил²⁸⁹

половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 74). Но в любом случае, как следует из контекста, в слове «хрестяне» здесь актуализируется духовный смысл — христиане противопоставлены иудеям как народу, отверженному Богом. Заметим, что близкое по смыслу чтение встречается в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона: «отгнани быша иудѣи и расточени по странам, и чяда благодѣтная христианни наслѣдници быша Богу и Отцу» (БЛДР. Т. 1. С. 30). В *ИЛ* под 6660/1152 г. летописец передает слова князя Мстислава Изяславича, который, обращаясь к отцу и венгерскому королю Гезе II, говорит, что они, доверяя крестному целованию и прощая недруга, поступают «хр(е)стьяньски», то есть правильно, как подобает настоящим христианам (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 453). Аналогичное словоупотребление встречаем в галицком летописании под 6758/1250 г., где описывается, как князь Василько Романович, обращаясь к брату Даниилу, так аргументирует возможность визита и соглашения с венгерским королем Белой IV: «Иди к нему, яко кр(е)стьянь есть», то есть является человеком, обещаниям которого можно доверять (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809). Помимо летописи прямое обозначение восточных и западных христиан одним общим понятием отыскивается в «Слове на перенесение мощей святителя Николая в Бари» (конец XI в.), где святой назван «всемь кр(е)ст(ь)яном <...> помощникъ» (*Шляпкин И.* Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881. С. 10; последняя работа о времени возникновения памятника: *Назаренко А. В.* «Никола вешний»: новое об обстоятельствах установления на Руси памяти святителя Николая Мирликийского 9 мая // Церковь в истории России. М., 2016. Сб. 11: К 70-летию Н. Н. Лисового. С. 260–274).

²⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387. См., также: *Паушто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 156.

²⁸⁸ См., напр., антилатинскую ремарку и антилатинское поучение в *ПВЛ* в рассказе о крещении Руси под 6495/987 и 6496/988 гг., описанное в том же памятнике под 6582/1074 г. и имеющее явный антилатинский подтекст видение старца Матфея, которому явился «бѣс в образѣ ляха» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 108, 114–116, 190), а также уже упоминавшееся выше, но, возможно, ставшее результатом порчи первоначального текста наименование поляков «безбожными» в *ИЛ* под 6651/1143 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313). При этом в «Речи Философа», читающейся в *ПВЛ* под 6494/986 г., о католиках сказано: «ихъ же вѣра с нами мало же развращена», то есть отличается не сильно (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 74). См. также: *Добровольский Д. А.* «...И до Рима проиде»: Отношение к Западной Европе в летописании XI — начала XII в. // Проблемы исторической географии и демографии России. М., 2013. Вып. 2. С. 126–137.

²⁸⁹ См. предыдущий подраздел.

и церковной полемической литературы²⁹⁰) было вообще равнодушно к проблеме конфессиональных различий между русскими и их соседями-католиками²⁹¹. Это тем более верно для Галицко-Волынской летописи с ее «свойским» отношением к западным соседям Руси²⁹². Однако очевидно, что появление под пером галицкого летописца середины XIII в. рассмотренных сентенций было вызвано не этим равнодушием, а причинами скорее противоположными.

Как известно, именно в это время галицкий князь Даниил Романович, увлеченный надеждой на помощь западных соседей в борьбе с татарами и на помощь папы в решении некоторых других внешнеполитических проблем, пошел на сближение с Римом. В перспективе это предусматривало заключение церковной унии. В 1253 или 1254 г. после некоторого колебания князь принял из рук папского легата королевскую корону²⁹³. Летопись, как видно,

²⁹⁰ См., напр.: БЛДР. Т. 1. С. 448–452; *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т. 2. [Приложения.] С. 276–280; *Павлов А. С.* Критические опыты ... С. 169–186; Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2. Вып. 1. С. 74–101; *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси ... С. 71–73; и др. Резкий выпад против «латинской буети» содержится и в Киево-Печерском патерике (БЛДР. Т. 4. С. 300). См. также об антилатинском мотиве в самом раннем памятнике русской паломнической литературы: *Гардзанти М.* «Хождение» игумена Даниила в Святую землю: Литература и богословие на Руси XII века // *Славяноведение*. 1995. № 2. С. 32.

²⁹¹ В качестве показательного примера тут можно вспомнить рассказ *ИЛ* под 6697/1189 г. о конфликте между венграми, временно утвердившимися в Галиче, и жителями города. Заподозрив последних в нежелании, сообщает летописец, «оугры» стали вести себя вызывающе: не только насиловали женщин, но и «в божницах почаша кони ставляти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 665). Такая явная демонстрация презрения к религии и святыням русских осталась, однако, без специального комментария летописца, который мог бы связать поведение венгров с их иноверием. Подобные же примеры сдержанности при комментировании поступков католиков неоднократно приносит и Галицко-Волынская летопись. Так, под 6727/1219 г. рассказывается, как венгерский военачальник Фильний устроил укрепление из русской церкви Пресвятой Богородицы, за что по воле Богородицы потерял Галич. Но и здесь летописец ни единым словом не обмолвился о вероисповедании святотатца (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 737).

²⁹² См.: *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола ... С. 198–205; *Люстров М. Ю.* Европа и европейцы в Галицко-Волынской летописи // *Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество*. М., 2002. С. 24–25; *Голик Р.* «Тоземльцы и иноплеменики»: «русский патриотизм», «образ світу» та етнічні стереотипи середньовічної Галичини й Волині // *Княжа доба: історія і культура*. Львів, 2011. Вип. 4. С. 101–108.

²⁹³ О датировке см.: *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. С. 683–685.

не осталась в стороне от церковно-политических задач момента. Работавший над ней книжник между делом указал на конфессиональное единство католиков-поляков и православных-русских (в процитированных местах), достаточно одобрительно высказался о миссионерской деятельности католиков в Литве²⁹⁴, а затем нарочито отметил, что венец, которым был коронован галицкий князь, тот «от Б(ог)а прия... от стола с(вя)т(а)го Петра, и от о(т)ца своего папы Некѣнтія [Иннокентия IV. — А. Л.]»²⁹⁵. Важно, что такая симпатия папе (особенно заметная на фоне традиционно высокомерного отношения летописцев Даниила к церковным иерархам²⁹⁶) была высказана в период, когда папский престол уже не первое десятилетие прилагал активные усилия для проникновения на каноническую территорию Русской Церкви²⁹⁷, утверждал и поощрял среди западных соседей Руси взгляд на православных как на «неверных», «врагов Бога» и даже «приверженцев... сатаны». Хотя в середине 40-х — начале 50-х гг. XIII в. накал этой антиправославной пропаганды на время несколько снизился,

²⁹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 816—817. Сходное одобрительное отношение к религиозным предприятиям католиков в рамках рассматриваемых летописных памятников встречается только в *ИЛ* под 6698/1190 г., где речь идет о III Крестовом походе, и борьба «немцев» с «агаряны» рассматривается как мученичество за Христа (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667—668). По мнению А. В. Назаренко, подобная «безоблачность» отношения к крестоносцам в конце XII в., демонстрируемая и «Житием преподобной Евфросинии Полоцкой», была вызвана в том числе и тем, что существование крестоносных государств на Ближнем Востоке обеспечивало благоприятные условия для паломничества русских в Святую Землю. И только когда после поражения крестоносцев в Палестине и подчинения ими в ходе IV Крестового похода Византии (1204) начался «разворот крестоносной идеи от Ближнего Востока в сторону Восточной Европы, началось и неизбежное принципиальное изменение отношения к крестоносцам на Руси» (*Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях ...* С. 637—639). О том же пишет и Д. Е. Мишин, интерпретируя сочувственное отношение летописца к участникам III Крестового похода (*ИЛ* под 6698 г.) как проявление «духовной солидарности с крестоносцами», боровшимися «против общего врага — сарацин, каковое понятие было весьма широким и включало в себя все казавшиеся враждебными народы Востока» (*Мишин Д. Е. Отношение Руси к крестовым походам // Сборник Русского исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155). С. 47—49*). Эти наблюдения, ограничивающие симпатии к католикам на Руси XII в. лишь сочувственным отношением к борьбе крестоносцев с «сарацинами», лишний раз подчеркивают яркое своеобразие позиции летописца Даниила Галицкого.

²⁹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827.

²⁹⁶ *Флоря Б. Н. Общественная мысль Древней Руси XIII—XIV вв. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого Средневековья. М., 2014. С. 18—21.*

²⁹⁷ *Майоров А. В. Русь ... С. 180—185.*

ситуация принципиально не изменилась²⁹⁸. Впрочем, чтобы как-то смягчить прокатолическую тональность известия о коронации Даниила и отвести от своего господина возможные упреки в измене «правой вере», летописец тут же поспешил изобразить папу едва ли не приверженцем православия: «Некентии бо кльняше тѣхъ хоулящимъ вѣроу грѣцкоую правовѣрноую, и хотящоу емоу сборъ творити о правои вѣрѣ, о воединенѣи Ц(е)рькви»²⁹⁹. Возможно, это необычное заявление одновременно явилось и откликом на продолжавшиеся в 1253 г. переговоры между Иннокентием IV и никейским императором Иоанном III Ватацем о заключении унии (со смертью обоих в 1254 г. переговоры прервались)³⁰⁰.

Надо сказать, что в другом памятнике середины XIII в.³⁰¹ — «Слове о погибели Рускыя земли» — отыскивается ровно обратная ситуация с использованием изучаемых слов. Там католические народы, «угры», «чахи» и «немцы», нарочито противопоставлены (наряду с народами языческими и мусульманскими) «крестияньскому языку» и «крестианом» — населению Руси³⁰². А. В. Со-

²⁹⁸ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.—Л., 1959. С. 127–128, 146–155; Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола ... С. 134–141, 149–151, 168, 181–198; Кудрявцев О. Ф. Александр Невский и папство // Александр Невский: Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 159–172; Его же. «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: сборник статей в честь В. Л. Малькова. М., 2011. С. 525–529.

²⁹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827.

³⁰⁰ Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола ... С. 161–162, 168; Майоров А. В. Русь ... С. 700–701.

³⁰¹ Из последних работ, посвященных датировке памятника, см.: Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли» (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 19–33; Его же. К вопросу о датировке «Слова о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 313–317. См. также гипотезу А. С. Дёмина о сложении текста памятника в несколько этапов (Демин А. С. Гипотеза о первоначальном виде «Слова о погибели Русской земли» // Вестник общества исследователей Древней Руси за 2002–2003 гг. М., 2007. С. 21–36).

³⁰² БДР. Т. 5. С. 90. Схема, характерная для «Слова о погибели Рускыя земли», когда русские определены просто как «христиане», а их соседи — по этническим наименованиям, встречается еще в одном русском памятнике — поучении «О постѣ к невѣжамъ в понѣделокъ 2 недѣли» (интересующий нас фрагмент которого предположительно датируется XIII в. или даже еще более ранним временем). Автор вкладывает в уста бесам длинную «речь», в которой они выражают радость, что некоторые «христиане» соблюдают языческие обычаи и так становятся для них, бесов, друзьями, каких они не смогли сыскать, путешествуя по «болгаромъ», «половцемъ», «чюди», «вятичемъ» и «словеномъ» (Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913. Т. 2: Древнерусские

ловъёв, комментируя это место в памятнике, заметил, что «противопоставление избранного культурного народа окружающим его кольцом иноверным... народам типично для средневековья и показывает, как национальное сознание обостряется на почве религиозных различий»³⁰³. Однако, как мы увидели на русском материале, подобное обострение не было изначальным. Оно происходило постепенно, и мысль о «кольце иноверных народов», окружившем Русь со всех сторон, впервые ясно зазвучала лишь в разгар XIII в. и лишь в «Слове о погибели», в котором среди иноверцев оказались вчерашние братья по вере, а «прававѣрная вѣра хрестиянская» и «земля Руская» составили почти что синонимическую пару³⁰⁴.

Изо всех дошедших древнерусских памятников той поры именно «Слово» сильнее всего отразило окончательный конфессиональный раскол католической и православной частей Европы, который стал результатом действий Рима и ориентировавшихся на него католических государей против Византии, Руси и других стран «вѣры грѣцкой». Начало этим действиям положил роковой для христианского мира IV Крестовый поход 1202–1204 гг., завершившийся в Константинополе. Наступление немецких, датских и шведских рыцарей на традиционные зоны влияния Руси, а затем и собственно на русские земли явилось звеньями той же

слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. С. 9, 15). Под «христианами» тут, без сомнения, следует понимать неукоренившихся в вере обитателей Руси, противопоставленных не только иноплеменникам-иноверцам (аналогичный прием см., напр., у Серапиона Владимирского — *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский ... Прибавление к исследованию. С. 14; ср. также: Иез. 5:7), но и некрещеным соплеменникам. Однако в отличие от «Слова о погибели...» христиане-русские противопоставлены здесь только нехристианам.

³⁰³ *Соловьев А. В.* Заметки к «Слову о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.—Л., 1958. Т. 15. С. 81.

³⁰⁴ БЛДР. Т. 5. С. 90. Сходное отождествление дважды встречается и в рассказе ЛЛ о нашествии Батыя под 6745/1237 г. Князь Юрий Всеволодович, узнав о разрушении Владимира, гибели семьи, епископа и «людей», плачет «по правовѣрнѣи вѣрѣ хр(е)с(т)ьянѣстѣи — преже и наипаче о ц(е)ркви и еп(и)с(ко)па ради, и о людех». Ростовский епископ Кирилл II молит Бога, чтобы «не оскудѣла правовѣрная вѣра хр(е)с(т)ьянская», и летописец видит исполнение этой молитвы в том, что Бог спасает во время нашествия многих князей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464–465, 469). В обоих случаях «правовѣрная вѣра» понимается очень конкретно и отождествляется с жителями Руси. То же видим и в «Слове», где за выражением «земля Руская», сопряженным с восклицанием «о, прававѣрная вѣра хрестиянская», скрываются не только природные богатства и красоты Руси, но и «города великие, селы дивные, винограды обителные, дома церковные и князья грозные, бояре честные, вельможи многие».

цепи. Все эти события сопровождались жесткой антиправославной риторикой, накал которой заставляет с удивлением отнестись к тому уже отмеченному в историографии факту, что сопоставимая по жесткости антилатинская позиция на Руси стала оформляться с большим опозданием — лишь в XIV в.³⁰⁵ В частности, за рамками «Слова о погибели» мы не находим для XIII в. других примеров, когда русские с помощью эпитета «христиане» были бы противопоставлены католикам (что впоследствии перестанет быть редкостью³⁰⁶).

Как видим, в XIII в. параэтнонимическое использование слов «хрестеяни» и «хрестеянский» продолжает расширяться. В частности, в рамках оппозиции *мы* — *чужие* это словоупотребление входит в арсенал летописцев Новгорода, чего не было в предыдущем столетии. Названная оппозиция систематически применяется при описании конфликтных взаимоотношений Руси не только с половцами и булгарами, как в XII в., но и с новыми врагами-нехристианами — литвой (инициатива в чём принадлежит летописцам Новгородской и Суздальской земель) и монголами.

К сказанному добавим, что в источниках XIII в. сохранилось, вероятно, еще одно косвенное свидетельство того, что слово «хрестеяне» использовалось на Руси в качестве самохарактеристики. Как кажется, именно в таком ключе можно понять одно место из записок францисканца Гильома де Рубрука, побывавшего в 1253 г. у ордынского хана Сартака. Собеседники Рубрука — не-

³⁰⁵ См.: Müller L. Das Bild vom Deutschen in der Kiever Rus' // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 11.–17. Jahrhundert. München, 1989. S. 51–82; *Погов А. И.* Отражение в идеологической жизни славян разделения Церквей в 1054 г. (XI–XIII вв.) // Раннефеодальные славянские государства и народности (проблемы идеологии и культуры) / Studia Balcanica. София, 1991. Т. 20. С. 88–96; *Флорья Б. Н.* Формирование славянских народностей. Их этническое самосознание в эпоху раннего Средневековья и перспективы его дальнейшего развития // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 399; *Его же.* У истоков религиозного раскола ... С. 179–212, 215–216, 218–221. См. также: *Перхавко В. Б.* Культурные контакты Древней Руси с соседними католическими странами Европы в XI–XIII вв. (по археологическим данным) // Славяне и их соседи: Католицизм и православие в Средние века: сборник тезисов. М., 1991. С. 14–15; *Костромин К. А.* Церковные связи ... С. 18.

³⁰⁶ См., напр., противопоставление русских-«крестиян» полякам, литве (во главе с принявшим католичество князем Витовтом) и «немцам» в сообщениях *НЛ* младшего извода за середину XIV — начало XV в. (Новгородская первая летопись ... С. 361, 395 («Аще Богъ по крестиянех»), 400, 401 (тут под «крестиянами» летописец имеет, очевидно, в виду русских (православных) подданных Витовта, отделяя их от других участников антиорденской коалиции — «литвы» и «ляховъ»)).

сторианин Койяк из окружения хана «вместе со многими другими писцами двора» — убеждали путешественника не называть их господина христианином, поскольку он «не христианин, а моал». Рубрук объяснил это требование тем, что монголам «название “христианство” представляется... названием какого-то народа»³⁰⁷ («Quia nomen Christianitatis videtur eis nomen cuiusdam gentis»³⁰⁸). Учитывая, что самым крупным христианским народом, с которым Сартак имел тесное общение, были русские, можно предположить, что речь шла именно о них, точнее — о варианте их самоназвания, который стал известен монголам. Отметим, впрочем, что данная интерпретация не является единственно возможной.

3.2. Обращение к негативно-конфессиональной терминологии в летописании XIII в. вновь дает результат, очень сходный с полученным при анализе синхронного употребления слов «хрестеяни» и «хрестеянский». В известиях за XIII в. (вплоть до монгольского нашествия) конфессиональные прозвания продолжают прилагаться к половцам («поганые»³⁰⁹, «безбожнии»³¹⁰, «оканнии»³¹¹, «безаконные»³¹², потомки Агари и Измаила³¹³) и булгарам («безбожные»³¹⁴). Новым тут оказывается только то, что по одному разу по отношению к каждому из народов вопреки установившейся традиции при упоминании наступательных действий русских князей были использованы более жесткие определения, чем просто «поганые». Первый такой случай читается в *ИЛ* под 6709/1201 г. В знаменитой похвале князю Роману Мстиславичу ее автор вспоминает походы Владимира Мономаха на половцев, называя побежденных и изгнанных им кочевников «погаными измалтянами» и «оканьными агарянами»³¹⁵. Правда, речь идет о событиях вековой давности, уже приобретших эпический масштаб (помяная походы в степь самого Романа, летописец традиционно ограничивается эпитетами

³⁰⁷ *Плано Карпини Дж., дель. История монгалов. Де Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. С. 112–113.*

³⁰⁸ *Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratia 1253 ad partes Orientales // Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels and Discoveries of the English Nation. London, 1809. P. 93.*

³⁰⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 429, 440; Т. 2. Стб. 716, 773, 813 (?); Новгородская первая летопись ... С. 45, 58, 62, 74.

³¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435, 446; Новгородская первая летопись ... С. 62.

³¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446; Т. 2. Стб. 716; Новгородская первая летопись ... С. 62.

³¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446; Новгородская первая летопись ... С. 62.

³¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446; Т. 2. Стб. 716; Новгородская первая летопись ... С. 62.

³¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444.

³¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716.

«поганые» / «поганьскый язык»). Более выразительно сообщение *ЛЛ* под 6728/1220 г. о посылке князем Юрием Всеволодовичем полков «на безбожныя болгары» — в Волжскую Булгарию³¹⁶.

В XIII в. негативно-конфессиональные эпитеты начинают употребляться и по отношению к литовским общностям (включая ятвягов, которых выделяет только *ИЛ*)³¹⁷, причем довольно активно и во всех трех известных летописных традициях этого времени — новгородской (где новшество проявило себя раньше всего и наиболее настойчиво, первый случай — в *НЛСм* под 6721/1213 г.³¹⁸), галицко-волынской и северо-восточной. Литва и ятвяги систематически именуются «погаными»³¹⁹, реже встречаются определения «безбожные»³²⁰, «оканьные»³²¹, «нечестивые»³²², «богопротивные»³²³, а также «варвы» (варвары)³²⁴. Кроме того, в *ИЛ* под 6756/1248 г. ятвяжский волхв-воитель Скомонд персонально назван «нечестивым», а литовский князь Тройден под 6778/1270 г. — «оканьным и безаконь[ым], проклятым»³²⁵. Подобный арсенал негативно-конфессиональных характеристик ранее использовался только по отношению к половцам. Причем летописцы изредка прибегают к негативным эпитетам, звучащим резче, нежели слово «поганые», описывая не только нападения литвы и ятвягов на Русь, но и иные ситуации³²⁶. Это вкупе с примерами, приведенными в предыдущем абзаце для половцев и болгар, лишний раз указывает на заострение конфессионального аспекта изображаемых событий в летописании XIII в., что ве-

³¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. Стб. 444.

³¹⁷ См. также: *Kappeler A. Ethnische Abgrenzung ...* S. 128, 133. Для более раннего времени можем указать наименование литвы «погаными» только в «Слове о полку Игореве» (БЛДР. Т. 4. С. 262).

³¹⁸ Новгородская первая летопись ... С. 52.

³¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448, 471; Т. 2. Стб. 797, 799–800, 812, 815, 828, 834, 840; Новгородская первая летопись ... С. 73, 74, 84–85.

³²⁰ Новгородская первая летопись ... С. 52, 73–74.

³²¹ Там же. С. 73, 85.

³²² Там же. С. 84.

³²³ Там же. С. 284 (только в младшем изводе памятника).

³²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 812.

³²⁵ Там же. Стб. 800, 869. Помимо того, Тройден сравнивается в том же отрывке летописи с сирийским царем Антиохом IV Эпифаном, иудейским царем Иродом I Великим и римским императором Нероном. По мнению В. В. Василика, все три правителя могли рассматриваться как прообразы Антихриста, и, таким образом, здесь, не исключено, звучит некий эсхатологический мотив (*Василик В. В. Эсхатологические представления в Галицко-Волынской летописи // Русин. 2013. № 1 (31). С. 138–139.*)

³²⁶ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 812; Новгородская первая летопись ... С. 74, 85.

дет и к определенной коррекции неписанных правил употребления привычных литературных формул.

Во многом сходную картину являет собой закрепление рассматриваемой лексики и за монголами. Эта лексика возникает сразу во всех летописных традициях и вбирает в себя почти все эпитеты, которые ранее употреблялись по отношению к другим народам, прежде всего — половцам. Монголы и их представители получают следующие наименования: «поганные»³²⁷, «безбожники»³²⁸, «оканнии»³²⁹, «беззаконные»³³⁰, «проклятии»³³¹, «нечестивые»³³², «моавитяне»³³³, «измалтянѣ»³³⁴, «агаряне»³³⁵, а также «плотоядцы»³³⁶, «сыроядцы»³³⁷, «кровопийцы»³³⁸ и (при необходимости) «бесурмене»³³⁹. Причем, вопреки наблюдениям А. Каппелера³⁴⁰, эти прозвания появляются не только в описаниях Батыева нашествия, но и в летописных статьях за последующие десятилетия. Мнение австрийского ученого частично применимо лишь к рассматриваемому участку *НПЛ*, на котором за рамками рассказа о нашествии встречается только одна статья с интересующими нас характеристиками: под 6767/1259 г. в рассказе о переписи летописец называет монгольских численников «оканьные» и «сыроядцы», а также (чтение сохранилось в *НПЛмл*) — «внуци Агарины, роботы Авраамля»³⁴¹. К сказанному надо добавить, что иногда

³²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462, 465, 469, 476; Т. 2. Стб. 786, 827, 899; Т. 18. С. 72–74, 76, 78; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 328, 333, 335; Новгородская первая летопись ... С. 75–76.

³²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460, 465, 467–469; Т. 2. Стб. 740, 778–779, 782, 787–789, 845; Новгородская первая летопись ... С. 74–76.

³²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464, 476 (про откупщиков монгольской дани); Новгородская первая летопись ... С. 76, 82–83.

³³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 894; Новгородская первая летопись ... С. 75–76.

³³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465.

³³² Там же. Стб. 471; Т. 2. Стб. 779–780.

³³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

³³⁴ Там же. Стб. 778; Новгородская первая летопись ... С. 75.

³³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779, 894; Новгородская первая летопись ... С. 288, 310.

³³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 466.

³³⁷ Новгородская первая летопись ... С. 82.

³³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464, 468.

³³⁹ Там же. Стб. 476 (про откупщиков монгольской дани), 481–482; Т. 18. С. 72; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 328.

³⁴⁰ См.: *Kappeler A.* *Ethnische Abgrenzung ...* S. 129–130, 136–137.

³⁴¹ Новгородская первая летопись ... С. 82–83, 310. См. также: *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в.: сборник научных трудов.* М., 1990. [Ч. 1.] С. 24–25.

некоторые из перечисленных эпитетов оказываются адресованы не монголам как народу или группе лиц, а конкретным представителям монгольской элиты (что в большей степени характерно для *ИЛ*) — ханам Батыю («нечестивый»), Ногаю («оканьный», «безаконный», «проклятый»), Телебуге («оканьный», «безаконный»), военачальникам Бурундаю («безаконный», «безбожный», «оканьный», «проклятый») и Кончаку («оканьный») ³⁴², а также баскаку Ахмату («бесурменин») ³⁴³.

В летописании XIII в. обнаруживаем и первые опыты использования негативно-конфессиональных эпитетов по отношению к соседям-католикам (на что также не обратил внимания А. Каппелер ³⁴⁴). Они имеют место в летописании Новгорода, который непосредственно страдал от немецкой и шведской агрессии ³⁴⁵. В *Нист* под 6761/1253 и 6776/1268 гг. ливонские немцы — при описании вооруженных конфликтов с ними — названы «оканьными» (в рамках оборотов: «оканьнии преступници правды» и «оканьнии крестопреступници») ³⁴⁶. Под 6764/1256 и 6808/1300 гг. тот же эпитет приложен к шведам. В первом случае летопись рассказывает, как шведы, вместе с которыми действовали отряды еми и суми, попытались закрепиться в районе р. Нарвы, но затем, услышав о подготовке русских к ответным действиям, вернулись назад: «оканьнии... побѣгоша за море» ³⁴⁷. Во втором случае речь идет о строительстве шведами крепости в устье р. Невы, которую они, «похвалившись, оканьнии, нарекоша... Вѣнец земли». При этом подчеркивается, что строительными работами руководил «мастеръ... нарочить» «из великого Рима от папы» ³⁴⁸.

Постепенный рост религиозного отчуждения Руси от латинской Европы в рассматриваемое время ³⁴⁹ не вызывает сомнения

³⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779–780, 786, 846, 849, 876, 881, 888, 890–891, 893–894.

³⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481; Т. 18. С. 79.

³⁴⁴ См.: Kappeler A. *Ethnische Abgrenzung* ... S. 133–134.

³⁴⁵ Хорошкевич А. Л. Католики в представлениях русских летописцев XIV–XV вв. // *Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.) / Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.)*. [Warszawa], 1997. С. 37.

³⁴⁶ Новгородская первая летопись ... С. 80, 87.

³⁴⁷ Там же. С. 81.

³⁴⁸ Там же. С. 91.

³⁴⁹ На одно из интересных проявлений этого растущего отчуждения обратил внимание О. М. Иоаннисян: если в зодчестве Западной Руси XII в. появлялись нехарактерные для русской традиции церковные здания, выполненные в виде «центрических храмов-ротонд, романских не только по своей строительной технике, но и по самому типу», а русские купцы той же эпохи приспособливали в Швеции и на Готланде для своих служб католические церкви, то уже с начала

и при обращении к текстам, не относящимся к летописанию Новгорода. Это отчуждение (хотя и без выраженной враждебности, характерной для полемической литературы) чувствуется, к примеру, в распространяющейся уже с конца XII в. языковой оппозиции *русский — латинский*³⁵⁰. Так, в договорах того же Новгорода с немецкими городами и Готским берегом 1191–1192, 1259–1263 и 1269 гг.³⁵¹ наряду со смысловой парой «новгородци» — «немецкие сыны» встречается и такая: «новгородци» — «весь латиньский язык»³⁵². В торговом договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. последовательно противопоставлены понятия «роусинъ»/«роусь» и «латининъ» / «латинеский ч(е)л(о)в(е)к» / «латинеский языкъ»³⁵³. Серапион Владимирский,

XIII в. «такие вольности не допускаются, и если случаи привлечения романских мастеров для строительства православных храмов и в это время были нередки, то появления “латинских” типов храмов уже не наблюдается» (Иоаннисян О. М. XIII век в истории древнерусского зодчества: Основные тенденции развития архитектурного процесса // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 155–156).

³⁵⁰ Зарождение данного явления следует отнести, по-видимому, к более раннему времени. В домонгольском Каноне на перенесение мощей св. Николая в г. Бари, возникновение которого могло произойти уже в конце XI в. (см.: Назаренко А. В. «Никола вешний» ... С. 260, 277 (прим. 13–14)), имеется такое чтение: «прослави [Бог. — А. Л.] с(вя)т(ите)ля въ странахъ, чудесь струя испущающа въ Мурехъ, и въ латинехъ вся исцеляюща, и въ Руси м(и)л(ос)тивно посещающа» (Леонид (Кавелин), архим. Посмертные чудеса ... С. 71). Прямого противопоставления тут еще нет (Миры Ликийские, «латины» и Русь — три центра почитания памяти святого). Однако легкий намек на религиозные отличия католиков (помимо красноречивого наименования их «латинами») в памятнике уже содержится. Автор канона называет «латиньский языкъ» «иними овчами» «Х(ри)с(то)ва стада» (ср.: Ин. 10:16) и рассматривает перемещение останков святого в Бари как в каком-то смысле апостольское путешествие: «да вся оудивиши чудеса твоими и къ Х(ри)с(то)ви приведеши» (Там же. С. 63; ср.: Рогачевская Е. Б. Цикл памятников о Николае Мирликийском // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996. С. 46–48). В древнерусском Сказании о «грамоте русской», которое возникло, вероятно всего, в период с конца XI по конец XII в. (см.: Живов В. М. *Slavia Christiana* и историко-культурный контекст *Сказания о русской грамоте* // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). С. 552–574; Турилов А. А. Сказание о «грамоте русской» // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 53–54), противопоставлены «вбра правая и русская грамота» «латиньской вѣре и грамоте» (Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 37; Живов В. М. *Slavia Christiana* ... С. 584).

³⁵¹ О датировках см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 81, 82, 84.

³⁵² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949. С. 55–58.

³⁵³ Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 21–25.

говоря о повторяющемся третье лето подряд неурожай (начала 70-х гг. XIII в.), отмечает, что происходит это «не токмо в Русь, но в Латѣнь»³⁵⁴. Наконец, в «Повести о житии» Александра Невского, возникшей, вероятно, вскоре после смерти князя (1263 г.)³⁵⁵, крестоносцы-«немцы», похваляющиеся подчинить «словеньский языкъ», определены уже как «безбожные» и как «язык непреподобен» (ср.: Пс. 42:1)³⁵⁶, а шведы — как «римляны», в чём также присутствует выраженный конфессиональный подтекст (последнее чтение присутствует и в *ЛЛ*, где сохранилась начальная часть памятника)³⁵⁷.

Как видим, в XIII в. идеи конфессионального размежевания с соседями, причем иногда даже более решительного, чем ранее, не только достигают летописцев Северной Руси (Новгорода), но и быстро распространяются книжниками на новые сопредельные народы, с которыми у русских завязывается вооруженное противостояние. Актуализированные конфессиональные границы с соседями существенно расширяются по сравнению с XII в. Всё это лишний раз подтверждает правоту тех исследователей, которые указывают на XIII в., отмеченный в истории Древней Руси немецкой и шведской агрессией, началом противоборства с литвой и установлением владычества монгольского императора, а затем ордынского хана, как на время активизации религиозного фактора в жизни страны³⁵⁸. Причем, как можно думать, дело

³⁵⁴ Петухов Е. В. Серапион Владимирский ... Прибавление к исследованию. С. 11.

³⁵⁵ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго ... С. 37–39. Обзор точек зрения на время возникновения памятника см.: Галко В. И. «Повесть о житии и храбрости» князя Александра Невского // Письменные памятники истории Древней Руси. С. 193–194.

³⁵⁶ БЛДР. Т. 5. С. 364.

³⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479. Еще более резкий тон встречаем в сложившейся несколькими десятилетиями позднее «Повести о Довмонте» (не ранее второй четверти XIV в.), где «латиняне» неоднократно именуются «погаными», то есть уже приравняются к язычникам (Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. С. 190–192).

³⁵⁸ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. С. 307–309; Дубакин Д. Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества. СПб., 1880. С. 111; Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.—Л., 1951. Т. 8. С. 169; Новосельцев А. П. Христианство, ислам и иудаизм ... С. 29; Назаренко А. В. «Натиск на Восток» или «свет с Востока»? История русско-немецких отношений в кругу стереотипов // Славяноведение. 1992. № 2. С. 39–41; Флоря Б. Н. Формирование славянских народностей ... С. 396–398; и др. О XIII в. как о времени перемен в этническом самосознании жителей Руси см.: Его же. Исторические судьбы и этническое

не ограничилось одним углублением этноконфессионального размежевания с соседями-нехристианами, а также акцентированием вероучительных различий с «латинянами». В летописании XIII в. начинает звучать мысль об особой враждебности мусульман по отношению к христианской вере и ее приверженцам. Последнее нашло свое выражение в целом ряде известий летописного памятника, сохранившегося в *ЛЛ*: о мученичестве Авраамия (под 6737/1229 г.), о ростовском восстании (под 6770/1262 г.), о смерти хана Берке (под 6773/1265 г.), о слободах баскака Ахмата (под 6791/283 и 6792/1284 гг.)³⁵⁹. Не исключено, что в то же самое время возникают и признаки оживления на Руси антииудейской полемики³⁶⁰.

* * *

Актуализация конфессиональных различий с соседями-иноверцами в летописании XI–XIII вв. происходила выборочно и постепенно, подчиняясь некой закономерности. Если церковными установлениями религиозные границы в пространстве повседневной жизни были намечены пунктирами, то в пространстве истории летописцы жирно прочерчивали только те их участки, на которых завязывалось устойчивое военное противостояние и начинала литься кровь. Очевидно, что в центре этого восприятия стояла реакция не столько на вероисповедание соседа, сколько на отношения с ним. Чем хуже они становились, тем в большей степени акцентировалось различие вер и связанные с этим идеи. Другими словами, ментальный механизм «всё не свое мыслится как греховное», как его определил в свое время Ю. М. Лотман³⁶¹, не работал на страницах летописи автоматически. В последующих

самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // *Славяноведение*. 1993. № 2. С. 47–49; *Поппэ А. Владимир Святой: У истоков церковного прославления* // *Факты и знаки: Исследования по семиотике истории*. М., 2008. Вып. 1. С. 91.

³⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452–453. 476, 481–482; Т. 18. С. 72, 79–80; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 329. См. также: *Верещагин Е. М.* Образ волжских болгар ... С. 26; *Лаушкин А. В.* К истории возникновения ранних проложных Сказаний о Михаиле Черниговском // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 1999. № 6. С. 7–10, 12–13.

³⁶⁰ *Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). М., 2003. С. 265–271.

³⁶¹ *Лотман Ю. М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1965. Т. 2 (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 181). С. 214.

главах мы еще не раз будем иметь возможность убедиться в верности этого вывода.

Возвращаясь к рассмотренному материалу, важно указать на почти синхронную эволюцию обоих комплексов лексики размежевания в памятниках летописания, что указывает на системный характер выявленной динамики. Проявлялась она как в постепенном расширении сферы использования данной лексики путем привнесения ее в рассказы об отношениях Руси со всё новыми народами, так и в присоединении к данной словесной практике книжников всё новых регионов Руси.

Если оставить в стороне некоторые единичные случаи появления рассмотренных этноконфессиональных характеристик в известиях о торках, черных клобуках, чуди, немцах и шведах, то остаются четыре народа, с которыми размежевание происходило наиболее последовательно. Это — половцы (с конца XI в. или даже ранее того), негативная выделенность которых особенно бросается в глаза, болгары (со второй половины XII в.), литва и ятвяги (с начала XIII в.) и монголы (со времени их нашествия). Очагом этого размежевания изначально было летописание Южной Руси, которая несла основное бремя борьбы с кочевниками. Но уже во второй половине XII в. практика словесного размежевания начинает проникать и на Северо-Восток, а в XIII в. — на фоне небывалых внешнеполитических потрясений — приобретает всеобщий характер, захватывая и Новгород. Что касается внешнеполитических контактов на западных рубежах, где Русь соседствовала с христианскими (католическими) народами, то в описаниях этих контактов долгое время доминировала нейтральная этнонимическая или хоронимическая лексика. Несмотря на раннее (XI в.) появление на Руси антилатинской полемической литературы и соответствующих канонических предписаний, лишь в XIII столетии с появлением на русских рубежах рыцарей и последующим ростом взаимной конфликтности летописи фиксируют первые признаки начинающегося религиозного отмежевания от латинской Европы.

Рискнем предположить, что за рассмотренными литературными явлениями скрывался гораздо более серьезный процесс усиления конфессиональной составляющей в этническом самосознании если не всего населения Руси, то по меньшей мере ее церковной и политической элиты.

Христианство, принятое древнерусской знатью в конце X в. и затем постепенно распространявшееся в остальных обществен-

ных слоях, оказало мощное воздействие на становление восточнославянской народности³⁶², интеграционные процессы внутри которой не прекратились и после дробления государства в XII в.³⁶³ Подобное воздействие вероисповедания на этногенез было известно и у других славянских народов эпохи Средневековья, например, — у сербов и болгар³⁶⁴. Формирование самосознания и прямо связанного с ним комплекса представлений о соседних народах явилось важным элементом этнической консолидации Руси. Как мы увидели, конфессиональный аспект самоидентификации, если не зародившись³⁶⁵, то окончательно оформившись в сфере осмысления контактов с воинственными иноплеменниками, уже в XII в. начал постепенно отрываться от привычного контекста. В памятниках летописания XII—XIII вв. понятие «христиане» нередко используется как собирательное для обозначения жителей различных земель Руси вне их противопоставления соседям-иноверцам. Вероисповедание, таким образом, начинает восприниматься как самодовлеющая ценность, становится «осью национального

³⁶² См.: *Черепнин Л. В.* Исторические условия ... С. 27, 39; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 273; *Его же.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 217; *Толстой Н. И.* Этническое самопознание ... С. 445—446; *Bouchard M.* The Medieval Nation of Rus': The Religious Underpinnings of the Russian Nation // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве.* Казань, 2001. № 3. С. 97—122; *Даркевич В. П.* Единство и многообразие ... С. 36, 39, 41—42; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. С. 234, 340; *Ведюшкина И. В.* Формы проявления коллективной идентичности ... С. 309—310; и др.

³⁶³ Об интеграционных процессах в различных сферах культурной жизни Русских земель XII—XIII вв. см., напр.: *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков // *Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции.* М., 1977. С. 12—29; *Иоаннисян О. М.* XIII век в истории ... С. 151—155; *Седов В. В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 214—219; *Зализняк А. А.* Новгородское наречие: Берестяные грамоты в истории русского языка // *Родина.* 2002. № 11—12. С. 86; *Толочко П. П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. С. 191—199; и др.

³⁶⁴ См.: *Литаверин Г. Г.* Заключение // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. С. 263—264; *Макарова И. Ф.* Болгары и Османская империя в XV—XVI веках: роль имперского фактора в формировании этнического самосознания // *Славяне и их соседи.* Вып. 8: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998. С. 92—93; *Чуркина И. В.* Заключение // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 253—256; *Пиккио Р.* *Slavia Orthodoxa: Литература и язык.* М., 2003. С. 124—125; и др.

³⁶⁵ О зарождении христианского мотива самосознания в ранней летописи см.: *Живов В. М.* Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // *Слово и культура.* М., 1998. Т. 2. С. 321—332.

самосознания»³⁶⁶. Это указывает на успехи распространения христианства не только вширь³⁶⁷, но и вглубь.

Укрепление конфессионального компонента в этническом самосознании древнерусского общества продолжилось и в последующие столетия³⁶⁸, превратившись в устойчивую культурную тенденцию. Ее оборотной стороной стало то, что в образах тех «языков», соседство с которыми приносило наибольшие проблемы и жертвы, продолжили проступать негативные черты именно конфессионального плана. Со временем Русь окончательно осознает себя «островом правой веры», окруженным иноверными народами.

³⁶⁶ Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне ... С. 319.

³⁶⁷ См., напр.: Рябинин Е. А. От язычества к двоеверию. (По археологическим данным Северной Руси.) // Православие в Древней Руси. Л., 1989. С. 24–27; Русанова И. П., Тимошук Б. А. Религиозное «двоеверие» на Руси в XI–XIII вв. (по материалам городищ-святилищ) // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 144–162; Шмидт Е. А. Христианство и языческие традиции в погребальном обряде кривичей в XI–XIII вв. // Славяне и их соседи: Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья: сборник тезисов XIX конференции памяти В. Д. Королюка. М., 2000. С. 148–152.

³⁶⁸ Флоря Б. Н. Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в Средние века. М., 1990. С. 20; Горский А. А. Представления о защите отечества в средневековой Руси (XI–XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): сб. статей. М., 1994. С. 10–11.

ГЛАВА II

Промысел Божий

Лексика конфессионального размежевания в летописи представляет собой лишь самый заметный слой элементов текста, маркирующих отношение авторов к соседним народам. Другим пластом таких маркеров этноконфессионального плана являются провиденциальные комментарии, которыми летописцы сопровождали сообщения о внешних контактах Руси. Разумеется, мы должны сделать здесь такую же оговорку, что и в начале предыдущего параграфа: провиденциальные ремарки относятся к сфере литературных топосов. Однако надо повторить и другое: обращение летописцев к этим топосам в большинстве случаев не было механическим. Актуализировавшиеся при взаимодействии мира литературы и исторической реальности, они не использовались летописцами бездумно — при каждом «удобном случае». Напротив, их употребление, как и применение лексики размежевания, оказывалось весьма избирательным и подчинялось некой системе, за которой угадываются не только литературные привычки, но и определенные представления, формировавшиеся под влиянием как христианских идей об исторической закономерности, так и накопленного опыта общения Руси с соседями.

Одна из главных идей христианства — это идея Промысла, участия Бога в делах созданного Им мира. Правда, богословская мысль признает, что подчас это участие остается сокрытым от людей под покровом непостижимой для них Божественной тайны. «Требѣсть вѣдѣти, — писал св. Иоанн Дамаскин, творения

которого были известны на Руси уже с XI в.¹, — яко мнози соуть образи Б(о)жия Промысла, да ни словесьмь съказати ся, ни оумьмь могоуще достигнути ся»². О том же, перефразируя слова апостола, размышлял и один из русских летописцев XII в.: «Кто... свѣсть оумъ Г(о)с(поде)нь, и тайная Его твореная кто вѣсть?»³ (ср.: 1 Кор. 2:16). При этом само по себе присутствие Бога в жизни отдельных людей и в истории целых «языков» сомнению не подвергалось. То, что исход борьбы народов зависит от сокровенной воли Божией, оставалось библейской аксиомой, хорошо усвоенной летописцами, — к каким бы затверженным оборотам они ни прибегали порой для ее выражения. «Нес(ть) в силѣ брань, но в Б(о)зѣ стоитъ побѣда»⁴, — писал еще один причастный к летописанию книжник XII в. (ср.: 1 Мак. 3:19). Ему вторил загадочный Даниил Заточник (или кто-то из его редакторов), передавая слова Господа, правящего народами: «Яко же Азъ реку, тако и будетъ: повелю бежати — и побегутъ, повелю гнати — то гонятъ»⁵ (ср.: Пс. 32:8–9).

Как именно этот универсальный подход проявил себя при описании контактов с тем или иным народом в определенный период времени, во многом и характеризует интересующие нас представления летописцев. Мало увидеть традиционность данного подхода — не менее важно «картографировать» его использование в «пространстве и времени» летописного процесса. Решение этой задачи и лежит через обращение к провиденциальным комментариям летописцев.

Первое, что бросится в глаза, если посмотреть через призму таких комментариев на соседей Руси, — это изменяющаяся во времени геометрическая структура, состоящая как бы из трех концентрических кругов. В границы первого, самого большого из них, попадают все упоминаемые в летописи народы. В границы второго, среднего, — те из них, которые предстают перед читате-

¹ Турилов А. А. [Иоанн Дамаскин] Славянская рукописная и старопечатная традиция до XIX в. Почитание // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 24. С. 60.

² Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Ексарха Болгарскаго по харатейному списку Московской Синодальной библиотеки буква в букву и слово в слово / предисл. А. Н. Попова // ЧОИДР. 1877: Кн. 4. М., 1878. С. 214 (второй пагинации). См. также: *Иоанн Дамаскин, св.* Точное изложение православной веры. СПб., 1894. С. 114.

³ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 668.

⁴ Там же. Стб. 833.

⁵ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их перделкам. Л., 1932. С. 58.

лем объектами Божьего Промысла. Наконец, в границы третьего, или малого, оказываются включены только те из последних, которые время от времени изображаются инструментами карающего Русь Божьего гнева. Другими словами, народам «малого круга» при их столкновениях с Русью Бог может не только препятствовать, но и потворствовать, тогда как остальным народам «среднего круга» (не попавшим в «малый круг») Он лишь препятствует, помогая русским. При всей внешней искусственности этой схемы она, как мы увидим далее, оказывается удобной моделью для рассмотрения интересующих нас явлений.

§ 1. Батоги Божии

Рассуждая о различных средствах, с помощью которых Господь хочет вразумить своих людей и привести их к конечному спасению, епископ Серапион Владимирский указывал на воинственных иноплеменников как на самое крайнее из них: «Видѣвъ наша безаконья умножившас(я), видѣвъ ны заповѣди Его отвергъша, много знамении показавъ, много страха пушаше, много рабы своими оучаше — и ничим же оунше покажахомся! Тогда наведе на ны языкъ нем(и)л(о)ст(и)въ, языкъ лють, языкъ, не щадящъ красы оуны, немощи старецъ, младости дѣтии. Двигнухомъ бо на ся ярость Б(о)г(а) нашего...»⁶. Этот взгляд, освященный авторитетом Библии и подтвержденный житейским опытом многих поколений, был близок и летописцам, которые вслед за одним своим предшественником XI в. называли нашествия врагов «батогом» в руках гневающегося Бога⁷. Далеко не каждый «язык», с которым русским приходилось воевать и, что особенно важно, — нести в этой борьбе тяжелые поражения, казался им орудием Божьей «казни». На эту роль годились только некоторые народы — народы «малого круга».

1. «Малый круг». Вначале уточним литературные маркеры, использованные нами для выделения таких народов. К «малому кругу» мы отнесли этнические сообщества, про которые летописцы писали, что Бог не только помогал русским в борьбе с ними,

⁶ Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прибавление к исследованию. С. 8.

⁷ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 222, 462; Т. 2. Стб. 603.

но и «попусти» им действовать против Руси, «наведе» или «пусти» их «на ны», «предаль» «ны» им «во роуцѣ», «казнит ны» их «нахоженьемъ», что они — «мѣчь» или «бато҃гь Его», что перед их лицом Он отнял «у нас» «силу» и навел «недоумение» и «страхъ», что поражение от них произошло «попущеньемъ», «повелѣньемъ» или «гнѣвом Божьимъ», «грѣхъ ради нашихъ», «за грѣхы наша», «по грѣхомъ нашимъ»⁸ и т. п. Почти все эти языковые средства за небольшими исключениями восходили к двум-трем статьям *ПВЛ*, посвященным русско-половецким отношениям (под 6576/1068, 6601/1093 и 6604/1096 гг.), и использовались позднейшими летописцами с заметной осмотнительностью и сдержанностью.

Вплоть до появления монголов большинству летописцев был известен лишь один народ «малого круга» — половцы⁹. Новгородцы же вообще оставляли этот «круг» пустым.

Ситуация начала меняться лишь в 20–30-е гг. XIII в. На место половцев пришли монголы, причем орудием Божьего гнева они с самого начала стали изображаться не только в летописании Галицко-Волынской (со статьи 6732/1224 г.)¹⁰ и Суздальской (со статьи 6745/1237 г.)¹¹ Руси, но и Новгорода (также со статьи 6732/1224 г.)¹², то есть во всех трех сохранившихся летописных традициях этого столетия. К тому же новгородские владычные летописцы именно в это время начали употреблять оборот «по грехомъ нашимъ» / «грехъ ради нашихъ», описывая коллизии отношений еще с одним народом — литвой (под 6732/1224, 6745/1237 и 6766/1258 гг.)¹³, а позднее даже включили подобную сентенцию («за грѣхы наша Богъ казнить ны») в рассказ о русско-немецком конфликте — неудачном сражении с немцами во время похода на датский Раковор под 6776/1268 г.¹⁴ Показательно, что в летопи-

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167–168, 170, 172, 222–225, 233–234, 383, 398, 400, 418, 438, 462, 464, 468–469, 481; Т. 2. Стб. 262–264, 603, 612, 641–643, 648, 744–745, 769, 795, 893–895, 897; СПб., 1913. Т. 18. С. 78; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 17, 61, 63, 69, 75–77, 82–83, 86–87, 104, 186–187.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167–168, 170, 172, 222–225, 233–234, 383, 398, 400, 418, 438; Т. 2. Стб. 262–264, 603, 612–613, 641–644, 648.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744–745, 795, 893–895, 897.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462, 464, 469, 481 (о «бесурмении» Ахмате); Т. 18. С. 78.

¹² Новгородская первая летопись ... С. 61, 63, 75–77, 83.

¹³ Новгородская первая летопись ... С. 61, 74, 82.

¹⁴ Новгородская первая летопись ... С. 86. В *ИЛ* и *НЛ* имеются еще три чтения с упоминанием католиков, которые, на первый взгляд, можно было бы отнести к разбираемой группе. Однако при внимательном рассмотрении смысл интересующих нас providенциальных ремарок оказывается в них несколько иным. *ИЛ* под

сании Новгорода эти перемены оказались синхронны с началом конфессионального размежевания с литвой (во второй четверти XIII в.) и появлением первых признаков религиозного отторжения ливонских немцев (в третьей четверти того же столетия), о чём шла речь в предыдущем параграфе.

Итак, если оставить в стороне единичный случай с немцами, из всего богатого окружения Руси лишь три языческих народа рассматриваются летописцами XI–XIII вв. в качестве потенциальных «батогов» Божьих. Это половцы (до начала XIII в.), монголы и литва (с 1220-х гг.). Причем литва — только в новгородском летописании и не столь явно, как кочевники (нет оборотов «наведе», «пусти» и т. п.). Все три названных сообщества принадлежат к числу тех «языцев», которые в русских источниках соответствующего времени получали самые негативные конфессиональные характеристики (не хватает тут еще только булгар). Никаким другим соседям-иноплеменникам такую зловещую роль в истории Руси летописцы не приписывали.

2. Гнев Господень. Признание факта, что успешность действий некоторых народов против Руси определена волей самого Бога,

6740/1232 г. повествует о том, как в один из моментов сражения князя Даниила Галицкого с венгерским королевичем Андреем, владевшим Галичем, «дружи́на Данилова» побежала — «Б(ог)у же тако извольшу за грѣхы» (речь идет о битве под Шумском 1233 г.). Однако венгры не сумели воспользоваться этим отступлением и, таким образом, было бы большой натяжкой считать их орудием Божьего гнева; к тому же победа оказалась на стороне тех, кто в данной ситуации был прав, то есть на стороне поляков (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 769). Под 6788/1280 г. в *ИЛ* рассказывается о неудачной попытке князя Льва Даниловича при поддержке хана Ногая захватить часть земель умершего краковско-сандомирского князя Болеслава. Попытка закончилась тем, что «Б(ог)ъ оучини над нимъ [Львом. — *А. Л.*] волю свою, оубиша бо ляховѣ от полкоу его многы бояры и слоуги добръѣ, и татарь часть оубиша». Очевидно, что речь тут идет не о том, что Бог использовал поляков для наказания русских, а о том, что таким образом пресекает явно неодобряемое летописцем начинание конкретного русского князя: по воле Божьей победа оказалась на стороне тех, кто в данной ситуации был прав, то есть на стороне поляков (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 882). По содержанию этот идейный посыл родственен мотиву «Божьего суда» в некоторых летописных известиях о внутрирусских военных конфликтах (См.: *Лаушкин А. В.* Усобица как «Божий суд» на страницах древнерусских летописей XI–XIII вв. // *Восточная Европа в древности и Средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза.* XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 159–163). В *НЛЛм* под 6801/1293 г. (в *НЛЛст* на этом месте лакуна) читается известие о походе новгородцев на новую шведскую крепость (Выборг), во время которого, «по грѣхомъ нашимъ», случилась сильная оттепель, помешавшая действиям русских. Бог, наказывая «своих людей» за грехи, действует здесь отнюдь не через шведов, а через плохую погоду (Новгородская первая летопись... С. 328).

ставило авторов летописных рассказов перед непростым вопросом: являются ли эти народы слепым орудием в руках карающего Владыки и во всём действуют исключительно по Его указанию, или же, будучи неким образом «наведены» Им на христиан, творят злодеяния по собственной воле?

При всей своей кажущейся отвлеченности, вопрос этот должен был иметь важное значение и для летописцев, и для их современников. От ответа на него зависело понимание самой борьбы с иноплемениками, равно как и решение более общей и значимой задачи, которую всегда имели в виду древнерусские книжники, — познания Бога по Его делам в тварном мире. Один из авторов *ПВЛ* в обширном рассуждении под 6601/1093 г. специально отметил, что во время вражеских нашествий люди способны лучше понять своего Творца («хоженьемъ поганых и мучими ими Вл(а)д(ы)ку познаемъ, Его же мы прогнѣвахомъ»), а неправильно усвоенные уроки небесной кары могут привести христиан к «колѣбанию» — сомнению во всемогуществе и милосердии Господа¹⁵. Набеги врагов, оставляющие после себя кровь, слезы, оскверненные святыни и сожженные города, требовали от христианского сознания ясной апологетической реакции — объяснения того, как и ради каких целей было допущено Господом торжество неверных.

Означенный вопрос был прямо поставлен в одной из статей «Изборника» 1073 г., озаглавленной «Еда вся злая, елико же творять намъ страны, по повелѣнью Б(о)жию творять?». Отметив, что Бог «прѣдаетъ ны многашѣды соупостатомъ не на погыбѣль, нъ на показание», автор статьи выражает уверенность, что даже насланные Богом, они действуют свободно — «своеи злобѣ работающе, лютая намъ и неоудьная Б(о)гоу творять», и потому несут ответственность за свои поступки. В подтверждение в тексте приведен ряд библейских аргументов. К примеру — из Книги пророка Исаии, где Господь упрекает халдеев за то, что после того, как Он, разгневавшись на свой народ, передал им (халдеям) его в руки, они возложили на него слишком тяжелое ярмо и потому сами заслужили суровую кару. «Да отъ того оубо разоумѣемъ, — заключает автор статьи, — яко иже на ны рать творять и обидять ны, послѣднюю моюку подымоуть»¹⁶. Ту же мысль древнерусский читатель мог отыскать и в Хронике Георгия Амартола. Там подчеркивается, что инородцев, посланных для наказания греш-

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 223.

¹⁶ Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание. М., 1983. Л. 98об.—99 (ср.: Зах. 1:14–15; Ис. 47:5–8, 11).

ников, Бог впоследствии Сам и накажет, поскольку свои злодеяния они совершали «не яко слоужахоу Б(о)гоу, но своимъ лоукавствомъ работающе злая та»¹⁷.

Богословскую основу этого построения помогает понять св. Иоанн Дамаскин — один из главных систематизаторов восточнохристианского вероучения. Рассуждая о добровольном и невольном, он пишет, что невольное (то, за совершение чего человек, наделенный свободной волей, не несет ответственность) бывает либо по «по неведению», когда действие совершается человеком случайно (по неосторожности, против его намерений), либо «по причине насилия», когда «производящее начало или причина бывает извне». Однако, даже совершая что-либо «по причине насилия», человек, который хочет избежать ответственности, не может ни сочувствовать тому действию, которое вынужден производить, ни усердствовать в нём, ибо подлинно невольное — это «когда тот, кто принуждается, нисколько не содействует своим собственным усердием»¹⁸. Если приложить данное рассуждение к приведенному отрывку «Изборника» и принять, что «соупостаты», нападая на христиан, движутся под воздействием «производящего начала извне» (то есть Промысла Божьего), то их усердие («своеи злобѣ работающте») заставляет квалифицировать их поступки не как «невольные по причине насилия», а как добровольные и, следовательно, влекущие за собой ответственность (что и отмечает автор статьи), «ибо добровольное есть то, что происходит ни по причине насилия, ни по причине неведения»¹⁹. На верность именно такого подхода указывают дальнейшие рассуждения Иоанна Дамаскина о Промысле Божьем. Он говорит, что Промысел бывает двух видов: «по благоволению» (это «то, что беспрекословно хорошо») и «по снисхождению» (по попущению). В первом случае речь идет о непосредственных действиях Бога, во втором — о Его «воспитательном» бездействии — непрепятствовании злу (которое в других случаях Он может пресекать) «в целях Домостроительства Божия». «Порочных... дел и действительно злых Он не желает, — пишет Иоанн Дамаскин, — ни предварительно, ни потом, но позволяет свободной воле [людей или демонов. — А. Л.]», ибо «промышляет о всей твари и через посредство всей твари благодетельствует и воспитывает, и даже часто через самих демонов, как видим

¹⁷ *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Петроград, 1920. Т. 1. С. 79.

¹⁸ *Иоанн Дамаскин, св.* Точное изложение православной веры. С. 103.

¹⁹ Там же. С. 104.

на Иове и свиньях» (Иов 1:6–19; Мф. 8:28–34). Но при этом «как мудрый Он заботится о сущем наилучшим образом»²⁰. Если следовать за св. Иоанном Дамаскиным, следует заключить, что роль Всевышнего, когда Он «прѣдаетъ ны многашьды соупостатомъ», заключается прежде всего в непротивлении этим последним творить привычные им злые дела, ответственность за которые с них, таким образом, не снимается.

Насколько этот взгляд оказывался близок тем летописцам, которые изображали взаимоотношения Руси с тремя названными народами — половцами, литвой и монголами? Где они полагали грань, отделяющую суровые, но благие по своим целям дела Господа от злодеяний тех, кого Бог избрал орудием своего гнева? Прямого ответа на этот вопрос они, всегда благоразумно осторожные с тайной Промысла, нигде не оставили. Однако, рассуждая о Боге как о первопричине «напастей ратных», однозначно указывали, что иноплеменики сами виновны в тех преступлениях, которые совершили, воюя по Божьему попущению против христиан.

Характер воздействия Бога на нечестивые народы, избранные Им на роль Своих «бато́гов», летописцы определяют следующими глаголами: «попусти»²¹, «пусти»²², «наведе»²³, «посла»²⁴. За исключением последнего, все они возникают еще в *ПВЛ* и затем с некоторыми вариациями лишь повторяются в позднейших известиях. Суммарный смысловой диапазон этих понятий весьма широк: от непротивления до принуждения²⁵. Но при том во всех случаях речь идет, скорее, о начальной стадии действия, исходном импульсе (хотя и различной силы).

В рассматриваемых летописных памятниках лишь у одного летописца²⁶, жившего в начале XII в., появилось желание предста-

²⁰ Иоанн Дамаскин, св. Точное изложение православной веры. С. 108, 112–115. Старославянский вариант этого текста по списку ГИМ. Син. 108 рубежа XI–XII вв. см.: Богословие святого Иоанна Дамаскина... С. 208–210, 215–216 (второй пагинации).

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 222, 438 («попущеньем»), 462; Т. 2. Стб. 264 («попущени»), 603, 641 («попоущением»); Новгородская первая летопись ... С. 76.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167, 234 («пущени»).

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167–168 («наводить», «наведение[м]»), 172, 462 («наводить»), 481; Т. 2. Стб. 262–263, 648, 894; Новгородская первая летопись ... С. 69, 76 («наводить»), 83 («навелъ»).

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 897.

²⁵ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2002. Т. 5. С. 129–130; М., 2004. Т. 7. С. 200–202, 321–323, 370.

²⁶ Согласно гипотезе А. А. Гиппиуса, этим летописцем был автор той редакции *ПВЛ*, которая возникла в 1117 г. и отразилась в *ИЛ* (см.: *Гиппиус А. А. К проблеме*

вить механизм «наведения» более детально. В *ПВЛ* под 6618/1110 г. он с опорой на Епифания Кипрского и Иосиппон²⁷ постарался показать, что у каждой земли, даже населенной язычниками, есть свой ангел-хранитель, и что именно этот ангел ведет народ той земли в бой, если Бог насылает его на другой народ (тот же мотив летописец мог найти и в Хронике Георгия Амартола²⁸). Причем ангел наказуемого народа не в силах воспрепятствовать такому нашествию, а только «прилѣжно» молит Бога о прощении порученных ему людей: «анг(е)лъ приставленъ къ которой оубо земли, да соблюдаютъ куюжыто землю, аще суть и погани; аще Б(о)жии гнѣвъ будетъ на кую убо землю, повелѣвая анг(е)лу тому на кую оубо землю бранью [и]ти, то онои землѣ анг(е)лъ не вопротивитъся повелѣнью Б(о)жью», «противу Б(о)жью повелѣнью не могутъ противитися, но молятъ Б(о)га прилѣжно...». Именно это, по мнению летописца, и происходит, когда Бог наводит на Русь половцев: «на ны навелъ Б(о)гъ грѣхъ ради нашихъ иноплеменники поганя; и побѣжахуть ны повелѣнемъ Б(о)жымъ, они бо бяху водими ан[г]еломъ по повелѣнью Б(о)жью»²⁹.

Составителям позднейших летописных известий мысль об «ангеле поганых» показалась, видимо, слишком смелой, и ни один из них никак не использовал ее (хотя, как хорошо известно, летописцы любили переносить в свои тексты понравившиеся и подходящие к месту выражения своих предшественников). Образ ангела, предводительствующего «безбожным», должен был чувствительно влиять на общую картину происходящего, в значительной мере освобождая врагов от ответственности за творимые ими злодеяния. Против этого протестовала богословская мысль, и с этим, как будет видно ниже, не были согласны сами летописцы.

редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 13–19. См. также: Котышев Д. М. Летописная статья о походе на половцев 6618 г. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и Средневековье: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2009. С. 159–163.

²⁷ Мещерский Н. А. К вопросу об источниках Повести временных лет // ТОДРЛ. М.–Л., 1957. Т. 13. С. 57–60 и сл.

²⁸ Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Т. 1. С. 160.

²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 262–264. По мнению Д. А. Добровольского, летописец припоминает тут конкретное событие — поражение от половцев 1068 г., описанное в *ПВЛ* (Добровольский Д. А. «Теория казней Божьих»: от Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции исторического описания. М., 2011. С. 149). Однако это утверждение осталось в работе без аргументации.

Впрочем, другая мысль из приведенного отрывка некоторым из них всё же оказалась близка: наказывая один народ посредством второго, Бог воздействует не только на наказываемых («наводит» их), но и на наказуемых, лишая их возможности сопротивляться. В упомянутом фрагменте 6618/1110 г. речь шла о запрете ангелу-хранителю активно заступаться за свой народ. В других летописных известиях упоминаются иные способы. Так, автор рассуждения о нашествии половцев в *ПВЛ* под 6601/1093 г. процитировал в этой связи яркую по образам 24-ю главу библейской Книги Левит, в которой Господь грозит своим людям, что в случае их отступничества Он вселит в них страх: «и побѣгнете, никому женушю вас; скрушу ругань гордыни ваша, и будет в тщету крѣпость ваша...»³⁰ (ср.: Лев. 24:17, 19–20). Это, по мнению летописца, и произошло с русскими в указанном году. О таком же случае припомнил и автор процитированной выше статьи 6618/1110 г.: когда Бог «навел» поганных, русские побежали «повелѣньемъ Б(о)жымъ»³¹. В летописной повести о походе князя Игоря Святославича, сохранившейся под 6694/1186 г. в *ЛЛ*, перед известием о поражении князя приведено (правда, несколько неточно) другое ветхозаветное чтение, которое иллюстрирует ту же самую мысль: «Нѣс(ть) ч(е)л(о)в(е)ку м(у)др(о)сти, ни ес(ть) мужества, ни ес(ть) думы противу Г(о)с(поде)ви»³² (ср.: Притч. 21:30). Звучит она и в повестях о появлении монголов, читающихся в *НЛЛ*. Под 6732/1224 г., в рассказе о битве на Калке, сказано, что «за грѣхы наша Богъ вложи недоумение въ насъ»³³, под 6746/1238 г., в повествовании о Батыевом нашествии, — «Но уже бяше Божию гнѣву не противитися, яко речено бысть дрѣвле Исусу Наугину Богомъ, егда веде я на землю обѣтованую, тогда рече: “Азъ послю на ня преже васъ недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепеть”. Также и преже сихъ [монголо-татар. — *А. Л.*] отъя Господь у насъ силу, а недоумѣние и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в нас за грѣхы наша»³⁴ (ср.: Втор. 2:25; 11:25; Нав. 2:9–11). Новгородец, описавший под 6776/1268 г. неудачное столкновение с немцами под Раковором, перефразировал слова пророка Исаии: «аще хотите послушати Мене, благая земная снѣсте, аще ли не хотите, ни послушаете Мене, оружие вы поясть, и тако поженеть

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 222.

³¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 262–263.

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 398. См. также ту же цитату под 6745/1237 г. (стб. 462).

³³ Новгородская первая летопись ... С. 63.

³⁴ Там же. С. 75.

единь 100 вась, а от ста побѣгнет 1000 вась»³⁵ (ср.: Ис. 1:19–20, 30:17). О том же говорил в 70-е гг. XIII в. и епископ Серапион Владимирский, описывая нашествие монголов: «князии нашихъ воеводъ крѣпость ищезе, храбрии наш(а), страха напольньшес(я), бѣжаша»³⁶. Библейский корень этой мысли очевиден и четко осознавался самими книжниками. Но важно, что для ее обоснования они обращались к разным частям Священного Писания. Очевидно, что представление оказывалось первичнее формы, в которой его можно было выразить.

Как бы ни действовал Бог, наказывая христиан, в летописи Он всегда строго дистанцирован от инструмента своего гнева — «поганных», орудующих автономно. Летописцы не раз подчеркивают, что Бог потворствует врагам, «не яко милуя ихъ, но насъ кажа»³⁷. Эту дистанцированность подсвечивают и те негативно-конфессиональные эпитеты, о которых мы говорили выше, и сам характер действия язычников, которые, будучи «наведены» Богом, не только грабят и убивают, но и богохульствуют. Впервые этот мотив появился в *ПВЛ* под 6604/1096 г. в рассказе о разгроме Киево-Печерского монастыря «безбожным, шелудивым» ханом Боняком, пущенным «на казнь х(ре)с(т)ьяномъ». Летописец подчеркнул, что половцы, оскверняя святыни и убивая иноків, одновременно «оукаряху Б(ог)а и законъ нашъ», «словеса хулная г(лаго)лаху на с(вя)тыя иконы»³⁸. Для их обличения он прибег к выражениям 78-го псалма³⁹, речь в котором идет о поругании иерусалимского храма (впоследствии летописцы еще не раз

³⁵ Новгородская первая летопись ... С. 87.

³⁶ Петухов Е. В. Серапион Владимирский ... Прибавление к исследованию. С. 8.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 222; Т. 2. Стб. 603, 648.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 232–234.

³⁹ Ср.: «Се бо оскверниша и пожгоша с(вя)тыи дом Твои и манастирь М(а)т(е)ре Твоея, и трупье рабъ Твоихъ» (Там же. Стб. 233); «Б(о)ж(е), придоша языци в достояние Твое, оскверниша ц(ер)к(о)вь с(вя)тую Твою, положиша Иер(у)с(а)л(и)ма, яко овощное хранилище, положиша троупие рабъ Твоихъ брашна птицамъ н(е)б(е)снымъ...» (Пс. 78:1–2) (Киевская Псалтирь 1397 года из Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [ОЛДП F 6]. М., 1978. Л. 111). Выше из того же псалма заимствованы слова, вложенные в уста половцам: «“Кдѣ есть Б(ог)ъ ихъ?...”» (ср. Пс. 78:10). О значении первого стиха 78-го псалма см.: Максимович К. А. К истолкованию псалма 78:1: положиша Иероусалима ѣко овощьное хранилиште // «Славяне и их соседи»: XX конференция памяти В. Д. Королюка. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья: сборник тезисов. М., 2001. С. 62–65.

обратятся к этому ветхозаветному тексту⁴⁰), и затем со ссылкой на Псевдо-Мефодия Патарского отнес половцев к числу тех народов, которым предстоит сыграть роль разрушителей в преддверье конца света⁴¹.

С конца XII в. некоторые летописцы показывают готовность идти еще дальше и начинают открыто обвинять врагов-иноверцев в тесных связях с силами ада (что ранее скорее подразумевалось). Так, в *ИЛ* под 6686/1178 г. половцы, повоевавшие «за грѣхы наша» земли Переяславля Южного, хулящие «имя Б(о)жие» и избивающие младенцев, прямо причислены к пособникам дьявола. Сами они — «неч(и)стии ищады деломъ и нравомъ сотонинымъ», а их предводитель Кончак, подобно сатане, — «злоу начальникъ» (ср.: 1 Ин. 3:8). В том же ключе выдержано и следующее заявление летописца: «не рекоу единемъ кр(е)стьяномъ, но и Самомоу Б(о)гоу врази!»⁴². Далее, под 6704/1196 г., летопись доносит до читателя мысль, что у половцев и нечистой силы есть на Руси общие планы — ссорить князей. Правда, в тот год осуществиться этим зловещим замыслом не удалось. Князья примирились, и опасность новой усобицы с участием кочевников отступила: «Х(ристо)сь Б(о)гъ нашъ, не хотя дати радости дьяволоу, ни дикымъ половцемъ, ажъ бяхуть на се готови и оустремилися на кровопролитье и обрадовалися бяхуть свадѣ в роускихъ князехъ, избави... кр(е)ст(ь)янь от роукъ неч(е)ст(и)выхъ и оканьныхъ агарян»⁴³. *РЛ-ЛПС-МАК*, восполняющие под 6713/1205 г. пропуск в *ЛЛ*, отмечают, что после удачного похода русских князей на половцев все христиане радовались и только «единъ... дьявол печален быс(ть)»⁴⁴. Галицко-Волынская летопись, касаясь верований монголо-татар и литвы — новых «батоков» Божьих, — также подчеркнула их тесную связь с лукавым. О первых под 6758/1250 г. сказано, что они и сами «обладаемы дьяволомъ», и приходящих к ним «ц(е)с(а)рей и князей, и велможъ» заставляют поклоняться «с(о)лнцю и лоунѣ, и земли, дьяволоу, и оум(е)ршимъ въ адѣ о(т)ц(е)мъ ихъ и дѣдомъ,

⁴⁰ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418 (под 6711/1203 г. — по случаю погрома половцами, которых привели Рюрик Ростиславич и Ольговичи), 463 (под 6745/1237 г. — в рассказе о взятии монголо-татарами Владимира); Т. 18. С. 78 (под 6789/1281 г. — в описании рати).

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234, 236. См. также: *Чекин Л. С.* Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // *Из истории русской культуры*. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 695.

⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612–613.

⁴³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 700.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 420; Т. 18. С. 38; Л., 1989. Т. 38. С. 161; Т. 41. С. 125.

и м(а)т(е)р(е)мь». О вторых под 6766/1258 г. говорится, что в образе своих богов они почитают бесов⁴⁵. отождествление языческих богов с нечистой силой, конечно, характерно для древнерусской традиции⁴⁶. Однако упреки соседей-язычников в поклонении духам тьмы, равно как и в близких сношениях с дьяволом ранее в летописных текстах не встречались. Всё это указывает на постепенное заострение негативного конфессионального фона в летописном образе соседей-иноверцев, с которыми у Руси складывались непростые отношения, — общую поступательную тенденцию, на которую мы уже не раз обращали внимание.

В летописании XIII в. возник еще один мотив, родственный рассмотренному. Повесть о Батыевом нашествии в ЛЛ изобразила монголов — представителей «оскверньного» царства, которых «попусти Б(ог)ъ» — еще и гонителями «правовѣрной хр(е)с(т)ьянской вѣры». За веру умирают или готовятся умереть многие герои повествования — сыновья великого князя Юрия Всеволод и Мстислав, ростовский князь Василько, московский воевода Филипп Нянка, о вере молятся великий князь Юрий и ростовский епископ Кирилл II⁴⁷. Подобного тоже не было в тех литературных

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806–807, 839.

⁴⁶ Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915. С. 16, 32–43; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 112–114; Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). С. 314. Это отождествление ясно проявило себя уже в ПВЛ. Под 6488/980 г. летописец называет совершение языческих обрядов служением «бѣсомъ»; та же тенденция проявляется в рассказе о варягах-мучениках под 6491/983 г. (варяг-отец говорит жрецам: «не дамъ с(ы)на своего бѣсомъ»), пронизывает повествование о крещении киевлян под 6496/988 г. (князь Владимир приказывает бить статую Перуна «на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образом ч(е)л(о)в(е)кы»), встречается в похвале князю Владимиру под 6523/1015 г., рассказах о волхвах под 6579/1071 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79, 82–83, 116–117, 131, 174–181) и др. местах памятника. Как еще один пример яркого проявления этой идеи в связи с ранней историей христианства на Руси можно привести канон на успение княгини Ольги (XII в.?), где про Ольгу сказано, что она «величаваго диавола из Роуси прогна, неч(е)стивыа коумиры отнуд съкроуши, вся люди от безакониа свободи...» (Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. (Сб. ОРЯС. Т. 82. № 4.) С. 89). Отметим также изображение «сотоны» в образе языческого истукана в надписи XII в., процарапанной на стене новгородского Софийского собора (Зализняк А. А. К изучению древнерусских надписей // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М., 2004. Т. 11 (Из раскопок 1997–2000 гг.). С. 245–246; Михеев С. М. Заметки о надписях-граффити Новгородского Софийского собора. Ч. I // ДРВМ. 2010. № 2 (40). С. 92–95).

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460–466, 469.

образцах, которыми широко пользовался составитель повести⁴⁸. Аналогичную мысль отыскиваем в Галицко-Волынской летописи. И под 6753/1245 г. в сцене мученичества князя Михаила Черниговского, и под 6758/1250 г. в описании поездки князя Даниила Галицкого в Орду Батый и его люди показаны нечестивцами, склоняющими русских князей к вероотступничеству. Автор первого известия, обличая хана, сравнил его со «свѣрпым звѣрем»⁴⁹, в чём также можно уловить демонологические коннотации.

Подобные характеристики, конечно же, не были случайными. Именно потому, что насланные Богом народы действуют далее свободно, на роль «бато́гов» могли сгодиться лишь нечестивейшие из «языцев», безжалостные по своей природе и пребывающие во власти злых сил. Только такие, действуя свободно, были способны справиться с возложенной на них страшной миссией. Этот ветхозаветный архетип был вполне усвоен летописцами, и один из них вслед за пророком Даниилом признавал, что за совершённые грехи «подобаше нам “преданымъ быти в руки языку странну и безаконьѣишу вся земля”»⁵⁰ (ср.: Дан. 3:32).

Еще одно указание на то, что летописцы считают самих «поганных» ответственными за злодеяния, совершённые ими во время попущенных Богом «ратей», содержит в себе летописный мотив возмездия иноплеменникам за их преступления. Чаще всего он звучит при упоминании Божьей помощи христианам (речь о чём пойдет в следующем разделе), но иногда встречается и в известиях о «ратных напастях». Так, описывая уже упоминавшийся налет хана Боняка на Печерскую обитель, один из авторов *ПВЛ*, который увидел во всём произошедшем гнев Божий, отметил тем не менее, что хотя Бог еще терпит «грѣси» и «безаконья» «безбожных с(ы)н(о)вей Измаиловых», но «на оном свѣтѣ» их уже поджидает «огнь вѣчный». И далее он процитировал 82-й псалом,

⁴⁸ См.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 78–83.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795, 806–808. По мнению В. Н. Рудакова, связь монголов с нечистой силой подчеркивается в памятнике и нередким указанием на их «лстьивость» — одно из архетипических качеств дьявола (*Рудаков В. Н.* Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // *Одиссей: Человек в истории. Язык Библии в нарративе.* М., 2003. С. 50–53; *Его же.* «Погибель» или «пленение» Русской земли? Два способа осмысления повседневности русскими книжниками второй половины XIII в. // *Многоликая повседневность: Микроисторические подходы к изучению прошлого (Материалы конференции памяти Ю. Л. Бессмертного).* М., 2014. С. 121–123, 129–130).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 223.

призывая Бога уже сейчас отомстить нечестивцам: «послѣдующе пр(о)р(о)ку Давыду, вопъемъ: “Г(оспод)и Б(ож)е мои, положи я, яко коло; яко огонь пред лицомъ вѣтру, иже поपालяеть дубравы, тако пожениши я бурю Твоею, исполни лица ихъ досаженъ”»⁵¹ (Пс. 82:14–17). У книжных людей Псалтирь была на слуху, и многим этот небольшой псалом мог быть известен целиком. Речь в нём идет о «измаильтянах» и «агарянах», которых летописцы считали предками половцев. Помимо процитированных летописцем там есть и другие призывы к отмщению: «Б(ож)е!.. се, врази Твои въшюмѣша и ненавидящеи Тобе въздвигоуша главою, на люди Твоя лукавноваша волею и свѣщаша на с(вя)тыя Твоя»; «да постыдятся и смятоутся в вѣкы вѣка, и посрамятся, и погибноутъ» (Пс. 82:2–4,18)⁵². А вот еще пример. Владимирский книжник, описавший под 6685/1177 г., как половцы, приведенные рязанским князем Глебом Ростиславичем⁵³, разграбили церковь в Боголюбове и окрестные села, признал, что причиной всего стали прегрешения его земляков. Вскоре после этого князь Всеволод Юрьевич наказал налетчиков: Глеб с подручными был захвачен, а половцы перебиты. И летописец, не отказываясь от своего предыдущего замечания, увидел в этом справедливое возмездие. Вслед за своим киевским предшественником он привлек в качестве комментария отрывок из 82-го псалма и дополнил его следующей сентенцией, украшенной словами апостола: «да в правду восприяша възмездье, “судь бо безъ м(и)л(о)сти не створшему м(и)л(о)сти”» (Иак. 2:13)⁵⁴. В другом рассказе ЛЛ — под 6745/1237 г. — о Батыевом нашествии, попущенном «за оумноженъ безаконии наших» — плененный князь Василько Константинович грозит татарам Божьим судом за творимые ими преступления: «Б(ог)у же какъ отвѣтъ дасте, Ему же многы д(у)ша погубили есте бес правды? Их же ради мучити вы имат(ь) Б(ог)ъ в бесконечные вѣкы!..»⁵⁵.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 233.

⁵² Киевская Псалтирь 1397 года ... Л. 115–116.

⁵³ Здесь перед нами интересный случай, когда ответственность за нашествия кочевников, произошедшие «грех ради наших», летописцы возлагают и на князя, который привел иноплеменников. Летописец заметил, что Глеб «Б(ог)а разгнѣви и с(вя)тую Б(огороди)щу» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 383), поставив его, таким образом, в один ряд с «погаными». При этом в других случаях, когда летописцы комментируют наведение половцев князьями, они возлагают вину только на последних, не упоминая действие Промысла (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200, 226).

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 384–385.

⁵⁵ Там же. Стб. 462, 466.

Библейское по своей природе и усвоенное летописцами представление о «раздельной ответственности» Промыслителя-Бога и «поганных» орудий Его гнева должно было подкрепляться знакомством со многими фрагментами Священного Писания, причем не только ветхозаветными, где сюжеты наказания и изгнания народа Божьего встречаются довольно часто (см., например: Ис. 10:1–21), но и новозаветными — гораздо более близкими и понятными любому христианину. К примеру, во всех синоптических Евангелиях читается примечательная фраза Христа, произнесенная Им на Тайной Вечери по поводу готовящегося предательства Иуды. Попуская неверному ученику действовать по его собственному выбору, Христос говорит о Своем взятии под стражу и близящихся крестных страданиях: «“Оубо С(ы)нь Ч(е)л(о)в(е)ч идет по реч(е)ному, обач(е) горе ч(е)л(о)в(е)ку тому, имьж(е) предаетс(я)”» (Лк. 22:22)⁵⁶. Непреложность Божьего Промысла, совершавшаяся через Иуду, никак не ограничила его свободу и потому не сняла с него ответственности.

Апологетическая подоплека рассмотренного мотива «раздельной ответственности» очевидна. Тот же настрой проявился и в некоторых других рассуждениях летописцев, касающихся попущенных Богом действий народов «малого круга» против Руси. Уже в *ПВЛ* звучит мысль, что подобные наказания — это знаки отеческой любви Небесного Владыки, который, «свою кровь за ны изльз», заботится об исправлении и спасении своих людей. «Да никто же дерзнетъ рещи, — восклицал один из авторов Повести, — яко ненавидимы Б(ого)мъ есмы! Да не будет! Кого бо тако Б(ог)ъ любить, якоже ны възлюбилъ есть? Кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же! Имъ же [потому-то. — *А. Л.*] паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣх почтени бывше, горѣ всех сдѣяхом грехы». Суровое наказание позволяет одуматься, оно омывает грехи, «д(у)ша бо, сдѣ казнима, всяко м(и)л(о)сть в будущий вѣкъ обрящеть и лготу от мукъ, не мстить бо Г(о)с(под)ъ дважды о томъ», понесенные страдания облегчают путь в Царство Небесное. Главное, чтобы люди правильно поняли, чего «ради гневъ простреся», и смогли бы исправиться⁵⁷. Эти аргументы, помогающие пережить тяжелые поражения и вынести из них необходимые духовные уроки, затем будут использоваться и другими летописцами⁵⁸. Некоторое

⁵⁶ Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. М., 2001. С. 129.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 222–225.

⁵⁸ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 400, 462, 464, 468; Т. 2. Стб. 603, 648, 894; Новгородская первая летопись... С. 76–77, 86–87.

развитие они получили не в летописи, а в проповедях Серапиона Владимирского. В частности, епископ заметил, что при таких общих наказаниях, как попущенные Богом нашествия иноплемеников, страдают и действительно виновные грешники, и невинные праведники. Однако это зачтется на суде Божьем и первым, и вторым: праведники «свѣтлѣших от Г(о)с(под)а вѣнец сподобятс(я), грѣшником же болшее мучение, яко праведници казними быш(а) за их безаконие». «Се слышаше, — продолжает епископ, — оубоитес(я), вострепещите, престаните от зла, створит(е) д(обро). Сам бо Г(о)с(под)ь реч(е): “Обратитес(ь) ко мнѣ, А(з) обращаю к вамъ”. Ждетъ нашего покаянья, миловати ны хошеть, бѣды избавити хошеть, зла хош(е)тъ спасти!»⁵⁹ (ср.: Зах. 1:3).

Если причиной успешных действий нечестивых врагов летописцам виделся гнев Божий, то первопричиной — согрешения соплеменников, не исключая и свои собственные⁶⁰. Однако в отличие от проповедников (например, того же епископа Серапиона), летописцы очень редко пускались в поиски конкретных грехов или конкретных грешников, которые могли прямо поспособствовать воспламенению гнева Божьего и «наведению» врагов. Как правило, летописные указания на «грѣхи... наши великие и неправды», на «безакония наши»⁶¹ носили обобщенный характер, и вина, таким образом, возлагалась на всех людей — «землю». Именно такой акцент был поставлен Повестью временных лет в «Поучении о казнях Божьих»: «земли же согрѣшивше которѣи любо казнить Б(ог)ъ см(е)ртью, ли гладомъ, ли наведење поганыхъ...»⁶². В тех же редких случаях, когда летописцы всё же начинали искать лиц, несущих персональную (хотя и не единоличную) ответственность за произошедшее, их мысленный взгляд неизменно останавливался на князьях — и только на них. И это тем более любопытно, что при осмыслении других «казней Божьих» (массовых бедствий, вызванных факторами естественного плана: голодом, пожарами, эпидемиями, ударами стихий) стремления к персонализации ответственности они вообще никогда не проявляли⁶³.

⁵⁹ Петухов Е. В. Серапион Владимирский ... Прибавление к исследованию. С. 7.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 225.

⁶¹ Там же. Стб. 222.

⁶² Там же. Стб. 167–168.

⁶³ Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998. С. 33–37; *Его же*. Массовые бедствия и мотив коллективной ответственности за грехи в древнерусском летописании XI–XIII вв. // Особенности российского исторического процесса: сборник статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009. С. 62–67.

О том, что на весах небесного правосудия княжеские прегрешения особенно тяжелы, в общей форме говорилось еще в летописной повести о мученичестве свв. Бориса и Глеба: «Аще бо князи правьдиви бывають в земли, то многа отдаются согрѣшенья земли, аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводитъ Б(ог)ъ на землю, понеже то глава есть земли. Тако бо Исаия рече: согрѣшиша от главы и до ногу, еже есть от ц(е)с(а)ря и до простыхъ людий»⁶⁴. Доказательства этой мысли летописцы искали именно в фактах военных поражений Руси. В *ПВЛ* под 6576/1068 г. один из них, интерпретируя календарное совпадение, постарался доказать, что значительная часть вины за попущенное Богом половецкое нашествие лежит на киевском князе Изяславе Ярославиче, который грубо нарушил крестное целование, данное князю Всеславу Брячиславичу⁶⁵. Автор Предисловия к Начальному своду⁶⁶, обращаясь к князьям и их «мужам», косвенно обвинил их в «несытосте» (выражавшемся в том числе и в судебных злоупотреблениях), из-за которого, по его мнению, «навель Богъ на ны поганья»⁶⁷. Яркий пример имеется и в летописной повести о походе князя Игоря Святославича на половцев в *ИЛ* под 6693/1185 г. В уста кающегося Игоря там вложена мысль, что поражение явилось следствием его собственных грехов и стало «отмѣством» за меж-

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 139–140. Данная мысль неоднократно встречается в древнерусской книжности и позднейшего времени. Так, каноническое «Правило о верующих в гады» (возникшее, видимо, не позднее середины XIII в.) подчеркивает взаимную ответственность перед Богом царя и его людей: «грѣхъ ц(а)ревъ на людех его, а грѣхъ люди его на ц(а)ри» (*Смирнов С. И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // *ЧОИДР.* М., 1912. Кн. 3 (242). С. 149 (пр. 51), 406 (комментарий)). То же находим у митрополита Киприана: «яко грѣх людский на князи, и княжский грѣх на люди нападаетъ» (*БЛДР.* СПб., 1999. Т. 6. С. 415), у преп. Иосифа Волоцкого: «за государское согрешение Бог всю землю казнитъ» (*Послания Иосифа Волоцкого.* М.—Л., 1959. С. 176), у Георгия Скрипицы: «Писано: «Глава согрешить, земля погибнетъ»» (*Русский феодальный архив.* М., 1987. Ч. 3. С. 667) и т. д.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172.

⁶⁶ Из последних работ, аргументирующих вывод А. А. Шахматова о принадлежности Предисловия именно Начальному своду первой половины 1090-х гг., см.: *Гиппиус А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова.* М., 2006. С. 60–69; *Его же.* Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // *Русский язык в научном освещении.* 2010. № 2 (20). С. 143–199.

⁶⁷ Новгородская первая летопись... С. 104. См. также: *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012. С. 324–327.

доусобные войны и пролитие крови единоплеменников. Плененный князь признаёт, что победа досталась половцам не из-за их «дерзости» (доблести), а «по достоянью моему [по делам моим. — А. Л.]» «от повеления Твоего, Вл(а)д(ы)ко Г(о)с(под)и»⁶⁸. В ЛЛ под 6791/1283 г. летописец, рассуждая о кровавых последствиях деятельности в Курской области «бесурменина» Ахмата, записал: «наведе Б(о)гъ сего бесурменина злого за неправду нашу, мною бо и кн(я)зи ради, зане живяхут в которах межи собою»⁶⁹. Не такой показательный, но всё же в общем ряду любопытный нюанс отыскивается и в Галицко-Волынской летописи. Рассказывая под 6739/1231 и 6740/1232 гг. о битве князя Даниила Галицкого с венграми под Шумском (1233 г.), летописец заметил, что отступление княжеской дружины в один из моментов боя (не помешавшее, правда, Даниилу победить) произошло «за грѣхы». Хотя эта ремарка не имеет прямого адресата, в тексте она явно перекликается с эпизодом, произошедшим накануне сражения. Тогда, как сообщает летописец (в целом очень симпатизирующий Даниилу), князь встречался с предводителем венгров королевичем Андреем и сказал ему «нѣкое слово похвално [хвастливое. — А. Л.]... егоже Б(о)гъ не любить»⁷⁰. Высказывалась та же самая мысль и за рамками летописных сводов. Так, в Киево-Печерском патерике отмечено, что киевский князь Святополк Изяславич творил «много насилия» людям, «и сего ради попусти Господь поганымъ силу имѣти над нимъ, и быша брани многы от половець»⁷¹.

Нарушение клятвы, несправедливый суд, «которые», насилие, гордыня — вот едва ли не исчерпывающий перечень главных княжеских «безаконий»⁷². И каждое из них казалось книжникам

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 643–644, 649.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481. Сходная ремарка читается по поводу первого нашествия татар в позднейшем Тверском сборнике под 6732/1223 г.: «гордости ради и величания русскихъ князь попусти Богъ сему быти» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 336 (второй пагинации)).

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 767, 769.

⁷¹ БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 426.

⁷² В свое время Е. В. Петухов справедливо писал о том, что перечни обличений в устах русских проповедников обычно не являлись плодами их «личной наблюдательности», а восходили к византийской, а через нее — и к библейской традиции описания «основных свойств слабой стороны человеческой природы» (Петухов Е. В. Серапион Владимирский ... С. 43–44). Однако, как и в других подобных ситуациях, здесь важно обратить внимание на то, какие именно пороки падшей человеческой натуры поминают говорящие и пишущие, рассуждая о князьях, и на само это их стремление к персонификации ответственности за наказания Божии. И в первом, и во втором как раз и проявляется их «личная» позиция.

чреватым небесной карой. В свете сказанного особое — духовное, а не только политическое — звучание приобретает знаменитая фраза из летописного завещания Ярослава Мудрого, обращенная к сыновьям: «Да аще будете в любви межю собою, и Б(ог)ъ будетъ в васъ и покори[тъ] вы противныя подь вы — и будете мирно живуще. Аще ли будете ненавистно живуще, в распряхъ, которающися, то и сами погибнете, и землю о(те)ць своихъ и дѣдъ погубите, иже налѣзоша трудомъ своимъ великомъ»⁷³.

Говоря о нашествиях «нечестивых языцев» как о Божьем гневе, о грехах единоплеменников как о причине этого гнева, о покаянии и исправлении как о цели понесенных наказаний, об ответственности врагов за совершённые ими на Руси злодеяния и о пригодности на роль «бато́гов Божиих» только самых безбожных «языков», древнерусские летописцы демонстрировали принятие концепции, давно устоявшейся в христианской культуре. За исключением мелких деталей оригинальным в их взглядах на проблему оказывался выбор тех народов, в лице которых они были готовы видеть карающий меч Божьего правосудия. И таких народов «малого круга», по их мнению, было только три: половцы, монголы и литва.

§ 2. НЕБЕСНАЯ ПОМОЩЬ

Описывая взаимоотношения Руси и ее соседей, летописцы находили гораздо больше поводов говорить о милостях Бога, нежели о Его гневе. Замечания о помощи, которую Господь оказал «своим людям», встречаются в изучаемых памятниках гораздо чаще, чем рассуждения о попущенных Им «ратных напастях».

1. «Средний круг». Ремарки с упоминанием такой помощи довольно разнообразны (хотя и не являются обязательными атрибутами любого сообщения об удачных действиях против противника). Причем разнообразие это выражается не только в относительном богатстве языковых средств, используемых авторами сообщений, но и в обилии упоминаемых ими образов и нюансов действия Промысла Божьего.

⁷³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 149–150.

Помощь Всевышнего Руси в борьбе с народами «среднего круга» маркируется в летописи следующим образом⁷⁴. Вмешиваясь в события, Бог может сохранять «люди своя» от нападения, погоны, плена или смерти в опасной ситуации⁷⁵, побуждать их к противостоянию с неприятелем — вкладывать помысл или даже «пускать»⁷⁶, оказывать помощь на поле битвы (о такой помощи летописцы упоминают чаще всего)⁷⁷, даровать победу и ее плоды⁷⁸. Сама победа — это Его милость⁷⁹, через нее подается избавление и спасение⁸⁰ (конечно, — в земном смысле слова, через который, однако, явно просвечивает и обетование о конечном спасении праведных). Целый арсенал средств имеется у Бога против врагов Руси. Когда Он решает действовать, то может разрушать их замыслы и начинания⁸¹, изливать на них свой гнев⁸², посылать против них представителей небесного воинства (архангела Михаила или ангелов)⁸³, наполнять их страхом и обращать в бегство⁸⁴, покорять их⁸⁵, творить над ними суд и посылать им возмездие⁸⁶, принуждать их к миру⁸⁷ и др. Кроме того, во время войн и иных конфликтов русским могут споспешествовать «помочь святые

⁷⁴ В ссылках к нижеследующему перечню отмечены только чтения, в которых небесная помощь упоминается летописцами как свершившийся факт, и не отмечены случаи, где описывается молитвенное упование участников событий на такую помощь, либо их благодарность за нее.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 231, 360, 364, 467, 469, 480; Т. 2. Стб. 545, 548, 565, 628, 760–761, 789, 807, 809, 841, 892–893; Новгородская первая летопись ... С. 76–77.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 276–277, 394, 476; Т. 2. Стб. 264, 268, 538, 607, 630, 631, 851–852; Новгородская первая летопись ... С. 85.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 295, 339–340, 352, 363, 385, 390, 395–396, 445, 483; Т. 2. Стб. 267, 273, 290, 460, 540, 559, 563, 569, 623–624, 626, 632, 637, 761, 798–800, 809, 813, 840; Т. 18. С. 73, 75; Новгородская первая летопись ... С. 31, 59, 64, 73, 78–79, 83–85, 87, 329.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278, 296; Т. 2. Стб. 268, 608, 623, 632, 636, 645, 672, 678, 805, 809, 836.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 632, 738, 798, 805, 833, 835, 890.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163, 231, 279, 396, 476; Т. 2. Стб. 268, 304, 636, 738, 760; Новгородская первая летопись ... С. 183.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 295; Т. 2. Стб. 635, 700, 890–891; Новгородская первая летопись ... С. 77, 91.

⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163, 390, 395, 446.; Т. 2. Стб. 267, 631; Новгородская первая летопись ... С. 62, 183.

⁸³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 264, 267–268, 760–761, 840.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278; Т. 2. Стб. 633, 835.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279, 396; Т. 2. Стб. 856–857.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163, 420, 446; Т. 2. Стб. 761; Новгородская первая летопись ... С. 62, 84–85.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 735.

София» (в новгородском летописании)⁸⁸, сила Честного Креста⁸⁹, заступничество Пресвятой Богородицы⁹⁰, предстательство святых и Сил бесплотных⁹¹, молитвы живых и мертвых⁹².

Как и провиденциальные ремарки на тему гнева Божьего, указания на Его поддержку используются летописцами избирательно. Изменения в составе народов «среднего круга» были нечастыми и происходили двумя волнами.

В летописных статьях за XI–XII вв. Божья помощь подается русским при их столкновениях только с теми народами, которые в древнерусской книжности этого времени получают негативно-конфессиональные характеристики (за одним исключением). Долгое время летописцы (кроме новгородских) упоминали о Божьей помощи Руси, рассказывая о борьбе с двумя такими народами — торками (единичная ремарка в *ПВЛ* под 6568/1060 г.; то же и в *НЛМл*)⁹³ и половцами (систематически начиная со статьи *ПВЛ* 6604/1096 г.)⁹⁴. В 60–70-е гг. XII в. «средний круг» несколько расширился. В нём закрепились булгары (со статьи 6672/1164 г. в *ЛЛ* и 6681/1173 г. в *ИЛ*)⁹⁵, а также по одному разу в интересующем нас контексте были упомянуты чудь (причем не в *НЛ*, что было бы как-то объяснимо внешнеполитическими обстоятельствами Новгорода, а в *ИЛ* — под 6686/1178 г.)⁹⁶ и шведы (в *НЛ* под 6672/1164 г.)⁹⁷. Эта ремарка, касающаяся шведов (сказано, что их, пришедших под Ладогу, удалось победить «Божиею помощью»), — единственное в *НЛ* чтение подобного рода

⁸⁸ Новгородская первая летопись ... С. 64, 73, 76–78, 83, 87, 91.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296, 361, 444, 448; Т. 2. Стб. 290, 559, 624; Новгородская первая летопись ... С. 73, 80, 83, 87.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282, 352–353, 357, 361, 364, 385, 390, 395–396, 446, 448, 476; Т. 2. Стб. 559, 565, 631, 737; Новгородская первая летопись ... С. 62, 77, 87, 329.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282, 285, 448, 479–480; Т. 2. Стб. 264, 273, 290, 636, 842; Новгородская первая летопись ... С. 76–78, 87, 91.

⁹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296, 360, 363–364, 390, 395; Т. 2. Стб. 290, 558, 563, 565; Новгородская первая летопись ... С. 76. См. также: *Алехина Л. И.* Мотив небесного заступничества в воинских повестях периода монголо-татарского нашествия // Макариевские чтения. Можайск, 1996. Вып. 4. Ч. 2. С. 173–181.

⁹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163; Новгородская первая летопись ... С. 183.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 231, 276–279, 282, 285; Т. 2. Стб. 264, 267–268, 273. И далее: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 295–296, 339–340, 357, 360–361, 363, 385, 394–396; Т. 2. Стб. 290, 304, 460, 538, 540, 545 (?), 548, 558–559, 563, 569, 623–624, 628, 630–633, 635–637, 645, 672, 678, 700.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352–353, 364, 390; Т. 2. Стб. 565, 626.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 607–608.

⁹⁷ Новгородская первая летопись ... С. 31.

за XII в.⁹⁸ и то самое исключение, о котором было сказано в начале абзаца (применительно к шведам терминология конфессионального размежевания начала осторожно использоваться в *НЛ* лишь со второй половины XIII в.).

В летописании XIII в. картина усложняется. Во-первых, мысль о Божественном содействии в борьбе с иноплемениками становится привычной и для новгородцев. Во-вторых, в 10–40-е гг. XIII в. происходит новое расширение «среднего круга». Рядом с полочанами⁹⁹ и булгарами¹⁰⁰ в его границах ожидаемо появляются литва с ятвягами (в *ИЛ* с 6723/1215 г. и в *ЛЛ* и *НЛ* с 6733/1225 г.)¹⁰¹ и монголы — последние с некоторыми особенностями, о которых будет сказано ниже (в *ЛЛ* с 6731/1223 г., в *ИЛ* с 6748/1240 г., в *НЛ* под 6746/1238 г.)¹⁰². А наиболее любопытной новацией в летописании XIII в. оказывается активное проникновение в «средний круг» латинских соседей Руси: немцев (в *НЛ* систематически с 6727/1219 г.¹⁰³, в *ЛЛ* (*Сим.*) — единственный случай под 6776/1268 г.¹⁰⁴), шведов (в *НЛ* под 6748/1240 и 6809/1301 гг., в *ЛЛ* — в «Повести о житии» Александра Невского)¹⁰⁵, венгров и поляков (в *ИЛ* с 6727/1219 г.; в *НЛ* — единственный и не совсем четкий случай под 6727/1219 г. с упоминанием также чехов и моравов)¹⁰⁶.

⁹⁸ В известиях до начала XIII в. *НЛ* содержит еще одно сообщение, которое может быть отнесено к разбираемой группе: под 6577/1069 г. рассказывается о походе на Новгород князя Всеслава Брячиславича с отрядами води. Новгородский князь Глеб Святославич удачно отражает нападение, о чём сказано: «пособи Богъ Глѣбу князю с новгородци» (Новгородская первая летопись ... С. 17). Однако нельзя точно понять, что в первую очередь имеет в виду новгородский летописец: помощь против задиристого Всеслава или его диких союзников.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 420, 446; Новгородская первая летопись ... С. 62.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444–445.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448, 483; Т. 2. Стб. 735, 798–800, 813, 833, 835–836, 839–840, 856–857; Новгородская первая летопись ... С. 64, 73, 79, 84–85 (в описании внутрилитовских конфликтов, интерпретируемых, однако, как возмездие за «христьянскую кровь»), 85.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447, 467, 469, 473, 476 (об откупщиках–«бесурменах»), 483; Т. 2. Стб. 789, 807, 809, 841–842, 851–852, 890–893; Новгородская первая летопись ... С. 75–76.

¹⁰³ Новгородская первая летопись ... С. 59, 72–73, 78, 80, 83, 87, 329.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 73.

¹⁰⁵ Новгородская первая летопись ... С. 77, 91; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479–480.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 737–738, 760–761, 805, 809, 890; Новгородская первая летопись ... С. 59. В *НЛ* речь идет о походе князей Мстислава Мстиславовича Удатного и Владимира Рюриковича на Галич, занятого венгерским королевичем Коломаном; в том походе, как отметил новгородский летописец, Бог «пособи» князьям против оборонявших город галичан, поляков и венгров, а также чехов и моравов, которые, согласно мнению В. Т. Пашуто, были наемниками у венгров (*Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 247).

В плане этой новой тенденции особенно показательна Галицко-Волынская летопись, авторы которой подчеркивают тесные и разнообразные связи князей своей земли с западными соседями Руси и временами даже демонстрируют приятное отношение к католикам. Тем не менее и в этом памятнике появляется интересующий нас мотив¹⁰⁷, касающийся, как было сказано, поляков и венгров. Так, под 6727/1219 г., рассказывая об отражении польско-венгерского нападения, летописец пишет, что Бог «сп(а)сь... от инопле[ме]нникъ» — «так о бо м(и)л(о)сть от Б(о)га Роуской землѣ»¹⁰⁸. Указание на Божью помощь встречаем и под 6737/1229 г. в повествовании о неудачном походе венгерского короля Белы IV на Галич¹⁰⁹. Под 6757/1249 г. в описании междоусобной битвы под Ярославом между Даниилом Галицким и его противником Ростиславом Михайловичем главной ударной силой в войске последнего показаны поляки и венгры, победа же Даниила определена как дарованная Богом¹¹⁰. Под 6790/1282 г. в летописи говорится, что во время порубежного конфликта с поляками «берестьянѣ» (жители русского Берестья), действовавшие без князя, победили «ляхов» «Б(о)жиею... м(и)л(о)стью»¹¹¹. Венгры и поляки, таким образом, пополняют начатый в северной Руси список католических народов, которым Всевышний на страницах летописей XIII в. уже прямо препятствует и которые, таким образом, в какой-то мере оказываются в числе Его противников.

Примечательно, что повествуя под 6748/1240 г. о появлении на Неве шведов, мечтающих «всприяти Ладогу» и «Новъгородъ, и всю область Новгородскую», новгородский владычный летописец подчеркнул тщетность этих планов как не имеющих благословения свыше: «всѹе трудишася без Божия повелѣния».

¹⁰⁷ Возможно, его можно отыскать и еще в одном месте памятника. Как полагает А. В. Майоров, фразу про Дрогичин под 6748/1240 г. «Б(о)гъ послѣже отмысье створи держателю града того, и выдасть и в роуцѣ Данилоу» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 788) следует относить не к кому-то из непокорных волынских бояр, как полагают многие исследователи, а к контролировавшим в тот момент город рыцарям-тамплиерам (Майоров А. В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2 (6). С. 79–92).

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 737–738.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 760–761.

¹¹⁰ Там же. Стб. 801, 803–805. Ниже, под 6758/1250 г., упомянуты плененные в этом сражении венгерские бояре, которых «Б(о)гъ вдасть в роуцѣ» Даниила (стб. 809).

¹¹¹ Там же. Стб. 890.

В рассказе о неудачной попытке шведов построить крепость в устье Невы (под 6809/1301 г.) другой новгородец воспользовался этой язвительной фразой еще раз, а от себя добавил: «твердость та ни во чтоже бысть за высокоумье их»¹¹². Это расширение области использования провиденциальных подходов, ранее употреблявшихся только при комментировании борьбы с «нечестивыми» народами, показательно для XIII в. Оно еще раз указывает на то, что в условиях развернувшейся католической агрессии в Прибалтике процесс религиозного отчуждения от латинской Европы (пусть пока еще в своей латентной фазе) начал набирать на Руси силу. Интересно то, что шведы, немцы, венгры и поляки — это практически полный список латинских народов, с которыми в XIII в. граничили земли Руси. Впрочем, если по отношению к ливонским немцам, наиболее агрессивным из этой четверки, разбираемый подход в XIII в. уже вполне оформился (в первую очередь — в Новгороде), то касательно трех остальных народов он был, скорее, лишь намечен.

Для полноты картины добавим, что вместе с появлением новых устойчивых тенденций в летописании XIII в. встречаются и единичные упоминания отдельных народов в интересующих нас контекстах. Так, рядом с немцами в сообщениях *НЛ* с маркерами «среднего круга» по одному разу упомянуты действовавшие под их эгидой либь (под 6726/1218 г.)¹¹³ и чудь (под 6750/1242 г.)¹¹⁴, а рядом со шведами — пришедшие с ними «мурмане», емь и сумь (под 6748/1240 г.)¹¹⁵. В *Сим.*, восполняющей лакуны *ЛЛ*, под 6785/1277 г. отмечено, что русским князьям «поможе Богъ» во время ордыно-русского похода против ясов¹¹⁶.

2. Господня милость. Сообщая о милостях Божьих, явленных на полях брани или во время внезапных нападений врагов, летописцы, как правило, не углублялись в богословскую суть сего

¹¹² Новгородская первая летопись ... С. 77, 91.

¹¹³ Там же. С. 59.

¹¹⁴ Там же. С. 78.

¹¹⁵ Там же. С. 77. Кроме того, косвенно о помощи Божьей против еми сказано в *ЛЛ* под 6734/1225 г.: князь Ярослав Всеволодович вернулся из удачного похода на нее, «хваля Б(ог)а» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449). Прямо о содействии Всевышнего не сказано, но оно подразумевается.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 75.

отрадного явления¹¹⁷. В отличие от проблемы, почему Бог покровительствует иноплеменникам в их войнах против Руси, вопрос о мотивах Его помощи русским не вызвал у них сколько-нибудь выраженного интереса, и судить об их взглядах на данный предмет приходится чаще по случайным оговоркам. По-видимому, забота Всевышнего о «своих людях», «новом Израиле»¹¹⁸, казалась им вполне естественной, вытекающей из самого характера отношений между Богом и Его «избранным народом». Иногда эта забота выражалась в суровых отеческих наказаниях, чаще — в содействии и поддержке. Вряд ли кто-то из книжников не знал, например, такие строки из Псалтири: «Бл(а)ж(е)нь языкъ, емоу естъ Г(оспод)ъ — Б(ог)ъ его, люд(и), яже избра въ достоянье Собѣ»¹¹⁹ (Пс. 32:12). Помощь Господа «людям, избранным в наследие» должна была представляться нормой, отступать от которой Бог иногда вынужден лишь из-за непрекращающихся грехов своего народа. Автор «Чюда святого Николы о половчине» вложил эту мысль в уста половцу — главному герою новеллы. Рассуждая о величии «Б(о)га руского», кочевник заметил: «Аще бо беда бывает от нас на них [русских. — А. Л.], то гл(агол)ют: за грѣхи н(а)ша Б(о)гъ не помогает намъ!»¹²⁰

При всей традиционности данной схемы важно обратить внимание на один акцент, который ставят летописцы, рассуждая о по-

¹¹⁷ Помощь на поле битвы одной из сторон противоборства — частый мотив в древнерусских описаниях военных событий, причем не обязательно связанных с борьбой против иноплеменников. Нередко встречается он и в повествованиях о внутривосточных коллизиях, перешедших в вооруженную стадию (см., напр.: *Проходка Е. А.* О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 233–234), и в таком контексте часто оказывается связан с темой усобной войны как своего рода «поля» — судебного поединка (см.: *Лаушкин А. В.* Усобица как «Божий суд» ... С. 159–163). Однако в рассказах о войнах с иноплеменниками эта тема практически не звучит, хотя некий родственный подтекст (восходящий, напр., к Пс. 42:1: «Соуди ми, Б(о)же, и расоуди прю мою от языка неприятели» — Киевская Псалтирь 1397 года ... Л. 58об.) теоретически и может присутствовать в них (об одном возможном примере такого рода мы говорили выше в примеч. 14). Главными же оказываются иные темы и акценты, речь о которых пойдет далее.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 714. См. также: *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 48–50; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. С. 67.

¹¹⁹ Киевская Псалтирь 1397 года ... Л. 42об.

¹²⁰ *Леонид (Кавелин), архим.* Посмертные чудеса святителя Николая. Памятник древней русской письменности XI века. Труд Ефрема, епископа Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV века библиотеки Троице-Сергиевой Лавры № 9) // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1888. Т. 72. С. 51.

мощи Всевышнего своим единоплеменникам. На страницах их сочинений действие Промысла Божьего имеет по отношению к русским преимущественно защитный характер. Главное, зачем Бог вмешивается в конфликты между русскими и их неприятелями, — сберечь свой народ, избавить его от врагов, иногда — отомстить последним за нанесенные обиды. Для достижения этой цели Бог может поддерживать и оборонительные, и наступательные (превентивные) действия русских, что, однако, никак не меняет сути дела. Ни насильственное миссионерство (надо сказать, исключительно редкое во внешнеполитической практике русских князей)¹²¹, ни захват земель соседних народов не нашли в летописании (равно как и за его пределами) никакого идейного обоснования¹²², в том числе и с помощью ссылок на волю Всевышнего¹²³.

¹²¹ См., напр., такой случай в *ЛЛ* под 6735/1227 г., где сказано: «Князь(ь) Ярославъ Всеволодичъ, пославъ, кр(е)сти множ(е)ство корѣль, мало не всѣ люди» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449). При этом, по всей видимости, часть карел уже в какой-то мере была подготовлена к принятию христианства, а само крещение произошло в ситуации, когда регион начал рассматриваться западными соседями Руси как одно из направлений крестоносной агрессии (см.: *Шалапин С. О.* Христианизация коренных народов Европейского Севера России: Этапы, факторы, последствия (XIII—XVIII вв.) // *Поморские чтения по семиотике культуры*. Архангельск, 2006. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. С. 281—282). К сказанному добавим, что указанная акция пришлась на время, когда новгородскую кафедру занимал владыка Антоний, и в этой связи интересно, что мотив принудительного крещения имеется в написанной им по итогам путешествия в Константинополь «Книге Паломник». Правда, мысль об этом звучит не в авторской речи, а в благодарственном возгласе свидетелей чуда с крестом и тремя «кандилами» в Софии Константинопольской 21 мая 1200 г. Как пишет Антоний (в то время — еще Добрыня Ядрейкович), люди восприняли чудо как благое предзнаменование о добрых временах, когда, в частности, «будут хр(е)стяне во единой любви, не имуще рати между собою, но токмо на на тѣх имут воевати, кто не восхошет во кр(е)щение внидти, да и волею, и неволею принудит их Б(о)гъ внити во кр(е)щение» (*Савваитов П. И.* Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб., 1872. Стб. 25). Подобный мотив не менее уникален для древнерусской литературы, чем крещение иноплеменников русским князем.

¹²² Описанное положение вещей перекликается с одним наблюдением В. Я. Петрухина, сделанным в связи с другими событиями (деятельностью князя Святослава Игоревича) на материале раннего летописания, «Задонщины» и былинного эпоса: «Руси нужна была не слава завоеваний, а защита от завоевания» (*Петрухин В. Я.* Древняя Русь. С. 167).

¹²³ См., например, такие обоснования в польской «Хронике» Галла Анонима (начало XII в.): «Со стороны северного, или амфитрионального, моря соседями Польши являются три страны, населенные дикими языческими народами: Селенция, Поморье и Пруссия, с которыми князь польский постоянно борется,

Последовательно эта линия проявляется в сообщениях об отношениях Руси со степняками. Уже рассказывая под 6568/1060 г. о победоносном походе русских князей против торков, летописец не просто говорит о «Б(о)жьем гнѣве» на этот народ, но и не забывает указать на достигнутую цель Божественного вмешательства — избавление христиан: «Б(о)гъ избави х(ре)с(т)ьяны от поганыхъ». Книжник не пускается в длинные рассуждения, но вполне ясно обозначает свою позицию: именно враждебность к христианам привела торков к такому печальному концу (как некогда обров, обижавших славян¹²⁴) — «помроша бѣгаючи... ови от зимы, друзии же гладомъ, ини же моромъ и судомъ Б(о)жьимъ»¹²⁵. В летописании конца XI — начала XIII в. та же мысль звучит и в известиях о половцах. Успехи в борьбе с ними последовательно трактуются как «спасение» и «избавление» русских и возмездие кочевникам — причем возмездие не за их «поганство» и «безбожие», а за то зло, которое они творят Русской земле, нападая на города, захватывая пленных и проливая «кровь христианскую»¹²⁶. Своеобразный итог череде подобных провиденциальных ремарок подводится в повести о битве на р. Калке в *ЛЛ* и *НЛ*. Нашествие монголов на Половецкую степь описывается в ней как конечное Божье наказание половцам за все их преступления против Руси. Монголы, говорится в памятнике, «половецъ безбожных множество избиша, а инѣхъ загнаша, и тако [половцы. — *А. Л.*] измроша, оубиваеми гнѣвом Б(о)жьимъ

стремясь обратить их в истинную веру...»; «Нужно ли перечислять победы и триумфы над языческими народами, которых, как известно, он [польский князь Болеслав I. — *А. Л.*] как бы попираля ногами? Он... упорно уничтожал закосневших в язычестве в Селении, Поморье и Пруссии, а обратившихся в истинную веру поддерживал...» (*Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. С. 27, 33*). Мысль о том, что нежелание язычников принимать христианскую веру — это законный повод для войны против них, пронизывает и «Хронику Ливонии» Генриха Латвийского (около 1225 г.), еще один памятник историописания, созданный в соседней с Русью стране. Укажем на одно из множества чтений такого рода. По словам автора, ливонский епископ Бертольд на вопрос ливов, зачем он явился к ним с войском, прямо ответил, что причина в том, что они «как псы на блевотину, все возвращаются от христианства к язычеству» (*Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938. С. 76*).

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12.

¹²⁵ Там же. Стб. 163.

¹²⁶ О мотиве возмездия «за кровь христианскую» см.: *Щапов Я. Н.* Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // *Церковь в истории России. М., 1998. Сб. 2. С. 16—18.*

и Пр(е)ч(и)стыя Его М(а)т(е)ре, много бо зла створили ти окан-нии половци Руской земли»¹²⁷.

Бог продолжает защищать «своих людей» и тогда, когда место половцев в степях занимают сами монголы — Им же и пущенные для наказания Руси. Но масштаб и характер такой защиты меняется. Теперь Господь не помогает русским на поле брани, а только спасает от разорения отдельные города или от гибели отдельных людей. При первом появлении монголов в 1223 г., согласно *ЛЛ*, Бог сберег от гибели ростовского князя Василька Константиновича, не успевшего принять участие в сражении на Калке¹²⁸. В ходе Батыева нашествия помиловал Новгород и Холм (в *НЛ* и *ИЛ* соответственно)¹²⁹, рязанского епископа (в *НЛ*)¹³⁰, многих «хр(е)с(т)ьян» и князей «Суждальской земли» (*ЛЛ*)¹³¹. Впоследствии, когда уже установилась власть ханов над Русью, то же произошло с Луцком, который во время «рати» Куремсы был чудесным образом избавлен от штурма (*ИЛ* под 6767/1259 г.)¹³²; с Ростовом, Суздалем и Ярославлем, жителям которых Господь «вложи ярость въ с(е)рдца», побудив изгнать притеснявших их «бесурмен» — откупщиков ордынской дани, и тем самым «избави люди Своя от великия бѣды» (*ЛЛ* под 6770/1262 г.)¹³³; с Холмом, который не открыл ворота перед войском Бурундая благодаря хитрости князя Василька Романовича, посланного горожанам «аки от Бога» (*ИЛ* под 6769/1261 г.); и еще с Владимиром-Волынским, который Бог спас «Своею волею» от Телебуги (*ИЛ* под 6791/1283 г.)¹³⁴. Спасительное покровительство получали от Бога и князья: Даниил Романович во время поездки к Батыю (*ИЛ* под 6758/1250 г.)¹³⁵, Андрей Ярославич во время Неврюевой рати (*ЛЛ* под 6760/1252 г.)¹³⁶ и Михаил Ярославич во время Дюденовой рати (*ЛЛ* и *Сим.* под 6801/1293 г.)¹³⁷.

Мысль о том, что, вмешиваясь в отношения народов, Бог прежде всего стремится к сохранению «своих людей», акцентировалась

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446.

¹²⁸ Там же. Стб. 447.

¹²⁹ Новгородская первая летопись ... С. 76; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789.

¹³⁰ Новгородская первая летопись ... С. 75.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467, 469.

¹³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 841–842.

¹³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 892–893.

¹³⁵ Там же. Стб. 807, 809.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483. Т. 18. С. 83.

и в рассказах о других враждебных «языцах»¹³⁸. Так, например, начиная рассказ об удачном походе на чудь, в результате которого русские «приимше от Б(о)га» победу, *ИЛ* под 6686/1178 г. приводит речь князя Мстислава Храброго к новгородцам, в которой он указывает на справедливый характер замышляемой войны: «Братье! Се обидять ны погании, а быхомъ, оузрѣвше на Б(о)гъ и на с(вя)той Б(огородиц)и помочь, поместили себе и свободилѣ быхомъ Новгородскую землю от поганыхъ!»¹³⁹. На страницах *ЛЛ*, *ИЛ* и *НЛ* часто упоминается Господня помощь против литвы и ятвягов — и обычно эти упоминания находятся в известиях об отражении литовских набегов¹⁴⁰. Но даже когда описывается поход русских против литвы, летописцы считают важным сохранить рассматриваемый акцент. Например, рассказывая под 6759/1251 г. о совместном с поляками походе против ятвягов, когда русским князьям «Б(о)гоу помогшу», *ИЛ* подчеркивает, что одной из целей похода было освобождение христиан из ятвяжского плена¹⁴¹. Аналогичный пример читается и под 6764/1256 г. — русские вновь «изоима колодники»¹⁴². *НЛ*, рассказывая под 6774/1266 г. о походе на литву псковского князя Довмонта, отмечает, что Бог вложил «в сердце Довмонту благодать... отмстити кровь христьянскую» — поквитаться за убитых во время литовских набегов жителей Руси¹⁴³. Совсем другой способ Всевышнего защитить русских от воинственной литвы упоминается в *ИЛ* под 6723/1215 г. «Б(о)жиимъ повелениемъ, — пишет летописец, — прислаша князи литовьскіи... миръ дающе»¹⁴⁴. *НЛ* под 6771/1263 и 6773/1265 гг. описывает Божий гнев на Литву, в которой Им были попущены внутренние смуты («всташа сами на ся», «бысть мятеж великъ»). А причина такого необычного попущения, по мнению владычного историографа, заключалась в том, что «не терпяше... Господь Богъ нашъ зрѣти на нечестивыя и поганыя, видя ихъ проливающа кровь христьянскую, акы воду»¹⁴⁵.

Тот же мотив доминирует и в рассказах о столкновениях с латинскими народами. Против шведов, поляков и венгров Бог по-

¹³⁸ Исключением среди народов «среднего круга» оказываются в этом отношении только волжские булгары. Рассказывая о походах против них, летописцы упоминают Божью помощь, но не касаются ее причин.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 607–608.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448, 483; Т. 2. Стб. 798–799, 839–840, 856–857; Новгородская первая летопись... С. 64, 73, 79.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 813.

¹⁴² Там же. Стб. 833–835.

¹⁴³ Новгородская первая летопись ... С. 85.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 735.

¹⁴⁵ Новгородская первая летопись ... С. 84–85.

могает лишь во время их нападений на Русские земли¹⁴⁶. Против немцев помощь подается обильнее: и когда русским приходится обороняться (или после немецких нападений переходить границу и наносить ответные удары)¹⁴⁷, и когда русские идут воевать с немцами в Прибалтике¹⁴⁸. Но и тут летописцы порой не упускают возможность поставить важный для них акцент, как это сделано в известиях *НЛ* о походах новгородцев во главе с князем Дмитрием Александровичем. Под 6770/1262 г. в описании взятия немецкого Юрьева (Дерпта) сказано, что причиной победы стала «неправда» (некая политическая неправота) противника, которую «Честнаго Креста сила и святой Софьи всегда низлагаеть». Под 6776/1268 г. летописец подводит читателя к выводу, что в сражении с немцами под Раковором, которое началось для новгородцев неудачно, но закончилось бегством неприятеля, свою роль сыграло то, что немцы нарушили данную ими на кресте клятву (не помогать прибалтийским вассалам Дании против Новгорода). В итоге «милосердый Господь посла милость свою», и «оканьнии крестопреступници... побѣгоша»¹⁴⁹.

С этим общим подходом диссонирует, возможно, лишь одно чтение Галицкой летописи, которая, как принято считать, местами выражает «дружинные ценности», не всегда совпадавшие с представлениями «обычных» летописцев, и авторы которой демонстрируют неизменную и горячую приверженность князю Даниилу Романовичу. Под 6762/1254 г. летописец рассуждает о том, что Даниил захотел первым из русских князей повоевать «землю Чышьскоу» «ово короля рад(и) [то есть ради сохранения союза с венграми. — *А. Л.*], ово славы хотя, не бѣ бо в землѣ Русѣи первее, иже бѣ воевать землю Чышьскоу, — ни С(вя)тославъ Хоробры, ни Володимеръ С(вя)тыи», и «Б(ог)ъ хотѣние ег(о) исполни» — поход оказался удачным¹⁵⁰. Получается, что Бог поддержал

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479–480; Т. 2. Стб. 738, 760–761, 803–805, 890; Новгородская первая летопись ... С. 31, 59, 77, 91.

¹⁴⁷ Новгородская первая летопись ... С. 78, 80, 329.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 73; Новгородская первая летопись ... С. 59, 73.

¹⁴⁹ Новгородская первая летопись ... С. 83, 86–87.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821–826. В той же летописи можно указать и на еще одно чтение, содержащее схожий мотив, но этот пример менее выразителен. Под 6737/1229 г. в рассказе об участии Даниила Галицкого и его брата Василька во внутривосточных делах по приглашению польского князя Кондрата Мазовецкого, книжник заметил, что братьям помог Бог и они вернулись «со славою в землю свою. Инии бо князь не входилъ бѣ в землю Лядскую толь глоубоко...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 758). Однако здесь помощь Божья прямо не увязана с княжеским стремлением к славе, а сам поход не был конфликтом русских с поляками (напротив, это было союзничество с ними).

честолюбивые планы князя, заботясь о его личной славе. Однако это исключение лишь оттеняет общее правило.

Если Божью заботу о защите «своего наследия» летописцы считали естественной, то человеческое участие в защите Русской земли от врагов они изображали делом богоугодным, транслируя, без сомнения, не только собственное мнение об этой стороне жизни общества.

ИЛ под 6678/1169 г. приводит речь киевского князя Мстислава Изяславича, которую он произносит на съезде сородичей, призывая их к совместному выступлению против половцев: «Братъе! Пожалыти си о Руской земли и о своеи отчинѣ и дѣдинѣ, оже несутъ [половцы. — *А. Л.*] хр(е)стьяны на всякое лѣто оу вежѣ свои, а с нами роту взимаюче, всегда преступаюче... А лепо ны было, братъе, възряче на Б(ож)ию помочь и на м(о)л(и)тву с(вя)тоѣ Б(ого)родици, поискати от(е)ць своихъ и дѣдъ своихъ пути и своеи ч(е)сти!». Комментируя эти слова, летописец не забывает подчеркнуть: «угодна бысть рѣчь его — преже Б(ог)у и всеѣ братѣ, и мужемъ ихъ»¹⁵¹. Близкий по звучанию фрагмент отыскивается в памятнике и ниже — под 6686/1178 г. Там речь произносит князь Мстислав Храбрый и зовет новгородцев воевать с чудью, на что бояре отвечают ему: «Аще се Б(ого)ви любо и тобѣ, а се мы готови есмы!» (*ИЛ*)¹⁵².

НЛ отразила представление, что гибель в бою «за святую Софью и за кровь христьянскую» дает надежду на посмертное спасение¹⁵³. В *ИЛ* встречаем еще более решительный взгляд. В некоторых статьях Киевского свода, а затем и в рассказе о нашествии Батыя летописцы (вопреки подходу византийской Церкви¹⁵⁴) устами своих героев приравнивают ратный подвиг к мученичеству¹⁵⁵. К примеру, на упомянутом княжеском съезде с участием Мстислава Изяславича собравшиеся скрепили решение начать поход против половцев такими словами: «нам даи Б(ог)ъ за кр(е)стьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ м(у)ч(ени)комъ причтеномъ быти!»¹⁵⁶. А новгород-северский князь Игорь Святославич во время своего злосчастного похода на половцев 1185 г.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 538.

¹⁵² Там же. Стб. 608.

¹⁵³ Новгородская первая летопись ... С. 73, 87, 91.

¹⁵⁴ См.: Матфей Властарь. Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, или Алфавитная Синтагма. Симферополь, 1892. С. 392 (третьей пагинации).

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 538, 611, 644, 779–780.

¹⁵⁶ Там же. Стб. 538.

сокрушался, что тогда, когда его соратники приняли «моучения вѣнща», сам он остался жив¹⁵⁷. Уклонение от борьбы с внешними врагами, напротив, рассматривалось как грех. На это указывают рассуждения того же князя Игоря Святославича, переданные в *ИЛ* под 6693/1185 г.: «Не даи Б(о)гъ на поганыѣ ѣздя, ся отрещи! Поганы есть всимъ намъ об[ъ]ч[ии] ворогъ»¹⁵⁸.

Начало походов и подготовка к бою сопровождались благочестивыми действиями — поклонением перед святынями, обетами, раздачей милостыни, молитвами, богослужениями, причастием Святых Тайн¹⁵⁹. Подробнее всего это описывает *ПВЛ* в связи с походами на половцев: «русскиѣ же князи и вои вси моляхуть Б(о)га и обѣты вздаяху Б(о)гу и М(а)т(е)ри Его, овъ кутьею, овъ же м(и)л(о)стнынею оубогым, инии же монастырем требованья» (под 6611/1103 г.); «князь Володимеръ [Мономах. — *А. Л.*] представи по[п]ы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и коньдакы Хреста Ч(е)стнаго и канунъ с(вя)тои Б(огороди)ци» (под 6619/1111 г.)¹⁶⁰. Без сомнения, все эти церемонии имели цель не только умиловить Бога, но и должным образом приготовить самих воинов к исполнению военной миссии, успех которой связывался с чистотой их дел и помыслов¹⁶¹. Статья «Закона Судного людемъ» «О полонѣ» (цитируем по списку Новгородской Кормчей 1282 г.) предписывала исходящим «къ супостатомъ на брань» «хранитися от всѣхъ неприязниныхъ словесъ и вещии, къ Б(о)гоу мысль свою имѣти и м(о)л(и)твоу творити, и съ свѣты творити брань». И далее автор статьи объяснял, почему всё это необходимо: «помощь бо даетьс(я) от Б(о)га съ с(е)рдцемъ свѣтивомъ [тем, у кого сердце светлое. — *А. Л.*]». В более поздней редакции памятника перечень предписаний был пополнен еще двумя — воздерживаться «от женъ» и давать «обѣты къ с(вя)т(ы)мъ»¹⁶². Целям духовной подготовки к противоборству с неприятелем служила и практика «праздничных выходов» — назначения начала

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 644.

¹⁵⁸ Там же. Стб. 637.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147, 278, 282, 296, 360, 478; Т. 2. Стб. 266–267, 290, 539, 623, 671, 767, 847, 856; *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 445 («Слово о празднике Всеполостивого Спаса и Пресвятой Богородицы»).

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278; Т. 2. Стб. 266 (в оригинале вместо «попы» ошибочно: «полкы»).

¹⁶¹ См.: *Щанов Я. Н.* Религиозное осмысление ... С. 9–10.

¹⁶² Закон Судный людем краткой редакции. М., 1961. С. 36; Закон Судный людем пространной и сводной редакции. М., 1961. С. 33–34.

военных походов на торжественные дни церковного календаря¹⁶³. Добавим к сказанному, что почти все русские службы изучаемого времени включали прошение о помощи против «поганных» и «ино-племенников»¹⁶⁴.

Расширение «среднего круга» народов в XII–XIII вв. отразило и изменения внешнеполитической ситуации вокруг страны, и заострение тех этноконфессиональных граней самосознания древнерусской элиты, о которых мы говорили в предыдущей главе. В XIII в. внутри этого «круга» оказалась уже большая часть иноверных соседей Руси, включая инославных христиан. Если даже оставить за скобками единичные и нечеткие чтения, то перечень «народов среднего круга» всё равно предстанет для XIII в. длинным и разнообразным: половцы, булгары, литва и ятвяги, монголы, немцы, шведы, поляки и венгры.

При этом неизменным оставалось то, что можно назвать «оборонительным лейтмотивом» провиденциального сознания древнерусских книжников. Риторическое обрамление в летописи получали лишь те события, которые осмысливались как защитные, имеющие целью ограждение Руси от воинственных инородцев или отмщение им за совершённые набеги. Источники с очевидностью свидетельствуют, что идеи территориальной или духовной экспансии против соседей не нашли в книжной среде ни идейного обоснования, ни тем более религиозного освящения.

¹⁶³ Лаушкин А. В. «Видя бѣду страшну и грозну»: еще раз о днях отъезда русских князей в Орду // Исторический вестник. 2014. Декабрь. Т. 10 [157]. С. 121–126.

¹⁶⁴ См. такие прошения: в древних службах свв. Борису и Глебу 24 июля (XI–XII вв.) (*Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Петроград, 1916. С. 140, 143, 147, 149); в каноне на перенесение мощей свт. Николы в Бари (конец XI в. (?)) (*Леонид (Кавелин)*, архим. Посмертные чудеса ... С. 67); в каноне на усение св. княгини Ольги (XII в. (?)) (*Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. С. 89, 91); в каноне Покрову Пресвятой Богородицы (XII в.) (ОР ГИМ. Син. 325. Псалтирь с шестодневом и избр. службами, XIV в. Л. 128об.); в каноне свт. Леонтию Ростовскому (XII в.) (ОР ГИМ. Епарх. 407 (648). Сборник житийно-учительный, 1548 г. Л. 38об.–39; ОР РГБ. Ф. 304. Оп. 1. № 327 (858). Псалтирь с воследованием, XVI в. Л. 635); в каноне преп. Авраамия Смоленскому (XIII в.) (*Розанов С. П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912. С. 116, 121, 129); в каноне св. князю Владимиру (*Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по памятникам XIII–XVII веков // Странник. 1888. Т. 2. С. 226, 228).

* * *

Летописцы не считали лишним вновь и вновь повторять мысль, что дела Промысла Божьего во многом зависят от людей, что за грехи народу подается казнь, а за исправление — победа, и угадывали в движении соседних народов, в успехах и неудачах своих единоплеменников на полях сражений руку Всевышнего. Общие идеи и подходы, коренящиеся в Писании, и образы современности сплавлялись в их сознании в единую картину, пусть не очень сложную и красочную, но вполне четкую и к тому же менявшуюся от столетия к столетию. Провиденциальная фразеология в летописи маркировала лишь наиболее сложные направления внешних контактов. «Встраивание» летописцами новых народов в эксплицитную провиденциальную рамку (как и расширение на новые народы практики использования лексики этноконфессионального размежевания) находилось в очевидной связи с конфликтностью отношений и той опасностью, которую действия соседей представляли для Руси или ее отдельных частей.

ГЛАВА III

Библейская призма

Выше мы уже не раз упоминали очевидную мысль, что картина взаимоотношений Руси и ее ближайших соседей формировалась в сознании летописцев под сильным влиянием библейских схем и образов. Эти схемы и образы могли восприниматься и непосредственно из книг Священного Писания (со многими из которых столичный книжник имел возможность так или иначе познакомиться уже в XI в.), и из богослужебных текстов, изобилующих библейскими цитатами и парафразами, и из тех переводных сочинений (хроник, житий, поучений и пр.), что знакомили русского читателя с основанным на Библии подходом к описанию и осмыслению истории.

В тех случаях, когда обращение к библейской традиции было у книжников сознательным, они действовали в рамках известной средневековой познавательной стратегии, центром которой был поиск значимой аналогии. «Познание в Древней Руси, — писал Д. С. Лихачёв, — это прежде всего словесное определение, словесный аналог, подобранный в Священном Писании или в существующей литературе для того или иного нового события, нового явления действительности»¹. В религиозно-исторической перспективе такой подход основывался на убеждении, что Бог неизменен и значит может влиять на судьбы людей и народов, «повторяясь» в сходных ситуациях. А это наделяло события, описанные в книгах Библии и в сочинениях авторитетных христианских ав-

¹ Лихачев Д. С. От Илариона и до Аввакума // Памятники литературы древней Руси. XVII век. Кн. третья. М., 1994. С. 622.

торов, универсальной архетипической значимостью. Случившись однажды, такие события как бы воспроизводились (по «принципу эха»²) в иных исторических условиях и при этом сохраняли свой имманентный провиденциальный смысл. Следовательно, дела и слова Всевышнего, доносимые Писанием, оказывались не только фактами из прошлого, но и не теряющими актуальности свидетельствами Бога о Себе и о Своем образе действия, о чём рассуждал еще Псалмопевец: «Помяноух д(ь)ни древняя, поучихся въ всѣхъ дѣлехъ Твоихъ, в дѣлехъ роукоу Твоею поучахься»³ (Пс. 142:5). Исходя из этого, распознать в произошедшем отражение библейского прообраза означало понять глубинный смысл события⁴. Это и заставляло книжников при осмыслении коллизий современности обращать взоры в прошлое в надежде отыскать там, в священной истории человечества (продолжением которой им представлялась и история Руси), сходный казус, прецедент, сущность которого уже давно и хорошо известна. Архетипические мотивы и ситуации из Священного Писания выполняли, по удачному выражению Р. Пиккио, роль «библейских тематических ключей»⁵, открывающих для пишущего и читающего суть описываемого. Более того, «Библия, можно сказать, служила моделью

² Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 68–71.

³ ОР РГБ. Ф. 304. I. № 311 (879). Псалтирь с воследованием, XV в. Л. 111об.

⁴ См.: Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 26–27; Его же. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего Средневековья: (Общие замечания) // Античность и Византия. М., 1975. С. 273–274; Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 431–473 (первое издание работы: *Picchio R. The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of «Slavia Orthodoxa»* // *Slavica Hierosolymitana*. 1977. Vol. 1. P. 1–31); Зеemann К. Д. Приемы аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 109; Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет: (К проблеме интерпретаций летописных текстов) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 79; Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 26–29, 90–91; Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 693–694; Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). С. 130, 277, 287 и др.; Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 502–506; Гардзантини М. Библийские цитаты в литературе *Slavia Orthodoxa* // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 32; и др.

⁵ Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей ... С. 435–437 и далее.

восприятия мира, она задавала парадигму его прочтения: соотношение с библейскими событиями определяло вообще достоверность, подлинность происходившего»⁶.

Правда, древнерусские книжники проводили такое соотношение с большой осторожностью, которая, надо думать, была продиктована страхом проявить недопустимую дерзость пред лицом Того, Чьи дела во всей их Божественной полноте человеческий разум вместить не может. Кроме того, поиск библейской аналогии требовал хорошего знания книг Писания (в том числе и Ветхого Завета) и духовной опытности, подкрепленной уверенностью в своем праве иметь суждение в такой ответственной сфере. Однако само по себе существование «библейской призмы», сквозь которую образованные люди Древней Руси пытались смотреть на события своего века, сомнения не вызывает.

Изучение этой «библейской призмы», необходимое для правильного понимания средневековых памятников, ставит исследователя перед рядом разнообразных трудностей. Не вступая здесь в обсуждение их комплекса в целом, укажем на то, что представляется наиболее значимым для дальнейшего анализа.

Лишь в тех немногочисленных случаях, когда соотносительность с библейским прообразом имеет в тексте систематический характер — подкреплена прямыми сравнениями, развернутыми цитатами или несомненным сближением сюжетов, а также увязана с основной смысловой линией повествования, — можно с достаточной уверенностью говорить о семантике библейских параллелей в том или ином сочинении⁷. И хотя многие современные исследователи, по удачному выражению А. А. Гиппиуса, усматривают разного рода скрытые библеизмы «буквально на каждом шагу»⁸, подобную эксплицитную соотносительность с библейскими образами демонстрируют отнюдь не все древнерусские тексты и далеко не всегда.

⁶ Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 5.

⁷ В числе прочих примером таких текстов с хорошо выраженной соотносительностью с библейскими текстами могут служить агиографические и гимнографические памятники «борисоглебского цикла», не раз в последнее время становившиеся объектом соответствующего изучения (см.: Ранчин А. М. Статьи о древнерусской литературе. М., 1999; С. 24–54; Успенский Б. А. Борис и Глеб ...; Лаушкин А. В. Святой первомученик Стефан и первые русские святые // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С. 21–26; и др.).

⁸ Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 91.

Чаше библейская подоснова имеет неразвитый и нетотальный характер. Ее выявление и корректная интерпретация оказываются делом весьма непростым, осложняемым еще и тем, что знакомство книжника с отдельным сюжетом из Священного Писания (особенно — не часто актуализируемым в христианском обиходе) необязательно, как мы уже говорили, базировалось на оригинальном библейском тексте, полном варианте этого текста или просто на каноническом его варианте. Еще большая сложность возникает тогда, когда в памятнике встречается изолированное (не связанное с другими) и сравнительно короткое (в несколько слов) чтение из Библии, лишенное указания на то, что пишущий воспринимает его именно как цитату — значимое вкрапление «чужого» текста, за которым должен угадываться исходный контекст. В таком случае этот фрагмент может быть как осмысленной «глухой» цитатой, так и топосом⁹ или даже «нефункциональным заимствованием»¹⁰, не ассоциирующимся у пишущего с конкретным библейским текстом (сюжетом), к которому он на самом деле восходит. Подобные микробibleизмы могут попадать в памятник опосредованно (через литературу, тексты богослужений¹¹, устную речь, усваивающую многие библейские выражения) и восприниматься автором лишь как подходящие к месту языковые клише¹².

Всё это заставляет в рамках настоящего исследования относиться к интерпретации летописных bibleизмов с предельной аккуратностью и уделять первостепенное внимание тем параллелям, которые появляются более или менее систематично, отражая сложившиеся в книжной среде стереотипы восприятия. Особо показательными при этом следует считать те случаи, когда подобные параллели обладают изменчивой (вариативной) формой, что свидетельствует о доминировании содержательной, а не формальной стороны дела.

К поиску и рассмотрению таких устойчивых параллелей, касающихся соседей Руси, мы и переходим.

⁹ О проблеме топосов и цитат см.: *Каравашкин А. В.* Лабиринты центонно-парафразового метода // *Источниковедение культуры: альманах.* М., 2007. Вып. 1. С. 378–379; *Ранчин А. М.* О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // *ДРВМ.* 2012. № 3 (49). С. 21–32.

¹⁰ Разграничение цитаты и заимствования принадлежит Г. А. Левинтону: *Левинтон Г. А.* К проблеме литературной цитации // *Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика.* Тарту, 1971. С. 52.

¹¹ См. об этом: *Гардзанини М.* Библейские цитаты ... С. 33–37.

¹² Подробнее о названных трудностях см., напр.: *Ранчин А. М., Лаушкин А. В.* К вопросу о bibleизмах в древнерусском летописании // *Вопросы истории.* 2002. № 1. С. 125–137.

§ 1. ВЕТХОЗАВЕТНОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Обращение к образам и сюжетам Священного Писания при изображении отношений с соседями-иноплеменниками отчетливо проявилось уже в раннем русском летописании домонгольского времени. Причем, как и в ситуации с лексикой этноконфессионального размежевания, «библейские» образы инородцев в летописи и других памятниках современной им книжности формировались в неразрывной связи с кристаллизацией «библейского» образа самой Руси.

1. Русь. Очевидно, что ключевую роль в развитии «библейской этнографии» в летописи сыграл факт осознания древнерусскими книжниками себя и своих единоплеменников новым богоизбранным народом — в ряду с другими христианскими народами¹³. Такое восприятие последователей Христа в качестве преемников ветхозаветного Израиля было присуще христианской традиции и прямо восходило к Новому Завету: «Нѣс(ть) иудѣи, ни еллинѣ же... Аще же вы Х(ри)с(то)ви, оубо Авраамле сѣмя есте, а по обѣщан(и)ю наслѣдници»¹⁴ (Гал. 3:28–29).

Мотив избранничества настойчиво звучит уже в памятниках середины XI — начала XII в. Так, митрополит Иларион, рассуждая о том, что не принявшие Христа (и потому потерявшие свое сыновство) иудеи были «расточени по странам», а христиане сделались «наслѣдници... Б(ог)оу и О(т)цоу», относит к числу последних и христиан «языка рускааго», зовущихся отныне «людие Б(о)жии». В этой связи он цитирует пророка Осию: «гл(аголе)ть Г(оспод)ь: ...реку не людемь Моимъ: “людие Мои вы”, и ти Ми рекуть: “Г(оспод)ь Б(ог)ъ нашъ еси Ты”» (Ос. 2:23)¹⁵.

¹³ См.: *Мюллер Л.* Значение Библии для христианства на Руси (от крещения до 1240 г.) // *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 221–225; *Успенский Б. А.* Борис и Глеб ... С. 48–50, 88–91; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. С. 67, 330 и др.; *Алексеев А. А.* Ветхий Иерусалим древнерусской этнографии // *ТОДРЛ.* СПб., 2003. Т. 53. С. 453–455; *Дмитриев М. В.* Представления о «русском» в культуре Московской Руси XVI века // *Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия): Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина.* Москва, 30 ноября — 2 декабря 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. Препринт. М., 2005. С. 182–187; и др.

¹⁴ Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. М., 2001. С. 333.

¹⁵ *Агентьев К. К.* «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского: Древнейшая версия по списку ГИМ. Син. 591 // *Византинороссика.* СПб., 2005. Т. 3. С. 127, 136, 138.

В другом месте, обращаясь к Богу, митрополит восклицает: «...Ты еси Бог нашъ, и мы людие Твои, Твоя часть, Твое достояние!»¹⁶ (ср.: Пс. 78:13). В летописном рассказе о крещении Руси, который, судя по *НЛ*, читался уже в Начальном своде, пришедшие к истинной вере русские названы «новии людие... избрании Богомъ»¹⁷. Мысль об избрании «страны нашей» Богом акцентирована и в Предисловии к Начальному своду¹⁸. Под 6601/1093 г. в *ПВЛ* встречается такое рассуждение летописца: «Кого... тако Б(ог)ъ любить, якоже ны възлюбилъ есть? Кого тако почель есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же!»¹⁹. Подобные определения и восклицания продолжают появляться и позднее и не только в летописи. В Каноне на усение княгини Ольги, приписываемом Кириллу Туровскому²⁰, и в «Слове» выдубицкого игумена Моисея, читающемся в *ИЛ* под 6708/1199 г., русские уже прямо наречены «новым Изр(аи)лемъ»²¹, а в «Житии» св. Авраамия Смоленского (XIII в.) — «новыми людьми, избранным стадом»²².

Признание «языка русаго» новым богоизбранным народом открывало путь для соотнесения собственной истории с историей «старого» народа Божьего — ветхозаветного Израиля. Уже с XI в. книжники начинают сопоставлять прошлое и настоящее Руси с некоторыми сценами и пророчествами из Библии. К примеру, в *ПВЛ* под 6601/1093 г. один летописец принимает на счет русских отдельные предостережения, данные Богом Моисею и его народу на горе Синай²³, а под 6618/1100 г. другой причастный к летописанию книжник²⁴ видит в явлении ангелов, помогающих русским

¹⁶ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 54, 56.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 159; ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 121.

¹⁸ Новгородская первая летопись ... С. 103, 511.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 225.

²⁰ См., напр.: *Творогов О. В.* Кирилл // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 219; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 382.

²¹ *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. (Сб. ОРЯС. Т. 82. № 4.) С. 90; ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 714.

²² БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 60.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 222—223 («Падете пред врагы вашими... поиду к вамъ яростю лукавою» — ср.: Лев. 26:17, 19—20, 28, 33).

²⁴ Согласно гипотезе А. А. Гиппиуса, этим книжником был автор той редакции *ПВЛ*, которая возникла в 1117 г. и отразилась в *ИЛ* (см.: *Gippius A. A.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 13—19).

против половцев, своего рода осуществление обещания, которое Бог ниспослал тому же Моисею на пути в землю обетованную²⁵. Спустя столетие еще один летописец, труд которого отразился в *РЛ-ЛПС-МАЛ* под 6711/1203 г., засвидетельствовал: то, о чём пророчествовал царь Давид в 78-м псалме, говоря о грядущем разорении Иерусалима, «стася [случилось. — А. Л.] над Киевом», когда город был разгромлен князем Рюриком Ростиславичем с Ольговичами и «всею Половецкою землею»²⁶. Серапион Владимирский, рассуждая в XIII в. о причинах монгольских «ратей», отмечал, что так сбывается «о нас» древнее обетование Божье, данное Моисею и его народу, — карать мечом всех, кто притесняет вдов и сирот²⁷. Можно привести и другие примеры такого рода. Книжники не сомневались, что для вразумления и ободрения «своих людей», будь то древние евреи или «сыны русские», Бог использует сходные средства, а отдельные эпизоды из истории ветхозаветного народа даже могут прообразовывать какие-то события в истории Руси²⁸. Показательно, что митрополит Иларион — вопреки не раз отмеченному в литературе «оптимистическому характеру» своей проповеди²⁹ — опасается, что нечестие отдельных обитателей Руси в перспективе может привести народ к такой же катастрофе, какая в I в. постигла иудеев: «боимся, егда сътвориши на насъ, яко на Иеросалимъ, оставлешиимъ Тя и не ходившиимъ въ пути Твоа»³⁰.

Такой подход позволял книжникам сделать и следующий, вполне ожидаемый, шаг — распознать во врагах Руси исторических наследников (или даже прямых потомков) тех «языков», с которыми приходилось вести борьбу ветхозаветным евреям.

²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 264 («якоже рече к Моисѣви: “се анг(е)лъ Мои прѣдыпоидеть предъ лицемъ Твоимъ”» — см.: Исх. 23:20).

²⁶ ПСРЛ. Т. 38. С. 154; Т. 41. С. 124. В *ЛЛ* здесь лакуна (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418). См. также: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 38.

²⁷ Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прибавление к исследованию. С. 10 («Моисѣви что реч(е) Б(ог)ъ... погублю вы мечем» — см.: Исх. 22:23–24).

²⁸ В этой связи В. Я. Петрухин выдвигает интересную (хотя и дискуссионную) гипотезу, что авторы *ПВЛ* искусственно создают параллелизм между историей Руси и узловыми эпизодами ветхозаветной истории, изложенными в Пятикнижии и некоторых других книгах Ветхого Завета (см.: Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 66–69, 329–333 и др.; см. также: Ранчин А. М. Что такое «повестные книги»: об одном наблюдении В. Я. Петрухина // Русское Средневековье. 2000–2001 годы. М., 2002. С. 96–97).

²⁹ См.: Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 2. С. 41.

³⁰ БЛДР. Т. 1. С. 54.

Напомним, что первые параллели такого рода читаются уже в Начальном своде. Говоря об избавлении полян от власти хазар, летописец сравнивает первых с евреями, а вторых — с египтянами. Как египтяне вначале держали евреев в рабстве, а затем «погыбоша... от Моисиа», так и хазары «владѣша, послѣ же самими владѣша»³¹. Под 6494/986 г. в «речи Философа» проведена параллель между мусульманами-булгарами и нечестивыми жителями хананских городов Содома и Гоморры³², соседствовавших, как известно из Библии, с местностью, где обитал со своим семейством праотец Авраам. Эти параллели не получили в летописании дальнейшего развития, но они симптоматичны. Также симптоматичны и единичные попытки установить прямое родство отдельных соседей Руси с нечестивыми народами Ветхого Завета и тем самым перенести на них негативные черты «прародителей»³³. В не раз привлекавшей внимание исследователей статье *ПВЛ* 6604/1096 г. летописец утверждает, что булгары — это потомки Аммона (оспаривая при этом мнение своих оппонентов, утверждающих, что его потомками являются половцы), а загадочные «хвалиси»³⁴ — потомки Моава. Аммон и Моав — сыновья Лота от совокупления с собственными дочерьми («тѣмъ же неч(и)сто есть племя ихъ», — замечает летописец)³⁵, родоначальники враждебных иудеям народов аммонитян и моавитян, часто упоминающихся в Библии. Впрочем, летописцы последующего времени, насколько позволяют судить сохранившиеся памятники, описывая борьбу русских с булгарами, оставили данное утверждение своего киевского

³¹ Новгородская первая летопись ... С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17. О текстологической неоднородности текста о хазарской дани и о наиболее вероятном введении в него указанной библейской параллели именно при создании Начального свода (если не «на еще более ранних стадиях формирования текста Начальной летописи») см.: *Гинпиус А. А.* Рекоша дружина Игореві ...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. № 2. Р. 153—155, 162; *Его же.* К хазарской дани // *Восточная Европа в древности и Средневековье: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза.* XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 51—54.

³² Новгородская первая летопись ... С. 133; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 86.

³³ См.: *Ведюшкина И. В.* Этногенеалогии в Повести временных лет // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 55—60.

³⁴ В идентификации хвалисов исследователи расходятся; из последних работ на эту тему см.: *Карпов А. Ю.* Генеалогия хвалисов и болгар в летописной статье 1096 г. // *Архив русской истории.* М., 1994. Вып. 4. С. 7—26.

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

коллеги без внимания. Это относится и к летописцам Суздальской земли, которые изображали русско-булгарские столкновения с характерным для них религиозным пафосом, но ни разу не упомянули «аммонитянское» происхождение обитателей Волжской Булгарии. Никакого отклика у книжников XII — первой XIII в. не вызвало и другое утверждение, содержащееся в статье 6604/1096 г., — о том, что печенеги и торки, известные в прежние времена своей враждебностью Руси, являются потомками Измаила³⁶, побочного сына Авраама от рабыни Агари.

2. Половцы. На фоне этих разрозненных сравнений и отождествлений в домонгольское время выделяется единственный народ, к библейской генеалогии которого летописцы возвращались неоднократно. Речь идет о половцах, так же относимых в летописи к семени Измаила. Впервые «сынами Измаиловыми» они названы в *ПВЛ* под 6601/1093 г., и далее это наименование (с вариантами «измалтяне», «агаряне») встречается регулярно вплоть до появления монголов (под 6604/1096 г. — в *ПВЛ*, 6686/1178, 6691/1183, 6704/1196, 6709/1201 гг. — в *ИЛ*, 6731/1223 г. — в *ЛЛ*, 6732/1224 г. — в *НЛЛ*)³⁷. Под 6604/1096 г. летописец специально подчеркивает, что хотя сами измаильтяне называют себя «сарини», то есть выдают себя за потомков Сарры — законной жены Авраама, это не более чем самозванчество³⁸. Под 6686/1178 г. к характеристике половцев добавлено словосочетание «неч(и)стии ищадыя»³⁹, содержащее явный намек на незаконнорожденность Измаила, сына наложницы. Об их измаильтянском происхождении свидетельствуют и некоторые внелетописные источники изучаемого времени⁴⁰.

Какое содержание несло в себе это укоренившееся в летописании с 90-х гг. XI в. представление о происхождении половцев?

Без сомнения, образ половцев-измаильтян не был семантически однослойным. Он связывал степняков с известными персонажами Ветхого Завета (Измаилом и его потомством), но одновременно и с теми «измаильтянскими» народами новозаветной эры,

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

³⁷ Там же. Стб. 223, 232, 234, 446; Т. 2. Стб. 612, 628, 700, 716; Новгородская первая летопись ... С. 62.

³⁸ Там же. Стб. 234. История рождения Измаила от Агари описывается в *ПВЛ* выше, в «речи Философа» (Там же. Стб. 92–93).

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612.

⁴⁰ См., напр., в Киево-Печерском патерике — БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 366, 434.

которые действовали на рубежах христианского мира, угрожая его безопасности и святыням (в том числе на границах Византии), и еще с теми эсхатологическими племенами «измаильтян», которые, согласно известным на Руси апокрифическим пророчествам, должны будут явиться в преддверье конца света. Каждый из этих, тесно связанных между собой, смысловых компонентов обладал известной самостоятельностью и, очевидно, выполнял в создании образа кочевников свою функцию.

Первый, библейский, компонент нес в себе указание на изначальную отреченность Измаила, а также — в меньшей степени — на враждебность измаильтян избранному народу. Писание рассказывает, как еще до рождения сына Агарь получила обетование о том, что он не уживется с окружающими («руцѣ его на всѣхъ и руцѣ всѣхъ на немъ»⁴¹ — Быт. 16:12), как затем он был изгнан Авраамом в пустыню (Быт. 21:9–21), а после смерти отца в отличие от младшего брата Исаака не получил ни наследства, ни Божьего благословения (Быт. 25:5,11). Двенадцать сыновей Измаила дали начало двенадцати племенам (Быт. 25:12–18; 1 Пар. 1:29–31), о судьбе которых Библия рассказывает крайне мало. Упоминаются измаильтянские купцы, торгующие с Египтом (именно им вероломные сыновья Иакова продали своего брата Иосифа — Быт. 37:25–28; 39:1). Из рассказа о выделении части добычи Гедеону после его победы над мadianитянами между прочим выясняется, что среди пленных были и измаильтяне (Суд. 8:24). Первая книга Паралипоменон — не самая популярная в христианской традиции — упоминает о столкновениях племен из Рувима и Гадова колен с агарянами (1 Пар. 5:10,19–22). Наконец, в 82-м псалме измаильтяне и агаряне называются в числе врагов народа Божьего и самого Бога: «се, врази Твои възшюмѣша и ненавидящеи Тобе въздвигноуша главою, на люди Твоя лукавноваша волею и свѣщаща на с(вя)тыя Твоя... села идоумеиска, исмаилите, моавъ и агарене, геваль и аммонъ, и амаликъ, иноплеменници съ живущими в Тирѣ... и ассоуръ с ними приде, быша в застоупление с(ы)н(о)мъ Лотовомъ»⁴² (Пс. 82:2–3,7–9). В отличие от коллективных портретов многих других враждебных иудеям народов образ измаильтян (агарян) в Библии оказывается на деле довольно бледным, а их роль в истории избранного народа не выглядит

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 304. I. № 1 (2013). Пятикнижие Моисеево, XIV в. Л. 14об.

⁴² Киевская Псалтирь 1397 года из Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [ОЛДП F 6]. М., 1978. Л. 115–115об.

сколько-нибудь существенной. Даже если предположить, что книжник, писавший о «измаильтянах»-половцах, удерживал в памяти все названные библейские чтения (что сомнительно), они давали ему немного материала для создаваемой им картины. Характерно, что из библейских текстов, прямо упоминающих Измаила и его потомков, при изображении русско-половецких отношений в *ЛЛ*, *ИЛ* и *НЛ* цитируется только 82-й псалом⁴³, а остальные библейские параллели (речь о которых пойдет ниже) восходят к иным эпизодам Священного Писания.

Оценивая, какой объем сведений об измаильтянах способна была дать Библия, следует принять во внимание и то, что некоторые ее выражения могли заронить мысль о принадлежности к роду Измаила мадианитян — народа, происходившего, согласно более распространенной точке зрения⁴⁴, не от Агари, а от другой наложницы Авраама — Хеттуры через ее сына Мадияна (1 Пар. 1:32). Такие двусмысленные фразы находятся в описаниях двух уже знакомых нам эпизодов — с продажей в рабство Иосифа, где вместе с измаильтянскими купцами упоминаются «мадиамляне» / «моужа мадинеи»⁴⁵ (Быт. 37:28), и с дележом имущества пленников-измаильтян после войны Гедеоны с мадианитянами (Суд. 8:24). Именно это, ошибочное⁴⁶, понимание генеалогии мадианитян было имплицитно присуще апокрифическому «Откровению» Псевдо-Мефодия Патарского, где побежденные Гедеоном племена востока именуются «сынами Измаиловыми»⁴⁷. Отразился данный взгляд как раз в той части памятника, которая была использована одним из авторов *ПВЛ* в знаменитом эсхатологическом рассуждении на тему половцев под 6604/1096 г.⁴⁸ Причисление мадианитян к измаильтянам могло бы существенно обогатить не-

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 233–234.

⁴⁴ См., напр.: *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Текст, исследование и словарь. Петроград, 1920. Т. 1. С. 90.

⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 304. I. № 1 (2013). Пятикнижие Моисеево, XIV в. Л. 41; *Михайлов А. В.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1908. Вып. 4. С. 318–319; См. также: Измаильтяне // Библейская энциклопедия. М., 1991. Т. 1. С. 288; *Щедровицкий Д. В.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2001. С. 258.

⁴⁶ См.: *Сахаров В. А.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 100.

⁴⁷ *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследования и тексты. М., 1897. С. 87.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

гативный образ последних в Писании: мадианитяне год за годом устраивали набеги на землю евреев, держали их в сильном страхе, а в конце были разгромлены Гедеоном (Суд. 6–7). Однако хотя «Откровение» и создавало отчетливую возможность для соотнесения половцев с мадианитянами, летописцы конца XI — первой трети XIII в. ни разу ею не воспользовались. Среди причин такой осмотрительности, возможно, сыграло свою роль то, что другие — наряду с «Откровением» — известные на Руси повествования о ветхозаветных событиях не проводили связи между потомками Измаила и мадианитянами. Так, «Хроника» Георгия Амартола вообще не упоминает купцов, доставивших Иосифа в Египет, а противников Гедеона именует «мадиам»⁴⁹. «Толковая Палая» называет торговцев, увезших Иосифа, исключительно измаильтянами, а побежденные Гедеоном племена — мадианитянами и амаликитянами, не упоминая измаильтян⁵⁰. Впрочем, любая чрезмерная осмотрительность, помимо прочего, обнажает и отсутствие сильного желания двигаться в определенном направлении.

Очевидно, что при такой бедности библейского образа измаильтян Писание было хотя и необходимым, но недостаточным источником для формирования разбираемого представления о половцах как потомках Измаила. Для его зарождения были нужны и какие-то внешние — внебиблейские — импульсы.

Скорее всего, существенным для усвоения за половцами измаильтянского родословия должно было стать их соотнесение с теми народами, в которых традиция, укоренившаяся в Европе, видела потомков Измаила. Речь идет об арабах, а также некоторых других мусульманских народах Азии, включая турок-сельджуков⁵¹. Посредством литературы и живых контактов с соседями древнерусские книжники были, без сомнения, знакомы с этим

⁴⁹ *Истрин В. М.* Книги временныя ... Т. 1. С. 94, 114.

⁵⁰ Палая Толковая [по Коломенскому списку 1406 г.]. М., 2002. С. 225–228, 442–447.

⁵¹ См.: *Литавин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 215; *Ликов Г. Г.* Библия и представления европейцев VIII–XII вв. об исламе и арабах // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск, 1995. С. 55–58; *Лучицкая С. И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 58–59. При этом арабо-персидская традиция, сформировавшаяся уже в VIII в., не находила тюркам (в отличие от арабов и персов) места среди потомков Измаила и относила их к Иафедидам (*Коновалова И. Г.* Тюрки и славяне в этногенеологиях арабо-персидских авторов // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 284–287).

взглядом⁵² на «языки», которые в разное время являлись противниками Византии и других христианских стран Южной Европы и Кавказа, а также крестоносцев — то есть, по сути, противниками большей части христианского мира. Осведомленность летописцев в вопросе о современных «измаильтянах» проявилась в вышедших из-под их пера текстах. В *ПВЛ* под 6374/866 и 6573/1065 гг. имеются заимствования из «Хроники» Георгия Амартола о походе императора Михаила III «на огаряны» и о нападении «срацин» на Палестину (в обоих случаях речь идет об арабах)⁵³; в *ИЛ*, повествующей под 6695/1187 и 6698/1190 гг. о захвате Иерусалима арабами и о III Крестовом походе, арабы также именуются «срацинами» и «агарянами»⁵⁴.

Но тут возникает вопрос: каким образом представление о происхождении кочевников Передней Азии могло быть перенесено на кочевников Северного Причерноморья? Это тем более интересно, что первые были мусульманами (вследствие чего понятие «сарацины» и родственные ему давно уже использовались и как конфессионимы — для обозначения мусульман вообще⁵⁵), а вторые оставались язычниками.

Думается, на возможный механизм такого переноса косвенно указывает статья *ПВЛ* 6604/1096 г., сообщающая о четырех родственных — через праотца Измаила — народах: «тортъменах» («торкменах»), печенегах, торках и половцах⁵⁶. Если справедлива

⁵² См., напр., в «Хронике» Георгия Амартола: *Истрин В. М.* Книги временья... Т. 1. С. 19–25, 29, 73, 89–90 (об идентичности понятий «измаильтяне», «агаряне» и «срацины»), 369, 449, 453, 458, 464–465, 483, 486–487, 501, 520, 534–538 и др. «Срацинами» (чье тождество с измаильтянами доказывается в *ПВЛ* под 6604/1096 г.) называет арабов в своем «Хоженъи» игумен Даниил (БЛДР. Т. 4. С. 34, 44, 58, 70, 78, 84, 90).

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21, 165; *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.—Л., 1940. Т. 4. С. 48, 59–60.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 655–656, 667.

⁵⁵ Из текстов, доступных древнерусскому книжнику, можно указать, к примеру, на Толковую Палею, где «агарянами» названы мусульмане (приверженцы «вѣры Бохмичѣ») без уточнения этнической принадлежности (Палея Толковая. С. 182). В «Хронике» Георгия Амартола мусульманство определено как вера «срацинь» (*Истрин В. М.* Книги временья... Т. 1. С. 29). М. Ю. Андрейчева предположила, что летописец был знаком и с аналогичным взглядом на «срацинь» св. Иоанна Дамаскина, запечатленном им в трактате «О ста ересях» и попавшем в Кормчие (*Дорошенко [Андрейчева] М. Ю.* Ветхозаветная топонимика в статье 6604 (1096) года Повести временных лет // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 375–376).

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 232; Т. 2. Стб. 224.

точка зрения, что под «тортьменами» летописец подразумевает здесь турок-сельджуков⁵⁷, которых византийцы уже начинали относить к числу измаилитов⁵⁸, то распространение этого подхода и на близкие «тортьменам» по языку и образу жизни кочевые племена соседей Руси⁵⁹ могло показаться в Киеве вполне естественным⁶⁰. Тем более что наступление турок на Византию и половцев на Русь началось практически синхронно (в середине XI в.), что само по себе должно было породить закономерный вопрос о некой связи между этими кочевыми народами. Трудно представить, что после оглушительной победы сельджуков над византийцами при Манцикерте в 1071 г., увенчанной пленением императора Романа IV Диогена, до русских книжников не дошли вести о борьбе империи с новым врагом, а вместе с ними — и формирующееся среди греков мнение о происхождении турок от незаконнорожденного сына Авраама. И поскольку проблема сельджуков была прежде всего византийской проблемой, мало затрагивавшей Русь, то в самом появлении под 6604/1096 г. перечня измаилитских колен, включающего «тортьменов», допустимо видеть некий «греческий след»⁶¹. Добавим к этому, что и печенеги с торками в последние десятилетия XI в. доставляли массу хлопот уже

⁵⁷ Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы. С. 696; Назаренко А. В. «Никола вешний»: новое об обстоятельствах установления на Руси памяти святителя Николая Мирликийского 9 мая // Церковь в истории России. М., 2016. Сб. 11: К 70-летию Н. Н. Лисового. С. 273–274. См. также: Шляпкин И. А. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881. С. 12–13.

⁵⁸ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Leiden, 1983. Т. 2. S. 55; Литаврин Г. Г. Некоторые особенности... С. 215. К примеру, «агарянами» («Ἀγαρηνοί») сельджуков называет в начале XII в. Продолжатель Скилицы (Τοολης Ε. Θ. Ἡσυνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτη. Θεσσαλονίκη, 1968. Σ. 157). По наблюдениям А. Байхаммера, религиозное отторжение турок стало особенно заметно у византийских авторов с 30-х гг. XII в. (Beihammer A. Orthodoxy and Religious Antagonism in Byzantine Perceptions of the Seljuk Turks (Eleventh and Twelfth Centuries) // Al-Masāq. Vol. 23. No. 1. April 2011. P. 23). У Анны Комнины, описавшей в середине XII в. борьбу своего отца императора Алексея I (1081–1118) с сельджуками, встречаем уже регулярное наименование последних «агарянами» и «исмаилитами» (Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. С. 96, 122, 274, 300, 305, 393).

⁵⁹ Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 56–64.

⁶⁰ Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы. С. 696–697.

⁶¹ Мы впервые высказали это предположение в 2013 г.: Лаушкин А. В. Наследники праотца Измаила и библейская мозаика в летописных известиях о половцах // ДРВМ. 2013: Декабрь. № 4 (54). С. 80–81. Позже к сходному выводу пришел и А. В. Назаренко: Назаренко А. В. «Никола вешний»... С. 274.

не столько киевским князьям, сколько константинопольским вассалам⁶².

Причисление половцев к измаилитской семье позволяло разглядеть в них не только генетические, но и исторические признаки этой семьи, в частности — враждебность христианам и склонность к покушениям на их святыни (включая «святый град»⁶³ Иерусалим⁶⁴). Именно этим, в глазах русских книжников, отличались и половцы. В свете подобного подхода арабы, сельджуки, печенеги, торки и половцы оказывались звеньями одной злой цепи, стесняющей христиан. В отождествлении половцев с измаильтянами мог, таким образом, звучать и своего рода призыв к общехристианской солидарности в борьбе с этим народом, угрожавшим не только Руси, но и другим странам, включая Византию⁶⁵. Как полагают, всего несколькими годами ранее — накануне решающего столкновения империи с печенегами в 1091 г. — подобный призыв раздался из уст императора Алексея Комнина, утесняемого сельджуками и печенегами и опасавшегося присоединения к числу врагов ослабевшей Византии еще и половцев⁶⁶. Не исключено, что отзвук этого настроения запечатлел *ПВЛ*, в вводной части которой кровавый и нечистый «законъ» половцев нарочито противопоставляется единому «закону» «х(р)ес(ть)ян елико земель» — разных стран⁶⁷.

Нет сомнения, что осмысление половцев, усиливавших в 1090-е гг. свой натиск на Русь, как новых измаильтян было связано и с эсхатологическими пророчествами, изображающими потомков Измаила в числе тех народов, ужасающее появление которых будет знаменовать приближение последних времен⁶⁸. Об этом

⁶² Василевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 1–117.

⁶³ БЛДР. Т. 4. С. 26 и др. См. также: Бибииков М. В. Святость как пространственная категория // Восточная Европа в древности и Средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой реальности. XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2002. С. 23–25.

⁶⁴ О значимости Иерусалима в историко-богословских представлениях древних русских книжников см.: Алексеев А. А. Ветхий Иерусалим ... С. 446–455.

⁶⁵ Князький И. О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003. С. 91–106.

⁶⁶ Василевский В. Г. Труды. Т. 1. С. 73–74, 77–80, 84–93; Васильев А. А. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). Петроград, 1923. С. 20–22.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16.

⁶⁸ Подобный взгляд на измаильтян возник не только на христианском Востоке, но и на христианском Западе — под влиянием успешного наступления арабов (Пиков Г. Г. Библия и представления европейцев ... С. 59–61; Лучицкая С. И. Образ Другого ... С. 122–123, 138–139).

говорит уже не раз упоминавшаяся статья ПВЛ 6604/1096 г., в которой отразились тревожные размышления одного из летописцев над апокрифическим «Откровением» Псевдо-Мефодия Патарского⁶⁹. В «тортъменах», печенегах, торках и половцах летописец узнает «измаильтян» из «Откровения». По его мнению, это — те четыре из восьми упомянутых Псевдо-Мефодием «измаильтянских» племен, которые после поражения от Гедеоны якобы бежали в «пустыню Нитривьскую» и должны будут явиться, когда дни мира пойдут к своему завершению⁷⁰. Впрочем, и после их появления конец света наступит далеко не сразу. С нашествием «измаильтян», согласно апокрифу, будет связана лишь начальная, неясная по продолжительности фаза финальной мировой драмы, и непосредственными предшественниками антихриста на земле окажутся вовсе не эти пустынные «колена»⁷¹. После них, — подчеркнул летописец вслед за «Откровением», — из полуночных стран должны еще выйти «къ кончинѣ вѣка» другие дикие племена. Это — «неч(и)стыя ч(е)л(о)в(е)кы», некогда «заклепении» в горах Александром Македонским⁷² (в других источниках они известны как гог и магог⁷³.)

В той же летописной статье тема «заклепанных человек» получает продолжение. Дошедшие до Киева (через новгородца Гюряту Роговича) рассказы далекой югры о ее северных соседях, которые «сѣкуть гору, хотяще высѣчися», уже просекли «оконце мало» и через него просят продать им оружие, убеждают пишущего в том, что это и есть те самые «ч(е)л(о)в(е)кы неч(и)стыя», начавшие расчищать себе путь к свободе⁷⁴. Правда, предметом

⁶⁹ См.: Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы. С. 695–698; Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI — начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 3–13 (в том числе о возможных причинах роста эсхатологических настроений на Руси в 1096 г. — С. 11–13); Гунциус А. А. Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 251–254.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234. Т. 2. Стб. 224.

⁷¹ См.: Гарькавый И. В. «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 87–89.

⁷² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234; Т. 2. Стб. 224.

⁷³ О происхождении и значении этого образа см.: Карпов А. Ю. «Заклепанные человеки» в летописной статье 1096 г. // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3. С. 3–24.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234–236.

дискуссии остается вопрос о времени появления в летописи этого сообщения. По мнению А. А. Шахматова, недавно подержанному А. А. Гиппиусом, рассказ о северных «заклепанных человеках» в статье 6604/1096 г. является добавлением, сделанным задним числом создателем той редакции *ПВЛ*, которая была создана (по Гиппиусу) в 1117 г. и отразилась в Ипатьевской летописи⁷⁵. Этот вывод заметно ослабляет (хотя, конечно, не снимает) эсхатологическое звучание статьи 6604/1096 г. в ее более ранней редакции⁷⁶: без «северной» вставки 1117 г. появление «нечистых человеков», а значит и грань «кончины вѣка», остаются для ее создателя перспективой не завтрашнего дня, а неопределенного будущего.

Трудно сказать, насколько широко в 90-е гг. XI в. на Руси распространились эсхатологические настроения, о которых пишут некоторые исследователи⁷⁷. Но точка зрения автора (авторов) ле-

⁷⁵ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 582–584; *Его же*. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 103; Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 33–43; *Его же*. К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 20–21; *Его же*. Гюрята Рогович и его роль ... С. 251–264.

⁷⁶ В одной из своих новейших работ А. А. Гиппиус высказал догадку, что еще до пополнения вставкой 1117 г. статья могла уже претерпеть однажды серьезные изменения: первоначальный рассказ о нашествии половцев (до слов «безбожнии сынове Измаилеви пущени на казнь хрестьяномъ»), который принадлежал к анналистическому продолжению Начального свода, мог быть пополнен экскурсом о происхождении половцев, основанном на «Откровении» Псевдо-Мефодия, не сразу, а лишь при составлении *ПВЛ*, то есть между 1113 и 1116 гг. (Гиппиус А. А. Гюрята Рогович и его роль ... С. 251, 262). Если эта догадка, еще требующая, без сомнения, дальнейшей проверки, окажется верна, то эсхатологизм статьи 6604/1096 г. нарастал постепенно и приобрел эксплицитный характер лишь в 1110-е гг.

⁷⁷ См.: Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. М.—Л., 1958. Т. 14. С. 108; Гиппиус А. А. 6700 год от Сотворения мира: Отмечались ли юбилеи в Древней Руси // Родина. 2002. № 11–12. С. 105; *Его же*. Millennialism and Jubilee Tradition in Early Rus' History and Historiography // Ruthenica. K., 2003. Т. 2. С. 163–164, 170 (при этом, допуская рост эсхатологических настроений около 6600/1092 г., А. А. Гиппиус справедливо пишет и о том, что в созданном около этого времени Предисловии к Начальному своду, где современность определяется как «послѣднѣе время», «эсхатологизм... окрашен в светлые тона: речь в нем идет не о мрачных знамениях близкого конца света, но о богоизбранности Руси как христианского царства “последнего времени”, которому еще предстоит реализовать свое историческое предназначение» — *Его же*. Два начала Начальной летописи. С. 63, 81–83); Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях ...; Дорошенко [Андрейчева] М. Ю. Ветхозаветная

тописной статьи вполне ясна: «механизм конца света» уже запущен и на появление половцев следует смотреть как на верное тому доказательство.

Однако тут следует подчеркнуть, что летописцы последующего времени более не касались вопроса о роли половцев в грядущем крушении мира. Даже если определенный эсхатологический фон в восприятии этого кочевого народа и сохранялся (что кажется вполне допустимым)⁷⁸, то он явно не был единственным и даже определяющим. Разнообразные контакты, а зачастую и близкие отношения (вплоть до семейных) русских князей и бояр с обитателями Степи в предмонгольское время должны были существенно ослабить то острое и эмоциональное «прочтение» половцев, которое было порождено их масштабными набегами на Русь в 90-е гг. XI в. и отразилось в упомянутой статье *ПВЛ*.

В целом рассмотрение летописной линии «измаильтянского» происхождения половцев показывает, что собственно библейский архетип сыграл в ее развитии не столько прямую (он для этого был слишком беден), сколько опосредованную роль.

Описывая русско-половецкие столкновения, летописцы нередко прибегали и к другим параллелям и цитатам из Библии. Какие цели преследовали эти апелляции к Писанию, и уподоблялась ли борьба с половцами (или ее отдельные эпизоды) какому-то конкретному отрезку (или отрезкам) ветхозаветной истории?

топонимика ... С. 370–382; *Алексеев А. И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 2016. С. 68–69. Сомнение в обоснованности подобных заключений высказал А. М. Ранчин: *Ранчин А. М.* Древнерусская словесность и ее интерпретации: Маргиналии к теме. Saarbrücken, 2011. С. 75–88.

⁷⁸ В этом отношении представляются показательными наблюдения И. Клейна. Изучая «Слово о полку Игореве», он обратил внимание «на один из пластов памятника, а именно тот, который связывает его с апокалиптическим видом эсхатологической литературы». Конкретно речь шла о том, что исследователь назвал «комплексным топосом апокалиптической литературы», определяемым образом «страшного времени». Одним из важнейших мотивов «страшного времени» было присутствие среди сил зла «нечистых врагов», в качестве которых в «Слове» как раз и выступают половцы. Однако памятник в целом, согласно заключению Клейна, «никак нельзя назвать апокалиптическим произведением», поскольку в нём «изображается не эсхатологическое будущее, а злободневные события 80-х годов XII в.». В частности, образ половцев оказывается в «Слове» сложным и отнюдь не полностью регулируется апокалиптической топикой (*Клейн И.* «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература. (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 104–107, 111–112, 113–115).

Обратимся к наиболее заметным параллелям и начнем с *ПВЛ*.

Под 6601/1093 г. памятник описывает череду поражений русских князей от половцев. Летописец снабжает рассказ развернутым комментарием, изобилующим библейскими цитатами и реминисценциями, главная мысль которого в том, что всё произошедшее явилось наказанием за грехи, наказанием справедливым, обнажающим заботу Бога о спасении возлюбленного им народа. Наиболее крупные библейские заимствования призваны обосновать эту мысль. Три библейских фрагмента в статье восходят к Паремейнику⁷⁹. Из 26-й главы Книги Левит, где Господь грозит своему народу разными карами за непослушание, но обещает вернуть Свою милость в случае исправления, летописец, несколько перефразируя исходный текст, выбирает те стихи, которые говорят об иноплеменниках как орудии Божьего гнева: «Якож(е) пр(о)р(о)къ гл(агола)ше: “Падете пред врагы вашими, поженуть вы ненавидящии вас, и побѣгнете, никому женущю вас, скрушю руганье гордыни ваша, и будетъ в тщету крѣпость ваша, оубѣть вы приходя[и мечь, и] будетъ земля ваша пуста, и двори ваши пуси будут. Яко вы худи есте и лукави, и Азь поиду к вамъ яростью лукавою”»⁸⁰ (ср.: Лев. 26:17, 19–20, 28, 33). Из молитвы еврейского отрока Азарии в «пещи огненной», который признаёт предание иудеев в руки вавилонян справедливым судом Божиим, летописец заимствует (в своей вольной передаче) одну фразу: «подобаше нам “преданымъ быти в руки языку странну и безаконнѣишу всея земля”»⁸¹ (Дан. 3:32). Наконец, из Книги Иова цитируются слова главного героя, который, получив известие о гибели детей и имущества, не ропщет, а всецело полагается на волю Господа: «Рцем и со Иовомъ: “Яко Г(о)с(поде)ви любо быс(ть), тако и быс(ть). Буди имя Г(о)с(под)не бл(аго)с(ло)в(ен)но в вѣкы!”»⁸² (Иов. 1:21). Если оставить в стороне цитату из Книги пророка Амоса (Ам. 8:10), призванную объяснить совпадение военных не-

⁷⁹ См.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 39.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 222–223. Т. 2. С. 231–214. Кроме того, фрагмент этого же текста выше вплетен в летописное повествование: «И побегоша наши перед иноплемьеники и падаху язвени пред врагы нашими» (ср.: Лев. 26:17). Возможно, 26-я глава книги Левит оказала влияние и еще на некоторые места разбираемой статьи.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 223. Парафраз того же стиха встречается и в 17-м слове Киево-Печерского патерика, где он вложен в уста попавшему в плен к половцам черноризцу Никону: «...мя предаль в руцѣ незаконным симъ и лукавнѣишу паче всеа земля» (БЛДР. Т. 4. С. 368).

⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 223.

удач с церковными праздниками, то остальные (не восходящие к Паремейнику) библейские заимствования в рассматриваемой статье продолжают иллюстрировать ту же мысль о справедливости наказания и необходимости должного к нему отношения: «Праведенъ еси, Г(о)с(под)и, и прави суди Твои» (Пс. 118:137); «Мы достойная, яже сдѣяхомъ, прияхомъ» (Лк. 23:41); «Не по безаконью нашему створи нам и по грѣхомъ нашимъ въздасть намъ» (Пс. 102:10)⁸³.

И подборка библейских заимствований, и статья в целом показывают, как важна была для летописца идея богоизбранности его народа, принимающего от своего Бога заслуженные кары. Однако за дидактической мозаикой сколько-нибудь выраженных соотношений с конкретными эпизодами ветхозаветной истории в статье не просматривается. Возможно, что-то подобное можно увидеть лишь в цитировании Книги пророка Даниила, рассказывающей о вавилонском пленении иудеев. Для образованного читателя это заимствование (никак, впрочем, не маркированное в тексте) могло провести параллель между половцами и вавилонянами. Однако летописец не продолжает эту линию соотношения⁸⁴, да и само сравнение половецкого налета (пусть и весьма удачного) с поражением целого народа выглядело бы слишком искусственным.

Другое известие *ПВЛ* об удачных действиях половцев (под 6604/1096 г.) еще беднее библейскими заимствованиями. В нём цитируются два псалма, которые содержат обличения иноплеменных врагов Израиля, покушающихся на народ Божий и хулящих самого Бога, и призывают Господа к отмщению. Это псалом 78-й, из которого заимствованы малые, но узнаваемые частички текста (половцы «гл(агола)ху»: “Кде есть Б(о)гъ ихъ?..” и «оскверниша, и пожгоша с(вя)тыи дом Твои... и трупье рабъ Твоихъ» — ср.:

⁸³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 223–224.

⁸⁴ Тема вавилонского плена косвенно затронута в *ПВЛ* ниже — в выписках об ангелах из «Хроники» Георгия Амартола и толкования св. Ипполита Римского на Книгу пророка Даниила под 6619/1111 г., однако каких-либо прямых аналогий между половцами и «персыями» составитель текста не провел (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 269, 271–273). Еще один возможный признак интереса составителей *ПВЛ* к тому же эпизоду ветхозаветной истории, впрочем признак не очень четкий и уже никак не связанный с иноплемениками, С. В. Завадская обнаружила в летописном рассказе о мести княгини Ольги древлянам, где использованы некоторые выражения из Хроники Георгия Амартола, касающиеся взятия Иерусалима Навуходоносором (*Завадская С. В.* Четвертая месть княгини Ольги в Повести временных лет и византийский Хронограф // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1988. С. 30–31).

Пс. 78:1–2, 10), а также упоминавшийся выше 82-й псалом, откуда со ссылкой на царя Давида летописец взял следующие слова: «последующе пророку Давиду, вопъем: “Г(оспод)и, Б(ож)е мои! Положи я яко коло, яко огонь пред лицемъ вѣтру, иже поपालаетъ дубравы, тако поженеши я бурею Твоею, исполни лица ихъ дасаженья!”» (Пс. 82:14–16)⁸⁵. Выбор псалмов и удачен, и красноречив. В глазах знающего Псалтирь человека русские вновь оказываются соотнесены с избранным народом Ветхого Завета, половцы — с языческими племенами ветхозаветных варваров (включая «измаильтян» из 82-го псалма), а поруганные святыни Киево-Печерского монастыря, о разграблении которого говорится в статье, — с оскверненными святынями иерусалимского храма. Однако соотнесение с библейскими образами и здесь имеет весьма обобщенный характер.

Как обстоят дела в сообщениях *ПВЛ* о победах над половцами?

Под 6604/1096 г. в известии о разгроме князьями Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом хана Тугоркана летописец использует оборот, восходящий, видимо, к библейскому рассказу о подвигах Елеазара, воеводы Давида, победителя филистимлян: «сдея Г(о)с(под)ъ въ тѣ д(е)нь сп(а)с(е)нье велико» (2 Цар. 23:10)⁸⁶. При этом не ясно, прямо ли из Библии попало в летопись это расхожее выражение (затем явно существовавшее как клише⁸⁷), и если да, то была ли для пишущего значима отсылка к исходному контексту⁸⁸? Елеазар побеждает в ходе долгой и тяжелой битвы, князьям же победа достается относительно легко — половцы в самом начале «побегоша, а наши погнаша въслѣдъ ратных, секуще противныя». Аналогия тут не просматривается. Такая же нечеткая ситуация и в известии о походе русских князей против половцев под 6611/1103 г., где описание страха и последующего бегства половцев, возможно, сближено с описанием страха и бегства филистимлян от войск Саула (1 Цар. 14:15, 20, 22–23)⁸⁹. Далее в уста князю Владимиру Мономаху, решающе-

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 233–234.

⁸⁶ Там же. Стб. 231.

⁸⁷ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279, 396; Т. 2. Стб. 636.

⁸⁸ Об этой проблеме см., напр.: Ранчин А. М., Лаушкин А. В. К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 126–127.

⁸⁹ Ср.: «И Б(ог)ъ великий вложи оужасть велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепеть от лица русскихъ вои, и дрѣмаху сами, и конем ихъ не бѣ спѣха в ногах. Наши же с весельем на конѣх и пѣши поидоша к ним. Половци же, видѣвше оустремление руское на ся, не доступивш[е], побѣгоша пред русскими

му судьбу плененного хана Белдюзя, вложена распространенная в Ветхом Завете формула возмездия за убийство: «буди кровь твоя на главѣ твоей» (ср.: 2 Цар. 1:16; 3 Цар. 2:32,37; и др.), еще ниже князь произносит речь, в которую вплетены выражения двух псалмов — 117-го, посвященного победе над окружающими народами («Съ д(е)нь, иже створи Г(о)с(под)ъ, възрадуемся и възвеселимся во нь!» — Пс. 117:24; в богослужебном обиходе эта фраза употребляется вне контекста борьбы с язычниками), и 73-го, процитированного по смыслу не точно и, очевидно, по памяти («скруши главы змиевыя и далъ еси сих брашно людем» — ср.: Пс. 73:13–14)⁹⁰. В читающемся под 6618/1110 г. рассуждении об ангелах один из летописцев помимо других своих источников (среди которых были Епифаний Кипрский, Иосиппон и др.) цитирует 23-ю главу Книги Исход, где Бог обещает послать возвращающимся из египетского плена евреям ангела, который поможет им истребить вражеские народы: «умилосердися Богъ и посла ангелы в помощь русьскимъ княземъ на поганяя, якоже рече к Моисееви: “се анг(е)ль Мои прѣдыпоидеть предъ лицемъ твоимъ”»⁹¹ (Исх. 23:20). Косвенное сравнение русских князей с Моисеем, ведущим свой народ от рабства к грядущим победам и благоденствию, не должно было, без сомнения, пройти мимо внимания вдумчивого читателя, однако дальнейшего развития в статье оно не получает. Здесь (как и в других местах) летописцам гораздо важнее подчеркнуть, что помощь на поле брани русские получили от Самого Всевышнего.

Как видим, обращение авторов *ПВЛ* к Писанию в связи с событиями русско-половецкого противостояния носит не «сравнительно-исторический», а своего рода «методологический» характер. Летописцев не увлекает поиск конкретных ситуаций ветхозаветного прошлого, сходных с коллизиями борьбы Руси и Степи. Но при этом им представляется очень важным выявление неких общих подходов и образов действия Господа

полки. Наши же погнаша, секуш[е] я. Дни 4 априля м(е)с(я)ца велико сп(а)-с(е)нье Б(о)гъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278–279); «И бысть оужасть в полцехъ иноплеменникъ... и вои... оужаснушася... бысть имъ оужасть от Г(оспод)а... И изыде Саоулъ и вси людие с нимъ, и изыдоша до сѣчища... отбегоша иноплеменницы... и погнаша вслѣд ихъ. И тако сп(а)-се Г(оспод)ъ въ тои д(е)нь и (зра)ильт(ян)ы...» (Библия, сирѣч(ь) Книги Ветхаго и Новаго Завѣта по языку словенску [репринт изд. 1581 г.]. М.—Л., 1988. Л. 129об. (второй пагинации)).

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 264.

в отношении избранного народа, с которым последовательно соотносятся русские.

Если судить по дальнейшим текстам *ЛЛ*, *ИЛ* и *НЛ*, не меняется картина и в следующем столетии, разве что становится еще менее яркой. В *ЛЛ* под 6685/1177 г., рассказывая об участии половцев в набеge на окрестности Владимира, летописец использует призывающий к отмщению фрагмент 82-го псалма из статьи *ПВЛ* 6604/1096 г. (см. выше) и дополняет его созвучным восклицанием апостола Иакова: «суд бо безъ м(и)л(о)сти не створшему м(и)л(о)сти» (Иак. 2:13)⁹². В *ИЛ* под 6686/1178 г. книжник, не скупящийся на негативные эпитеты в адрес напавших на Переяславль половцев хана Кончака, замечает, что они «множаишия... избиша младенѣць»⁹³. При желании тут можно услышать намек на сходство Кончака с иудейским царем Иродом Великим — первым гонителем Христа, приказавшим в год Его рождения умертвить всех вифлеемских младенцев (Мф. 2:16). *ЛЛ* под 6693/1185 г. при описании итогов победоносного похода на половцев использует фрагменты статьи 6611/1103 г. *ПВЛ*, в том числе — упоминавшуюся выше «речь» князя Владимира Мономаха (которую здесь проносит его правнук Владимир Глебович) с цитатами из Псалтири. В рассказе той же летописи о знаменитом походе князя Игоря Святославича на половцев (под 6694/1186 г.) встречаем ряд библейских цитат (см.: Притч. 21:30; Ис. 26:16; Пс. 33:16; и др.), цель которых — показать, что всё случившееся явилось следствием Божьей воли. Кроме того, удачное бегство Игоря из плена уподоблено чудесному спасению Давида от рук Саула⁹⁴. Не исключено, что косвенное сравнение половцев с отвергнутым Богом Саулом, если следовать библейскому рассказу, должно было оттенить нечестие кочевников и намекнуть на их конечную погибель — как известно, Саул бросился на собственный меч и был добит иноплеменником (1 Цар. 31:4–5; 2 Цар. 1:6–10). Под 6711/1203 г. *РЛ-ЛПС-МАЛ* (в *ЛЛ* тут лакуна) в связи с описанием разгрома Киева княжеской коалицией и половцами цитируют 78-й псалом, причем более широко, чем в *ПВЛ* под 6604/1096 г.: «Б(о)же! Приид(о)ша языци в достояние Твое и оскверниша ц(е)рк(о)вь с(вя)тоу[ю] Твою, положиша Иярусолима, яко овощное хранилище, положиша троупие рабъ Твоих брашно птицам н(е)б(е)сным, плоть препод(о)бных Твоих — звѣремъ земным, пролияша кровь

⁹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 385.

⁹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 613.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 398–400.

ихъ, аки воду»⁹⁵ (Пс. 78:1–3). Киев тут красноречиво соотнесен с Иерусалимом, и это соотнесение продолжает давно уже намеченную в летописании тему.

Таким образом, констатируя значимость библейских параллелей для авторов известий о русско-половецких конфликтах, приходится признать, что в летописании (и вообще древнерусской литературе) домонгольской эпохи так и не возникло устойчивого соотнесения этой борьбы с каким-либо эпизодом (или эпизодами) ветхозаветной истории, а усвоение за половцами «измаилитянской генеалогии», хотя и имело библейский корень, произошло под определяющим влиянием внебиблейских образов и идей.

Этот вывод кажется особенно важным в свете того, что в первые десятилетия после нашествия Батыя сформируется иная картина. У летописцев, агиографов и проповедников, которые в середине XIII — начале XIV в. будут затрагивать тему монгольского владычества над Русью, проявится преимущественный интерес к совершенно определенной эпохе в истории ветхозаветного Израиля, речь о чём пойдет ниже.

§ 2. Ордынский плен

Тринадцатое столетие принесло на Русские земли беды, о которых ранее никто не слышал: слишком частые неурожаи, ведущие к голоду, болезням и кризису в сельском хозяйстве⁹⁶, набеги литовских дружин, агрессию крестоносцев, внесших свой вклад в окончательный раскол христианской Европы⁹⁷, и, самое страшное, разрушительное монгольское нашествие, увенчавшееся установлением над Русью власти степных правителей. Все эти потрясения не могли обойти стороной пишущих и проповедующих. Их живая реакция на события своего века дошла до нас

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 38. С. 154; Т. 41. С. 124; Т. 1. Стб. 418.

⁹⁶ Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 175–176; Макаров Н. А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 5, 7–9.

⁹⁷ Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004.

в созданных ими текстах. Одним из ее проявлений стали перемены в системе библейских образов и параллелей, к которым они прибегали, изображая враждебные «языци».

1. Соседи-католики. В наибольшей степени эти изменения затронули картину русско-степных отношений, но обнаруживаются они и в текстах, рассказывающих о столкновениях Руси с ее западными соседями-католиками. В XIII в. появляются пока еще эпизодические и косвенные, но при этом весьма показательные соотнесения латинян с нечестивыми народами Ветхого Завета, досаждавшими «сынам Израилевым», чего (подчеркнем это!) не наблюдалось в сохранившихся памятниках предыдущего периода.

Первый пример находим в *ИЛ* под 6737/1229 г. в описании похода венгерского короля Белы IV на Галич. Летописец рассказывает, как Бог препятствовал венграм: во-первых — отворяя «хляби неб(е)сныя», из-за чего кони и люди тонули в возникающих потоках, во-вторых — посылая ангела, который «бъашеть ихъ», и в-третьих — напуская мор, приводивший к внезапным смертям. Во всём происходящем книжник распознаёт своего рода повторение Божьих казней, посланных на египтян накануне и во время исхода евреев из Египта, и замечает: «Б(ог)ъ попусти на нѣ [венгров. — А. Л.] раню фараонову»⁹⁸. Конкретно, как можно догадываться, он имеет в виду потопление египтян в водах Красного моря, когда на стороне евреев действовал сам Господь в образе ангела (Исх. 14:19–28), и еще шестую «казнь египетскую» (воспаление с нарывами) (Исх. 9:10–11). Венгры, таким образом, оказываются соотнесены с египтянами, а русские — с ветхозаветным народом. Однако этим дело не ограничивается. Читатель, знакомый с Библией, мог заметить, что летописец нарочито сблизил одну из частей своего повествования с эпизодом из истории Иудейского царства, когда последнему угрожал ассирийский царь Сеннахирим (о чём рассказывают 18-я и 19-я главы Четвертой книги Царств, а также 36-я и 37-я главы Книги пророка Исаии). Сеннахирим предъявил жителям города ультиматум, но благочестивый иудейский царь Езекия остался тверд и в итоге получил помощь от ангела Господня. Сеннахирим же понес тяжелое поражение. Повествуя об ультиматуме Белы IV, летописец прикровенно соотносит венгерского короля с Сеннахиримом, а воеводу Демьяна, которому поручена оборона Галича, — с Езекией:

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 760–761.

Четвертая книга Царств, гл. 18

...и приидоша ко Иер(у)салиму (17) ...И стоя Рапсакъ [воевода Сеннахирима. — *А. Л.*], и възопи гласомъ великомъ иоудеиски, гл(агол)а, и рече: «Слышите словеса велик(а)го ц(а)ря Асирийска! Сиде гл(агол)ет царь: да не соблазняет васъ ц(а)рь Иезекия, яко не възможет васъ изяти из руки моя, и да не оувѣритъ васъ Иезекия на Г(оспод)а, гл(агол)я: “Из[и]м[а]я из(и)мет вы Г(оспод)ъ, и не имать предатися град сей въ руцѣ ц(а)рю ассирийску” (28–30)... Еда избавляюще избавиша бози языкъ кождо их въ свою страну из руки ц(а)ря ассирийска?!» (33)⁹⁹.

В летописном портрете венгерской армии, таким образом, рядом с явным египетским появляется еще и прозрачный ассирийский штрих¹⁰¹. Следует отметить, что и египтяне, и ассирийцы изображаются в Ветхом Завете не только как враги евреев, но и как упорные идолопоклонники, соблазняющие в свою ложную веру потомков Авраама, Исаака и Иакова. Выявленные параллели тем более показательны на фоне общего благожелательного отношения летописи Даниила Галицкого, которую представляет разбиаемый фрагмент *ИЛ*, к западным соседям Руси¹⁰².

Пример такого же рода можно отыскать и в летописании Новгорода. Тамошний летописец, повествуя под 6776/1268 г. о неудачном начале битвы русских с немцами под Раковором,

ИЛ, 6737 г.

И обистоупи [венгерский король. — *А. Л.*] град и посла посоль, и воспи посоль гл(а)с(о)мъ великом и рече: «Слышите словеса великого короля Оугорьского! Да не оуставляетъ васъ Дьмьянь, глаголя: “И земля изимъть ны Б(ог)ъ”. Ни да оуповаеъ вашъ Даниль на Г(о)с(под)а, гл(агол)я: “Не имать предати град сесь королевѣ Оугорьскому”. Толико ходилъ на ины страны, то кто можетъ одержати от роукоу мою и от силъ полковъ моих?!”¹⁰⁰.

⁹⁹ Библиа, сирѣчь(ь) Книгы Ветхаго и Новаго Завѣта ... Л. 180об.—181 (второй пагинации).

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 760.

¹⁰¹ На эту немаркированную параллель мы впервые обратили внимание в работе 2008 г. (*Лаушкин А. В.* Библейские штрихи на портретах соседей-католиков в русской книжности XIII века // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции [Славяне и их соседи: XXIV конференция памяти В. Д. Королюка]. М., 2008. С. 52–53). Позднее аналогичное наблюдение сделала и Т. Л. Вилкул (*Вилкул Т. Л.* Библия у Галицко-Волинському літописі // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2015. Вип. 9. С. 233–234).

¹⁰² См.: *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола ... С. 198–205; *Люстров М. Ю.* Европа и европейцы в Галицко-Волынской летописи // Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002. С. 24–25.

вспоминает пророка Исаию: «Помянемъ Исаия пророка, глаголюща: “аще хотите послушати Мене, благая земная снѣсте, аще ли не хотите, ни послушаете Мене, оружие вы поясть”, и тако поженеть единъ 100 васъ, а от ста побѣгнет 1000 васъ»¹⁰³ (ср.: Ис. 1:19–20; 30:17). Прямого соотнесения немцев с конкретным народом тут нет, но всякому, кто знаком с книгой этого пророка, ясно, что речь идет об иноплеменных врагах «избранного народа».

Гораздо более отчетливые и яркие библейские параллели встречаем в «Повести о житии» Александра Невского, начальная часть которой сохранилась в *ЛЛ*. Повествуя о Невской битве, автор сопоставляет шведского «короля» с уже упоминавшимся Сennaхиримом, а Александра Невского — с Езекией (причем, как показал В. Й. Мансикка, соотнесение князя с этим иудейским царем имеет место и в других частях памятника¹⁰⁴). В отличие от разобранный статьи *ИЛ* здесь отсылка к Четвертой книге Царств четко маркирована. При нападении «Сенахирима, Асурииского ц(е)с(а)ря на Иер(у)с(а)лимъ», напоминает книжник, «анг(е)ль Г(о)с(поде)нь изби... от полка асурииска 100 и 80 и 5 тысящъ» (см. 4 Цар. 19:35; Ис. 37:36) и «также быс(ть) при побѣдѣ Александровѣ, егда побѣди короля»¹⁰⁵. Впрочем, и на сей раз рядом с явной параллелью отыскивается скрытая: перечисление «6 мужъ храбрыхъ» Александра Ярославича и совершённых ими подвигов¹⁰⁶ выполнено автором «Повести» по образу аналогичного перечня «сильныхъ Давидовыхъ» из Второй книги Царств (см.: 2 Цар. 23:8–23; 1 Пар. 11:10–47)¹⁰⁷. О том, что обращение к этому отрывку Ветхого Завета не было случайным, указывает еще одна отсылка к тому же перечню, сделанная автором далее, при описании борьбы князя с немцами («у князя Александра множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпции»), а также соотнесение побед Давида и Александра, венчающее рассказ о Ледовом побоище¹⁰⁸. Благодаря об-

¹⁰³ Новгородская первая летопись ... С. 87.

¹⁰⁴ Мансикка В. Й. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913. С. 22–25. См. также: Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 357–358.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 480; БЛДР. Т. 5. С. 362.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479–480; БЛДР. Т. 5. С. 362.

¹⁰⁷ О влиянии на этот отрывок также и «Истории» Иосифа Флавия см.: Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958. С. 102–103.

¹⁰⁸ БЛДР. Т. 5. С. 364.

ращению к указанному чтению Второй книги Царств параллель между Александром и Давидом (вообще значимая для автора памятника¹⁰⁹) ведет к косвенному сравнению шведов (и немцев-крестоносцев) еще с одним народом Ветхого Завета, враждующим с евреями, — филистимлянами (именно в борьбе с ними совершали свои подвиги «сильные Давидовы»). Что касается немцев, то они, сверх того, прямо сопоставляются в «Повести» с амаликитянами (Александр просит Господа, чтобы Он помог ему против немцев, «якоже древле Моисию на амалика» — ср.: Исх. 17:8–16) и моавитянами — жителями Иерихона (победа на Чудском озере уподоблена победе Иисуса Навина «у Ерехона» — ср.: Нав. 5:13–6:26¹¹⁰)¹¹¹.

Очевидно, что появление в XIII в. первых аналогий между католическими недругами Руси и нечестивыми соседями ветхозаветного Израиля имело те же самые причины, что и другие изменения в образе латинян, характерные для данного столетия и рассмотренные нами в предыдущих главах. В основе всех этих новаций находилось то усиление конфессионального напряжения между западными и восточными христианами, которое явилось следствием новой политики папского Рима, ставшей особенно явной после IV Крестового похода 1202–1204 гг. Если из Рима православные всё отчетливей виделись «врагами Бога»¹¹², а их вера — «путем греха, ведущего к вечному проклятию»¹¹³, то закономерной зеркальной реакцией на это явилось сравнение

¹⁰⁹ См.: Мансикка В. Й. Житие Александра Невского. С. 19–22.

¹¹⁰ БЛДР. Т. 5. С. 364.

¹¹¹ В историографии высказывались предположения, что и к летописанию Даниила Галицкого, и к созданию «Повести о житии» Александра Невского мог иметь отношение Кирилл, ставший в 40-е гг. XIII в. митрополитом Киевским (Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941. Т. 12. С. 251–253; Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 217–220; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 83, 91; Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). С. 356–357; Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 3. С. 149–178). Если бы это было так, мы бы получали указание на то, что новый взгляд на латинян разделял глава митрополии. Однако участие Кирилла в создании обоих памятников остается дискуссионным.

¹¹² Rydberg O. S. Sverges traktater med främmande magter. Stockholm, 1877. D. 1. S. 144 (Послание папы Григория IX властям Готланды, 1229 г.).

¹¹³ Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 264 (Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу. 23. I. 1248 г.).

католиков с теми греховными народами, которые в Ветхом Завете воинствовали не только против «народа Божьего», но и против Самого Господа.

2. Монголы. Более рельефные библейские аллюзии появляются в литературе XIII в. в связи с монголами. Уже при описании первых контактов с ними — Калкской битвы и Батыева нашествия — у книжников возникает потребность определить библейскую генеалогию нового степного народа. Источники сохранили следы некой полемики по этому вопросу (сходной с той, что имела место при появлении половцев и отразилась в *ПВЛ* под 6604/1096 г.). Если составитель рассказа о битве на р. Калке в *ИЛ* называет монголов моавитянами¹¹⁴, то в другом рассказе о том же событии, читающемся в *ЛЛ* и *НЛЛ*, книжник, хотя и избегает делать окончательные выводы, всё же склонен искать место для монголов где-то среди измаилтянских народов, упоминаемых в *ПВЛ*¹¹⁵. Повествуя о Батыевом нашествии, *ИЛ* и *НЛЛ* уже прямо называют монголов измаилтянами (агарянами)¹¹⁶; та же генеалогия монголов указывается в *НЛЛмл* под 6767/1259 г. и в *ИЛ* под 6791/1283 г.¹¹⁷ Таким

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740. О «женах моавитских», живущих на Волге, пугающих своих детей именем Александра Невского, знает и «Повесть о житии» этого князя (БЛДР. Т. 5. С. 366); впрочем, нет полной уверенности, что речь там идет именно о монголах.

¹¹⁵ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445–446; Новгородская первая летопись... С. 61–62; *Чекин Л. С.* Безбожные сыны Измаиловы. С. 707–708.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778–779; Новгородская первая летопись... С. 75. Л. С. Чекин обратил внимание еще на одно чтение в повествовании *НЛЛ* о нашествии, которое может нести в себе неявную отсылку к библейской генеалогии монголов. Речь идет о фразе «придоша иноплемьеници, глаголемии татарове, на землю Рязанскую множество бещисла, акы пружи» (с. 74). Исследователь увидел здесь напоминание о восьмой казни египетской — появлении саранчи (Исх. 10:13–15), а также о наказаниях самого Израиля кочевниками — мадиантянами и амалекитянами, приходившими во множестве, как саранча (Суд. 6:1–6, см. также Суд. 7:12) (*Чекин Л. С.* Безбожные сыны Измаиловы. С. 708–709). Отметим, что вторая из указанных параллелей — с книгой Судей — гораздо ближе к летописному тексту и по описываемой ситуации, и текстологически: «придоша, яко проужи, множествомъ» (Суд. 6:5 — ОР РГБ. Ф. 304. I. № 2 (2027). Собрание некоторых книг Ветхого Завета, конец XIV в. Л. 68об.). Однако остается открытым вопрос, была ли эта параллель значима для писавшего в интересующем нас этногенеалогическом отношении, и если да, то коррелировала ли в его сознании с эксплицитно объявляемым измаилтянским происхождением монголов (о возможности ошибочного отнесения мадиантян к измаилтянам см. в § 1.2 настоящей главы).

¹¹⁷ Новгородская первая летопись ... С. 310; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 894.

образом, некоторые летописцы переносят на монголов основную библеистическую характеристику половцев — происхождение от семени Измаила¹¹⁸. При этом русские в библейских параллелях сохраняют за собой (за одним нечетким исключением, на которое указал В. Я. Петрухин¹¹⁹) прежнее место народа Божьего. Так, в рассказе *ЛЛ* под 6745/1237 г. о взятии Владимира имеется уже знакомая нам цитата из 78-го псалма (ранее она была использована в *ЛЛ* под 6711/1203 г. в описании разгрома Киева), позволяющая соотнести Владимир с Иерусалимом¹²⁰. Ее начальная часть в несколько перефразированной форме встречается и ниже — под 6789/1281 г., в описании ордынской рати, затронувшей многие города Северо-Восточной Руси: «...якоже рече пророкъ: “Боже! Приидоша языци въ достоание Твое, оскверниша церкви святыя Твоя”»¹²¹ (ср.: Пс. 78:1)¹²².

Как представляется, мысль о измаилтянском происхождении монголов в летописи не была лишь результатом переноса на них известных книжных черт половцев, а находилась

¹¹⁸ См.: Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы. С. 710–711; Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях... С. 8.

¹¹⁹ См.: Петрухин В. Я. Древняя Русь С. 347. Речь идет о чтении *НЛЛ* в статье 6746/1283 г.: «яко речено бысть дрѣвле Иусу Наугину Богомъ, егда веде я на землю обѣтованую, тогда рече: “Азь послю на ня преже васъ недоумѣние и грозу, и страхъ, и трепеть”. Также и преже сихъ [монголо-татар. — А. Л.] отгя Господь у насъ силу, а недоумѣние и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в насъ за грѣхы наша» (Новгородская первая летопись... С. 75). Летописец тут не совсем точен: сходные слова (по крайней мере, в каноническом тексте Библии) Бог говорит не Иисусу Навину, а Моисею (см.: Исх. 23:27; Втор. 11:25), но речь в них идет действительно о хананеях, которые должны уступить свою землю избранному народу. Параллель выходит у летописца неловкой, т. к. если воспринимать ее последовательно, аналогом избранного народа тут оказываются монголы, о измаилтянском происхождении которых говорится несколькими строками ниже и которые в целом характеризуются автором резко отрицательно. Представляется, что для летописца тут значимым было не столько соотнесение русских с хананеями (хотя это тоже возможно в качестве своего рода публицистической метафоры), сколько указание на «образ действия» Всевышнего в ситуации, когда Он ведет один народ против другого.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 463 («якож(е) пр(о)р(о)къ гл(аголе)тъ: “Б(о)ж(е)! придоша... ..аки воду”», ср.: Пс. 78:1–3).

¹²¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 78.

¹²² Ю. В. Селезнёв ошибочно увидел здесь параллель с Плач. 1:10 (Селезнёв Ю. В. Верховная власть ордынского хана в XIII в. в представлении русских книжников // Восточная Европа в древности и Средневековье: Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2007. С. 235).

и в определенной связи с теми эсхатологическими страхами, которыми были отмечены на Руси предмонгольские десятилетия. Не в последней степени развитию таких настроений должна была способствовать необычайно уплотнившаяся в это время череда страшных событий — знамений «на небеси и на земли»¹²³, масштабных княжеских усобиц¹²⁴, разрушительных пожаров¹²⁵ и особенно неурожайных лет, несущих с собой дороговизну хлеба и массовую гибель людей от голода и моровых поветрий¹²⁶. Острому переживанию этих событий должны были способствовать и впечатления от пришедшей в 1204 г. новости о гибели «царства богохранимаго Костянтиняграда и земли Грьчьской»¹²⁷, что, по некоторым предсказаниям, могло указывать на приближение Судного дня¹²⁸. Не добавляла оптимизма и активизация вооруженных иноплеменников на границах самой Руси — венгров, немцев, литвы и ятвягов. Видимо, неслучайным оказывается тот факт, что именно на начало XIII в. пришлась пронизанная эсхатологическими токами проповедь прп. Авраамия Смоленского¹²⁹, расколовшая город на приверженцев и противников

¹²³ Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье: 1998 год. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998. С. 54–58.

¹²⁴ Самыми крупными из них были долгая смута на юго-западе Руси, начавшаяся в 1205 г. после смерти создателя Галицко-Волынской державы князя Романа Мстиславича и завершившаяся лишь во время Батыева нашествия, а также ожесточенная война за Киев 1231–1240 гг., в которую оказались втянуты черниговские, смоленские, волынские и (отчасти) суздальские князья (см.: Горский А. А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 181–188).

¹²⁵ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415, 435–436, 445, 449–450, 451; Новгородская первая летопись ... С. 45, 52, 57 и др.

¹²⁶ См.: Борисенков Е. П., Пасекий В. М. Тысячелетняя летопись ... С. 175–176; Макаров Н. А. Русь в XIII веке. С. 5, 7–9.

¹²⁷ Новгородская первая летопись ... С. 49.

¹²⁸ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского ... С. 92, 99; Житие Андрея Юродивого. СПб., 2001. С. 105–110.

¹²⁹ Время этой деятельности святого примерно устанавливается по его «Житию». В нём говорится, что Авраамий пять лет терпел поношения от своих недоброжелателей (негодовавших на его «учение»), а прекратились они незадолго до смерти смоленского владыки Игнатия (БЛДР. Т. 5. С. 36, 54, 56). Епископ Игнатий упоминается в летописи под 1205 г. (Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 291), из чего следует, что гонения на Авраамия начались, по крайней мере, не ранее 1200 г. Исследователи не раз старались уточнить время деятельности прп. Авраамия в Смоленске по косвенным

пророчествующего подвижника. Святой, как сообщает агиограф, собственноручно написал икону Страшного суда, а с приходящими к нему беседовал об «оном страшном дне»¹³⁰. Не исключено, что в проповеди прп. Авраамия Смоленского о приближении Страшного суда звучала и тема измаилтянских народов — в духе «Откровения» Псевдо-Мефодия Патарского¹³¹. Тем временем какие-то странные разговоры велись и в Галиче¹³². «Премоудрь книжникъ» Тимофей, как сообщает *ИЛ* под 6713/1205 г., «притчею р(е)че слово» о венгерском военачальнике Бенедикте Боре, захватившем город: «В послѣдняя времена трем(я) имени наречется антихрист»¹³³. Смысл «притчи» не совсем ясен¹³⁴, но важнее

данным. По А. В. Назаренко, в целом она пришлась приблизительно на последнюю четверть XII — первую четверть XIII в. (*Назаренко А. В.* Авраамий Смоленский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 178). М. В. Печников отнес гонения на преподобного к 1210–1212 гг. (*Печников М. В.* Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003. С. 352–353), а Е. Л. Коняевская — к периоду с 1206–1208 до 1210–1212 гг. (*Коняевская Е. Л.* Смоленск в конце XII — первой трети XIII в. по летописным и агиографическим источникам // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва 9–10 ноября 2017 года. М., 2017. С. 35).

¹³⁰ БЛДР. Т. 5. С. 36–44. См. также: *Федотов Г. П.* Русская религиозность. М., 1988. [Т. 1] С. 188–190.

¹³¹ На это намекает «Житие» святого, написанное его учеником Ефремом. В заключительной части, соединяющей в себе элементы похвалы и молитвословия, Ефрем восклицает, обращаясь ко Христу: «И тако *раздруши нынѣ измаилтескыя языки*, разсыпи и расточи, яко прахъ отъ гумна вѣтру, молитвами пречистыя ти Матери, и възвесели *новыя люди избранное стадо*, гнѣвъ свой устави, избавление и милость подати, *да и еще прибудетъ*, твоею храними милостью, Вседръжителю Господи, да не ркутъ языци, гдѣ есть Богъ их, но услыши и приими молитву всѣхъ молящихъ ти ся, иного бо упования и помощи не имамъ развѣ тебе» (БЛДР. Т. 5. С. 60). Из-за отсутствия точной датировки памятника невозможно сказать, какой именно народ, угрожающий «новым людям избранному стаду», тут имел в виду Ефрем: половцев или уже монголов. Однако для него очевидна перспектива гибели этого «избранного стада» от рук измаилтян (отсюда прошение «да и еще прибудетъ, твоею храними милостью»), и в этом опасении чувствуется продолжение апокалипсической линии «Жития».

¹³² Цитируемый ниже текст описывает, скорее всего, события рубежа 1210–1211 гг. (см.: *Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 10–11).

¹³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722.

¹³⁴ *Василик В. В.* Эсхатологические представления в Галицко-Волынской летописи // Русин. 2013. № 1 (31). С. 136–137.

другое — интерес книжника к тайнам «последних времен» и, в частности, — к именам антихриста¹³⁵.

Именно на таком тревожном и явно окрашенном в апокалипсические тона фоне и формировалось восприятие неведомого и жестокого народа, разгромившего и опустошившего Русь¹³⁶.

Автор дошедшего в *ЛЛ* и *НЛ* рассказа о битве на р. Калке допустил, что «татары» могут быть теми самыми изгнанными Гедеоном племенами, о которых свидетельствовал Мефодий Патарский как предвестниках «скончания времен». В *ПВЛ* эти племена (вслед за сочинением Псевдо-Мефодия) были определены как измаилтянские¹³⁷. Однако в отличие от своего предшественника конца XI в., однозначно утверждавшего, что половцы являются одним из этих племен, автор XIII в. на данной версии не настаивал. Происхождение монголов, а значит и их место в описанной Псевдо-Мефодием эсхатологической драме остаются для него загадкой: «пр(е)м(у)дрии мужи вѣдять я добръ, кто книги разумно умѣть, мы же ихъ не вѣмы, кто сут(ь)»¹³⁸. Впрочем, это тайное знание «премудрых мужей» Руси (о котором умалчивают сохранившиеся русские источники XIII в.) отчасти восстанавливается с помощью западных авторов того времени, передающих суждения русских людей из среды духовенства. Выясняется, что и анонимный русский клирик, с которым не позднее весны 1238 г. беседовал венгр Юлиан, и некий русский архиерей Пётр, гово-

¹³⁵ Вопрос об имени антихриста обсуждался и в богословской, и в эсхатологической литературе. Так, известное на Руси «Слово святого Ипполита об антихристе» называет как раз три его возможных имени, причем одно из них — Латинянин. Оттолкнувшись от прореченного в Апокалипсисе «числа зверя», автор «Слова» говорит: «О имени оубо емоу нѣ толика нужда намъ вѣдати, якоже разоумѣ и наоучися о томъ бл(а)женьи Иоанънъ [Богослов. — А. Л.], елико тъкъмо съмотрити. Явивышоу же ся емоу, обличити има время пытомо. Обаче пооумяшеся г(лаго)лемъ. Многа бо обрѣтаемъ имена тѣмъ числомъ соушая, якоже и рещи, Титан... или Еванфас, та бо имѣна темъ числамъ сють, и ина многа могоуть ся обрѣсти. Нѣ елма оубо варихомъ рекъше, яко исцѣлися ѣзва звѣри първоуоумоу, и сътворитъ глаголати образъ, рекъше мощи. Явѣ же есть, яко владоущи нынѣ соуть латини. На единого оубо ч(е)л(о)века имя преложивыше, бываеъ Латини [Λατῆνός, то есть Латинянин]. Да ни проповѣдати естъ лѣпо, и яко въ истинуоу се естъ, ни паки не разоумѣти, яко не ему инако нарицатися» (*Невоструев К. И.* Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в. М., 1868. С. 78–80 (второй пагинации)).

¹³⁶ См.: *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1998. Т. 2. С. 207–208; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. С. 347–356; *Карпов А. Ю.* Об эсхатологических ожиданиях ... С. 9.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

¹³⁸ Там же. Стб. 445–446; Новгородская первая летопись ... С. 61–62.

ривший в 1245 г. с папой Иннокентием IV (его рассказ сохранили «Великая хроника» Матвея Парижского и «Анналы Бёртонского монастыря»), были согласны с тем, о чём с осторожностью написал автор процитированного рассказа о событиях 1223 г.: татары принадлежат к числу племен, бежавших от Гедеоны¹³⁹. Таким образом, если следовать «Откровению» Псевдо-Мефодия, вторжение монголов следовало относить к той же предварительной стадии светопреставления¹⁴⁰, которая, согласно ПВЛ, началась с появления на границах Руси печенегов, торков и половцев и, без сомнения, обладала большой длительностью. Хотя с нашествием новых кочевников мир и стал ближе к своему концу еще на шаг, взгляд на монголов как на измаильтян не позволял пока говорить о наступлении принципиально новой эры в апокалипсической истории человечества.

Эсхатологические мотивы можно отыскать и в некоторых вне-летописных памятниках XIII в. Серапион Владимирский в своем первом «слове» (точное время написания которого неизвестно) рассуждает о том, что уже налицо евангельские знамения «послѣдних лѣтъ» и в их числе — появление «языка нем(и)л(о)ст(и)-ва»¹⁴¹. Однако, по мнению епископа, события еще не приобрели необратимого катастрофического течения, Бог «еще мало ждет нашего покаяния», и искреннее исправление может уберечь людей от ужесточения Божьих казней: «аще бо поидемъ в воли Г(о)с(под)-ни, всѣмъ оутешеньемъ оутѣшитъ ны Б(ог)ъ н(аш), аки с(ы)ны

¹³⁹ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.—Л., 1940. Т. 3. С. 90; Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарии. М., 1979. С. 151, 181. О том, что некие «ученые мужи, изучившие древние писания», вслед за Псевдо-Мефодием видели в монголах один из тех народов, которые «должны явиться перед пришествием Антихриста», писал в середине XIII в. и Фома Сплитский (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 115). В общей форме рассуждает о монголах как о примете конца света и итальянский священник Рогерий, переживший Батыево нашествие, находясь в Венгрии: «Близки суть дни погибели и времена спешат в небытие» (Рогерий, магистр. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 17). См. также: Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы. С. 709–710.

¹⁴⁰ См.: Гарькавый И. В. «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? С. 87–89; Рудаков В. Н. Восприятие монголо-татар в летописной повести о битве на Калке // Проблемы источниковедения истории книги. М., 1998. Вып. 2. С. 25.

¹⁴¹ О возможных эсхатологических коннотациях у Серапиона см. также: Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. С. 90–95.

помилует ны... »¹⁴². Серапион скорее ощущает угрозу близкого Суда, нежели настаивает на том, что он уже неизбежен. Показательно, что в других своих проповедях он более не возвращается к вопросу о «последних летах». Помимо Серапиона о времени нашествия монголов как о «послѣднихъ... временѣхъ» говорит и одна из редакций пространного Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора, возникшая не позднее начала XIV в.¹⁴³ Но и этот памятник эсхатологическую тему далее не развивает (по крайней мере, как тему ближайшего будущего)¹⁴⁴, а доминирующей в нём оказывается совсем иная библейская идея (к ней мы обратимся ниже).

Какой бы ни была первая эмоциональная реакция на монгольское нашествие, сохранившиеся от XIII в. памятники не позволяют говорить о том, что в восприятии степных поработителей долгое время господствовал именно апокалипсический мотив. Без сомнения, трагические события эпохи усилили эсхатологический фон, вообще присущий христианскому сознанию, но острота эсхатологических переживаний должна была постепенно притупиться¹⁴⁵. Оформление власти монгольских правителей над Русью и относительная стабилизация ситуации заставляли размышлять на новые темы.

¹⁴² Петухов Е. В. Серапион Владимирский ... Прибавление к исследованию. С. 1–3. Мысль о том, что наслав татар, Бог еще ожидает «покаяния кр(е)стьянского», звучит также в *ИЛ* под 6732/1224 г. в рассказе о Калкской битве (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745).

¹⁴³ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Приложения. С. 63.

¹⁴⁴ Ю. В. Селезнёв постарался показать, что «идейной основой» памятника было «Откровение» Псевдо-Мефодия Патарского (*Селезнев Ю. В. Идеино-религиозная оценка современниками русско-ордынских отношений 1240–1270 гг. // Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Нашествие Батые и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII веков. Воронеж, 2004. С. 37–38, 47; Его же. Опыт герменевтического анализа «Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» // Восточная Европа в древности и Средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. IV Чтения памяти доктора исторических наук А. А. Зимина. М., 2005. Ч. I. С. 142–143). Хотя эсхатологические коннотации, в том числе и связанные с «Откровением», в памятнике возможны, тесная связь Сказания с этим трактатом (и тем более прямая зависимость от него как от «идейной основы») представляется недоказанной. Перекликающиеся с «Откровением» мотивы, на которые указывает Ю. В. Селезнёв, имеют в Сказании характер библейских топосов (причем не только апокалипсических) и могут быть возведены к Священному Писанию без посредства Псевдо-Мефодия.*

¹⁴⁵ См.: Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 356.

Не приходится сомневаться, что любому укоренившемуся в христианской вере человеку XIII в. было очевидно, что «погибель Русской земли» была попушена Богом «за грехы наша». Однако ясность причины трагедии еще не приближала к ответу на животрепещущие вопросы: есть ли надежда на избавление от ярма «безбожных», как жить под их властью, сопротивляться ей или нет? У каждого из этих вопросов была не только религиозная, но и практическая сторона: от ответа на них зависела оценка приемлемости того или иного политического курса, избираемого в новой ситуации и потомками Рюрика, и Церковью.

Для многих древнерусских книжников путь к ответу на эти настойчивые вопросы времени пролегал именно через образы и сюжеты Священного Писания. Их мыслительная работа отразилась — более или менее различимо — в нескольких памятниках середины и второй половины XIII столетия. А ключевое значение для ее понимания имеет один литературный «цикл», в котором соотношенность порабощения Руси и библейской истории заметна, пожалуй, лучше всего. Речь идет о трех произведениях, посвященных мученической кончине князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора в 1246 г.

Первое из них — летописное известие *ИЛ* под 6753/1245 г.¹⁴⁶, второе и третье — ранние Сказания об убиении этих святых: краткое и пространное¹⁴⁷. Краткое Сказание (далее — *Р*) возникло в Ростове при князьях Борисе и Глебе Васильковичах, внуках Михаила Черниговского. Произошло это, очевидно, не позднее 1271 г.¹⁴⁸ Место создания пространного Сказания неизвестно. Оно сохранилось в нескольких редакциях (имеющих существенные различия только во вводной части). Вопрос о том, какая из них лучше всего передает первоначальный вид памятника, явился предметом научной дискуссии. Старший список — ГИМ. Син. 239 (1313 г.) — содержит ту редакцию, которую Н. И. Сербрянский определил как «распространение редакции отца Андрея»

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

¹⁴⁷ *Сербрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 50–51, 55–70.

¹⁴⁸ *Лаушкин А. В.* К истории возникновения ранних проложных Сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 4–6. В этой же работе (с. 6–14) мы, в частности, постарались обосновать гипотезу, что появление *Р*, как и другие связанные с церковным прославлением князя Михаила и его боярина Феодора мероприятия, могли иметь место в 1262 г., ознаменованном восстанием против откупщиков монгольской дани в Ростове и других городах Северо-Востока Руси.

(далее — *РА*). Высказывалось мнение, что именно она и представляет наиболее ранний вид текста¹⁴⁹, хотя сам Н. И. Серебрянский склонялся к первичности «нераспространенной» «редакции отца Андрея» (далее — *А*)¹⁵⁰; в последнее время эта точка зрения получила дополнительную аргументацию¹⁵¹. Возникновение пространного Сказания следует относить к середине XIII — началу XIV в. Между кратким и пространным Сказаниями существует тесная текстологическая связь, позволяющая говорить о том, что или краткое Сказание восходит к архетипу пространного Сказания либо экстракту из него, или (что гораздо более вероятно) памятники друг от друга независимы и имеют общий протограф¹⁵².

Эти три произведения характеризуются единым смысловым стержнем. Понимая господство ордынцев как справедливое наказание за грехи, их авторы считали, что власть хана-язычника установлена Самим Богом, смиряющим своих людей, и потому должна быть принята русскими князьями. Михаил, явившийся ко двору Батыею, как подчеркивается во всех трех памятниках, признал хана своим сюзереном, о чём прямо заявил в его ставке: «Аще Б(ог)ъ ны есть предадь и власть нашоу грѣхъ ради наших во роуци ваши, тобѣ кланяемся и ч(е)сти приносим ти» (в *ИЛ*); «ц(е)с(а)рю вашему кланяюся, понеже поручи ему Б(ог)ъ ц(а)рство света сего» (в *Р*), «тобѣ, ц(е)с(а)рю, кланяюся, понеже Б(ог)ъ пороучил ти ес(ть) ц(а)рство свѣта сего»¹⁵³ (в *А* и *РА*). В проложных Сказаниях эта мысль о законности и богоданности власти Батыею заострена и через наделение хана царским титулом, который, согласно понятиям эпохи, прямо указывал на легитимность правителя (которую в конечном счете может даровать один только Бог)¹⁵⁴. Однако эта

¹⁴⁹ Пак Н. И. Краткая характеристика редакций Повести о Михаиле Черниговском // Литература Древней Руси: межвузовский сборник научных трудов. М., 1988. С. 23–24, 26.

¹⁵⁰ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 37–38.

¹⁵¹ Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 146–147; Милютенко Н. И. Сказания о Михаиле Черниговском // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 190–198.

¹⁵² Лаушкин А. В. К истории возникновения ... С. 15–18.

¹⁵³ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 57, 66.

¹⁵⁴ См.: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. Сборник научных трудов. М., 1990. [Ч. 1.] С. 26–27; Горский А. А. «Царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей: Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 205–206, 210. См. также: Успенский Б. А. Этюды о русской истории. С. 151–152.

покорность князя-христианина «безбожному» царю на страницах рассматриваемых текстов имела четкий предел — она не должна была приводить к измене Богу. Когда монголы потребовали от князя, чтобы он поклонился «идоломъ», он отказался и предпочел мучительную смерть. Тем же путем последовал и его верный боярин Феодор¹⁵⁵. После кончины, подчеркивают агиографы, оба сподобились святости, своим поступком укрепляя слабых верою и посрамляя тех, которые, «оставльше Б(о)га, поклоняхоуся твари» (то есть идолам)¹⁵⁶.

Библейский источник данного построения обнаруживается без большого труда. Это — так называемый вавилонский цикл ветхозаветных текстов, рассказывающих о том, как изменившие Богу и не услышавшие Его многократных призывов к исправлению жители Иудеи были отданы в рабство вавилонскому царю-язычнику Навуходоносору II и должны были служить «ему... и с(ы)ну его, и с(ы)ну с(ы)на его»¹⁵⁷ (Иер. 27:7). Через своих пророков Бог грозно потребовал от наказанного народа не бежать от заслуженной кары и не сопротивляться власти Навуходоносора: «дахъ всю землю Навъходоносору, ц(а)рю вавилонскоу, да емоу работаютъ»; «[не послушайте словъ пр(о)р(о)ковъ, гл(аголю)щих вамъ: “не послужите ц(а)рю вавилоньску!”]», яко неправедно ти проричуть вам, яко не пустихъ ихъ... прорицають въ имя Мое о неправдѣ, якоже погубити вы, и погибнете вы и пророцы ваши... [Не послушайте ихъ, но служите ц(а)рю вавилоньску, да живи будете]»¹⁵⁸ (Иер. 27:6, 14—15, 17). Одновременно Бог заповедал иудеям твердо хранить отеческую веру под властью царя-нечестивца, в чём было обетование их будущего освобождения.

История завоевания Иудеи, «вавилонского плена» и возвращения из него — один из центральных эпизодов Ветхого Завета, описанный во множестве библейских книг: Четвертой книге

¹⁵⁵ Близкую версию событий излагает и Плано Карпини (*Плано Карпини Дж., дель. История монгалов. Де Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 36*).

¹⁵⁶ *Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 58, 68. О религиозной подоплеке конфликта, приведшего к казни князя и его бярина, см.: Милотенко Н. И. Сказания ... С. 185—189.*

¹⁵⁷ Библия, сиречь Книгы Ветхаго и Новаго Завѣта ... Л. 106 (третьей пагинации).

¹⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 304. I. № 89. Толковые пророки, нач. XVI в. [Список с несохранившейся рукописи Упыря Лихого XI в.]. Л. 210—210об. Отсутствующие в рукописи места восполнены по Острожской Библии в квадратных скобках (Библия, сиречь Книгы Ветхаго и Новаго Завѣта... Л. 106 (третьей пагинации)).

Царств, Первой книги Паралипоменон, книгах пророков Исайи, Иеремии, Варуха, Иезекииля, Даниила, книге Плач Иеремии и др. Многие из них были известны на Руси. Познакомиться с этим сюжетом древнерусский читатель мог и на страницах переводных хроник¹⁵⁹.

Если в *ИЛ* и *Р* соотносительность с упомянутым отрезком ветхозаветной истории ощущается в общей идейной конструкции (наказание «пленом» у неверных — непротивление ему — хранение веры), то автор пространного Сказания подчеркнул этот угадываемый параллелизм прямым обращением к самой популярной у христиан и самой яркой по образам книге «авилонского цикла» — книге пророка Даниила¹⁶⁰. В вводной части *РА* к тому же нарочито отмечено, что «нахождение поганыхъ татаръ на землю Русьскоую» произошло «по прор(о)чествуоу дрѣвнихъ прор(о)къ»¹⁶¹. В рамках гипотезы Р. Пиккио эту краткую ремарку (пусть и появившуюся, возможно, под пером не автора, а редактора памятника, который трудился не позднее 1313 г.) можно квалифицировать как важный элемент «тематического ключа» к сокровенному смыслу дальнейшего повествования¹⁶².

Обратим внимание на то, что пространное Сказание обнаруживает хорошее знакомство его автора (авторов) с библейскими текстами (особенно это заметно в редакции *РА*). В памятнике процитированы Ис. 1:19–20 (в *РА*), Втор. 32:30 (в *РА*), Мк. 8:35–38, Мф. 10:32–33; отдельные образы и выражения, по всей видимости, прямо или опосредованно восходят к следующим библейским прототипам — Пс. 77:31 (в *РА*), Пс. 32:14 (в *РА*), Иер. 5:15, 17 (в *РА*), 1 Цар. 13:6, Иез. 33:27, Иер. 4:29, Иер. 21:9 (38:2), Деян. 2:38, Исх. 35:34, Пс. 134:6, Тит. 1:16, Рим. 15:6, а также Лк. 4:5–8 (как и в *Р*) и др. Однако единственным крупным библейским парафразом, читавшемся, без сомнения, уже в первоначальном вариан-

¹⁵⁹ *Истрин В. М.* Книги временныя ... Т. 1. С. 173–191. См. также: Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 20–63.

¹⁶⁰ На близость «подвига Михаила Черниговского, каким он представлен в его житии», и образов книги пророка Даниила первым обратил внимание Н. С. Борисов (*Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 1995. С. 221; *Его же.* Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.). М., 1999. С. 270). Конкретные библейские и связанные с ними параллели были указаны: *Лаушкин А. В.* К истории возникновения ... С. 19–22.

¹⁶¹ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 63.

¹⁶² Согласно точке зрения исследователя, «библейские тематические ключи» встречаются в «структурно отмеченных местах, обычно в начале *expositio*, то есть либо в первых строках текста, либо непосредственно после введения, если такое имеется» (*Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей... С. 437).

те Сказания, является приводимый ниже фрагмент из 3-й главы Книги пророка Даниила, что подчеркивает его особую значимость для автора памятника.

В 3-й главе Даниил рассказывает историю иудейских отроков Анании, Азарии и Мисаила. Вместе с самим Даниилом они были уведены в Вавилон как невольники. Там все четверо были взяты ко двору Навуходоносора и стали честно служить ему на важных постах. Какое-то время спустя царь сделал золотого истукана и повелел всем своим подданным поклониться ему. Тем же, кто не поклонится, пообещал смерть в печи огненной. Отроки, несмотря на свою лояльность царю, отказались исполнить это повеление и были брошены в печь, однако благодаря помощи Божьей вышли из нее целыми и невредимыми.

Именно к данному эпизоду и обратился автор пространного Сказания, сблизив с ним один из центральных элементов своего повествования. Сравнение текстов показывает, что это сближение было проведено не только на уровне сюжета, но и на уровне отдельных выражений:

*Книга прор. Даниила,
гл. 3*

А

РА

...падающе вси людие,
племена и языци, по-
кланѣяхуся тѣлоу зла-
тому (7)

Мнози же князи с бо-
яры своими идяхоу
сквозѣ огнь, и покло-
няхоуся с(о)лнцю и ку-
стоу, и идолом... Мно-
зи же погании идяхоу
сквозѣ огнь и покланя-
хоуся с(о)лнцю и идо-
ломъ...

Мнози же кѣнязи съ
бояры своими идяхоу
сквозѣ огнь и коустоу
кланяхоуся, и идоломъ
ихъ... Мнози погании
идяху сквозе огнь и
кланяхуся с(о)лнцю и
идолом...

Тогда приступишу мужи
хальдеисци и насочи-
шу на иудѣя и отвя-
шавыше решу ц(а)реви:
«...суть бо мужи иу-
деи... Седрахъ, Мисахъ
и Ав(е)денаго, иже не
послушашу заповѣди
твоя, ц(а)рю, и б(о)гомъ
твоимъ не послужутъ,
тѣлоу златоному, еже
постави, не покланѣятъ-
ся» (8—9, 12)

[Волхвы] идоша и
повѣдаша ц(е)с(а)р(е)-
ви: «Михаилъ повелѣния
твоего, ц(е)с(а)рю, не
слушаетъ, сквозѣ огнь
не идетъ, а б(о)г(о)мъ
твоимъ не кланяетъ-
с(я)...»

[Волхвы] идоша по-
вѣдать ц(е)с(а)р(е)ви:
«Михаилъ повелѣния
твоего, ц(е)с(а)рю, не
слушаетъ, сквозе огнь
не идетъ, а б(о)г(о)мъ
твоимъ не кланяетъ-
с(я)...»

Тогда Навходоносоръ **ѣростия** и гнѣвомъ **рече...**: «Аще въ истину, Седрахъ и Мисахъ, и Аведенаго, **б(о)гомъ моимъ** не слоужите и тѣлоу златоому, еже поставихъ, **не поклонѣтеся?** **Н(ы)не**, оубо **аще** есте готови, да... падыше кланѣтитися тѣлоу златоому, еже створиохъ, **аще ли не поклонитеся**, въ тои годъ въврѣжени будете въ пещь, огнемъ горящуя...» (13–15)

И **отвѣшау** Седрахъ и Мисахъ, и Аведенаго, гл(агол)яще Навходоносорови цареви: «...Есть Б(ог)ъ нашъ на н(е)б(е)сехъ, емоу же мы слоужимъ... вѣсто да ти есть, ц(а)рю, ѣко б(о)гомъ твоимъ не служимъ и тѣлоу златоу, еже постави, **не поклонѣмъ ся**»¹⁶³ (16–18)

Ц(е)с(а)рь же **възя- рився** велми и посла единого от велможъ своихъ именемъ Елдегу, и гл(агол)а емоу: «Рци Михайлови: по что повелѣние мое преобидѣлъ еси, **б(ого)мъ моимъ не поклонился еси?** Но **отселе** едино от двою избери собѣ: или б(ого)мъ моимъ поклонишис(я) и живъ боудеши, и княжение приимеши, **аще ли не поклонишис(я)** б(ого)мъ, то злоу см(е)ртью оумреши».

Тогда **отвѣща** Михайль: «Тобѣ, ц(е)с(а)рю, кланяюся, *понеже Б(ог)ъ поручил ти ес(ть) ц(а)рство свѣта сего*, а емоу же велиши поклонитис(я), **не поклонюся**»¹⁶⁴.

Ц(е)с(а)рь же **възярися** велми, посла един(о)го от велможъ своихъ именемъ Елдегу и **р(е)че**: «Почто повелѣние мое приобидѣлъ еси и **б(о)г(о)мъ моимъ не поклонился еси?** Но **отселе** избери собѣ: животь или смерть, **аще** повелѣние мое створиши, живъ будеши и княжение свое приимеши, **аще ли не** проидеши сквозе огонь, ни **поклонишися** и идолом, то злоу см(е)ртью оумреши»

Тогда Михайль **отв(е)- ща**: «Тобѣ, ц(е)с(а)рю, кланяюся, *понеже Б(ог)ъ поручилъ ти ц(а)рство свѣта сего*, а ему же ся си кланяють, **не кланяюся**»¹⁶⁵.

Выделенные курсивом слова в последнем отрывке пространного Сказания, которые указывают на богоустановленность власти Батыя и объясняют необходимость подчиняться ему, имеют целый ряд смысловых соответствий и в других местах Книги пророка Даниила: «Ты ц(а)рю, ц(а)рь ц(а)р(е)мъ, ему же Ц(а)рь Небесный ц(а)рство крѣпко и твердо и ч(е)стью далъ есть, на всякомъ мѣсте, идеже живоуть с(ы)н(о)ве ч(е)л(ове)честии и звѣри силныи, и птица н(е)б(е)снѣя, [и рыбы морскыя], въдасть в роу-

¹⁶³ Евсеев И. Е. Книга пророка Даниила в древне-славянском переводе: Введение и тексты. М., 1905. С. 32, 34, 36, 38.

¹⁶⁴ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 55–57.

¹⁶⁵ Там же. С. 64–66.

коу твою, и постави тя Г(оспод)ь всѣмъ» (2:37–38); «[Господь] прѣдасть ны в руцѣ врагъ безаконенъ, мръзокъ прѣступникъ, ц(а)рю неправедну, лукавнѣишу же паче всея зем[л]я» (3:32); «Б(о)гъ Вышний и ц(а)рствие, и величество, и ч(е)сть, и славу и да Навходоносору» (5:18)¹⁶⁶ и пр. Аналогичные идеи можно встретить и в других книгах «вавилонского цикла», особенно у пророка Иеремии (см., например: Иер. 27:5–8).

В тексте пространного Сказания заметна и еще одна очевидная параллель с Книгой пророка Даниила. Оказавшись в Вавилоне, Даниил «положи... на с(е)рдци своемъ не осквернитися от трапезы ц(а)ря, ни от вина пива его»¹⁶⁷ (1:8). И такую же точно заповедь Михаил получил перед отъездом в Орду от своего духовного отца: «ни брашна, ни питья ихъ не прими въ оуста»¹⁶⁸.

Думается, образованный древнерусский читатель или слушатель легко различал в Сказании о Михаиле Черниговском и его боярине Феодоре намек на историю Трех отроков. Этот ветхозаветный сюжет принадлежал к числу наиболее известных и имел в христианской традиции целый спектр символических прочтений. Многочисленные отсылки к нему традиционно звучали в богослужебных текстах (в том числе в русских службах¹⁶⁹). В годовом круге церковных торжеств имелся особый праздник, посвященный пророку Даниилу и Трех отрокам иудейским (17 декабря)¹⁷⁰. Сразу две церкви во имя св. Даниила и Трех отроков были воздвигнуты на рубеже XII–XIII вв. в Новгороде¹⁷¹. В Смоленске в начале XIII в. существовал Отрочь монастырь¹⁷². Не исключено,

¹⁶⁶ Евсеев И. Е. Книга пророка Даниила ... С. 22, 24, 44, 88.

¹⁶⁷ Там же. С. 4.

¹⁶⁸ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 56, 65.

¹⁶⁹ См., например, характерное для многих канонов упоминание отроков в ирмосах 7 и/или 8 песней: в каноне на усение св. княгини Ольги (XII (?) в.) (*Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. С. 91–92); в каноне Покрову Пресвятой Богородицы (XII в.) (ОР ГИМ. Син. 325. Псалтирь с шестодневом и избр. службами, XIV в. Л. 128–128об.); в каноне свт. Леонтию Ростовскому (XII в.) (ОР РГБ. Ф. 304. Оп. 1. № 327 (858). Псалтирь с воследованием, XVI в. Л. 633об.–634); в каноне преп. Авраамия Смоленскому (XIII в.) (*Розанов С. П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912. С. 116); в каноне св. князю Владимиру (*Славитский М.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по памятникам XIII–XVII веков // Странник. 1888. Т. 2. С. 231); и др.

¹⁷⁰ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 225–226.

¹⁷¹ Новгородская первая летопись ... С. 39, 59.

¹⁷² ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 161; М., 1995. Т. 41. С. 127. См. также: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Т. 3. С. 122.

что храм с таким же посвящением появился в середине 1260-х гг. и в Твери¹⁷³. Сюжет «Три отрока в печи огненной» часто использовался в церковном искусстве домонгольской Руси¹⁷⁴. Познакомиться со «страстью» Анании, Азарии и Мисаила можно было и посредством широкого круга переводных памятников, бытовавших в Древней Руси, — проложных сказаний, сочинения св. Ипполита Римского, апокрифов, хронографов разных видов и др.¹⁷⁵ Упоминают об этих героях Ветхого Завета и некоторые древнерусские авторы¹⁷⁶.

Человек книжный мог разглядеть и более тонкие смысловые нити, связывающие житие Михаила Черниговского и историю иудейских отроков. Гибель новых мучеников пришлось на 20 сентября, когда все древние месяцесловы предписывают праздновать память св. Евстафия Плакиды¹⁷⁷ (на это обратили внимание и автор *Р*, и летописец, оставивший краткое сообщение о гибели князя в *ЛЛ*¹⁷⁸). Мучение и смерть св. Евстафия, житие которого было известно на Руси уже с середины XI в.¹⁷⁹, удивительно перекликались с мотивами Книги пророка Даниила. Отказавшись выполнить приказ римского императора Адриана и поклониться языческим богам, святой, подобно пророку Даниилу, был брошен на растерзание льву, но лев не тронул его (Дан. 6:14–23). После этого Евстафия с женой и сыновьями ввергли в огненную печь, имевшую форму быка. Перед смертью мученики вспоминали святых отроков и хвалили Господа за то, что сподобились той же

¹⁷³ Макарова Т. И., Николаева Т. В. Из истории культуры Тверского Отроча монастыря // Советская археология. 1976. № 4. С. 109–110.

¹⁷⁴ См.: Вагнер Г. К. Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во Владимирско-Суздальском искусстве // Византийский временник. М., 1963. Т. 23. С. 95, 99; *Его же*. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Город Юрьев-Польский. М., 1964. С. 70–73, 100–101; *Его же*. Скульптура Древней Руси. XII в. Владимир. Боголюбково. М., 1969. С. 112–113; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. XII столетие. М., 1961. С. 319.

¹⁷⁵ Творогов О. В. Апокрифы и сказания о Данииле // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). С. 44–47; Елисеев Г. А. Две системы взглядов в общественном сознании средневековой Руси и эволюция апокрифов в XIII–XV вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998. С. 64, 71.

¹⁷⁶ См., например, в *ПВЛ* под 6463/955 г., а также у Климента Смолятича и Кирилла Туровского (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 62; БЛДР. Т. 4. С. 138, 140, 174).

¹⁷⁷ Лосева О. В. Русские месяцесловы ... С. 158–159.

¹⁷⁸ См.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 51; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

¹⁷⁹ Гладкова О. В. Где и когда было переведено «Житие Евстафия Плакиды» (предварительные замечания) // Мир житий. М., 2002. С. 35–36.

участи¹⁸⁰. Получалось, что в один и тот же день приняли мученическую смерть жившие в разное время святые, подвиг которых повторял «страсть» святых отроков.

Еще одна ниточка от Сказания к Книге пророка Даниила протягивалась благодаря апокрифической версии смерти Даниила, Анании, Азарии и Мисаила, которую можно было найти в Прологах и Александрии. Согласно ей, царь Аттик (названный преемником Навуходоносора), узнав, что Даниил и отроки хранят отеческую веру и не хотят оставить ее, повелел отсечь им головы¹⁸¹. Такой же смертью погибли в 1246 г. Михаил и его верный боярин.

Помимо соотнесения главных героев повествования с иудейскими отроками, в пространном Сказании можно уловить и некоторые другие переклички с ветхозаветными текстами, повествующими о вавилонском пленении иудеев. Так, к примеру, указание на то, что во время Батыева нашествия люди «в горахъ и в пещерахъ, и в лѣсѣхъ крыяхоуся» (в *А* добавлено: «и в пропастьхъ»)¹⁸² заставляет вспомнить пророчество Иеремии о грядущем нашествии вавилонян, когда «от гласа яздящихъ и напряженна лука побѣже всяка страна: внидоша въ разсѣлины и въ дубравы сокрышася, и на камене взыдоша»¹⁸³ (Иер. 4:29). Сообщение о печальной судьбе тех, кто остался в городах — «иже въ градѣхъ затворишася...

¹⁸⁰ БЛДР. СПб., 1999. Т. 3. С. 24, 26.

¹⁸¹ *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893. Приложения. С. 178; Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. 1: Текст и комментарии. М., 2010. С. 486.

¹⁸² См.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 55, 64.

¹⁸³ Фрагмент приведен по Синодальному переводу, довольно точно передающему текст Септуагинты (ср.: «ἀπὸ φωνῆς ἰπλέως καὶ ἐν τεταμένῳ τόξῳ ἀνεχώρησεν πᾶσα χώρα εἰσέδυσαν εἰς τὰ σπήλαια καὶ εἰς τὰ ἄλσῃ ἐκρύβησαν καὶ ἐπὶ τὰς πέτρας ἀνέβησαν» — Septuaginta, Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit A. Rahlfs. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2004. P. 663). В Толковых пророках, восходящих к рукописи Упыря Лихого, начальные главы Книги пророка Иеремии отсутствовали (и при создании Геннадиевской Библии они переводились с Вульгаты) (*Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 37, 71, 163–164, 197). Однако влияние Иер. 4 на текст пространного Сказания на этом основании исключить нельзя. Автор мог быть знаком либо с греческим оригиналом Книги пророка Иеремии, либо с ее гипотетическим несохранившимся полным славянским переводом, существование которого возможно (см.: *Алексеев А. А.* Палея в системе хронографического жанра // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 29), либо с отражением интересующего нас стиха в некоем неблэйском тексте.

ти тако от поганыхъ немилостивно изъбиени быша»¹⁸⁴, может быть соотнесено с другим пророчеством Иеремии — о том, что оставшиеся в Иерусалиме погибнут, а покоровившиеся вавилонянам спасутся: «сѣди въ градѣ семь оумреть мечемъ и голодомъ, исходяи къ халдѣомъ живитися»¹⁸⁵ (Иер. 21:9; 38:2).

Идейное, а иногда и текстологическое влияние книг «вавилонского цикла» можно заметить и в других летописных и вне-летописных памятниках этого времени, прямо с «михайловским циклом» не связанных.

Под 6760/1252 г. *ЛЛ* рассказывает о неповиновении хану великого князя Андрея Ярославича и последовавшей за тем Неврюевой рати. По сравнению с другим древним сообщением об этом событии, сохранившимся, например, в Софийской I летописи и последовательно излагающим факты¹⁸⁶, известие в Лаврентьевской отличается неполнотой и состоит из двух частей, не лучшим образом состыкованных логически¹⁸⁷. Первая часть лаконично сообщает о поступке князя и в силу своей смысловой законченности как бы не предполагает продолжения: «В то же лѣт(о) здума Андрѣи княз(ь) Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели ц(е)-с(а)р(е)мъ служити, и побѣже на невѣдому землю со княгынею своею и с бояры своими». Упоминание «невѣдомой земли» говорит о том, что автор записи уже знает: князю удалось покинуть Русь и оказаться где-то за ее пределами. Вторая часть известия, внося в повествование хронологический диссонанс, «возвращает» беглецов на Русь и описывает один из эпизодов их бегства, произошедший не в «невѣдомой земле», а под Переяславлем Суздальским, где татары нагнали Андрея Ярославича. Ничего не сказав ни о его неудачной битве с преследователями, ни о взятии ими города (оба факта сообщает Софийская I летопись) и лишь мельком отметив чудесное спасение князя, летописец далее сосредоточился на описании страшных бед, которые принесло нашествие степняков: «И погнаша татарове в слѣдъ его [Андрея. — *А. Л.*] и постигоша и оу города Переяславля. Б(ог)ъ же схрани и и м(о)-л(и)тва его отца. Татарове же россунушася по земли и княгыню Ярославлю яша, и дѣти изымаша, и воеводу Жидослава ту

¹⁸⁴ См.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 64.

¹⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 304. I. № 89. Толковые пророки, нач. XVI в. [Список с несохранившейся рукописи Упыря Лихого XI в.]. Л. 220об.

¹⁸⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 327; М., 2004. Т. 25. С. 141–142; и др.

¹⁸⁷ *Fennell J. L. I. Andrej Jaroslavič and the struggle for power in 1252: an investigation of the sources* // *Russia mediavalis*. München, 1973. Т. I. P. 52–53.

оубиша, и княгыню оубиша, и дѣти Ярославли в полон послаша, и людии бе-щисла поведоша, до конь и скота, и, много зла створше, отидоша»¹⁸⁸. Складывается впечатление, что летописец интересуют события именно вокруг Переяславля и что в центре его внимания — не столько беглый князь, сколько обитатели переяславской волости: от самых знатных (княгини и ее детей, в которых видят семью князя Ярослава — родного брата Александра и Андрея Ярославичей¹⁸⁹) до простонародья, «людей». Если это так, то в этой части известия можно различить руку переяславца. На это же намекает и оборот «татарове же россунушася по земли», очень похожий на сходное выражение в явно переяславском¹⁹⁰ рассказе о рати 1281 г., сохранившемся в *Сим.*, — «татарове же разсыпашася по земли»¹⁹¹. При этом отмеченная нестыковка первой и второй частей известия удовлетворительного объяснения не имеет. Она может быть следствием как сведения двух разных сообщений о событиях 1252 г., так и неудачного редактирования изначально единого текста.

В первой части известия, которое несет в себе явные признаки работы современника¹⁹², оказались заключены сразу несколько ключевых понятий, имеющих отношение к библейской трактовке «вавилонского плена»: «царь», «служба» и «бегство». Явилось ли это

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

¹⁸⁹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 113–116.

¹⁹⁰ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. М., 1996. С. 158–159.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 78.

¹⁹² Дж. Феннел усомнился, что первая часть известия была современна событию и считал ее позднейшей вставкой — неудачным домysлом летописца, ложно объяснившим причины бегства Андрея (*Fennell J. L. I. Andrej Jaroslavič ...* Р. 53–54). А. А. Горский указал на неубедительность построения Феннела и, в частности, обратил внимание на такой признак работы летописца-современника, как употребление слова «цесарь» во множественном числе, что указывает на время еще до отделения «улуса Джучи» от Монгольской империи, когда «цесарями» на Руси могли еще именовать и императора, и волжского хана, то есть до 60-х гг. XIII в. (*Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский в истории России. Новгород, 1996. С. 71–72, 75 (прим. 45))*. Добавим, что упоминание «невѣдомой земли», куда бежит Андрей, тоже скорее выдает в авторе записи современника, не осведомленного пока об исходе бегства князя Андрея Ярославича, который в конце концов оказался в «ведомой» на Руси Швеции. По-видимому, бегство князя было окутано тайной и породило многочисленные и разноречивые слухи — в частности, сохраненный некоторыми летописями ложный слух о его гибели (см., напр.: Новгородская первая летопись ... С. 304; ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. С. 31 (первой пагинации)).

простой случайностью, или же автор сообщения сознательно прибег к библейским реминисценциям, желая дать свою оценку произошедшему? Краткость разбираемого фрагмента позволяет ответить на этот вопрос лишь предположительно.

Исторический контекст описанных событий восстанавливается следующим образом. В 1251 г. в Монгольской империи было преодолено междоусобице. Новым ее правителем стал великий хан Мунке, и это положило конец периоду враждебности между имперским центром и Батыем, правителем западных областей империи. Заручившись поддержкой императора, он принялся наводить порядок в своих землях. Видимо, в планы Батыя входил и пересмотр княжеских ярлыков, выданных в прежние годы в Каракоруме. Над головой Андрея Ярославича, возведенного на владимирский великокняжеский «стол» в 1249 г. предшественницей Мунке ханшей Огуль-Гамиш, начали сгущаться тучи. Не исключено, что непосредственной причиной недовольства князем было невыполнение им приказа нового хана об организации переписи¹⁹³. Источники умалчивают о дальнейших событиях, но итог их ясен: Андрей встал на путь неповиновения Батыю, не поехал (в отличие от своего брата Александра) в Орду, что привело к организации карательной экспедиции — первой в истории монгольского владычества над Русью¹⁹⁴. Мятежный князь бежал в Переяславль Суздальский, где его настигли ордынцы, чудом избежал плена и продолжил бегство, пока не оказался в Швеции, в которой вынужден был скрываться потом несколько лет. Плачевные итоги Андреева неповиновения — для него самого и для опустошенных областей Руси — должны были стать аргументом в пользу политики тех князей, которые считали, что борьба с Ордой еще

¹⁹³ Храпачевский Р. П. Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) // Восточная Европа в древности и Средневековье: экономические основы формирования государств в древности и Средневековье: XXV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто и памяти члена-корреспондента АН СССР А. П. Новосельцева. Материалы конференции. М., 2013. С. 265.

¹⁹⁴ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 154; Горский А. А. Два «неудобных» факта ... С. 71–72; Романив В. Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 98–99; Селезнев Ю. В. «И жаловася Александр на брата своего...»: к вопросу о вокняжении Александра Невского в 1252 г. // ДРБМ. 2007. Вып. 3 (29). С. 98–99; Ostrowski D. The Tatar Campaign of 1252 // Palaeoslavica. 2009. Vol. 17. № 2. Р. 49–52, 56; Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы: Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 2. С. 38–40.

невозможна и что лояльность к монголам способна сберечь Русские земли от нового разорения.

Складывается впечатление, что автор первой части известия о бегстве Андрея Ярославича отнесся к его поступку неодобрительно. И дело здесь не только в лишенном доблести образе князя-беглеца¹⁹⁵. Назвав монгольских правителей «цесарями», летописец косвенно признал законность их власти. Причем если сообщение было действительно современно событию (что кажется очень вероятным), то перед нами один из самых ранних случаев подобного титулования, сохранившийся в русских источниках¹⁹⁶. (Показательно, что автор известия в Софийской I летописи, симпатизирующий князю Андрею, не только не употребил этого титула, но и вообще не отметил, что «рать» была послана кем-то из ханов.) В свете этого признания легитимности (а значит и богоустановленности) монгольской власти, нежелание Андрея «цесаремъ служить» и его бегство могли рассматриваться уже как дерзость перед лицом Всевышнего¹⁹⁷.

Именно от подобной дерзости, которая грозила свергнуть народ в пучину новых наказаний вплоть до полного истребления, неоднократно предостерегали Иудею ветхозаветные пророки (Иер. 27 и др.). Они не устали повторять, что особо тяжкий грех совершат те, кто захочет убежать от власти Навуходоносора в чужую землю. Для многих иудеев такой землей становился Египет — враг Вавилона, который, казалось, мог спасти побежденный народ от ярма победителей. Однако, говорил Господь, «помощь Египта будет тщетна и напрасна» (Ис. 30:7). Нахождение под властью фараонов не спасет иудеев от Божьего гнева (напротив, он усилится), но при этом приведет их к дальнейшему вероотступничеству, отдалит час избавления (Иер. 42–44 и др.). Бегство, таким образом, рассматривается в Библии не только как проявление непослушания,

¹⁹⁵ О восприятии бегства князя перед лицом врага см.: Рудаков В. Н. Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // ДРВМ. 2012. № 1 (47). С. 55–61.

¹⁹⁶ Под более ранним годом (6750/1242) монгольский хан (Батый) назван «цесаремъ» только в *НЛст* (Новгородская первая летопись ... С. 79). По наблюдениям А. Н. Насонова, систематическое использование этого титула по отношению к золотоордынским ханам возникает на Руси не ранее 60-х гг. XIII в. (Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.—Л., 1940. С. 30. Прим. № 2).

¹⁹⁷ Ср. с мнением В. Н. Рудакова, который, комментируя разбираемое известие, готов увидеть в нём лишь «некоторую иронию летописца по поводу поведения князя, который решил “бѣгати, нежели цесаремъ служить”» и потом «продолжил службу татарам»; здесь, как и в других летописных известиях XIII в. о бегстве князей от татар, исследователь не замечает «никаких осуждающих (даже косвенно) ноток» (Рудаков В. Н. Древнерусские книжники ... С. 58).

но и как путь к потере веры, сохранение которой, как говорилось выше, — главное условие прощения наказанного народа.

Возьмем на себя смелость и продолжим рассуждения, двигаясь в том направлении, которое, как кажется, подсказал летописец. Бегство Андрея куда-то на Запад, в «латинские» страны, и вправду способно было напомнить запрещенное Богом бегство иудеев в Египет. Надежда на помощь западных соседей, которой в это время был увлечен тесть Андрея Даниил Галицкий, как скоро выяснится, окажется «тщетна и напрасна». Однако в начале 50-х гг. галицкий князь еще продолжал активные контакты с Римом и в 1253 г. принял королевскую корону «от о(т)ца своего папы Некѣнтия» (Иннокентия IV)¹⁹⁸. Это означало формальное заключение унии¹⁹⁹ и могло рассматриваться ревнителями веры как прямое вероотступничество. Не случайно как раз в эти годы, по мнению многих исследователей, начинается сближение митрополита Кирилла II (вероятного ставленника Даниила) с Александром Невским²⁰⁰, сторонником антилатинской ориентации. И именно на это время, когда «католическая тема» звучала особенно болезненно, пришлось бегство Андрея в «неведому землю» Швецию — к недавним врагам своего брата Александра.

Еще одна перекличка между событиями, описанными в *ЛЛ* под 1252 г., и историей гибели Иудейского царства обнаруживается при обращении к судьбе последнего иудейского царя Седекии. Подобно Андрею, он присягнул на верность восточному царю и потом отложился от него, надеясь на помощь Египта (Иер. 37:5–7; Иез. 17:11–21). Против Седекии было послано халдейское войско, которое осадило Иерусалим. После начала штурма Седекия со своими воинами бежал (Андрей бежит «с бояры своими»), но был настигнут и пленен (Андрей настигнут, но чудом избежал плена), после чего Иерусалим подвергся окончательному разграблению и осквернению, а его жители были уведены в рабство (4 Цар. 24:17–25:17; Иер. 39:1–9; 52:1–11). Сходство этих эпизодов

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827. Без сомнения, в этой готовности Даниила к сближению с папой был некий антиордынский подтекст. Но при этом, как показала Е. Е. Иванова, нет оснований говорить о сколько-нибудь последовательном антиордынском курсе этого князя, сутью внешней политики которого было «лабиринтование между монголами и Латинской Европой» (Иванова Е. Е. К вопросу об антиордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // ДРВМ. 2013. № 2 (52). С. 37–47).

¹⁹⁹ Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола ... С. 165–166.

²⁰⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947. С. 265; Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 271; Fuhrmann J. T. Metropolitan Cyril II (1242–1281) and the Politics of Accommodation // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 24 (1976). H. 2. S. 166.

библейской и русской (в изложении *ЛЛ*) истории просматривается в обеих частях рассматриваемого известия. Его вторая часть начинается с фразы о татарской погоне за Андреем — «и погнаша татарове в слѣдъ его и постигоша и...», удивительно напоминающей библейскую фразу о погоне за Седекией — «и гъна сила халдѣиска въслѣдъ ц(а)ря, и постиже и...»²⁰¹ (Иер. 52:8; 4 Цар. 25:5). Если это не случайное созвучье (что, конечно, тоже возможно), то перед нами косвенное соотнесение монгольского войска с вавилонским (халдейским), вполне органичное для идейного подтекста разбираемого фрагмента. Далее в известии говорится о расправе татар над невесткой Андрея и о пленении его племянников, разделивших судьбу многих переяславцев, угнанных в неволю. Мятеж Седекии также закончился пленением жителей города и страданиями его родных: по приказу Навуходоносора сыновья иудейского царя были казнены.

Не исключено, что в рассмотренной статье *ЛЛ* перед нами предстает один из первых опытов обращения к кругу идей «вавилонского цикла» при осмыслении отношений между Русью и поработившими ее монголами. Здесь этот подход только намечен и не выражен с той ясностью, как это мы видели в произведениях о Михаиле Черниговском. Но в то же время он заметен и, главное, не является чем-то исключительным на фоне других летописных текстов второй половины XIII в.²⁰²

Проступает он, к примеру, и в летописном известии о смерти ростовского князя Глеба Васильковича. Это известие-некролог возникло под пером летописца усопшего князя и лучше всего сохранилось в *Сим.* под 6786/1278 г.²⁰³ (где эта летопись восполняет лауну *ЛЛ*). Книжник хвалит князя за то, что он, служа «поганым татарам», оставался благочестив и совершал много добра

²⁰¹ ОР РГБ. Ф. 304. I. № 90 Толковые пророки, 1489 г. [Список с несохранившейся рукописи Упыря Лихого XI в.]. Л. 426.

²⁰² Взгляд на разобранное известие как на ранний памятник формирующейся «идеологии плена» был впервые предложен нами в работе: *Лаушкин А. В.* Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 24–31. Позднее ее основные положения были повторены Ю. В. Селезнёвым (см.: *Селезнев Ю. В.* Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // ДРВМ. 2009. № 1 (35). С. 39–40).

²⁰³ Об оживлении ростовского летописания при князе Глебе Васильковиче и степени сохранности в *Сим.* названной статьи см.: *Лаушкин А. В.* Малоизученный эпизод ростовского летописания второй половины XIII века // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 6–13; *Его же.* Летописный некролог ростовскому князю Глебу Васильковичу // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 174–179.

своим людям: «отъ уности своея, по нахождении поганыхъ татаръ и по плѣнении отъ нихъ Русскыя земля, нача служити имъ и многи христианы, обидимыя отъ нихъ, избави и печалныя утѣшая, брашно свое и питие нещадно требующимъ подавая, и многу милостню нищимъ, убогимъ, сиротамъ, вдовицамъ, маломощнымъ подавааше... и церкви многи създа и украси иконами и книгами»²⁰⁴. Здесь в спрессованном виде присутствуют главные моменты «авилонской идеологии»: акцентировка нечестия врагов («поганные»), определение их власти понятием «пленение», восприятие службы им — при условии хранения деятельной веры в истинного Бога — как нормы поведения в условиях плена, ведущей к избавлению (пусть пока и не всей земли, а лишь «многих христиан»). Не исключено, что у человека, знакомого с образами Библии, при чтении некролога могла родиться и более тонкая ассоциация. Служба «от уности» (что подчеркивается) нечестивым врагам, пленившим родную землю, и одновременное сохранение верности Богу, — всё это напоминает о пророке Данииле и трех его товарищах — Ании, Азарии и Мисаиле, которые по приказу Навуходоносора были отправлены в Вавилон еще отроками, чтобы «прѣдстояти [служить]. — А. Л.] в дому ц(а)р(е)ве»²⁰⁵ (Дан. 1:3–7)²⁰⁶.

Неслучайным представляется ростовское происхождение этого текста. Местные князья Васильковичи были близки к великому князю Александру Ярославичу и поддерживали проводившуюся им «восточную» политику, которая предполагала мирные отношения с Ордой²⁰⁷. Утвердившийся в историографии взгляд на них как на «ханских угодников», предателей интересов Руси²⁰⁸, не находит подтверждения в источниках²⁰⁹. Тихая культурная работа,

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 76; см. также: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 335–336.

²⁰⁵ *Евсеев И. Е.* Книга пророка Даниила ... С. 4.

²⁰⁶ Кроме того, в похвале, где после упоминания о «пленении... Русская земля» идет речь об избавлении обидимых и помощи вдовам и сиротам, можно (хотя и с большой осторожностью) допустить переключку с Книгой пророка Иеремии. Возвестив иудеям неизбежность вавилонского плена, Бог обратился к «ц(а)рю Иоудину» и всем его подручным с такими словами: «избавите силою оугнетена от руку клеветника, и пришельца и сира, и вдовицу не хотите оскорбити» (Библия, сиречь Книги Ветхаго и Новаго Завета... Л. 103 (третьей пагинации)); в противном случае, обещал Господь, Его ярость разгорится еще сильнее (Иер. 21:7–12; 22:2–5).

²⁰⁷ *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М. — Л., 1951. С. 16–19; *Борисов Н. С.* Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238–1300) // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1976. № 6. С. 68.

²⁰⁸ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 58–67; *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 204.

²⁰⁹ *Лаушкин А. В.* К истории возникновения ... С. 10–12.

не прервавшаяся в первые десятилетия монгольского владычества в Ростове (в отличие от многих других городов) была оживотворена идеей духовного противостояния чужеземному игу и позволила сохранить многое из того, что было накоплено в Суздальской Руси в домонгольское время. Показательно, что церковное почитание памяти князя-мученика Михаила Черниговского с «вавилонской» и одновременно антиордынской (о чём мы еще скажем ниже) окраской этого культа началось в третьей четверти XIII в., именно в Ростове при князьях Борисе и Глебе Васильковичах и их матери Марии²¹⁰.

Созданный автором некрологической похвалы образ благочестивого князя-милостилюбца и храмоздателя, к пользе своих людей служившего «поганым», может быть до конца понят только в системе координат библейской истории о «вавилонском плене». Вне этой системы похвальное слово усопшему, прозвучавшее из уст летописца с большой теплотой, придется признать злой иронией.

К числу памятников, которые, как нам кажется, относятся к рассматриваемому идейному кругу, следует причислить и «Повесть о житии» князя Александра Невского. Факт монгольского владычества над Русью в ней не акцентируется, но и не скрывается. Автор сообщает о поездках Александра в Орду, о «Неврюневѣ» «плѣнении» Суздальской земли, о желании хана мобилизовать русских воинов «с собою воиньствовати», что оценивается как «нужда велика» и «бѣда». Однако власть Батыя книжник признаёт богоустановленной и последовательно именует его «царем»²¹¹. Кроме того, в главном «монгольском» эпизоде памятника — о первой поездке Александра к Батыю — можно усмотреть переключку с пророчеством Иеремии²¹² о том, что многие народы будут отданы в руки Навуходоносору и свою землю сохранят лишь те из них, которые покорятся ему. Пророчество словно бы сбывается над Русью:

²¹⁰ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 51.

²¹¹ БЛДР. Т. 5. С. 366, 368.

²¹² В. Й. Мансикка усматривал в этом эпизоде мотивы 4 Цар. 18:19,25 и 2 Пар. 32:13 (Мансикка В. Й. Житие Александра Невского. С. 24), однако, на наш взгляд, предлагаемая параллель с Книгой пророка Иеремии является более точной. Намек на «плен» (правда, не вавилонский, а египетский), посланный Богом Своему народу, можно уловить и в сравнении Александра с Иосифом Прекрасным (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 477; БЛДР. Т. 5. С. 358; Василек В. В. Личность Св. Александра Невского в контексте цивилизационного противостояния Руси и Запада: Опыт прочтения жития // Александр Невский и Ледовое побоище. Материалы научной конференции, посвященной 770-летию Ледового побоища. СПб., 2014. С. 24).

Книга пророка Иеремии, гл. 27

...р(е)че Г(осподь) Б(о)гъ И(зра)-
илевъ: «...дахъ всю землю Навходо-
носору, ц(а)рю Вавилонскую, да ему
работаютъ... (4, 6)

[...и послужать ему мнози народи
и ц(а)ри велицы... (7)]

Страна же и ц(а)рство, иже аще
не въдеждутъ выя своя въ яремь ц(а)-
ря Вавилонска, мечемъ и гладомъ
посящю ихъ...

Страна же, яже въсклонитъ выю свою
въ яремь ц(а)ря Вавилонска и потя-
жить ему, оставлю ю на земли ея...»

(8, 11)²¹³

В несколько иной тональности звучит тема ордынского ига в проповедях Серапиона Владимирского. Не касаясь политической стороны проблемы, он рисует печальную картину повседневной жизни завоеванного народа. Те из русских людей, которые не были убиты или уведены в плен, оказались «порабощени... горкою... работою от иноплеменик», и теперь для них не прекращаются «томление и мука, и дане тяжкыя». Всё это, по мнению епископа, — заслуженное наказание Божие, избавиться от которого возможно лишь на путях очищения от греха и преодоления маловерия²¹⁵. Только исправившись, можно надеяться на то, что «гнѣв Б(ож)ии престанеть и м(и)л(о)сть Г(оспод)ня излѣтется на ны», и тогда «мы же в радости поживем в земли нашеи»²¹⁶. Однако этого-то и не хотят понять многие из тех, к кому обращены его проповеди, и он старается вновь и вновь растолковать им истинную причину обрушившихся бедствий.

²¹³ ОР РГБ. Ф. 304. I. № 90 (1546). Толковые пророки, 1489 г. [Список с сохранившейся рукописи Упыря Лихого XI в.]. Л. 396об. В квадратных скобках — фрагмент 7-го стиха, пропущенного в редакции Толковых пророков, по тексту Острожской Библии (Библия, сиречь Книги Ветхаго и Новаго Завѣта по языку словенску [репринт изд. 1581 г.]. М.—Л., 1988. Л. 106 (третьей пагинации)).

²¹⁴ БЛДР. Т. 5. С. 366.

²¹⁵ См. также: *Топоров В. Н.* Святость и святые ... Т. 2. С. 252, 254; *Рудаков В. Н.* Особенности восприятия монголо-татар во второй половине XIII в. (по материалам «Поучений» Серапиона Владимирского) // Проблемы источниковедения истории книги. М., 2000. Вып. 3. С. 83–99.

²¹⁶ *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский ... Прибавление к исследованию. С. 5. Переключку с рассуждениями Серапиона об иге «языка немилостива» см. в 11-м Слове Киево-Печерского патерика (БЛДР. Т. 4. С. 346).

«Повесть о житии»

В то же время бѣ царь силенъ на Въс-
точнѣй странѣ, иже бѣ ему Богъ по-
корилъ языки многы от вѣстока даже
и до запада.

Тѣй же царь, слышавъ Александра
такое славна и храбра, посла к нему
послы и рече: «Александрѣ, вѣси ли,
яко Богъ покори ми многы языки?
Ты ли един не хочещи покороити
ми ся? Но аще хочещи съблности зем-
лю свою, то приеди скоро къ мнѣ и ви-
диши честь царства моего»²¹⁴

Речь епископа изобилует библейскими оборотами и реминисценциями, местами стилизуется под язык Писания. Относится это и к тем эпизодам в первых четырех «словах», в которых он прямо говорит о монголах²¹⁷. Однако точных библейских цитат, маркированных самим автором, в этих фрагментах всего две: из 2-го псалма («двигнухомъ бо на ся ярость Б(о)га нашего, по Давиду: “въскорѣ възгорис(я) ярость Его на ны”» — Пс. 2:12) и из 22-й главы Книги Исход («Моисѣви что реч(е) Б(о)гъ: “аще злобою озлобите вдовицю и сироту, възпоют ко Мнѣ, слухом оуслышю вопль их, и разгнѣваюся яростью, погублю вы мечем”» — Исх. 22:23–24)²¹⁸. В остальных случаях Серапион передает библейские речения примерно, переплетая парафразы между собой и создавая тонкую библейскую канву для изображаемых им явлений современности²¹⁹. Подобный характер цитирования не всегда позволяет точно определить тот библейский текст, который вдохновляет проповедника. И тем не менее можно назвать два ветхозаветных «пласта», которые проявляются в его речах явственнее всего. Во-первых — это те обетования Божии, которые встречаются в Пятикнижии и грозят избранному народу в случае его непослушания и отпадения нашествием жестоких иноплеменников (сюда же относится и приведенная только что цитата из Книги Исход). Во-вторых — это пророческие книги «вавилонского цикла», рассказывающие о том, как данные обетования осуществились над Иудейским царством, а также популярный в среде древнерусских книжников 78-й псалом²²⁰, описывающий разорение Иерусалима язычниками. Из книг Пятикнижия наиболее заметное

²¹⁷ «Мы же одинако не покаяхомся... ..не наведемъ на [ся] казни больша первое» — в 1-м «слове»; «Чего не приведохом на ся?... ..въздыхание наше и печаль суш(а)ть кости наш(а)» — во 2-м «слове»; «Видѣвъ наша безаконья умножившас(я)... ..подвигохомъ ярость Его на ся», «Моисѣви что реч(е) Богъ... не от меча ли падохом? не единою ли, ни двожды?» — в 3-м «слове»; «При нашем же языцѣ чего не видѣхом?... ..но и на горкую работу» — в 4-м «слове» (Петухов Е. В. Серапион Владимирский ... Прибавление к исследованию. С. 2, 5, 8, 10, 12).

²¹⁸ Там же. С. 8, 10.

²¹⁹ О стиле цитирования Серапиона Владимирского см.: Топоров В. Н. Святость и святые ... Т. 2. С. 267–268.

²²⁰ 78-й псалом дважды цитируется в 3-м «слове» Серапиона: «плоти пр(е)п(о)д(о)бныхъ мнихъ птицамъ на снѣдъ повержени быша» (ср.: Пс. 78:2), «в поношение быхомъ живущимъ въскрай земля наша, в посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ» (ср.: Пс. 78:4) (Петухов Е. В. Серапион Владимирский... Прибавление к исследованию. С. 8).

влияние на Серапиона (в рамках рассматриваемых фрагментов) оказали 26-я глава Книги Левит (цитировавшаяся еще в *ПВЛ*) и 28-я глава Книги Второзаконие. К первой можно возвести, по крайней мере, следующие выражения Серапиона: «И з(емлю) нашу пусту створша, и град(ы) наши плѣниша, и ц(е)ркви с(вя)-тыя разориша» (ср.: Лев. 26:31–33), «в сласть хлѣба своег(о) изъѣсти не можем» (ср.: Лев. 26:26)²²¹; ко второй — «видѣвъ наша безаконья умножившас(я), видѣвъ ны заповѣди Его отвергыша, много знаменни показавъ, много страха пушаше, много рабы своими оучаше, и ничим же оунше покажемься! Тогда наведе на ны языкъ нем(и)л(о)ст(и)въ, языкъ лють, языкъ, не щадящъ красы оуны, немощи старецъ» (ср.: Втор. 28:45–51), «трудъ нашъ погании наслѣдоваша» (ср.: Втор. 28:33)²²². С книгами «вавилонского цикла» перекликаются многие обороты упомянутых фрагментов. Вот те из них, связь которых с конкретным местом Писания, а именно — со стихами Книги Иеремии и Плача Иеремии, более или менее очевидна (все они кроме первого принадлежат 3-му «слову») «языкъ нем(и)л(о)ст(и)въ», «языкъ лють» (ср.: Иер. 6:22–23, наряду с указанным чтением Второзакония), «с(вя)т(ите)ли мечю во ядь быша» (ср.: Иер. 2:30), «князии наших воеводъ крѣпость ищезе» (ср.: Плач. 1:6) «храбрии наш(а), страха напольнышес(я), бѣжаша» (ср.: Иер. 39:4; Плач. 1:15), «чад(а) наш(а) въ плѣнъ ведени быша» (ср.: Плач. 1:18); «б(ог)а(т)ство наше онѣмъ в користь быс(ть)», «з(емля) наш(а) иноплеменикомъ в достояние быс(ть)» (ср.: Плач. 5:2)²²³. Кроме того, центральное выражение Серапиона, определяющее ордынское иго, — «горкая... работа от иноплеменик»²²⁴ — восходит, возможно, к Книге пророка Исаии, причем к тому ее отрывку, где звучит обетование о грядущем избавлении евреев от власти вавилонского царя — «от работы жестокия, яже работасте имъ»²²⁵ (Ис. 14:1–4).

Как бы ни были прозрачны приведенные параллели, они всё же позволяют определить, к каким библейским образам воспаряло сознание владимирского епископа и какие части Священного Писания он вспоминал, размышляя над событиями своего

²²¹ Петухов Е. В. Серапион Владимирский ... Прибавление к исследованию. С. 2, 5.

²²² Там же. С. 28–29. Прибавление к исследованию. С. 8.

²²³ Там же. С. 2, 8.

²²⁴ Там же. С. 5.

²²⁵ ОР РГБ. Ф. 304. I. № 89 (1547). Толковые пророки, нач. XVI в. [Список с несохранившейся рукописи Упыря Лихого XI в.]. Л. 77об.

времени. Еще отчетливее об этом свидетельствует общая идейная схема, которой он руководствовался: к избавлению от иноплеменного рабства («работы») ведет только послушание Всевышнему и следование Его заповедям. Все эти признаки указывают на образы и идеи «вавилонского плена».

Сказанное о проповедях Серапиона Владимирского — и о характере цитирования библейских текстов, и об идейном подтексте — можно отнести и к одному небольшому, но весьма примечательному литературному фрагменту, сохранившемуся в двух русских памятниках того же времени. Речь идет об общем тексте введения к соборному «Правилу Кюрила, митрополита Руськаго», принятому в 1273 г.²²⁶, и вводного Поучения к Мерило Праведному, составленному в последние десятилетия XIII в., не ранее 1273 г.²²⁷ Фрагмент дошел до нас в двух очень близких вариантах, первичным из которых современные исследователи признают вариант «Правила»²²⁸: «...да никакоже престоупающе отечьския заповѣди, горе наслѣдоуемъ. Кыи оубо прибытокъ наслѣдоуемъ, оставльше Божия правила? Не расѣя ли ны Богъ по лицу всея земля? Не взяти ли быша гради наши? Не падоша ли сильнии наши князи оstriемъ меча? Не подведени ли быша въ плѣнъ чада наша? Не запоустѣша ли святаыя Божия церкви? Не томими ли есмы на всякъ день от безбожныхъ и нечистыхъ погань?..»²²⁹. Состояние плененной монголами Руси изображено здесь образами, навеянными, как можно думать, теми же библейскими источниками (ср.: Лев. 26:31,33; Втор. 28:33; Иер. 13:19, 21:7;

²²⁶ В датировке церковного собора, принявшего это «Правило», следуем за Я. Н. Шаповым: *Шапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 181—184. Из последних работ о времени и месте проведения этого собора см.: *Печников М. В.* К изучению соборных правил 1273 г. // ДРВМ. 2009. № 4 (38). С. 97—100.

²²⁷ *Вершинин К. В.* Мерило Праведное как памятник древнерусской книжности и права: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2016. С. 201. В своей работе 2014 г. исследователь обосновывал несколько более раннюю нижнюю границу создания памятника (не ранее 1262 г.) и связывал его появление с деятельностью митрополита Кирилла II (*Вершинин К. В.* К вопросу о происхождении Мерила Праведного // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11. С. 147—256), но позднее отказался от этого вывода.

²²⁸ См.: *Вершинин К. В.* Мерило Праведное ... С. 34. Вариант Мерила в свое время считал первичным М. Н. Тихомиров (*Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде: происхождение текстов. М.—Л., 1941. С. 96).

²²⁹ РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 86; Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961. С. 16.

Плач. 1:5, 15, 18 и др.; Иез. 34:5–6), к которым обращался Серапион Владимирский. Ключевые понятия этого короткого текста — рассеяние, плен и запустение — вновь ведут к узнаваемому кругу библейских реминисценций.

Мы указали на несколько литературных текстов середины и второй половины XIII в., в которых более или менее отчетливо проводится соотнесение Руси, оказавшейся под властью монгольского хана, и Иудеи, плененной царем Вавилона. Обращение их авторов к образам «вавилонского цикла» показывает, в каком направлении в первые десятилетия после Батыева нашествия могло идти осмысление несчастья, постигшего Русские земли. К рассматриваемому времени полностью приложим общий вывод А. А. Алексеева, что «[н]есчастья Иерусалима и его обитателей стали для Руси той исторической моделью, которая формировала социальную мысль и давала критерий оценки собственной истории»²³⁰. Обнаруженная аналогия между «вавилонским пленением» иудеев и «ордынским пленом»²³¹ Руси позволяла не только отыскать прообраз происходящего в священной истории, но и, без сомнения, актуализировать ту оригинальную «идеологию выживания» народа в условиях иноземного владычества, которая была сформулирована в ветхозаветных книгах Исаяи, Иеремии, Варуха, Даниила и других пророков (и отзвуки которой различимы в некоторых новозаветных книгах, созданных в пору владычества Рима²³²).

Важнейшим элементом этой «идеологии» являлась вера в то, что гнев Господень есть свидетельство избранничества наказанного народа и заботы Бога о его конечном спасении. В ситуации, когда борьба с Ордой была еще невозможна, эта вера должна была помочь пережить унижение и тяготы иноплеменного владычества. В свете этой веры, подкрепленной словами и делами пророков Божьих, подчинение и даже служба «царю неправедну», «лукавейшему паче вся земли» (Дан. 3:32) представлялись прежде всего средством доказать свое смирение пред лицом карающего за непослушание Владыки. Библия указывала и путь к избавлению от рук иноплеменников. Он лежал через хранение и упорение

²³⁰ Алексеев А. А. Ветхий Иерусалим ... С. 448.

²³¹ Выражение «ордынский плен» для определения «главной политической, нравственной и теологической проблемы» Руси эпохи «ига» было предложено Н. С. Борисовым (*Борисов Н. С.* Иван Калита. С. 71).

²³² См.: Мф. 22:15–21; Мк. 12:13–17; Лк. 20:19–25; 1 Пет. 2:13–17; Рим. 13:1–7; Тит. 3:1.

веры. Это обычное в устах христианских книжников требование приобретало в условиях политического дробления и разрухи середины XIII в. особое звучание и, добавим, становилось важнейшим условием сохранения этнокультурного единства Руси перед лицом католической экспансии, угрожавшей такому единству²³³, а значит — и будущему освобождению.

Возникающее среди книжных людей «авилонское» умонастроение проявляло себя в форме намеков и иносказаний, что, без сомнения, было связано и с политической небезобидностью этой суммы идей для новых верховных правителей Руси. И тут следует подчеркнуть, что существенной особенностью библейской трактовки «авилонского плена» являлся ее исторический оптимизм. В Ветхом Завете неоднократно подчеркивается, что «плен» — это временная кара, после которой на земле наказанного народа водворится мир и благоденствие, а его враги будут жестоко сокрушены и потеряют власть даже над собственной землей. Согласно Книге пророка Иеремии, срок «пленения» иудеев будет ограничен 70 годами (Иер. 29:10), припоминание о чём читалось и в *ПВЛ*²³⁴. Через того же пророка народ Божий получил обетование о том, какая участь ждет его утеснителей в будущем: « вси ядущей ты изѣдени будут, и вси врази твои мяса [плоть. — А. Л.] их изѣдят... и будутъ разграбляющей ты въ разграбление, и вся плѣняющыя ты дамъ въ плѣнение... Яко гнѣвъ Г(осподе)нь изиде яръ, изиде гнѣвъ обращаемъ на нечѣстивыя придесть»²³⁵ (30:15–16, 23). Сходное обетование со ссылкой (правда, неточной) на пророка Иеремию звучало еще в «Изборнике» 1073 г.: «Чяда, потърпите от Б(ог)а нашѣдъшии на вы гнѣвъ, погъна бо ты врагъ твои, но узъриши его погыбѣль въскорѣ, и на выяхъ ихъ наступиши». Если приложить усилия к исправлению, — продолжал пророк, — «наведыи... на вы зылая [Бог. —

²³³ См.: *Соловьев А. В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя Земли» // ТОДРЛ. М.—Л., 1958. Т. 15. С. 101; *Назаренко А. В.* «Натиск на Восток» или «свет с Востока»? История русско-немецких отношений в кругу стереотипов // *Славяноведение*. 1992. № 2. С. 41; *Hartog L., de.* Russia and the Mongol Yoke: The History of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502. London—New York, 1996. P. 51; *Пиккьо Р.* История древнерусской литературы. М., 2002. С. 79; и др.

²³⁴ См. под 6494/986 г. в «Речи философа» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 102), а также под 6619/1111 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 269). См. также в Хронике Георгия Амартола: *Ист-рин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Т. 1. С. 271.

²³⁵ ОР РГБ. Ф. 304. I. № 89 (1547). Толковые пророки, нач. XVI в. [Список с несохранившейся рукописи Упыря Лихого XI в.]. Л. 212–212об.

А. Л.], наведеть на вы вѣчьное веселие съ сп(а)сениемъ вашимъ»²³⁶ (Вар. 4:25,27–29).

В этой связи показательно, что автор краткого Сказания о князе Михаиле Черниговском, возникшего в Ростове, верит в возможность скорого избавления Руси от власти иноплемеников²³⁷. В последних строках он просит новомучеников молиться о ростовских князьях Борисе и Глебе Васильковичах — «мирно державу ц(а)рствия их оуправити на многа лѣта и от нужда сея поганых избавита»²³⁸. Называя правление братьев «царствием», книжник как бы прилагает к ним титулы царей — независимых правителей. В этой части фразы он ориентируется на соответствующее место из Повести об убиении Андрея Боголюбского. Там молитва ко князю Андрею, новому «угоднику» Божьему, была вознесена в одной редакции памятника (*ИЛ*) за обоих его живых братьев — Михалку и Всеволода Юрьевичей: «подасть имь... мирную державу и ц(а)рство ч(е)стно и многолѣтно», в другой (*ЛЛ*) — за одного Всеволода: «подасть ему... многа лѣта... и мирну державу ему и ц(а)рство его»²³⁹. Однако если братья Юрьевичи были действительно независимыми правителями, то сказать это про подчиненных хану Васильковичей, не погрешив против политической правды, было бы затруднительно. И потому, заявляя об их «царствии», автор сознательно шел против этой правды. А значит, и сознательно ставил власть ордынского «царя» под сомнение. Это тем более заметно, что тут же он определял господство монголов как «нужу» (насилие), которой рано или поздно должен прийти конец.

Добавим, что к такому же приему осторожного размывания идеи сюзеренитета ордынских ханов путем приложения царского титула к русским князьям впоследствии будут прибегать и публицисты первой половины XIV в., всё еще вынужденные, как и их ростовский предшественник, говорить на языке полунамеков. Речь идет об авторах Повести о Михаиле Тверском²⁴⁰ и Похвалы Ивану Калите²⁴¹. Антиордынская направленность особенно

²³⁶ Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание. М., 1983. Л. 65об–66.

²³⁷ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении ... С. 29.

²³⁸ См.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 51.

²³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 371; Т. 2. Стб. 594–595. О влиянии Повести об убиении Андрея Боголюбского на Р см. также: Лаушкин А. В. К истории возникновения ... С. 16–17.

²⁴⁰ См.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 258–259.

²⁴¹ См.: Борисов Н. С. Политика московских князей. С. 326–350.

заметна в первом из памятников²⁴². И примечательно, что именно в нём соотнесение Орды с Вавилоном впервые «выйдет на поверхность»: автор, во многом следующий за пространным Сказанием о Михаиле Черниговском²⁴³, уже открыто сравнит ордынского хана Узбека с царем Навуходоносором: «о таковых рекоша царския дети, в плену в Вавилоне сущии, глаголаху: “Предасты ны в руце царю немилостиву, законопреступну, лукавнейшу паче вся земля”»²⁴⁴ (ср.: Дан. 3:32).

Какова была в XIII в. география распространения описанного библейского подхода? Хотя многие из рассмотренных текстов возникли на северо-востоке Руси (краткое Сказание о Михаиле Черниговском, летописные известия о Неврюевой рати и кончине Глеба Ростовского, «Повесть о житии» Александра Невского), ограничить его бытование только этим регионом нельзя. Южно-русское происхождение имело, по всей видимости, известие *ИЛ* о гибели Михаила Черниговского. Место составления пространного Сказания о подвиге этого князя не известно, однако редакция *РА*, еще более заострившая, как мы видели выше, «вавилонское» звучание памятника, могла появиться, по заключению Н. И. Милютенко, в Пскове²⁴⁵. Что касается митрополита Кирилла II, именем которого надписано «Правило» церковного собора 1273 г., то, даже если оставить в стороне слабо аргументированную гипотезу о его тождестве с одноименным печатником (канцлером) князя Даниила Галицкого²⁴⁶, связь владыки с югом Руси, откуда он начал свою церковную деятельность, прослеживается в источниках не менее отчетливо, чем с северо-востоком, где он закончил свой жизненный путь²⁴⁷. Еще теснее, очевидно, был связан с южной Русью печерский архимандрит Серапион, ставший епископом Владимира Суздальского лишь за год до своей кончины²⁴⁸ — в том

²⁴² Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. С. 224–234, 251–262.

²⁴³ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 98–99; Бугославский С. А. Литература Ростова XIII–XIV вв. // История русской литературы М.–Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 64, 101.

²⁴⁴ Охотникова В. И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 19.

²⁴⁵ Милютенко Н. И. Сказания о Михаиле Черниговском. С. 196–198.

²⁴⁶ Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 468.

²⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472–476; Т. 2. Стб. 797, 809; Т. 18. С. 69–74, 77; Новгородская первая летопись ... С. 80–81, 83–84, 89, 323.

²⁴⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 74.

возрасте, когда взгляды на события современности у человека уже давно сформированы. Добавим к этому, что в Новгородской I и Галицко-Волынской летописях, где нет отчетливых проявлений рассматриваемой суммы идей (кроме упоминавшегося извещения *ИЛ* под 6753/1245 г.), ханы, как и в *ЛЛ-Сим.*, титулуются царским титулом. В *НИЛ* первый такой случай встречается уже под 6750/1242 г.²⁴⁹, в Галицко-Волынской — в ее волынской части под 6782/1274 г.²⁵⁰ А это указывает по крайней мере на знакомство новгородских и волыньских книжников с одним из важных слагаемых этой суммы — признанием богоданности власти Чингизидов.

Если в географическом пространстве Руси локализовать рассматриваемый подход затруднительно, то в книжном и человеческом пространстве большинство рассмотренных текстов тяготеют к фигуре митрополита Кирилла II, возглавлявшего Русскую Церковь с 40-х гг. XIII в. до своей кончины в 1280 г. Именно в его правление сформировался культ Михаила Черниговского, что — еще и в силу его явного политического звучания — не могло обойтись без одобрения и благословения главы Русской Церкви. (В. И. Ставиский даже не исключил того, что в прежние годы митрополит имел касательство к составлению первых записей о подвиге этого святого²⁵¹.) Некоторые исследователи полагают, что с Кириллом было как-то связано и появление «Повести о житии» Александра Невского, и видят в нём либо инициатора ее написания, либо (что представляется менее вероятным) даже автора²⁵². Хотя роль владыки в создании памятника остается дискуссионной, неоспоримо то расположение, которое он многократно выражал к Александру при жизни и после смерти. Кирилл лично участвовал в его возведении на великокняжеский стол во Владимире в 1252 г., неоднократно встречался с ним, сам хоронил его и произнес на похоронах знаменитые слова: «Чада моя, разу-

²⁴⁹ Новгородская первая летопись ... С. 79, 82, 88–89, 94, 96–98, 324, 327.

²⁵⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 871, 898, 929.

²⁵¹ Ставиский В. И. «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1990 год. М., 1991. С. 197–203.

²⁵² Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 217–220; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.—Л., 1965. С. 58–59; Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). С. 356–357; Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 3. С. 165–169.

мѣйте, яко уже заиде солнце земли Суздальской!»²⁵³. Не подвергается сомнению авторство Кирилла по отношению к соборному «Правилу Кюрила, митрополита Руськаго», принятому на соборе 1273 г., который прошел под его председательством. К митрополиту был близок Серапион Владимирский, переехавший во Владимир и ставший епископом по его воле²⁵⁴. На единомыслие архиереев указывают и текстологические переклички между «Правилom» и 2-м «Словом» Серапиона²⁵⁵; есть между памятниками и смысловые совпадения в изображении недостатков церковной жизни (например, языческих пережитков). Возможно, эти совпадения отразили участие Серапиона в подготовке итоговых документов Собора 1273 г.²⁵⁶ Что касается летописного отрывка в *ЛЛ* о Неврюевой рати, установить его происхождение пока затруднительно. При этом, как кажется, ничто не противоречит предположению, что этот текст частично или полностью мог принадлежать к краткому митрополичьему летописанию Кирилла, о существовании которого писал М. Д. Присёлков²⁵⁷. В таком случае становится объяснимым присутствие в нём фрагмента, который мы предположительно связали с работой переяславского книжника. Как известно, последние месяцы своей жизни митрополит Кирилл (скончавшийся в декабре 1280 г.) провел при дворе великого князя Дмитрия Александровича в Переяславле²⁵⁸, где, видимо, и был составлен великокняжеский летописный «свод 1281 г.»²⁵⁹. Наконец, говоря о некрологе Глебу Васильковичу, возникшем под пером ростовского княжеского летописца, следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Спустя девять недель после смерти князя по приказу местного епископа Игнатия (и, без сомнения, с подачи нового ростовского князя Дмитрия Борисовича) останки Глеба были «изринуты» из княжеской усыпальницы в Успенском соборе и перезахоронены

²⁵³ БЛДР. Т. 5. С. 368.

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 74; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 332.

²⁵⁵ См.: *Гудзий Н. К.* Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского // *Известия АН СССР. Отд. литературы и языка.* М., 1952. Т. 11. Вып. 5. С. 455.

²⁵⁶ *Колобанов В. А.* К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. // *ТОДРЛ.* М.—Л., 1960. Т. 16. С. 442–445; *Топоров В. Н.* Святость и святые ... Т. 2. С. 240–241.

²⁵⁷ *Приселков М. Д.* История русского летописания ... С. 148–149.

²⁵⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 77; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 338.

²⁵⁹ *Приселков М. Д.* История русского летописания ... С. 158–159.

в одном из городских монастырей²⁶⁰. Очевидно, что перезахоронение имело политический смысл²⁶¹, и митрополит Кирилл не остался равнодушен к этому происшествию. Он сурово наказал епископа за самоуправство, отлучив его от службы. Игнатий получил прощение только после ходатайства князя Дмитрия, причем митрополит заповедал ему каяться в совершённом грехе «до своей смерти; осудил бо еси мертвеца прежде суда Божия, а жива постыдися, дары емя оть него»²⁶². Решимость, с которой престарелый глава митрополии встал на защиту умершего князя, позволяет видеть в нём человека, симпатизировавшего покойному. Это доброе отношение к Глебу роднит его с книжником, который составил посмертную похвалу князю.

Таким образом, есть определенные основания предполагать, что в центре формирования идеологии «ордынского плена» стоял именно митрополит Кирилл II.

В связи с этим важно отметить, что ориентация на библейскую «концепцию выживания» просматривается не только в идеологической, но и в практической деятельности владыки. В полном соответствии с заповедями ветхозаветных пророков он прилагал немалые усилия для очищения и упрочения веры в подчиненных ему землях. Активность Кирилла на этом поприще заметно выделяет его из череды прежних предстоятелей Русской Церкви. Митрополит постоянно объезжал свою митрополию, «учяше, наказуаше, исправляше» (по словам поздней Никоновской летописи)²⁶³. Для духовного окормления тех чад Церкви, которые по какой-либо причине оказались в Орде, он учредил в 1261 г. особую Сарайскую епархию. Прошедший по его инициативе церковный Собор 1273 г. осудил наиболее тяжкие нестроения внутри Церкви (симонию, пьянство священников, нарушения в порядке богослужений, терпимость к языческим обычаям и др.) и принял необходимые решения для их преодоления. Особый размах имела деятельность митрополита по исправлению и распространению норм канонического права, регулирующих церковную и повседневную жизнь верующих. Именно за неисполнение этих норм («зане не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподоб-

²⁶⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 77.

²⁶¹ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. М., 1998. С. 350. Примеч. 125; Лаушкин А. В. Малоизученный эпизод ростовского летописания ... С. 10.

²⁶² ПСРЛ. Т. 18. С. 77; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 337.

²⁶³ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 157.

ныхъ Отець»), Бог, по его убеждению, и покарал Русскую землю владычеством «безбожныхъ и нечистыхъ погань»²⁶⁴. По запросу Кирилла из Болгарии был прислан новый сборник канонических правил — так называемая Сербская кормчая, содержащая по сравнению с бытовавшим на Руси с XI в. переводом Номоканона XIV титулов²⁶⁵ более ясные и снабженные комментариями переводы правил. Памятник сразу же начал расходиться в списках. Уже через несколько лет после получения Сербской кормчей митрополит инициирует создание еще одного сборника канонических установлений, на сей раз специально ориентированного на русские реалии, — так называемой Русской редакции кормчей. В нее вошли тексты древнего перевода Номоканона XIV титулов и Сербской кормчей, а также некоторые дополнительные (в том числе и русские по происхождению) статьи. Новый сборник явился плодом тщательной редакторской работы его составителей (к числу которых, видимо, относился сам митрополит) и впоследствии из-за своей четкости и полноты стал особенно популярен на Руси²⁶⁶. По поручению митрополита выяснением некоторых канонических вопросов занимался также ездивший к константинопольскому патриарху сарайский епископ Феогност²⁶⁷. Эта бурная работа по восстановлению и обновлению церковного законодательства, по верному замечанию М. Н. Тихомирова, была опосредовано связана с установлением иноплеменного ига²⁶⁸

²⁶⁴ РИБ. Т. 6. Стб. 86.

²⁶⁵ В зависимости от решения вопроса о месте выполнения этого перевода данный памятник канонического права определяется в литературе как «Древнеславянская кормчая» (*Шапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси ... С. 40–116) или как «древнейшая Кормчая Русской редакции» (*Милов Л. В.* О древнейшей истории кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5. С. 105–123).

²⁶⁶ *Шапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси ... С. 139–209.

²⁶⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 77; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 336–337; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1900. С. 78–80.

²⁶⁸ *Тихомиров М. Н.* Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 3. С. 8–9; *Муравьева Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси XIII–XV века. М., 1983. С. 72. См. также: *Горина Л. В.* Памятник письменности в кризисной атмосфере на Руси (1262 г.) // Исторические корни этноконфессиональных конфликтов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Средние века — начало Нового времени). Тезисы докладов. (Славяне и их соседи: XXI конференция памяти В. Д. Королюка.) М., 2003. С. 22–23.

и представляла собой форму религиозно-нравственного противостояния ему. В тяжелое время, когда «на хр(е)с(т)ьяньскѣ родѣ страх и колѣбанье, и бѣда оупространися»²⁶⁹, митрополит Кирилл, которого его современник видинский деспот Иаков-Святослав почтительно назвал «Б(о)гом избранным пастырем» и «оучителем... всеи Руси»²⁷⁰, повел свою паству по непростому пути внутреннего сосредоточения — единственному пути, который, с точки зрения найденной тогда библейской аналогии, приближал Русь к избавлению от власти «беззаконных».

Ветхозаветная концепция «плена», ставшая актуальной после Батыева нашествия, способствовала и идейному подкреплению политики тех князей, которые сознательно пошли на подчинение ханам, желая оградить свои земли от новых набегов, и при этом встали на пути католической экспансии, угрожавшей не только вере отцов и дедов, но и — объективно — этноконфессиональному единству Руси. Как показало время, эта вынужденная «политика выживания»²⁷¹ оказалась оправданной.

Разработка идеологии «ордынского плена», начатая некоторыми книжниками XIII в., явилась ответом на болезненную проблему, поставленную перед христианским обществом самим ходом истории. Трудно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что в рамках XIII в. «еще не сформировалась книжно-легендарная парадигма ига», «связанная концепция ига»²⁷², или что у русских книжников не нашлось «философских средств» для объяснения ига и они всецело остались в рамках той концептуальной схемы отношения с иноплеменниками, которая была выработана еще в домонгольской Руси²⁷³. В свете рассмотренного материала представляется во многом искусственной и мысль Ч. Гальперина о существовании в послебатыевой Руси некой «ideology of silence» — заговора молчания книжников, будто

²⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

²⁷⁰ Шапов Я. Н. К истории болгарской рукописи, бывшей протографом Рязанской кормчей 1284 года // *Studia slavico-byzantina et mediaevalia Europensia*. Sofia, 1988. Vol. 1. S. 315.

²⁷¹ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960. С. 304—307. См. также: Шахматов М. В. Отношение древнерусских книжников к татарам // Труды IV-го съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 166—168.

²⁷² Лифшиц Л. И., Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Приложения // Фенелл Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989. С. 270. См. также: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении ... С. 56.

²⁷³ Halperin Ch. J. *Russia and the Golden Horde*. Bloomington, 1985. P. 8, 61—68.

бы пытавшихся сознательно игнорировать факт зависимости русских князей от монгольских ханов²⁷⁴. Тщетно искавший в русских источниках второй половины XIII в. (и позднейшего времени) эксплицитные политические декларации на этот счет, исследователь упустил, что в провиденциальной перспективе книжники не столько умаляли эту зависимость, сколько преувеличивали ее, прикровенно сравнивая Русские земли, потерявшие внешний суверенитет, но всё же сохранившие собственные политические системы, с Иудейским царством, полностью поработленным Вавилоном.

Семена, посеянные книжниками второй половины XIII в., быстро дали всходы, и в дальнейшем мотив «ордынского плена» как провиденциального повторения «плена вавилонского» начал появляться в древнерусской литературе всё чаще и дожил до времени, когда на страницах литературных памятников ордынцы из орудия Божьего гнева не стали превращаться во врагов Господа, и книжники нашли религиозные аргументы для решительной борьбы с ними²⁷⁵.

* * *

Еще в XI в. осознав свой народ «новым Израилем», а некоторых его врагов — преемниками «беззаконных языков» Ветхого Завета, древнерусские книжники возвращались к этому взгляду на себя и соседей при оценке отношений только с теми народами, которые в наибольшей степени угрожали Руси. По сути, за всё рассмотренное время только два народа были пристально рассмотрены ими через «библейскую призму»: половцы и монголы. И лишь отчасти этот подход начал затрагивать в XIII в. еще и соседей-католиков.

Библейские аналогии, появлявшиеся на страницах летописей и других памятников книжности, трудно отнести к одному миру словесности. Вопросы, которые вызывали их к жизни, приходили из исторической действительности со всеми ее проблемами и тревогами. И в нее же возвращались ответы, полученные благодаря этим найденным аналогиям.

²⁷⁴ Halperin Ch. J. The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in the Medieval Russia. Bloomington, 2009. Русское издание: Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012.

²⁷⁵ См. об этом: Борисов Н. С. Политика московских князей. С. 30–44.

ГЛАВА IV

Меняющаяся картина

В предыдущих главах мы разобрали те основные словесные средства, к которым при изображении отношений Руси с соседями прибегали летописцы XI–XIII вв., желая высветить религиозную грань этих отношений. Речь шла о лексике этноконфессионального размежевания, провиденциальных ремарках и библейских параллелях. Мы последовательно исходили из предположения, что если в практике использования этих средств происходили ощутимые перемены, то последние маркировали некие изменения и в представлениях книжных людей о конкретных народах и их роли в истории Руси. Теперь пришло время объединить эти слои словесной изобразительности, искусственно разделенные лишь для удобства анализа, и получить общую картину интересующих нас трансформаций.

§ 1. ПОЯВЛЕНИЕ АРХЕТИПА

Наиболее негативный образ неприятелей-иноверцев в русской книжности домонгольского времени возник при изображении половцев¹. В литературном портрете этого кочевого народа

¹ См., напр.: *Чекин Л. С.* Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 691–716; *Толочко О. П.* Образ «чужинца» в картині світу домонгольської Русі // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей*. Київ, 1992. Т. 1. С. 33–34; *Карпов А. Ю.* Об эсхатологических ожиданиях

присутствовали, конечно, и некоторые полутона², но всё же написан он был по преимуществу черной краской. В своих основных чертах этот образ оформился уже в начальном летописании второй половины XI — начала XII в. и был создан при помощи всех трех упомянутых средств. В известиях о контактах с половцами летописцы многократно (1) использовали лексику этноконфессионального размежевания обоих видов — негативные конфессиональные определения для самих кочевников (маркер *Ia*) и паразитнонимическое понятие «христиане» с производными для обозначения русских (маркер *Iб*); (2) стремились выявить и акцентировать провиденциальную подоплеку происходивших столкновений — по предложенной выше схеме, относя половцев к народам и «среднего», и «малого кругов», то есть и указывая на Божью помощь, подаваемую русским в столкновениях с ними (маркер *IIa*), и одновременно видя в половцах орудие Божьего гнева против Руси (маркер *IIб*); (3) соотносили половцев с нечестивыми народами Ветхого Завета, а также их «наследниками» в историческом настоящем — прежде всего, «измаилтянами» (маркер *III*).

В границах *ПВЛ* похожие признаки получил только один народ — торки. Но в их летописном портрете они были обозначены лишь легкими единичными штрихами (в статьях 6568/1060 и 6604/1096 гг.). К тому же, в отличие от половцев, торки так и не были отнесены летописцами к «малому кругу».

Можно ли уточнить, когда именно в летописании сложился такой образ половцев? В пределах *ПВЛ* перечисленные маркеры встречаются в 13 летописных статьях; есть они и в Предисловии к Начальному своду (там половцы не названы по имени, но датировка памятника началом 1090-х гг., в пользу чего недавно были приведены новые веские аргументы³, не оставляет другого варианта интерпретации упоминаемых в нём «поганных»):

в Киевской Руси в конце XI — начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: Межинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013. С. 35–38; и др.

² См., напр.: Добровольский Д. А. Восприятие половцев в летописании XI–XIII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 286–294; Конявская Е. Л. Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев // Slověne = Slovĕne: International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. IV. № 1. С. 180–190.

³ Гунтуц А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 60–69; Его же. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

<i>Текст</i>	<i>Маркеры</i>				
	<i>Ia</i>	<i>Iб</i>	<i>IIa</i>	<i>IIб</i>	<i>III</i>
Предисловие к Начальному своду ⁴	+			+	
<i>ПВЛ</i> под 6569/1061 г. ⁵	+				
<i>ПВЛ</i> под 6573/1065 г. ⁶	+				
<i>ПВЛ</i> под 6576/1068 г. ⁷	+			+	
<i>ПВЛ</i> под 6586/1078 г. ⁸	+	{+} ⁹			
<i>ПВЛ</i> под 6601/1093 г. ¹⁰	+	+		+	+
<i>ПВЛ</i> под 6602/1094 г. ¹¹	+	{+}			
<i>ПВЛ</i> под 6603/1095 г. ¹²	+	+			
<i>ПВЛ</i> под 6604/1096 г. ¹³	+	+	+	+	+
<i>ПВЛ</i> под 6610/1102 г. ¹⁴			+		
<i>ПВЛ</i> под 6611/1103 г. ¹⁵		+	+		[+] ¹⁶
<i>ПВЛ</i> под 6615/1107 г. ¹⁷			+		
<i>ПВЛ</i> под 6618/1110 г. ¹⁸	+	+	+	+	
<i>ПВЛ</i> под 6619/1111 г. ¹⁹	+	+	+		[+]

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 512.

⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 163.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 164; Новгородская первая летопись ... С. 184.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167–168, 170, 172; Новгородская первая летопись ... С. 186–187, 189–190.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200.

⁹ В главе I (§ 2.1.1) мы отнесли этот пример паразитнонимичного употребления слов «хрестьяне»/«хрестьянский» к числу нечетких, так как летописец определил так русских, не противопоставляя их половцам прямо, а обвиняя князя Олега Святославича в наведении кочевников на Русь. То же относится и к статье 6602/1094 г.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 219, 222–225.

¹¹ Там же. Стб. 226.

¹² Там же. Стб. 227–228.

¹³ Там же. Стб. 230–234.

¹⁴ Там же. Стб. 276.

¹⁵ Там же. Стб. 277–279; Т. 2. М., 1962. Стб. 252–255.

¹⁶ Как мы постарались показать в главе III (§ 1.2), осмысленное соотнесение половцев с ветхозаветными врагами избранного народа если и присутствует в статье 6611/1103 г., то носит весьма размытый характер. То же относится и к статье 6619/1111 г.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 285. Т. 2. Стб. 262–264.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 264, 267–268, 273.

Нетрудно заметить, что все главные черты негативного образа половцев обнаруживаются уже в летописных статьях, рассказывающих о событиях второй половины XI в. К каким этапам формирования начального летописания можно отнести эти статьи?

В свете заново обоснованной в последнее время гипотезы М. Х. Алешковского об анналистическом продолжении Начального свода, согласно которой памятник сразу же после составления стал пополняться новыми погодными записями (автором которых был создатель свода или его ближайший преемник)²⁰, статьи 6601/1093–6604/1096 гг.²¹ логичнее всего отнести именно к этой стадии летописной работы и признать их синхронным откликом на перипетии русско-половецкого конфликта тех лет. Тем более что они обнаруживают тесную идейную связь с Предисловием (особенно статья 6601/1093 г.²²), в котором летописец намечает важнейшие темы дальнейшего повествования, и среди них — тему наказания за грехи нашествием «поганных» и правильного понимания такого наказания. Эта тема становится стержневой в статьях 6601/1093 и 6604/1096 гг., разветвляясь в каждой из них в обширные отступления и ремарки провиденциального характера. Именно в этих статьях негативный образ половцев появляется во всей своей полноте, приобретает тот «классический» вид, к которому позднейшие летописцы практически уже не добавляют новых штрихов. Для автора (или авторов) этих текстов половцы —

²⁰ Алешковский М. Х. Первая редакция Повести временных лет // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 37; *Timberlake A. Redactions of the Primary Chronicle* // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. Р. 197, 208–209, 212; *Gunnys A. A. К проблеме редакций Повести временных лет. I* // Славяноведение. 2007. № 5. С. 23–24.

²¹ А. А. Гиппиус недавно допустил, что в рассказе о половцах под 6604/1096 г. к анналистическому продолжению Начального свода могла принадлежать только часть текста до слов «безбожнии сынове Измаилеви пущени на казнь хрестьяномъ» (*Гиппиус А. А. Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.)* // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 251, 262). В связи в этом предположением подчеркнем, что все интересные нас и отмеченные в таблице маркеры присутствуют именно в данной части текста.

²² Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. СПб., 1908. С. 9–14, 36–37; *Его же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908. С. 10–11, 421; *Гиппиус А. А. Два начала ...* С. 61–63, 66; *Его же. Предисловие к «Софийскому временику» ...* С. 179–180, 185–186, 194.

это нечестивый народ измаилтянского происхождения, необузданную силу которого Бог может использовать для спасительного вразумления нового избранного народа — «хрестьян»-русских. Но одновременно Бог готов и защищать «своих людей», посылая им победы над «безбожными».

Сложнее охарактеризовать время возникновения четырех статей за более ранние годы, или, если они формировались в ряд этапов, — время возникновения в них чтений с названными маркерами.

Статья 6569/1061 г. о поражении князя Всеволода Ярославича в сражении с половцами 2 февраля 1061 г. (на праздник Сретения) либо была составлена задним числом, либо, в каком-то виде возникнув вслед за описываемыми событиями, позже была отредактирована. На это указывают два сходных уточнения, которыми автор или редактор сопровождал ее краткий текст. Он отметил, что половцы пришли на Русь «первое» (в первый раз) и ниже назвал случившееся «первым злом на Руськую землю от поганыхъ безбожныхъ врагъ». Причем единственное в статье использование интересующих нас маркеров (негативно-конфессиональных эпитетов «поганые» и «безбожные» — *Ia*) находится именно в этой последней ремарке. Ясно, что говорить о первом нашествии и первой победе половцев имело смысл после хотя бы однократного повторения этих несчастий. А такое повторение, согласно *ПВЛ*, последовало через семь с лишним лет — осенью 1068 г. Таким образом, создание или редактирование в изучаемом ключе данного известия следует отнести по меньшей мере к летописной работе или над гипотетическим «сводом Никона» начала 1070-х гг.²³, или уже над Начальным сводом.

В статье 6523/1065 г. речь о половцах прямо не идет, но в общем контексте летописного повествования угадывается ясный намек на них. Комментируя появление кометы, автор интерпретирует ее как недоброе знамение и в подтверждение этого замечает: «по семь бо быша оусобицѣ мног[ы] и нашествие поганыхъ на Руськую землю». Как и в предыдущем случае, процитированные слова с маркером *Ia* («поганые») не могли появиться в тексте раньше конца 1068 г., когда произошло ближайшее «нашествие» половцев. При этом и сообщение о комете, и читающиеся следом

²³ См.: *Гунпиус А. А.* Два начала ... С. 73–77; *Его же.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 41–49.

упоминания о других знамениях обнаруживают связь с мотивами Начального свода²⁴.

Следующая статья — 6576/1068 г. — среди прочего описывает неудачную битву киевского князя Изяслава Ярославича и его братьев Святослава и Всеволода с половцами на р. Альте. Сообщение о самой битве предельно кратко (как и под 6569/1061 г.) и заканчивается констатацией: «грѣх же ради нашихъ пусти Б(ог)ъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половци» (маркеры *Ia*, *IIb*). По ходу повествования в *ПВЛ* — это первый пример, когда половцы представлены как орудие Божьего гнева. Далее в статье следует «Поучение о казнях Божьих» — обширный текст, восходящий к «Слову о ведре и о казнях Божиих» из сборника «Златоструй». Однако в летописном «Поучении» памятник предстает в переработанном и существенно дополненном виде. В частности, в оригинальный текст, почти не затрагивавший военную тему, были внесены точечные дополнения, цель которых была в том, чтобы включить нашествия иноплеменных врагов в число обсуждаемых в «Слове» «казней» Божьих. Так, в начале появилась фраза «Наводить бо Б(ог)ъ по гнѣву Своему иноплемьники на землю...», ниже — упоминания о «наведение поганыхъ» и «нахоженъе ратныхъ». Выполнил ли эту переработку кто-то из летописцев, адаптируя «Слово» к теме сообщения о битве на р. Альте, или им был найден уже готовый переработанный текст (как считал А. А. Шахматов²⁵) — этот вопрос остается открытым. Еще ниже, при описании переворота в Киеве, речь снова заходит о событиях на Альте. Свержение Изяслава Ярославича и возведение на престол Всеслава Брячиславича, равно как и предшествовавшее тому поражение от половцев,

²⁴ *Timberlake A.* Redactions ... Р. 209–210; *Мухеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 205, 248. В *ПВЛ* под 6523/1015 г. в похвале новым «стр(а)с(отер)пцам Х(ри)с(тов)ым» Борису и Глебу есть еще одно «анонимное» упоминание «поганыхъ»: «...заступника наша, покорита поганыя подъ нозѣ княземъ нашимъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 139). Характерно, что появление этой похвалы также связывают с поздними этапами развития начального летописания — с работой составителей Повести временных лет или Начального свода (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 36, 44; *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006. С. 166–170; *Мухеев С. М.* Кто писал ... С. 112, 204, 239). Если это верно, перед нами еще один (хотя и не такой четкий) намек на кипчаков.

²⁵ *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.—Л., 1940. Т. 4. С. 104–111.

летописец объяснил тем, что еще до всех этих событий Изяслав, нарушив крестное целование, посадил Всеслава в поруб: «понеже Изяславъ, цѣловавъ кр(е)сть, и я и [схватил его. — А. Л.], тѣмже наведе Б(ог)ъ поганяя». А. А. Шахматов показал, что и ремарка в конце сообщения о битве — «грѣх же ради нашихъ пусти Б(ог)ъ на ны поганяя», и «Поучение о казнях» разрывают ткань связанного повествования, и потому должны рассматриваться как вставки в первоначальный летописный текст²⁶. Но если эти два основных элемента риторического обрамления рассказа об Альтинской битве под 6576/1068 г. признать позднейшим дополнением, то под таким же подозрением оказывается и рассуждение, посвященное Всеславу, или же по меньшей мере — половецкий мотив в нём. Представляется странным, если бы первый составитель этого текста, не прокомментировав военную неудачу сразу после рассказа о ней, потом всё же вернулся к «упущенному» комментарию при описании совсем других событий. А. А. Шахматов датировал очерченную им вставку в текст статьи 6576/1068 г. временем составления Начального свода²⁷. Правда, это заключение опиралось на уверенность исследователя в том, что на участке 6561/1053–6582/1076 гг. Новгородская I летопись младшего извода (в которой разбираемая статья аналогична *ПВЛ*) отражает текст Начального свода²⁸. Теперь, когда такая уверенность оказалась поколеблена и стало ясно, что под этими годами *НЛМл*, скорее всего, передает текст *ПВЛ*²⁹, мнение о принадлежности вставки именно составителю Начального свода хотя и представляется наиболее правдоподобным³⁰, но требует дополнительных изысканий. Однако главная мысль Шахматова — о редактирова-

²⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 168–169, 606; *Его же*. «Повесть временных лет» ... С. 104. Правда, в первой из этих работ ученый постарался обосновать предположение (и отразил его в своей реконструкции текста), что слова «грѣх же ради нашихъ» всё же присутствовали в первоначальном тексте сообщения. Но аргументировал это, по сути, лишь новым допущением, полагая, что именно «под влиянием» этих слов позднейший редактор и мог вставить сюда «Поучение о казнях Божиих».

²⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 169.

²⁸ Там же. С. 8–11 и др.

²⁹ Гиппиус А. А. К проблеме редакций ... I. С. 25–26.

³⁰ См., например, мнения А. Тимберлейка, в целом согласного с А. А. Шахматовым в вопросе о времени появления вставок в статье 6576/1068 г. (*Timberlake A. Redactions* ... Р. 206–208), и С. М. Михеева, относящего все интересующие нас чтения статьи (включая сюжет с нарушенным крестоцелованием) к Начальному своду (*Михеев С. М. Кто писал* ... С. 114, 249).

нии статьи 6576/1068 г. на одном из позднейших этапов летописной работы — остается в силе.

Рассмотрение статей *ПВЛ* за 6569/1061, 6523/1065 и 6576/1068 гг. приводит к осторожному выводу, что у нас нет достаточных причин относить начало формирования окрашенного в религиозные тона негативного образа половцев именно к эпохе первого знакомства с этим кочевым народом, то есть к 60-м гг. XI в.

Сомнительно, чтобы развитию такого образа способствовали и события следующего десятилетия, последовавшего за Альтинской битвой. Судя по сохранившимся данным, ситуация на русско-половецком пограничье в это время была сравнительно спокойной, и степняки почти не тревожили Русь набегами³¹. Летопись за эти годы вспоминает о половцах лишь однажды, кратко отметив под 6579/1071 г., что «воеваша половци оу Растовья и оу Ятина» (Неятина)³², то есть на южной окраине Руси³³. Показательно, что в четвертой из интересующих нас статей — 6586/1078 г., которая открывает следующее десятилетие после Альты и рассказывает о наведении на Русь «поганных» половцев Олегом Святославичем и Борисом Вячеславичем, обличительный пафос летописца обращен не столько против кочевников, от рук которых тогда «мнози оубьени быша», сколько против князей. Именно они, по мысли автора комментария, призвав половцев, сотворили «землѣ Русьскѣи много зло» — «проливше кровь х(ре)с(т)ьяньску, еяже крове взищеть Б(ог)ъ от руку ею, и отвѣтъ дати има за пагубленье д(у)ша х(ре)с(т)ьяньскы». Трудно сказать, была ли эта филиппика синхронна появлению летописного сообщения. Но тут стоит вспомнить о сходном выпаде против Олега Святославича, читающемся в начале анналистического продолжения Начального свода под 6602/1094 г.: «оуже третье наведе поганья на землю Русьскую, егоже грѣха дабы и Б(ог)ъ простилъ, занеже много х(ре)с(т)ьянъ изгублено быс(тъ), а друзии полонени и расточени по землям»³⁴. Нельзя исключить, что и процитированная ремарка про Олега под 6586/1078 г. принадлежит руке того же позднейшего летописца, работавшего в 90-е гг. или еще позже.

³¹ *Расовский Д. А.* Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии (работы разных лет). М., 2012. С. 206; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 116.

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 174.

³³ *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990. С. 42.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 226.

Таким образом, с большим или меньшим основанием можно сомневаться в том, что интересующие нас маркеры в четырех первых летописных статьях из таблицы возникли одновременно с описанными в них событиями. В свете этих сомнений наиболее логичной (хотя и не бесспорной) представляется их связь с тем этапом редактирования ранней летописи, который относился к созданию Начального свода. Но даже если мы ошибаемся, и отдельные черты нового образа половцев стали появляться еще до 90-х гг. XI в., то это всё равно не меняет сделанную выше оценку Начального свода с его продолжением за ближайшие годы как своеобразного «эпицентра» формирования этого образа.

И тут важно напомнить, что появление памятника совпало с самым опасным и кровопролитным периодом русско-половецких отношений XI в., когда инициатива почти полностью перешла к кочевникам, и они стали представлять серьезную угрозу для Юга Руси. Если в 80-е гг. половецкие набеги становились всё настойчивей, то с 90-х гг. они «вступают в новую фазу — более широкой и упорной войны»³⁵. Началом этой новой фазы, очевидно, можно назвать события 1092 г., когда половцам удалось взять три города — Песочен, Переволоку и Прилук, а также множество сёл «по объѣма страномѧ» Днепра. Летописец, рассказавший под тем же 6600 г. о череде страшных знамений и массовых бедствий, с заметным ужасом написал и о «рати великой... от половець от-всюду»³⁶. А подводя итог горестным событиям года (не только набегам половцев), назвал произошедшее наказанием «за грѣхы наша», заключающем в себе Божье повеление «имѣти покаянье и въстѧнутися от грѣха и от зависти, и от прочихъ злыхъ дѣлъ неприязнниъ»³⁷. В летописной статье следующего 6601/1093 г., где, как говорилось выше, впервые возникает «классический» негативный образ половцев-измаильтян, речь уже идет о двух полевых сражениях, завершившихся разгромом княжеских дружин Святполка Киевского и Владимира Мономаха (сначала на р. Стугне, когда погиб брат Мономаха Ростислав, и затем на р. Желани), о глубоком рейде степняков в направлении Киева и о взятии ими г. Торческа. Под 6602/1094 г. летопись повествует о мире киевского князя с ханом Тугорканом, но одновременно — и о разорении кочевниками, приведенными князем Олегом Святослави-

³⁵ Расовский Д. А. Половцы. Черные клобуки ... С. 206.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 215. Т. 2. Стб. 206.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 215.

чем, окрестностей Чернигова. Под 6603/1095 г. — о захвате половецких «веж» Святополком и Владимиром и об осаде половецами поросского г. Гюргева (Юрьева). Наконец, под 6604/1096 г. — о неслыханном событии: двукратном набеге «шелудивого» хана Боняка на предместья Киева и разорении Печерского монастыря. В том же году две разные орды кочевников по очереди подкатывали к Переяславлю и сожгли г. Устье. Вторая из них — Тугоркана — была разбита Святополком и Владимиром; хан в этом сражении погиб³⁸. Нет сомнения, что именно эти бурные события и стали не только историческим контекстом, но и главной причиной возникновения под пером летописцев зловещего образа половцев, который будет сопутствовать им в русской книжности вплоть до монгольского нашествия.

Образ половцев, оформившийся в Начальном своде и подхваченный авторами *ПВЛ*, приобрел для русской средневековой книжности значение архетипа, или, по словам Л. С. Чекина, «традиционного стереотипа, пригодного для описания новых реалий и новых врагов»³⁹. Однако использование его «для описания новых врагов» началось далеко не сразу.

На протяжении десятилетий не только названный архетип в целом, но и его отдельные элементы оставались исключительными атрибутами летописных известий о русско-половецких контактах (за указанными выше мельчайшими исключениями, не имевшими систематического характера и почти незаметными на общем фоне). Ситуация стала меняться лишь со второй половины XII в.

§ 2. «НОВЫЕ ПОЛОВЦЫ»

Образ «беззаконных» половцев, противостоящих новому богоизбранному народу и играющих особую роль в делах Божьего Промысла, повлиял на изображение некоторых других соседей Руси в древнерусских текстах XII–XIII вв. Посмотрим, когда и в каких исторических обстоятельствах происходило такое влияние.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218–234.

³⁹ Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы. С. 711. О влиянии образа половцев на образ монголов в русской литературе XIII в. — см. Там же. С. 707–711. См. также: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропоники. М., 2013. С. 32–35.

1. Волжские булгары. Первым народом, на который начали переноситься «половецкие» характеристики (пусть и не все), оказались волжские булгары.

Возможность перехода «элементов стереотипа безбожных измаильтян» (половцев) на булгар допустил Л. С. Чекин, ограничившись, впрочем, указанием на пару весьма частных словесных штрихов в текстах XII в. По его мнению, именно под таким углом зрения надо рассматривать фразу из Повести об убиении Андрея Боголюбского, в которой «булгары объединяются с иудеями в одной формуле, “булгарѣ и жидовѣ и вся погань”, как объект христианизации». Мысль исследователя становится понятна в свете указанных им черт косвенного сопоставления половцев и иудеев в Киево-Печерском патерике⁴⁰. Однако даже если допустить, что в общественном сознании XII в. существовала устойчивая связь между половцами и иудеями (что сомнительно) и замена первого члена в этой паре (половцев на булгар) неизбежно вела к ассоциативному восстановлению утраченного (булгаре → половцы), то и в этом случае процитированную фразу Повести трудно признать веским аргументом для обоснования перехода стереотипа измаильтян-половцев на булгар посредством иудеев. Этому мешает присутствие в ней еще и язычников («вся погань»). Если и искать в приведенных словах какое-то скрытое соотнесение половцев и булгар, то его следует видеть именно в упоминании язычников, к которым принадлежали половцы. К тому же иноверческая пара *иудеи и мусульмане* встречается в бытовавших текстах и за пределами Повести, например, — в Толковой Палее («окаяннии жидове и сквернии бесурмене»)⁴¹. Другой пример Л. С. Чекин обнаруживает в Сказании о победе над волжскими булгарами, где присутствует косвенное сопоставление булгар (как врагов Руси) и сарацин (как врагов Византии). Последних же «роднит» с половцами их «измаильтянское происхождение», что, по мысли исследователя, могло вызвать у читателя мысль о некой связи (заметьте, весьма неявной) между булгарами и половцами. Однако сам Л. С. Чекин вынужден оговориться, что эта вероятная смысловая нить от измаильтян к булгарам всё же противоречит «этнографическим рассуждениям статьи [ПВЛ. — А. Л.] 1096 г.»⁴² (где, как из-

⁴⁰ Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы. С. 703–707, 711 (прим. 12).

⁴¹ Палее Толковая [по Коломенскому списку 1406 г.]. М., 2002. С. 67. Ниже в памятнике читается показательное сравнение иудеев с Измаилом (с. 184–185), вновь сближающее их с мусульманами.

⁴² Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы. С. 711 (прим. 12).

вестно, болгары возведены не к Измаилу, а к другому ветхозаветному праотцу⁴³).

И. Г. Коновалова, обратившая внимание на резкую смену образа волжских болгар в летописании второй половины XII в., напротив, выявила целый ряд новых черт в их изображении, которые, как мы увидим, действительно «породнили» болгар с половцами. Но самой этой связи между летописными образами двух народов она не заметила. Исследовательница указала на то, что впервые перемены в образе волжского соседа Руси обнаруживаются в известии *ЛЛ* о походе Андрея Боголюбского «на болгары» под 6672/1164 г. Если раньше летописные упоминания об этом народе оставались «эмоционально нейтральны» (за исключением комментариев *ПВЛ* под 6494–6495 гг. о вере болгар, где, впрочем, главным объектом критики выступали не они как народ, а обычаи представляемого ими ислама⁴⁴), то с указанного времени их образ приобрел в *ЛЛ* и *ИЛ* устойчивую «негативную эмоциональную окраску». Проявилось это, по наблюдениям И. Г. Коноваловой, в трех нововведениях: 1) приложении к болгарам эпитетов «поганные» и «безбожные», 2) негативной акцентировке их веры и 3) частых указаниях на «божественную помощь, сопутствующую русскому воинству в битвах с болгарами». Исходный момент такой коррекции образа болгар Коновалова связала не столько с происходившей в то время активизацией болгарской политики князей Суздальской земли, сколько с идейно-политическими начинаниями Андрея Боголюбского, направленными «на превращение Владимира в общерусский политический и религиозный центр», для чего «среди прочего нужен был достойный внешний враг»⁴⁵.

Новый образ волжских болгар нашел свое воплощение в летописании второй половины XII — первых десятилетий XIII в. в 4 известиях *ЛЛ* и 3 известиях *ИЛ* (из которых одно, под 6681/1173 г., полностью повторяло соответствующее известие *ЛЛ*):

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

⁴⁴ Об источниках представлений об исламе, отразившихся в *ПВЛ*, см.: *Андрейчева М. Ю.* Мусульмане, католики и иудеи в летописном рассказе о выборе веры князем Владимиром: образы и смыслы // *Одиссей. Человек в истории: Imitatio Christi в религиозной культуре Средневековья и раннего Нового времени.* М., 2016. С. 406–416.

⁴⁵ *Коновалова И. Г.* Древняя Русь и Волжская Булгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // *Восточная Европа в Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны.* XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы к конференции. М., 1999. С. 78–81.

<i>Текст</i>	<i>Маркеры</i>				
	<i>Ia</i>	<i>Iб</i>	<i>IIa</i>	<i>IIб</i>	<i>III</i>
<i>ЛЛ</i> под 6672/1164 г. ⁴⁶	+		+		
<i>ЛЛ</i> под 6680/1172 г., <i>ИЛ</i> под 6681/1173 г. ⁴⁷	+	+	+		
<i>ИЛ</i> под 6683/1175 г. ⁴⁸	+				
<i>ИЛ</i> под 6690/1182 г. ⁴⁹	+		+		
<i>ЛЛ</i> под 6692/1184 г. ⁵⁰	+		+		
<i>ЛЛ</i> под 6728/1220 г. ⁵¹	+		+		

Сравним словесные средства, использованные в перечисленных известиях, с «половецким архетипом».

Лексика конфессионального размежевания (маркеры *Ia* и *Iб*) представлена в известиях о русско-булгарских конфликтах понятиями «поганяя» (*ЛЛ* под 6672, 6680/1172 и 6692/1184 гг., *ИЛ* под 6681/1173, 6683/1175 и 6690/1182 гг.), «безбожняя» (*ЛЛ* под 6728/1220 г.) и «бохмиты» (*ЛЛ* под 6692/1184 г., *ИЛ* под 6690/1182 г.) — по отношению к булгарам; «хрестьяне» (*ЛЛ* под 6680/1172 г., *ИЛ* под 6681/1173 г.) — по отношению к русским. «Поганые» и «безбожные» — самые распространенные, но далеко не единственные негативно-конфессиональные определения половцев в летописании. И на первый взгляд, авторы известий о булгарах проявили определенную сдержанность, используя лишь часть «половецкого фонда» подобных характеристик. Однако говорить о какой-то заметной сдержанности в данном случае всё же не приходится. Как мы увидели в I главе, половцы получали весь набор таких характеристик только в известиях об их набегах на Русь. Но когда речь заходила о походах русских князей против них в степи, именовались обычно просто «погаными». Указанные же статьи *ЛЛ* и *ИЛ* рассказывают о походах суздальских князей на Булгарию, а не о нападении булгар на Русь. Таким образом, использование летописцами рассматриваемой лексики в целом соответствует «половецкому шаблону» для описания соответствующей ситуации.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352–353.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 364. Т. 2. Стб. 564–566.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 590.

⁴⁹ Там же. Стб. 625–626.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 389–390.

⁵¹ Там же. Стб. 444–445.

Провиденциальные ремарки в форме указания на небесную помощь русским в их борьбе с булгарами (маркер *IIa*) встречаются в *ЛЛ* под 6672/1164, 6680/1172, 6692/1184 и 6728/1220 гг. и в *ИЛ* под 6681/1173 и 6690/1182 гг. В летописных известиях о половцах имеется и другая разновидность таких ремарок — указание на них как на орудие Божьего гнева (маркер *IIб*). В известиях о булгарах эта разновидность отсутствует. Но при этом снова нужно оговориться: в *ЛЛ* и *ИЛ* за вторую половину XII в. — первую треть XIII в. не отмечено ни одного сколько-нибудь серьезного поражения русских от булгар (эпизодов с набегом булгар на Ярославль в 1152 г. и захватом ими Устюга в 1219 г., известных по некоторым позднейшим памятникам⁵², анализируемые летописи не знают). Между тем именно успешные действия половцев давали летописцам повод говорить о них как о «биче Божиим». Как и в предыдущем случае, характер описываемого определил те конкретные литературные средства, к которым прибегали летописцы.

Что касается соотнесения с нечестивыми народами (маркер *III*), то тут авторы известий о русско-булгарских отношениях отступили от своего образца. Если половцы неоднократно идентифицировались в летописи как «измаильтяне» — потомки праотца Измаила, то о ветхозаветной генеалогии булгар летописцы рассматриваемого времени не проронили ни слова. И это тем более показательно, поскольку в *ПВЛ* была заложена, казалось бы, прочная основа для такого соотнесения. Под 6494/986 г. в «Речи Философа» булгары сравнивались с обитателями ханаанских Содомы и Гоморры, а под 6604/1096 г. были определены как «с(ы)н(о)ве Аммонови»⁵³ — потомки ветхозаветного Бен-Амми, родоначальника аммонитян⁵⁴.

Несмотря на это отличие, булгары в упомянутых известиях предстают как своего рода новые половцы — еще один «безбожный» народ, враждебный Руси. Как видно, летописцев совсем не смутило, что булгары, в отличие от половцев, были не язычниками, а мусульманами. Впрочем, подобное обстоятельство не смущало летописцев и ранее, о чём свидетельствует многократно обсуждавшаяся статья *ПВЛ* под 6604/1096 г., в которой мусульмане и язычники были объединены в одну группу «измаильтянских» народов.

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 502; Пг., 1921. Т. 24. С. 77.

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 86, 234.

⁵⁴ Карнов А. Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014. С. 200–216.

Происхождение большинства рассматриваемых известий уверенно связывается с Суздальской землей — *ЛЛ* под 6672/1164, 6680/1172 (= *ИЛ* под 6681/1173 г.) и 6728/1220 гг. Трансляцию той же «суздальской» точки зрения следует, скорее всего, видеть и в *ИЛ* под 6683/1175 г. — в пространной редакции Повести об убиении Андрея Боголюбского, где княжеский слуга Кузьмище Киянин, плача над телом своего господина, вспоминает, что тот побеждал «полкы поганыхъ болгарь».

Сложнее обстоит дело с известиями *ИЛ* под 6690/1182 г. и *ЛЛ* под 6692/1184 г., в которых по-разному, хотя и с вкраплениями общего текста, рассказывается об одном и том же событии — походе на Волжскую Булгарию Всеволода Большое Гнездо в 1183 г. По наблюдениям И. В. Ведюшкиной, оба варианта летописного рассказа восходят к одним и тем же источникам, первый из которых возник в Северо-Восточной Руси, а второй — в Переяславле Южном⁵⁵. Почти все интересующие нас маркеры находятся в рамках самого крупного участка общего (или, точнее, весьма сходного) текста двух известий, где рассказывается о сражении противников у лодейной стоянки на р. Волге. Русские, читаем в обеих летописях, вступили в бой «Б(о)жьею помощью оукрѣпляеми», «поганыя бохмиты» обратились в бегство и были побеждены благодаря вмешательству свыше (в *ЛЛ* сказано, что болгары потерпели поражение, «Б(о)жымъ гнѣвомъ гоними и с(вя)тою Б(огороди)цею»; в *ИЛ* — что «поможе Богъ Роуси»). Поскольку к охране лодий был приставлен полк из Белоозера и именно его решительные действия принесли победу, то в рамках схемы И. В. Ведюшкиной основу этого отрывка, скорее, нужно отнести к источнику из Северо-Восточной Руси. Об этом же косвенно говорят и наблюдения Т. Л. Вилкул, которая указала на некоторые черты первичности именно «лаврентьевской» версии общего текста статей⁵⁶. За рамками рассмотренного фрагмента в статьях остается единственное чтение с этноконфессиональным маркером. А именно — в *ИЛ*, где передана речь киевского князя Святослава Всеволодовича, отправляющего сына в помощь Всеволоду Большое Гнездо против

⁵⁵ Ведюшкина И. В. Летописные повести о походе Всеволода Большое Гнездо на Волжскую Булгарию в 1183 году // Восточная Европа в древности и Средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2002. С. 35–37.

⁵⁶ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // Palaeoslavica. 2005. Vol. 13. No. 1. P. 72.

булгар: «Даи Богъ, брате и сыноу, во дъни нашѣмъ намъ створити брань на поганяя!». И. В. Ведюшкина думает, что этот фрагмент мог принадлежать киевскому редактору исходных текстов. Если это так, то, учитывая мнение ряда исследователей о документальном характере княжеских речей в Киевском своде⁵⁷, перед нами вероятное свидетельство того, что именование булгар «поганями» было известно уже и на русском Юге. Но еще интереснее контекст, в котором звучит процитированная фраза Святослава. В следующей погодной статье в *ИЛ* начинается повествование о борьбе киевского князя с «безбожными» половцами. При таком соседстве текстов в приведенных словах Святослава слышится упоминание уже не одних булгар, но и половцев, благодаря чему вновь возникает мотив соотнесения двух народов.

Как бы ни интерпретировать сложные в текстологическом отношении известия *ЛЛ* и *ИЛ* о походе 1183 г., ясно, что центром формирования нового образа булгар было летописание Суздальской земли второй половины XII в. Конечно, из-за того, что местная летописная традиция более или менее ясно прослеживается в сохранившихся памятниках лишь со второй половины 1150-х гг.⁵⁸, нельзя исключить, что корни этого негативного образа могли уходить еще во времена Юрия Долгорукого, при котором булгары нападали на Суздаль и Ярославль и который сам ходил войной на них⁵⁹. Но даже если это было и так, при Андрее Боголюбском осмысление борьбы с булгарами активно развивалось. Участники большого похода на Волжскую Булгарию 1164 г. (в описании которого впервые появляются исследуемые

⁵⁷ Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 142, 146–149, 152–153; Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.–Л., 1949. Т. 7. С. 74–79; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 353; Гимон Т. В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // Восточная Европа в древности и Средневековье: XXX Юбилейные чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–20 апреля 2018 г. Материалы конференции. М., 2018. С. 64–71.

⁵⁸ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938. С. 15–18; Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. М., 1996. С. 108–109; Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 85 и сл.; Гимон Т. В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 42.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292; Т. 24. С. 72–73 (здесь, в рассказе Типографской летописи, неудача болгарского войска под Суздалем трактуется как чудо), 77. См. также: Лаушкин А. В. К сложению негативного образа волжских булгар в летописании. (В печати.)

маркеры) не только уверились в получении ими Божией помощи, но и увековечили ее установлением особого церковного праздника — Спаса Всемилоственного и Пресвятой Богородицы 1 августа⁶⁰. Согласимся с И. Г. Коноваловой, что коррекция образа булгар органично вписывалась в культурный ландшафт времени и места: если в центре политики и идеологии князя Андрея, как в свое время показал Н. Н. Воронин, находилась идея превращения Владимира в «новый Киев»⁶¹, то в рамках такой доктрины усвоение за булгарами отличительных признаков половцев — главных врагов Киева «старого» — выглядит действительно весьма логично.

Но одна ли политическая доктрина Андрея заставляла его книжников (и их последователей позднейшего времени⁶²) искать в булгарах «достойного внешнего врага» с узнаваемыми архетипическими признаками, и только ли потребности княжеской идеологии привели к «очернению» соседнего народа? Думается, в та-

⁶⁰ О возможности установления праздника в ближайшие годы после события см.: Лосева О. В. Русские месящесловы XI—XIV веков. М., 2001. С. 108–109; *Ее же*. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 239–242; Конявская Е. Л. К истории сложения Проложной статьи на 1 августа // ДРВМ. 2012. № 1 (47). С. 5–14.

⁶¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северно-Восточной Руси XII—XV веков. М., 1961. Т. 1: XII столетие. С. 118–125, 148, 315–316. См. также: Приселков М. Д. История русского летописания ... С. 123; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947. С. 269–271; Pelenski J. The Contest for the «Kievan Succession» (1155–1175): The Religious-Ecclesiastical Dimension // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. P. 765–766; Лаушкин А. В. Закладка владимирского собора Святой Богородицы в 1158 году и возможная дата крещения святого князя Владимира // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М.—Вологда, 2017. С. 78–82.

⁶² История формирования текста ЛЛ на рассматриваемом отрезке остается до конца неясной. Однако и значительная протяженность этого отрезка, и новейшие наблюдения за языковыми и содержательными особенностями отдельных его фрагментов позволяют говорить о том, что использование интересующих нас маркеров в известиях о булгарах не было проявлением индивидуальной манеры лишь одного летописца. Так, например, известие из нашей таблицы под 6692/1184 г. принадлежит той части ЛЛ, которую А. Тимберлейк приписал предшественнику летописца ростовского владыки Луки (Timberlake A. Who Wrote the Laurentian Chronicle (1177–1203)? // Zeitschrift für slavische Philologie. 2000. Bd. 59. S. 260–261, 263), а известие под 6728/1220 г. относится к участку, который Т. В. Гимон атрибутирует летописцу ростовских епископов Пахомия и Кирилла I (Гимон Т. В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 45; *Его же*. К сегментации Лаврентьевской летописи // ДРВМ. 2015. № 3 (61). С. 29).

ком подходе есть известная доля упрощения. Между Суздальской землей и Волжской Булгарией в XII в. завязалось острое противостояние, которое приводило к регулярными кровопролитными столкновениями, участвовавшими как раз во второй половине столетия. Как и в истории с половцами, этот «опыт крови» не мог не сыграть своей роли в восприятии булгар и, видимо, повел к акцентировке религиозных отличий и актуализации уже сформировавшихся в древнерусской книжности шаблонов описания отношений с недружественными иноверцами-соседами.

О важности именно этого, военного, фактора в формировании образа другого народа убедительно свидетельствует и история усвоения «половецких признаков» еще за одним соседом Руси — литвой, а также родственными ей ятвягами.

2. Литва и ятвяги. Исследователи, обращавшиеся к образу язычников-литвы в русском летописании XI–XIV вв., выявили сложность этого образа и его изменчивость во времени⁶³. Первая серьезная трансформация началась в первой трети XIII в., когда в изображении этого народа, в целом нейтральном прежде того, стали возникать четкие негативные черты. Создавались они, как верно отметила К. В. Кириченко (а позже — М. Мозер, которому работа предшественницы осталась неизвестна), прежде всего при помощи негативных конфессиональных характеристик и провиденциальных ремарок⁶⁴. Выше (в I главе) мы показали, что в известиях о русско-литовских отношениях того времени появляются и первые случаи паразитнонимического использования слов «христиане» и «христианский» для обозначения русских.

⁶³ *Топоров В. Н.* Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // *Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в Средние века: сборник тезисов.* М., 1990. С. 9–10; *Конявская Е. Л.* Литва в восприятии русских (на материале древнерусских литературных памятников XIV века) // *Древняя Русь и Запад: Научная конференция: Книга резюме.* М., 1996. С. 92–95; *Кириченко К. В.* Пошуки образу: Литва XIII–XIV ст. очима літописців Північної Русі та Новгородської землі // *Просемінарій. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури.* Київ. 1999. Вип. 3. С. 4–17; *Люстров М. Ю.* Европа и европейцы в Галицко-Волынской летописи // *Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество.* М., 2002. С. 11–15, 19, 21–23; *Косоруков А. А.* Изображение Литвы в повестях о Куликовской битве // *Древнерусская литература: Тема Запада ...* С. 38–67; *Moser M.* Стереотипы Литвы и сведения о ней в древнейших восточнославянских летописях: Новгородская I, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи — до конца XIII в. // *Studia Slavica Hungarica.* 2004. Vol. 49. № 3–4. P. 229–246.

⁶⁴ *Кириченко К. В.* Пошуки образу ... С. 10–17; *Moser M.* Стереотипы Литвы ... С. 234–242.

Новый образ литвы, рождавшийся накануне Батыева нашествия, оказался запечатлен в летописных статьях до 1237 г. в 5 известиях *НЛ*, 1 известии *ИЛ* и 1 известии *ЛЛ*:

Текст	Маркеры				
	<i>Ia</i>	<i>Iб</i>	<i>IIa</i>	<i>IIб</i>	<i>III</i>
<i>НЛ</i> под 6721/1213 г. ⁶⁵	+				
<i>ИЛ</i> под 6723/1215 г. ⁶⁶			+		
<i>НЛ</i> под 6732/1224 г. ⁶⁷				+	
<i>НЛ</i> под 6733/1225 г. ⁶⁸			+		
<i>ЛЛ</i> под 6733/1225 г. ⁶⁹	+	+	+		
<i>НЛ</i> под 6742/1234 г. ⁷⁰	+	+	+		
<i>НЛ</i> под 6745/1237 г. ⁷¹	+			+	

Изменение образа почти синхронно фиксируется во всех трех сохранившихся летописных традициях. Однако если в *ИЛ* и *ЛЛ* нововведения в домонгольское время были только намечены (предваряя их дальнейшее развитие в середине и второй половине века), то в *НЛ* процесс шел весьма активно.

Лексика конфессионального размежевания (маркеры *Ia* и *Iб*) представлена в известиях о русско-литовских отношениях 10–30-х гг. XIII в. понятиями «погании» (*ЛЛ* под 6733/1225 г., *НЛ* под 6742/1234, 6745/1237 гг.), «безбожные» (*НЛ* под 6721/1213, 6742/1234, 6745/1237 гг.) и «оканьн(ые)» (*НЛ* под 6742/1234 г.) — по отношению к литве; «христьяне»/«христьянский» (*ЛЛ* под 6733/1225 г., *НЛ* под 6742/1234 г.) — по отношению к русским. Кроме того, статья *НЛ* за 6742/1234 г. в младшем изводе памятника дополняет чтение старшего извода, называя литву еще и «богопротивными кровопролитники крестияньскими»⁷². Видимо, это определение читалось уже в первоначальном виде известия⁷³.

⁶⁵ Новгородская первая летопись ... С. 52, 250.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 735–736.

⁶⁷ Новгородская первая летопись ... С. 61, 264.

⁶⁸ Там же. С. 64, 269.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447–448.

⁷⁰ Новгородская первая летопись ... С. 73, 283–284.

⁷¹ Там же. С. 74, 285.

⁷² Там же. С. 283–284.

⁷³ См.: Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 31–37; Гимон Т. В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской I летописи // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 120.

Из четырех упомянутых статей в трех рассказывается о набегах литвы на Русь, в одной (*НЛ* под 6745/1237 г.) — о бесславном участии отряда псковичей в немецко-чудском походе на литву, завершившемся тяжелым поражением союзников при Шауляе (1236 г.). Употребление лексики размежевания в общем отвечает «половецкому шаблону».

То же можно сказать и об использовании провиденциальных ремарок. Ссылки на Божественную помощь русским (маркер *Па*) встречаем в *ИЛ* под 6723/1215 г., *НЛ* под 6733/1225 и 6742/1234 гг. и *ЛЛ* под 6733/1225 г. Констатацию того, что литва выступила орудием Божьего гнева (маркер *Лб*: «по грѣхомъ нашимъ», «грѣхъ ради нашихъ»), — в *НЛ* под 6732/1224 и 6745/1237 гг. Последнее заслуживает особого внимания, поскольку летописные маркеры «малого круга» в домонгольское время имеются только у половцев и литвы. Именно по инициативе новгородских летописцев литва оказалась не только следующим после половцев народом «малого круга» в домонгольском летописании, но и единственным в самостоятельной традиции Новгорода, где соответствующие маркеры не употреблялись и при упоминании противоборства с половцами.

Соотнесение же литвы с нечестивыми народами (маркер *III*) ни в летописании добатыева времени, ни (отметим это, забегаая вперед) в известиях последующих десятилетий XIII в. не встречается. В этом летописная литва сходствует с булгарами. Возможно, в какой-то степени отсутствию подобных параллелей поспособствовало и то, что в *ПВЛ* литва была отнесена к потомству Иафета, к которому возводились все европейский народы, включая русь⁷⁴.

Таким образом, в летописании домонгольского времени литва стала третьим и последним народом, который систематически наделялся «половецкими» чертами (лишь без явных ветхозаветных параллелей). И поскольку самую деятельную роль в этой трансформации образа сыграли новгородские летописцы, рассмотрим внимательнее, какие исторические события подталкивали их к привнесению в известия о литве негативных черт. *НЛ* дает для такого наблюдения добротный материал, поскольку на рассматриваемом отрезке (и не только на нём) в совокупности дошедших списков представляет собой весьма сохранный текст владычной летописи, регулярно пополнявшейся погодными

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4; Т. 2. Стб. 4.

записями⁷⁵. Более того, согласно Т. В. Гимону и А. А. Гиппиусу, первая часть Синодального списка, заключающая в себе три первых и большую часть четвертого из пяти отмеченных в таблице новгородских известий о литве, была переписана, скорее всего, в 1234 г. или вскоре после того⁷⁶. Другими словами, с высокой долей уверенности мы можем видеть в «литовских» известиях *НЛ* более или менее синхронные событиям отклики современников, а не плод тенденциозной правки позднейшего редактора.

В *НЛ* череда известий о конфликтах с литвой, непосредственно затрагивающих Новгородскую землю, начинается с конца XII в. Под 6691/1183 г. летопись лаконично сообщает, что «бишася пльсковичи съ литвою, и много ся издѣя зла пльсковичемъ»⁷⁷. Масштаб и место этого неудачного для псковичей столкновения не уточняются. Под 6699/1191 г. упомянут план совместного новгородско-полоцкого похода на литву, оставшийся нереализованным⁷⁸. Под 6706/1198 г. город Великие Луки, находящийся у новгородско-полоцкого рубежа, назван «от литвы оплечьем Новугороду», а чуть ниже говорится о нападении на город «полочан с литвою», в результате которого оказались сожжены «хоромы» (посад?), но сама крепость захвачена не была («лучяне устерегошася и избыща въ городѣ») ⁷⁹. В статье чувствуется внутреннее противоречие, отражающее противоречивость политической ситуации: литва, согласно букве рассказа, появляется не сама, а под эгидой полочан, однако крепость названа оплотом именно против литвы. Под 6708/1200 г. впервые описан набег литовских отрядов вглубь новгородской территории. Он охватил географически широкий район южных притоков Ильменя — рр. Ловати, Полы и Шелони («Ловоть... до Налюця, съ Бѣлее до Свинорта и (Дов)-орча [даем написание по В. Л. Янину. — А. Л.] середу»). Новгородцам удалось догнать незваных гостей, разбить их и освободить

⁷⁵ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72; *Его же*. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 350–362; Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 503–506.

⁷⁶ Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные ... С. 32–37, 41, 47.

⁷⁷ Новгородская первая летопись ... С. 37.

⁷⁸ Там же. С. 40.

⁷⁹ Там же. С. 44.

пленников⁸⁰. Удачное отражение литовского набега новгородцами во главе с князем и посадником описано и под 6718/1210 г. — тогда литву «угонивъше» и «избиша» «въ Ходынищихъ» (видимо, события вновь коснулись бассейна Ловати)⁸¹.

Пока что речь шла о событиях или достаточно локальных, или увенчавшихся победой новгородцев. Но вот под 6721/1213 г. описан эпизод совсем иного рода: нападение на Псков, второй по значению город республики, который литва, по словам летописца, «пожгоша». Псковичи, сидевшие без князя и к тому же застигнутые в неудобный момент, не сумели организовать сопротивление. Нападавшие, «много створиша зла», свободно «отъидоша» восвояси. Не ясно, насколько пострадал город⁸², но сама ситуация на фоне проблем с литвой прошлых лет была, без сомнения, наиболее острой. Именно эти псковские события, обнажившие возросшую силу соседнего народа, и подтолкнули летописца к первому резкому выпадку против литвы, которую он назвал «безбожной» (маркер *Ia*)⁸³. Следующие три известия о литве по-прежнему свободны от интересующих нас маркеров: под 6725/1217 г. сообщается о набеге на сельские окрестности р. Шелонь (догнать грабителей новгородцы не сумели), под 6730/1222 г. — о союзном участии литвы в новгородско-суздальском походе на ливонскую Кесь (Венден), под 6731/1223 г. — о действиях литовских отрядов у смоленского Торопца и бесплодной погоне за ними князя Ярослава Всеволодовича «с новгородци»⁸⁴. О новом действительно серьезном происшествии для Новгорода летописец рассказывает под 6732/1224 г. — это вооруженное столкновение с литвой в глубине новгородской территории где-то под Русой, южным новгородским форпостом (подобным в этом отношении Пскову на западе). Сражение завершилось поражением «рушан», бившихся под началом местного посадника Фёдора. Автор известия не удержался от мрачного комментария, что всё случилось

⁸⁰ Новгородская первая летопись ... С. 45; Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. С. 73–76.

⁸¹ Новгородская первая летопись ... С. 51; Янин В. Л. Новгород и Литва ... С. 76.

⁸² Мнение о том, что в этом известии оказались ошибочно совмещены два разновременных события 1212 г. — нападения эстов и затем литвы — см.: Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 292–293. Однако даже если это мнение верно, негативный эпитет читается именно при упоминании литвы.

⁸³ Новгородская первая летопись ... С. 52.

⁸⁴ Там же. С. 57, 60–61.

«по грѣхомъ нашимъ» (маркер *IIб*)⁸⁵. В следующей погодной статье, 6733/1225 г., описан исключительный по дерзости и, видимо, по числу участников прорыв литвы через Торопецкую волость до самого Торжка, стоявшего у границы Новгородской земли с Суздальской. Преследование неприятеля возглавил князь Ярослав Всеволодович. Он догнал литву только на окраине Полоцкой земли, около города Усвята, разбил ее и освободил пленных. Победа, подчеркнул летописец, произошла «Божиею помощью и святая София» (маркер *IIа*)⁸⁶. (Отметим, что череда негативных маркеров литвы в *ЛЛ* начинается с независимого от *НЛ* известия о тех же самых событиях: там также упомянута Божья помощь князю и сверх того русские названы «хр(е)с(т)ьянами», а литва — «погаными»⁸⁷.)

Все эти начальные случаи появления изучаемых маркеров в известиях о литве принадлежат к тому отрезку владычной летописи (6719/1211–6734/1226 гг.), создание которого А. А. Гиппиус связывает с деятельностью одного автора — летописца архиепископа Антония⁸⁸. Согласно наблюдениям исследователя, этот летописец привнес в летописное повествование (очевидно, по воле владыки) новый идейный мотив, связанный с прославлением святой Софии, а также обладал индивидуальной литературной манерой, позволяющей предполагать его знакомство с Киевским сводом конца XII в. и Повестью временных лет⁸⁹. Если последнее верно, то у нас появляется основание думать, что и «половецкие черты» в образе литвы могли явиться плодом этого знакомства с южнорусским летописанием, где негативный образ половцев был представлен очень ярко.

Но сказанное не означает, что отмеченные перемены следует свести лишь к формальному литературному заимствованию,

⁸⁵ Новгородская первая летопись ... С. 61.

⁸⁶ Там же. С. 64.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448.

⁸⁸ Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы: (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 215.

⁸⁹ *Его же*. К истории ... С. 14; *Его же*. К вопросу о контактах региональных традиций в русском летописании первой трети XIII в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интеграция. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2009. С. 71–74; *Его же*. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни ... Памяти А. С. Хорошева. СПб., 2010. С. 181–198.

не имевшему внелитературных причин. Деятельность летописца Антония пришлась на время небывалого усиления внешней литовской активности, прямо затронувшей Новгород⁹⁰. Пополняя свою летопись с достаточной регулярностью⁹¹, он использовал понравившиеся ему литературные приемы в сообщениях лишь о тех событиях, которые сопровождались кровопролитием и представляли серьезную угрозу для Новгородской земли и ее обитателей. Перед нами картина, очень напоминающая зарождение негативного образа половцев в 90-е гг. XI в. — во время быстрого усиления их натиска на Русь.

Изображение литвы с помощью «половецкой палитры» не осталось творческой чертой одного летописца владыки Антония, а еще с большей отчетливостью проявилось у его продолжателя, которого А. А. Гиппиус определил как нотариуса архиепископов Спиридона и Далмата, ведшего записи с 6734/1226 по 6782/1274 г. По всей видимости, этим человеком был пономарь Тимофей⁹². Подобная преемственность дает повод думать, что новации отразили перемену взгляда на литву не одних владычных летописцев, но и новгородских владык, занимавших кафедру в эпоху возникновения Литовского государства⁹³.

Первое свое известие о литве (под 6737/1229 г.) Тимофей, согласно реконструкции А. А. Гиппиуса, писал ретроспективно, лишь приступая к своим обязанностям. Составил он его в нейтральном ключе: кратко отметил, что литва «воеваша Любне и Мореву и Серегерь» (район р. Пола и оз. Селигер) и была достигнута новгородцами, которым удалось отбить пленных⁹⁴.

Возможно, что уже в следующей летописной статье Тимофей косвенно отозвался на эти и другие события, связанные с литвой. Рассуждая о внутриновгородской смуте, он упомянул о каких-то «поганных», не назвав их по имени: «...и за то Богъ на нас поганыя

⁹⁰ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004. С. 49–51; Пауцто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 49–52, 366–368, 372–375; Седов Вл. В. Новгородская архитектура на Шелони. М., 2001. С. 7–11.

⁹¹ Гимон Т. В. Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 110–117.

⁹² Гиппиус А. А. К истории ... С. 8–12; Его же. Новгородская владычная летопись ... С. 213–215.

⁹³ О связи образа литвы с эволюцией ее государственности см. также: Кириченко К. В. Пошуки образу ... С. 13–15.

⁹⁴ Новгородская первая летопись ... С. 68, 275.

навѣдѣ, и землю нашу пусту положиша»⁹⁵. В свое время мы соглашались с мнением, что эта фраза представляет собой вставку о монголах, сделанную после Батыева нашествия⁹⁶. А. А. Гиппиус указал на текстологическую невозможность такой вставки и объяснил появление оборота литературным влиянием статьи *ПВЛ* за 6576/1068 г., рассказывающей о половцах. Вследствие этого, по Гиппиусу, процитированные слова приобрели в *НЛ* «общий характер» и указывали не на конкретный народ, а на «поганых “вообще” как одну из “казней Божьих”, посланных в мир за людские грехи». Конкретизируя свою позицию, исследователь усомнился, что Тимофей намекал здесь на «набеги литвы и еми, имевшие место в предшествующие годы», но неизменно заканчивавшиеся «выдворением врага с Новгородской территории»⁹⁷. Мнение об «общем характере» рассматриваемой фразы можно было бы принять, если бы она имела в *ПВЛ* точное соответствие и, таким образом, оказывалась механически перенесена в *НЛ*. Но в действительности составлена она была лишь «по мотивам» статьи 6576/1068 г. (и, возможно, других статей *ПВЛ*) и потому в целом должна быть признана авторским текстом новгородского летописца. А в таком случае трудно объяснить, зачем во фразе, имевшей «общий характер», он помянул не только абстрактных «поганых» (что еще было бы допустимо), но и некое несуществовавшее разорение ими «земли нашей». Экономичнее думать, что Тимофей указывал здесь на какой-то конкретный народ, всё более досаждавший Новгороду и уже приобретший в новгородском летописании черты «бича Божьего». Именно таким народом была литва.

Следующее сообщение Тимофея о литве — о ее стремительном нападении на Русу под 6742/1234 г. — уже имеет яркую риторическую окраску, что вполне отвечает драматизму произошедшего. Язычники прорвались в городской посад «до търгу», откуда их удалось выбить с большим трудом, пограбили и осквернили Спасский монастырь, убили монахов, после чего продолжили свой рейд, пока на обратном пути, в смоленской Торопецкой волости «на Дубровнѣ», не были атакованы и побеждены князем Ярославом Всеволодовичем. Рассказывая об этом, Тимофей использовал еще более резкие выражения, чем его предшественник — назвал

⁹⁵ Новгородская первая летопись ... С. 69.

⁹⁶ Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998. С. 36. Прим. 37.

⁹⁷ Гиппиус А. А. К характеристике ... С. 345–348.

литву «погаными», «безбожными», «оканьной», «богопротивными кровопролитники крестияньскими», а кровь русских, пролитую ими, — «кровью христьяньской» (маркеры *Ia-b*). Была применена им и красноречиво-торжественная формула для описания Божией помощи, полученной князем: «пособи Богъ и Крестъ честьныи и святая София, Прѣмудрость Божия» (маркер *IIa*)⁹⁸.

Последнее «литовское» известие, записанное Тимофеем перед нашествием Батыя, читается под 6745/1237 г. Ответом на участвовавшие нападения соседей стало участие отряда псковичей в походе крестоносцев против литвы. Закончился он тяжелым поражением соединенных сил при Шауляе («придоша кождо десятыи въ дома своя»). Комментируя этот трагический исход, летописец снова прибег к использованию словесных средств из узнаваемого набора «половецких» характеристик: «грѣхъ ради нашихъ безбожными погаными побѣжени быша» (маркер *IIb*)⁹⁹.

Не изменил своего взгляда Тимофей и после Батыева нашествия. Этноконфессиональные маркеры присутствуют в целом ряде принадлежащих его перу известий о новых конфликтах русских с литвой (под 6753/1245, 6761/1253, 6766/1258, 6774/1266 гг.)¹⁰⁰, а также о внутренних смутах в Литве, которые он трактует как Божье наказание соседнему народу за пролитие христианской крови (под 6771/1263 и 6773/1265 гг.)¹⁰¹.

При этом отметим характерную для этноконфессионального сознания книжников Древней Руси черту. Отрицательное отношение к литве-язычникам как враждебному народу не повлияло на восприятие крещеных литовцев. В текстах, принадлежащих летописцу Тимофею и его ближайшим преемникам, обращают на себя внимание подчеркнутые положительные образы литовских князей, принявших христианство — Товтивила, Войшелга и особенно Довмонта, князя псковского¹⁰². Говорить о каких-либо сугубо этнических, «литвинофобских», стереотипах, свободных от политического и конфессионального компонентов, новгородская летопись не позволяет.

Для летописцев исторической Суздальской земли, труд которых сохранился в *ЛЛ*, тема отношений с литвой в XIII в. оставалась еще периферийной. Как говорилось выше, впервые

⁹⁸ Новгородская первая летопись ... С. 73, 283–284.

⁹⁹ Там же. С. 74, 285.

¹⁰⁰ Там же. С. 79–80, 82, 85.

¹⁰¹ Там же. С. 84–85.

¹⁰² См.: Там же. С. 83–85, 90, 324, 329–330.

этноконфессиональные маркеры (*Ia-б*, *IIa*) в известиях о литве появляются в памятнике под 6733/1225 г. при описании литовского набега на смоленские и новгородские земли и последовавшей победы русских во главе с князем Ярославом Всеволодовичем под Усвятом. Летописец подчеркнул поразивший его масштаб нападения — «бѣ бо рать велика з(ело), ака же не была от начала миру»¹⁰³. Время появления известия в сохранившемся виде установить сложно. Летописцем приведены детали произошедшего (включая точную дату сражения), что указывает на небольшой срок между событиями и их фиксацией. Однако читающееся здесь же замечание, что после победы Ярослава «быс(ть) миръ потом на многа лѣта», говорит либо о ретроспективном характере записи, либо (что кажется более вероятным) о ее редактировании спустя годы после создания. Известие выдержано в подчеркнуто комплиментарном тоне по отношению к Ярославу, что позволяет предполагать участие в его создании книжника, близкого к князю. В целом ничто не мешает согласиться с мнением К. В. Кириченко, что статья *ЛЛ* за 6733/1225 г. несет на себе отпечаток живых впечатлений жителей Суздальской земли от первого военного столкновения с литвой¹⁰⁴.

Еще одно событие с участием Ярослава — изгнание им литовских наместников из Смоленска — описано в *ЛЛ* под 6747/1239 г. в нейтральных выражениях¹⁰⁵. А вот два оставшихся «литовских» известия памятника — о наступательных действиях прибалтов — вновь снабжены изучаемыми маркерами. Это сообщения о гибели князя Михаила Ярославича под 6756/1248 г. (маркер *Ia*) и о набеге литвы на «тѣмьрьского вл(а)д(ы)кы волость Олешню» под 6793/1285 г. (маркеры *Iб*, *IIa*)¹⁰⁶.

Для авторов Галицко-Волынской летописи тема отношения с балтскими соседями, напротив, была одной из центральных. Если в начальной части летописи упоминания северных соседей-язычников единичны, то со статьи 6735/1227 г. начинается плотная череда известий о военных и мирных контактах с литвой и ятвягами, которая тянется до конца памятника. При этом практически все случаи использования этноконфессиональных маркеров в этих известиях группируются на заключительном

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448.

¹⁰⁴ Кириченко К. В. Пошуки образу ... С. 12.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

¹⁰⁶ Там же. Стб. 471, 483.

отрезке галицкой части летописи¹⁰⁷ — в статьях хронологической сетки с 6754/1246 по 6770/1262 г. Исключения составляют лишь два известия, находящиеся за рамками этого отрезка. Однако в силу своей нечеткости они, скорее, подтверждают правило. Под 6723/1215 г., где впервые в *ИЛ* встречаем интересующие нас мотивы, сказано, что к миру с братьями Романовичами литовских князей подтолкнул сам Бог («Б(о)жиимъ повелениемъ прислаша...»), а под 6778/1270 г. книжник использовал несколько негативно-конфессиональных определений, но адресовал их не литве-народу, а персонально литовскому князю Тройдену («оканьныи и незаконьныи, прокляты[и], нем(и)-л(о)ст(и)выи»)¹⁰⁸.

Начальные сообщения галицкого текста о набегах литвы и ятвягов и об ответных действиях русских князей свободны от каких-либо оценочных элементов этноконфессионального плана (под 6713/1205, 6735/1227, 6737/1229, 6743/1235 и 6749/1241 гг.)¹⁰⁹. Из этих сообщений только два первых рассказывают о нападениях соседей. Далее летопись фиксирует относительную стабилизацию пограничной ситуации (для Волыни), продлившуюся два десятилетия: речь заходит или об опасности появления литвы и ятвягов, или о походах против них (состоявшихся или запланированных). Обстановка резко меняется в период, описанный статьями 6754/1246, 6755/1247 и 6756/1248 гг. Один за другим следуют глубокие рейды литвы, а на третий год и ятвягов по направлению к столице Волынской земли Владимиру — до Пересопницы, до Мельницы, до Охоже и Бусовно (последние два городка располагались, видимо, в районе будущего Холма¹¹⁰). Братьям Даниилу и Васильку Романовичам каждый раз удавалось догнать и победить неприятельские отряды. И именно в этих трех статьях начинают обильно использоваться интересующие нас словесные средства: «поганные», «злии погании»;

¹⁰⁷ Граница между галицкой и волынской частями приходится на статьи 6768/1260–6769/1261 гг., при этом некоторые исследователи видят в ближайших статьях после этого рубежа своего рода переходную зону, где исходный галицкий материал уже обрабатывал волынский редактор (*Юрьева И. С.* Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // *Лингвистическое источниковедение.* 2012–2013 гг. М., 2013. С. 135–151).

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 735, 869.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 721, 751, 754, 776–777, 792.

¹¹⁰ См.: *Котляр Н. Ф.* Комментарий // *Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование.* СПб., 2005. С. 265.

«Б(ог)оу помогшоу...», «м(и)л(о)стью Б(о)жиею» и сходные¹¹¹. Далее этот же инструментарий (маркеры *Ia*, *IIa*) входит в обиход авторов галицкой летописи и используется ими регулярно при описании как нападений литвы (под 6766/1258, 6770/1262 гг.¹¹²), так и походов против литвы (под 6760/1252 г.¹¹³) и ятвягов (под 6759/1251, 6763/1255, 6764/1256, 6765/1257 гг.¹¹⁴). Эти штрихи соседствуют с описанием укрепляющихся военных и родственных связей волынских князей с литовской знатью — картина, очень напоминающая изображение русско-половецкого сосуществования в летописании конца XI — первой трети XIII в. Показательно, что один из летописцев прямо сопоставил борьбу братьев Романовичей против балтских язычников с борьбой их отца Романа Мстиславича против половцев. Даниил и Василько, по его словам, победив ятвягов, «многи крестьяны от пленения избависта», и тем самым наследовали «поуть отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганяя, яко левъ, имже половци дѣти страхаоу»¹¹⁵.

Таким образом, все три летописные традиции XIII в. демонстрируют одну и ту же схему возникновения нового образа литвы, сходную со схемой возникновения «классического» образа половцев на страницах *ПВЛ*. Конфессиональная окраска летописных известий появляется в период эскалации наступательной активности соседнего народа, когда его действия начинают представлять существенную опасность — ведут к разорению городов и сёл, угону пленников и кровопролитию. В XIII в. на глазах одного поколения литва из беспокойного соседа превратилась как раз в такую грозную силу, покушавшуюся к тому же и на захват некоторых исторических областей Руси. Как показывает летописный материал, осознание этой опасности и стало причиной коррекции образа литвы и ятвягов, которые были поставлены летописцами в один ряд с половцами. Говорить о превалировании здесь неких отвлеченных идеологических факторов над историческими не приходится. Вывод В. Т. Пашуто, увидевшего в риторике Галицко-Волынской летописи «призывы воинствующей церкви», которые были прикрытием для «наступления русских

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 797–800.

¹¹² Там же. Стб. 839–840, 856–857.

¹¹³ Там же. Стб. 815.

¹¹⁴ Там же. Стб. 812–813, 828, 833–836. Под последним из перечисленных годовых заголовков речь идет не о походе, а о последствиях похода: «Б(ог)о)мь... дана емоу [Даниилу. — А. Л.] дань».

¹¹⁵ Там же. Стб. 813.

князей на литовские земли» и являли собой идеологию «русского варианта крестовых походов», представляется в корне неверным¹¹⁶.

3. Монголы. По верному наблюдению Л. С. Чекина, образ монголов на Руси «формировался на базе традиционных древнерусских восприятий половцев-измаилтян»¹¹⁷. Добавим к этому, что монголы стали единственным народом, который в летописании рассматриваемого времени унаследовал все без исключения «половецкие признаки». Полный диапазон этих характеристик появляется синхронно во всех изучаемых памятниках и уже в статьях, повествующих о первой встрече русских с монголами на р. Калке в 1223 г. и Батыевом нашествии 1237–1241 гг.:

<i>Текст</i>	<i>Маркеры</i>				
	<i>Ia</i>	<i>Iб</i>	<i>IIa</i>	<i>IIб</i>	<i>III</i>
<i>ЛЛ</i> под 6731/1223 г. ¹¹⁸			+		+
<i>ИЛ</i> под 6732/1224 г. ¹¹⁹	+	+		+	+
<i>НЛЛ</i> под 6732/1224 г. ¹²⁰				+	+
<i>НЛЛ</i> под 6744/1236 г. ¹²¹	+				
<i>ЛЛ</i> под 6745/1237 г. ¹²²	+	+		+	
<i>ИЛ</i> под 6745/1237 г. ¹²³	+				+
<i>ЛЛ</i> под 6746/1238 г. ¹²⁴	+	+	+		
<i>ИЛ</i> под 6746/1238 г. ¹²⁵	+				
<i>НЛЛ</i> под 6746/1238 г. ¹²⁶	+	+	+	+	+
<i>ЛЛ</i> под 6747/1239 г. ¹²⁷	+		+	+	
<i>ИЛ</i> под 6748/1240 г. ¹²⁸	+		+		

¹¹⁶ Пашуто В. Т. Образование ... С. 26, 32, 43.

¹¹⁷ Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы. С. 710.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445–447.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740, 744–745.

¹²⁰ Новгородская первая летопись ... С. 61, 63.

¹²¹ Там же. С. 74.

¹²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460, 462–466.

¹²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778–780.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

¹²⁶ Новгородская первая летопись ... С. 75–77.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 468–469.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786–789.

Когда возникли показанные маркеры?

Начнем с трех сохранившихся повестей о Калкской битве. Две из них, имеющие пространные совпадения между собой, находятся в *НЛ* и *ЛЛ*, а третья, в целом независимая от двух первых, — в *ИЛ*.

Новгородская повесть, где монголы изображены как наказание «за грѣхы наша» и отнесены (пусть пока и с некоторым сомнением) к числу измаилтянских народов (маркеры *IIб* и *III*), читается в той части Синодального списка, который, как говорилось выше, был переписан еще до начала Батыева нашествия. А это значит, что подобная реакция на неведомых степняков появилась уже под впечатлением событий 1223 г. Происхождение текста в *НЛ* вызвало среди исследователей споры. Высказывалось мнение, что он возник в среде южнорусских книжников¹²⁹. Согласно иной точке зрения, получившей новую аргументацию в последнее время, к его появлению был причастен новгородский владыка Антоний, с 1219 по 1225 г. возглавлявший кафедру в Перемышле и имевший возможность выяснить обстоятельства битвы непосредственно из уст ее участников¹³⁰. По мнению А. А. Гиппиуса, наиболее вероятным временем внесения повести в текст новгородской владычной летописи были 1225–1228 гг.¹³¹

При такой атрибуции новгородской повести о Калкской битве параллельные ей чтения *ЛЛ* (содержащие маркер *III*) логично воспринимаются как заимствования из владычной летописи Новгорода¹³². Однако установить точное время этого заимствования представляется затруднительным.

За рамками параллельных с *НЛ* чтений в «лаврентьевском» варианте повести отыскивается только один интересующий нас мотив. Спасение князя Василька Ростовского, не успевшего принять участие в битве, — говорит летописец, — было совершено «Б(ог)омъ и силою кр(е)ста ч(е)стнаго, и м(о)л(и)твою о(т)ца своего Костянтина и стрыя своего Георгия» (не очень четкий маркер *IIа*). Время появления этой ремарки также остается неясным.

¹²⁹ Fennell J. The Tatar Invasion of 1223: Source Problems // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1980. Bd. 27. S. 18–31; Буланин Д. М. Повесть о битве на Калке // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1987. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). С. 346; Гиппиус А. А. К истории ... С. 13–14.

¹³⁰ Алешковский М. Х. Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. // *Летописи и хроники*. 1980. М., 1981. С. 108; Кучкин В. А. Летописные рассказы о битве на р. Калке // *Письменные памятники истории Древней Руси*. М., 2003. С. 75.

¹³¹ Гиппиус А. А. Архиепископ Антоний ... С. 194–195, 197.

¹³² Кучкин В. А. Летописные рассказы ... С. 75–76.

В *ИЛ* под 6732/1224 г. встречаем почти весь набор изучаемых словесных средств. Монголы названы «безбожными», отнесены к потомству Моава, поражение от них русских полков квалифицировано как наказание за грехи, посланное Богом «за прегрешение кр(е)сть(я)ньское» и в надежде на «покаяние кр(е)стьяньское» (маркеры *Ia-б, IIб, III*). История возникновения этой повести также вызвала дискуссию. Наиболее аргументированной представляется точка зрения В. К. Романова, поддержанная В. А. Кучкиным. Согласно ей, основу памятника составил текст киевской летописи, возникший вскоре после битвы (в 20-е гг. XIII в.) и впоследствии дважды пополненный и отредактированный галицкими книжниками. Все фразы с интересующими нас маркерами находятся в составе фрагментов, которые В. К. Романов отнес к киевскому источнику¹³³. Другими словами, велика возможность того, что и в *ИЛ* мы имеем подтверждение тому, что наделение монголов «половецкими признаками» произошло еще до нашествия Батыя.

Не вызывает сомнения, что столь быстрая идейная реакция русских летописцев на новую угрозу с востока стала следствием пугающего итога Калкской битвы, которая закончилась разгромом крупных русских сил и гибелью большинства воинов, а также имела кровавое «послесловие» в виде истребления монголами жителей городка Святополча — «избиша ихъ всех»¹³⁴. Возможно, сыграли свою роль и доходившие до Руси вести о впечатляющих завоеваниях армий Чингисхана в других странах¹³⁵.

Как ни горька была беда Калки, и она должна была померкнуть на фоне неслыханных потрясений Батыева нашествия. Повествования *ЛЛ*, *ИЛ* и *НЛ* о событиях 1237–1241 гг. наполнены пафосом великой трагедии и обильно снабжены риторическими конструкциями интересующего нас типа. Эти повествования отличаются друг от друга, и каждое из них имеет сложную текстологическую природу. Происхождение их текстов получило в научной литературе противоречивые оценки¹³⁶.

¹³³ Романов В. К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980 год. М., 1981. С. 79–103; Кучкин В. А. Летописные рассказы ... С. 77.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745.

¹³⁵ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. Сборник научных трудов. М., 1990. [Ч. 1.] С. 15.

¹³⁶ Их обзор см.: Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. С. 46–55.

Сказанное выше о характере текста *НЛ* за XIII в. позволяет предполагать, что новгородский рассказ о нашествии, читающийся под 6746/1238 г., возник более или менее синхронно событиям и принадлежал пономарю Тимофею — предполагаемому летописцу новгородских архиепископов Спиридона и Далмата¹³⁷. Интересно, что его повествование включает все выявленные типы маркеров. Монголы названы «погаными», «безбожными» (этот же эпитет употреблен и выше, под 6744/1236 г., в известии о захвате ими Волжской Булгарии), «безаконными», «оканьными», «кровопролитцами крестьяньския крѣви» (маркеры *Ia-b*). Их нашествие при помощи различных оборотов оценено как наказание за «грѣхы наша», «Божии гнѣв», «попущение» и т. п., а спасение Новгорода — как милость Божья: «заступи Богъ и святая великая и зборная апостольская церкы святая Софѣя и святыи Кюриль и святыхъ правовѣрныхъ архиепископъ молитва и благовѣрныхъ князии и преподобныхъ черноризецъ иерѣискаго сбора» (маркеры *IIa-b*). Происхождение монголов уже перестало, видимо, вызывать в Новгороде сомнение — они однозначно названы «измаильти», а в *НЛмл* сверх того — «сыны Агарини, робы Авраамля»¹³⁸ (маркер *III*). Такая риторическая насыщенность текста (включая описание событий и на территории самой республики) особенно примечательна именно в новгородском летописании, где, как мы видели, активное использование «половецкого шаблона» началось сравнительно недавно — лишь с начала XIII в.

С бóльшей осторожностью следует говорить о тексте *ИЛ*, который читается под 6745/1237–6748/1240 гг. и сформировался в ряд этапов. Вероятнее всего, его основу составили материалы киевского и черниговского происхождения, объединенные между собой и с известиями из других регионов Руси спустя несколько лет после завершения нашествия и позже пополненные летописцем Даниила Галицкого¹³⁹. Исследуемые маркеры с разной интенсивностью пронизывают все гипотетические компоненты текста. К монголам приложены эпитеты «безбожнии», «нечестивии» и «поганые» (маркер *Ia*), «измалтянѣ» и «агаряне» (маркер *III*), а в галицком по происхождению фрагменте текста сказано, что во время нашествия город Холм «одержалъ бо бѣаше

¹³⁷ О манере работы этого летописца см. также: Гимон Т. В. Историописание ... С. 503.

¹³⁸ Новгородская первая летопись ... С. 288.

¹³⁹ Майоров А. В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1 (5). С. 33–94; *Его же*. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2 (6). С. 43–113.

Богъ» (маркер *IIa*). Вместе с тем в историографии уже обращали внимание на отсутствие в этом повествовании эксплицитного мотива наказания за грехи¹⁴⁰ (в отличие, например, от читающейся выше повести о Калке).

Не до конца ясна и история сложения посвященного Батыеву нашествию текстового компонента *ЛЛ* и особенно его идейного обрамления, которое находит большое число соответствий в более ранних статьях памятника. Впрочем, если не принимать во внимание подвергнушуюся критике идею Г. М. Прохорова о появлении дошедшего до нас текста лишь во второй половине XIV в., навряд ли будет правильно видеть в *ЛЛ* рассказ, несущий на себе следы слишком поздней обработки¹⁴¹. На это, в частности, указывает любопытный шов, проходящий по летописной статье 6747/1239 г. Если подробный текст от начала рассказа о появлении Батыя на Руси под 6745/1237 г. и до сообщения о спасении некоторых князей Суздальской земли под 6747/1239 г. включительно насыщен изучаемыми маркерами, то со второй половины упомянутой статьи они совершенно пропадают (краткие известия о взятии монголами Переяславля Русского, Чернигова, Муром, Гороховца и Киева под 6747/1239 и 6748/1240 гг.). Представляется очевидным, что риторические элементы первого отрезка должны были возникнуть еще до его соединения с текстом второго. В противном случае придется как-то объяснить действия гипотетического редактора, обработавшего в провиденциальном ключе лишь первую часть сообщений о монгольском нашествии и оставившего без такой обработки вторую часть. Сказанное заставляет вспомнить предположение М. Д. Присёлкова о том, что памятником, в котором появилось известное по *ЛЛ* повествование о нашествии, мог быть «свод 1239 г.»¹⁴². Но даже если сомневаться в существовании данного этапа летописной работы и думать, что начало рассказа о завоевании Руси (до отмеченного шва) возникло позднее 1239 г., то и в этом случае, повторимся, нет оснований для того, чтобы увязывать оформление интересующего нас текста с финальным этапом сложения памятника — «свода 1305 г.». Другими словами, это должно было произойти заведомо в пределах XIII столетия.

¹⁴⁰ Рудаков В. Н. Монголо-татары ... С. 78.

¹⁴¹ См.: Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 77–98; Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 50–67; Кучкин В. А. Рассказ о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // Письменные памятники истории Древней Руси. С. 81.

¹⁴² Приселков М. Д. История русского летописания ... С. 141–144.

На первом отрезке повествования *ЛЛ* о нашествии монголов в статьях за 6745/1237, 6746/1238 и 6747/1239 гг. находим почти все типы маркеров. Лексика этноконфессионального размежевания представлена в определениях монголов словами «безбожнии», «поганые», «оканнии», а также «кровопиисцы» и «плотоядци», в определении русских — «хрестьяньск род», «хрестьяне» (маркеры *Ia-b*). Несколько раз в повествовании возникает мотив нашествия как наказания за грехи, «батоба» Божьего, и при этом спасение выживших во время нашествия князей приписано Божьему милосердию (маркеры *IIa, IIб*). Маркер *III* прямо не встречается, но цитирование 78-го псалма («Боже, придоша языци в достоянье Твое...») всё же отсылает внимательного читателя к узнаваемому «измаилтянскому» контексту изображения половцев в *ПВЛ*.

Как видим, все три памятника дают весьма активную и на удивление сходную реакцию на события монгольского завоевания Руси в 1237–1241 гг. По крайней мере, часть рассмотренных текстов можно относить к ближайшим годам после нашествия и, таким образом, видеть в них мнение современников или даже свидетелей тех страшных событий. После описанного выше скорого идейного отклика летописцев на гораздо менее масштабные ратные происшествия 1223 г. подобная расторопность в негативном заострении образа монголов, характеризующая авторов повествований о нашествии Батыя, не кажется неожиданной.

Негативный образ монголов, возникший под впечатлением военных потрясений второй четверти XIII в., не исчез и после установления над Русью верховной власти ханов. Однако, как показывает летописание середины и второй половины столетия, актуализировался он не при каждом упоминании «татар», «цесарей» или Орды, а, главным образом, в описаниях острых конфликтных ситуаций, обычно связанных с кровопролитием либо чреватых им. Такая практика не столько свидетельствует о некой политической осмотрительности летописцев, сколько в целом соответствует манере, которую их предшественники более раннего времени выработали, рассказывая о половцах, булгарах и литве.

В *НЛ* до начала XIV в. встречаем четыре эпизода, когда непосредственный контакт Новгорода со степняками мог привести или привел к серьезным последствиям. Под 6765/1257 г. и 6767/1259 гг. летописец (по-видимому, это был знакомый нам Тимофей) дважды сообщает о приездах монгольских посланцев с требованием дани, под 6778/1270 г. другой летописец повествует об угрозе снаряжения против Новгорода «татарской рати» по просьбе князя Ярослава Ярославича, а под 6792/1284 г. (в *НЛмл*) чита-

ется известие о походе на республику князей Дмитрия и Андрея Александровичей «с татары» и «со всею Низовьскою землею»¹⁴³. Первый эпизод мирно заканчивается дипломатической победой (пусть и временной) новгородцев, которые вместо дани лишь «даша дары цесареви [хану. — А. Л.]»¹⁴⁴, в третьем эпизоде угроза рати так и не воплотилась в действие, а в четвертом, хотя нападавшие и учинили «много зла» новгородским волостям, однако же главными инициаторами и бенефициарами войны показаны не степняки, а князья. Ни в одном из этих известий интересующих нас маркеров нет. Иное дело второй эпизод — болезненная для новгородцев история принуждения их к переписи и уплате регулярной дани в 1259 г., когда дело дошло до открытого мятежа и в Новгороде едва не пролилась кровь, но в итоге посланцы хана всё же начали по-хозяйски разъезжать по городу, «пишуче дома христианьския». Все описанные события, восприятие которых, возможно, было осложнено и негативным библейским образом переписи «народа Божьего» (см.: 2 Цар. 24)¹⁴⁵, вызвали резкий отклик у пономаря Тимофея, и он использовал в своем рассказе все (!) типы маркеров¹⁴⁶. Этот пример их активного появления в *НПЛ* представляется особенно показательным. Летописец изображал новую для себя и летописной традиции в целом ситуацию — перепись русских врагами, и значит не по привычке, а вполне осознанно привнес в ее описание фразеологию сообщений о вооруженных конфликтах.

Помимо того, в тексте *НПЛ* упомянуты две ордынские «рати», отправленные ханом по просьбе Андрея Александровича на его

¹⁴³ Новгородская первая летопись ... С. 82–83, 88–89, 325–326.

¹⁴⁴ А. А. Горский интерпретирует эти события как неудачную попытку монгольского посольства добиться от Новгорода официального признания верховной власти хана в форме согласия на выплату дани (*Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности* // Исторический вестник. 2014. Декабрь. Т. 10 [157]. С. 71–73).

¹⁴⁵ См. также: *Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций*. М., 2000. С. 214–215; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Ю. В. Кривошеев. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XV вв.* СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. 468 с. [Рецензия] // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 162. При этом следует отметить, что упоминания переписей в Библии необязательно окрашены в негативные тона. Так, самая известная христианам перепись — та, из-за которой Мария оказалась в Вифлееме и именно там родила Христа, — описана евангелистом совершенно нейтрально (Лк. 2:1–5).

¹⁴⁶ Маркер *III* отсутствует в Синодальном списке, но читается в *НПЛ*мл: «внуци Агарины робы Авраамля» (Новгородская первая летопись ... С. 310).

родного брата великого князя Дмитрия и завершившиеся разорением владений последнего в Суздальской земле — под 6790/1282 и 6801/1293 гг.¹⁴⁷ Во втором известии присутствует маркер *Іб* («много бяше пакости крестияномъ»), что представляется вполне объяснимым: рать Дюдения 1293 г. значительно превосходила рать 1282 г. — и по общему географическому охвату, и по урону, нанесенному непосредственно городам (было взято не меньше одиннадцати городов против двух в прошлый раз)¹⁴⁸.

Так обстоят дела с описанием в *НЛ* кризисных ситуаций. При этом гораздо более многочисленные новгородские сообщения, в которых монголы упоминаются вне таких ситуаций (регулярные поездки князей к ханам, война «татар» против Литвы, приезд на берега Волхова великого баскака Амрагана), полностью свободны от интересующих нас маркеров¹⁴⁹.

На страницах *ЛЛ* (*Сим.*) монгольская тема возникает гораздо чаще, чем в *НЛ*. Немало известий посвящено конфликтам с монголами — произошедшим или потенциальным, и большинство этих известий отмечены рассматриваемыми маркерами. Так, из трех сообщений об убийстве монголами русских князей — Мстислава Рыльского под 6749/1241 г., Михаила Черниговского под 6754/1246 г. и Романа Рязанского под 6778/1270 г. — два (последних) содержат маркер *Іа* («неч(е)ст[ив]ые», «поганые»)¹⁵⁰. Из пяти известий о монгольских «ратях» — под 6760/1252, 6789/1281, 6790/1282, 6891/1283 и 6801/1293 гг. — маркеры (хотя не всегда четкие) содержат четыре. В первом и пятом маркер *Іа* (заступничество Божье) использован персонально по отношению к князьям — Андрею Ярославичу и Михаилу Ярославичу. Во втором встречаем маркеры *Іа*, *Іб*, *Іб* и *ІІІ*: «христианам» и «христианскому роду» (русским) противопоставлены «поганые татары», всё произошедшее определено как следствие «грѣхъ... нашихъ», а в качестве провиденциального комментария к святотатственным действиям монголов процитирован 78-й псалом. В четвертом известии присутствуют маркеры *Іа* («бесурмене» — о людях баскака Ахмата, принявших участие в карательной акции) и *Іб* («грѣх ради наших»)¹⁵¹. Оценивая идейную окраску этой группы

¹⁴⁷ Новгородская первая летопись ... С. 324, 327.

¹⁴⁸ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. Стб. 78, 82–83. См. также: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 185–186.

¹⁴⁹ См.: Новгородская первая летопись ... С. 79, 80, 82, 83, 88–89, 91–92, 327.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470–471; Т. 18. С. 73.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473, 481, 483; Т. 18. С. 78–80.

известий, следует обратить внимание, что во втором, третьем и пятом известиях инициаторами ратей в летописи представлены не монголы, а русские князья (главным образом — Андрей Александрович). Интересующие нас словесные средства неизменно появляются и в известиях о бесчинствах «татар» вне ратей. Речь идет о действиях степняков во время их возвращения из похода на Литву под 6783/1275 г. (маркеры *Ia*, *Iб*) и о разбойных нападениях людей того же баскака Ахмата на жителей Курской волости под 6791/1283 г. (*Iб*)¹⁵². Резкий негативный фон присутствует также под 6770/1262 гг. в известии о восстании в Ростове и других городах Суздальской земли против «бесурмен» — откупщиков монгольской дани (*Ia*, *Iб*, *IIa*)¹⁵³. Содержат маркеры и несколько разнородных чтений, акцентирующих болезненные грани отношений с монголами: похвала князю Александру Ярославичу под 6771/1263 г., где отмечено, что он «за христианы съ погаными татари перемогаея» (*Ia*, *Iб*); известие о смерти хана Берке — «бысть ослаба Руси отъ насилия бесермень» (*Ia*); некролог князю Глебу Васильковичу — «по нахождении поганыхъ татарь... многи христианы... избави» (речь идет о пленных) (*Ia*, *Iб*)¹⁵⁴. При этом оба известия о «числе» в Русских землях под 6765/1257 и 6766/1258 гг. и известие о бегстве митрополита Максима из Киева из-за «татарско(го) насилья»¹⁵⁵ остались без рассматриваемых маркеров.

Эпизоды, лишённые внешних признаков конфликта, ожидаемо представлены в *ЛЛ* (*Сим.*) сугубо нейтрально. Это многочисленные поездки князей к ханам и обратно, контакты с монголами по церковной линии, не затронувшие Русь их военные походы против третьих стран (с участием русских князей или без оногo)¹⁵⁶.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 18. С. 74, 79—80; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 332—333.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 72, 76.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474—475, 485. О возможном библейском подтексте в этом летописном известии о митрополите Максиме см.: *Борисов Н. С.* К вопросу о переносе митрополичьей кафедры из Киева во Владимир // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва 9—10 ноября 2017 года. М., 2017. С. 44—45.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470—476, 484, 486; Т. 18. С. 73—77; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 331, 335. Во всех известиях очерченной тематики маркер встречается лишь однажды, но он не относится к сфере русско-монгольских отношений: в известии о походе хана Менгу-Темира с русскими князьями на ясов (*Сим.* под 6785/1277 г.) сказано, что при взятии «славного града яьского Дедеякова» «поможе Богъ княземъ русскимъ» (ПСРЛ. Т. 18. С. 75).

В «послебатыевых» статьях *ИЛ* отдельные маркеры (*Ia*, *IIa*) нередко используются персонифицировано при упоминании монгольских правителей и военачальников (Ногай, Телебуги, Бурундая, Кончака), с которыми у князей юго-западной Руси складывались не самые простые отношения¹⁵⁷. В целом же картина описания конфликтных ситуаций с использованием анализируемых словесных средств такова. В галицкой части летописи: краткое сообщение о набеге монгольских отрядов в район города Валдавы под 6751/1243 г. осталось без интересующего нас заострения; рассказ о гибели князя Михаила Черниговского под 6753/1245 г. содержит маркер *IIб* («Б(ог)ъ ны есть предаць и власть нашоу грѣхъ ради наших во роуцѣ ваши»); эмоциональное известие о злключениях князя Даниила Галицкого во время его поездки к Батыю под 6758/1250 г. — вариацию маркера *Ia* (о монголах сказано, что они «обладаемы дьяволомъ»); в описании переговоров о королевском венце под 6763/1255 г. Даниил жалуется на «рати татарские», а польские бояре обещают ему помощь против «поганных» (маркер *Ia*); первые столкновения Даниила с Куремсой под тем же 6763/1255 (где упомянута и его борьба с баскаком Милем) и под 6765/1257 гг. описаны нейтрально (и это хорошо соотносится с тем, что в обоих случаях упоминаются наступательные действия Даниила), но под 6767/1259 г. в рассказе о наступлении Куремсы спасение Луцка трактовано как «чюдо», а монголы в ремарке о строительстве Даниилом крепостей названы «безбожными» (маркеры *Ia*, *IIa*); в повествовании о разрушении русских крепостей по приказу Бурундая во время его похода на Польшу под 6769/1261 г. он получает персональные определения негативно-конфессионального плана, о которых мы упоминали выше, а хитрость князя Василька Романовича, спасшая от разрушения город Холм, трактуется как очевидное проявление Божьей помощи — «князь Василко аки от Б(ог)а посланъ бы(сть)»...» (маркеры *Ia*, *IIa*)¹⁵⁸. Волынская часть памятника приносит аналогичные примеры. Под 6791/1283 г. рассказывается о кровавых бесчинствах войск хана Телебуги под Владимиром-Волынским и Львовом во время его совместного с ханом Ногаем и русскими князьями похода на Польшу; тогда от действий незваных гостей, а также из-за начавшегося мора погибло 12,5 тысяч русских. Летописец в описании этих страшных событий наделяет обоих ханов нега-

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846, 849, 876, 881, 888, 890–891, 893–894. См. также: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении ... С. 21.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 794–795, 806, 826–829, 838, 841–842, 845–846, 849–852.

тивными эпитетами и сверх того использует маркеры *Ia*, *IIa*, *IIb* и *III*. Ниже, под 6797/1289 г., говорится о нереализовавшейся угрозе «татарской» «рати» (которую был готов навести на своего племянника князь Мстислав Данилович), но это известие выдержано в нейтральном тоне¹⁵⁹. Все эти чтения, появляющиеся в Галицко-Волынской летописи при описании конфликтов с чингизидами и их ставленниками, вполне обычны для русского летописания середины и второй половины XIII в.

Что действительно может показаться в памятнике признаком более критического, чем в *ЛЛ* и *НЛЛ*, отношения к монголам — это привнесение разбираемых маркеров в некоторые известия, в которых речь о конфликтах русских с новыми хозяевами степей не идет. Всего находим пять таких известий, представляющих в основном волынскую часть памятника. В тематическом отношении они составляют единую группу и повествуют о военном сотрудничестве русских князей с монголами против третьих сторон (литвы, поляков и венгров). Критическая окраска в этих известиях чаще всего проявляется в приложении негативных эпитетов к именам монгольских деятелей. Именно так под 6768/1260 г. в рассказе о походе на литву степной рати под началом Бурундая и присоединившегося к нему (не по своей воле) князя Василька Романовича, под 6785/1277 г. в описании другого совместного похода на литву, на сей раз — по инициативе и при участии хана Ногая, под 6788/1280 г. в сообщении о присылке Ногаем войск по просьбе князя Льва Даниловича для похода на Польшу (поход состоялся, но не был удачен) и под 6790/1282 г. в повествовании о войне против Венгрии ханов Ногая и Телебуги, приказавших принять в ней участие и русским князьям¹⁶⁰. В последнем известии, помимо использования негативных эпитетов, автор не без злорадства связал неудачи Телебуги с «гнѣвомъ Божиимъ» и уточнил, что хан был «посрамлень от Б(ог)а» (в чём можно видеть персонифицированное использование маркера *IIa*). Под 6795/1287 г., рассказывая о новом монголо-русском походе на Польшу, инициированном Телебугой, летописец начал повествование с немотивированной контекстом резкой реплики «посла Б(ог)ъ на насъ мѣчь свои, иже послужить гнѣвою своему за оумножение грѣховъ нашихъ» (о враждебных действиях монголов на Руси далее ничего не говорится) и отметил, что «бяхоуть вси князи роусции в воли татарской, покорени гнѣвомъ Б(о)жиимъ». (Правда, сходные ремарки о «воле татарской»

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 891—895, 929—933.

¹⁶⁰ Там же. Стб. 846, 876, 881, 888, 890—891.

встречаются и под другими годами и, по мнению некоторых исследователей, могут быть позднейшими вставками¹⁶¹.) Ниже в том же описании похода на Польшу степняки устами князя Владимира Васильковича названы «погаными» и «поганью» (маркеры *Ia*, *IIb*)¹⁶². Рядом с этими пятью известиями, выполненными в критическом тоне, в памятнике отыскивается лишь одно аналогичное по тематике, но составленное нейтрально. Это известие под 6782/1274 г. о походе князя Льва Даниловича на литву с полученной им помощью от «ц(е)с(а)ря» — хана Менгу-Тимура.

Очевидно, что настойчивое использование авторами Галицко-Волынской летописи «конфликтной стилистики» в рассматриваемых известиях, прямо не сообщающих об инцидентах между монголами и русскими, случайным не было. Маркируя эти известия таким образом, летописцы вполне прозрачно ставили описываемые в них события в один ряд с нападениями врагов и другими бедами, случавшимися из-за них. И это, по-видимому, отражало восприятие военных предприятий такого рода, в которых сотрудничество с монголами на деле лишь прикрывало унижительную зависимость от них и, что еще хуже, делало земли Руси, по которым проходили объединенные войска, весьма уязвимыми перед лицом «союзников». Красноречивый пример, когда такой вынужденный союз обернулся трагедией, мы упоминали выше. Речь идет о совместном походе на Польшу, описанном под 6791/1283 г. То, что князья в этом походе были соратниками ханов, отнюдь не остановило массовое насилие степняков по отношению к обитателям Руси под Владимиром-Волынским и Львовом. Психологическое состояние русских участников похода летописец описал характерным образом: «Князи же надѣяхоутс(я) [ожидали. — *А. Л.*] избитья собѣ и городомъ — взятъя»¹⁶³. Подобная же картина монголо-русского похода на литву, произошедшего десятилетием ранее, сохранилась в Симеоновской летописи под 6783/1275 г. Монголы грабили русские селения и «идуше на литву, и паки назадъ идуще отъ литвы того злѣе». Оценивая их как союзников, летописец отметил: «творящесе на помощь пришедше, обрѣтошася — на пакость»¹⁶⁴. При таком положении

¹⁶¹ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 230; Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении ... С. 17, 58.

¹⁶² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 891, 897, 899.

¹⁶³ Там же. Стб. 892.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 74–75.

дел негативный тон в пяти перечисленных известиях, который на первый взгляд может показаться необычным, на самом деле, скорее, соответствует общему литературному правилу.

Оставшиеся чтения *ИЛ* о монголах, также не сообщающие об открытых конфликтах, маркеров ожидаемо не содержат. Это сообщения под разными годами: об «оружии татарском»; о смуте «в самѣхъ татарѣхъ»; об упомянутом походе на литву князя Льва Даниловича; о ложных жалобах волынских послов при дворе польского князя Кондрата на проблемы с «татарами»; об эпизоотии в степях; о русских людях, потерявших коней в случившуюся ранее «Телебоузиною» рать¹⁶⁵.

Возникновение и развитие образа монголов в русском летописании XIII в. хорошо вписывается в литературную парадигму прежнего времени. Негативный образ недружественного народа формируется на волне его наступательной активности. В изображении же последующих контактов с ним летописцы выбирают между нейтральным и негативным тоном повествования, склоняясь к последнему, как правило, только при описании конфликтных ситуаций. И в случае с монголами летописцы демонстрируют неприятие не столько самого народа и его веры, сколько его враждебных действий против Руси. Источники не позволяют согласиться с мнением Ч. Гальперина, полагавшего, что «татары» были «ненавистны» для русских потому, «что являлись не православными христианами, а иноверцами»¹⁶⁶.

4. Шведы и немцы. Как мы увидели в предыдущих главах, русские летописцы долгое время сохраняли нейтральный конфессиональный тон при изображении отношений с католическими соседями — несмотря на «схизму» 1054 г., византийскую антилатинскую полемику, поддержанную и на Руси, и на всю сумму канонических ограничений в сфере общения с западными христианами. Лишь в XIII в., отмеченном началом широкого наступления латинской Европы на Европу восточнохристианскую, в летописных известиях — нечасто и как бы неуверенно — начали появляться изучаемые маркеры, формирующие новые образы западных соседей. Происходило это не столь активно, как в аналогичных известиях о нехристианах, и с привлечением более скромного арсенала словесных средств. Особенно последнее касается лексики

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 814, 863, 871–874, 884, 895, 914.

¹⁶⁶ Halperin Ch. J. The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in the Medieval Russia. Bloomington, 2009. P. 192.

этноконфессионального размежевания. В летописных известиях XIII в. русские, противопоставляемые католикам, ни разу не были определены как «христиане» (единственный пример такого словоупотребления для того столетия мы отыскиали лишь во внелетописном «Слове о погибели Руския земли»). Негативно-конфессиональные же наименования латинян оказывались крайне редки и сводились к одному и не самому резкому — «оканьнии». (Правда, в «Повести о житии» Александра Невского, начало которой сохранилось в *ЛЛ*, шведы наречены еще «римлянами», а немцы — «безбожными» и «языком непреподобным»¹⁶⁷.)

В *ЛЛ-Сим* и *ИЛ* появление «маркированных» чтений о католиках носит эпизодический характер. В первом памятнике (если не принимать в расчет «Повесть о житии») встречается один искомый пример: автор известия о походе на Раковор в 1268 г. отмечает, что во время битвы с «нѣмцами» (об участвовавших в сражении датчанах он отдельно не говорит) Бог «поможе» князю Дмитрию Александровичу¹⁶⁸ (маркер *Па*). В *ИЛ* таких очевидных примера четыре. Под 6727/1219 г., описывая сражение князя Мстислава Удатного с венграми и поляками за Галич, летописец указывает на помощь Бога и Богородицы как причину победы русских (маркер *Па*). Под 6737/1229 г. в рассказе о походе на Галич венгерского «рикса» Белы IV находим аналогичный мотив и сопоставления венгров с нечестивыми народами Ветхого Завета — египтянами и ассирийцами, о чём мы говорили в III главе, (маркеры *Па*, *Пл*). Под 6757/1249 г. в описании Ярославского сражения 1245 г. между силами Даниила Галицкого и польско-венгерско-русским войском его противника князя Ростислава Михайловича акцент поставлен на противоборстве Даниила и его брата Василька с поляками и венграми, а в конце подчеркнуто, что победу братьям даровал Бог (маркер *Па*). Из-за присутствия в побежденном войске не только иноплеменников, но и русских, этот пример выглядит не очень показательным. Однако этноконфессиональная грань противоборства подчеркнута самим автором в такой яркой зарисовке: «Ляхомъ же лающимъ, рекущим: “Поженемъ на великыи бороды [то есть на русских. — *А. Л.*]”. Василкови же рекшу яко: “Ложъ глаголь есть вашъ. Богъ помощникъ нашъ есть”». Ниже в летописи упомянуты и венгерские бояре, которых «Б(ог)ъ вдасть в роуцъ» Даниила. Наконец, под 6790/1282 г. упоминается Божья помощь («м(и)л(о)сть») при описании успешных действий

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479; БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 364.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 73.

жителей Берестья против напавших на их землю поляков (маркер *IIa*)¹⁶⁹. Эти нечастые ремарки почти теряются на общем, в целом нейтральном, фоне изображения западных соседей-католиков.

Совсем иная картина сложилась на страницах *НЛ*. Там употребление провиденциальных маркеров в известиях о немцах и шведах (которых летописцы нередко определяют единым этнонимом «нѣмци») сделалось систематическим, что вполне объяснимо историей Новгородской республики. Среди всех Русских земель именно ей пришлось столкнуться с самыми серьезными и долговременными проблемами на западе, вызванными крестоносной экспансией Швеции, Дании и немецкого рыцарства в прибалтийском регионе.

4.1. Шведы. Столкновение Новгорода и Швеции началось еще в середине XII в. Ареной их противоборства стали земли языческих финно-угорских племен еми, карел и ижоры. Некоторые из этих земель (ижоры и, видимо, части карел) уже входили в состав республики, другие — находились с ней в даннических отношениях¹⁷⁰. Стратегической целью Швеции на этом направлении было овладение двумя новгородскими выходами в Балтийское море через Ладожское озеро — невским и вуоксинским. В борьбу между Швецией и Новгородом оказались вовлечены многие этнические группы финно-угров, включая, помимо упомянутых, сумь и водь. Причем из источников не всегда ясно, когда они действовали под эгидой одной из враждующих сторон, а когда — по собственной инициативе¹⁷¹.

Первое упоминание шведов в контексте начавшегося противоборства встречаем в *НЛ* под 6650/1142 г. После известия о нападении еми на «область Новгородскую» летописец сообщил, что приходил «свьискеи князь съ епископомъ въ 60 шнекъ на гость» и атаковал три торговые лоды (место нападения не уточняется). Атака оказалась unsuccessful, шведы с большими потерями отступили¹⁷². Под 6651/1143 и 6657/1149 гг. говорится

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 737–738, 760–761, 803–805, 809, 890.

¹⁷⁰ Емь как данница Руси упоминается еще в *ПВЛ* (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11).

¹⁷¹ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978; *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 3–5; *Соколов Р. А.* Политика Александра Невского в Балтийско-Скандинавском регионе // Александр Невский: Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 150–155.

¹⁷² Новгородская первая летопись ... С. 26.

о военных действиях финно-угорских отрядов — соответственно походе карел на емь и набеге еми на воду¹⁷³. Под 6672/1164 г. под пером летописца снова появляются сами шведы, и на сей раз речь идет уже о серьезном вторжении внутрь Новгородской земли — первом в своем роде. Шведы осадили Ладогу, и только помощь новгородцев во главе с князем Святославом Ростиславичем позволила снять осаду и разбить нападавших. Серьезность описываемой ситуации подтолкнула летописца к восклицанию «и побѣдиша я Божиею помощью» (маркер *Па*) — также первому в своем ряду¹⁷⁴. Под 6694/1186, 6699/1191 и 6735/1227 гг. летопись сообщает о походах новгородцев на емь (во втором походе приняли участие и карелы), а под 6736/1228 г. — об ответном нападении еми на Ладожское озеро, успешно отраженном новгородцами вместе с князем Ярославом Всеволодовичем, а также карелами и ижорой¹⁷⁵. Вторжение шведов в Неву в 1240 г., во многом схожее по целям и результату с их походом на Ладогу 1164 г., вызывало у летописца сходную реакцию: он отметил, что князь Александр Ярославич победил незваных гостей «силою святыя Софья и молитвами владычица наша Богородица и приснодѣвица Мария» (маркер *Па*)¹⁷⁶.

В этом известии любопытно то, что рядом со шведами в числе нападавших названы также «мурмане» (норвежцы), сумь и емь. Историческая точность этого перечня (присутствие в нём норвежцев и еми) вызвала у некоторых ученых сомнение¹⁷⁷. Но летописец написал именно так: Божья помощь была оказана русским не только против шведов, но и против их союзников — норвежцев и финнов. Впрочем, нет оснований сомневаться, что процитированная ремарка адресовалась всё же по преимуществу шведам. И дело тут не только в том, что именно они возглавляли военную экспедицию, и летописец прямо подчеркнул это, используя далее для обозначения незваных гостей только один собирательный этноним «сѡѣи». Гораздо важнее, что во всех — далеко не редких в *НПЛ* — известиях, повествующих о военных столкновениях Новгорода с сумью и/или емью без непосредственного шведского уча-

¹⁷³ Новгородская первая летопись ... С. 27, 28.

¹⁷⁴ Там же. С. 31.

¹⁷⁵ Там же. С. 38, 39, 65.

¹⁷⁶ Там же. С. 77.

¹⁷⁷ См.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси ... С. 159–166; *Линд Д. Г.* Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 47–48; *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. С. 311.

ствия, изучаемые маркеры никогда не используются. Это тем более странно и показательно, что недружественные финские племена при взгляде из Новгорода должны были выглядеть (в отличие от христиан-шведов) представителями нечестивого мира северных «варваров», мира, который еще не расстался или лишь начал расставаться с язычеством, а потому находится где-то рядом с архетипическими врагами-язычниками Руси — «погаными» половцами. И тем не менее не финны, а подчиняющие их шведы начали изображаться на страницах владычной летописи с использованием отдельных цветов «половецкой палитры». Исходя из этого нетрудно заключить, что основную озабоченность в Новгороде вызывала именно военная активность шведов, а не зависимых от них племен.

Забегая вперед, отметим, что типологически сходная картина предстает и в известии *НЛЛ* о Ледовом побоище под 6750/1242 г. В нём также имеется маркер *IIa*: «пособи Богъ князю Александру»¹⁷⁸, и также среди врагов русских оказываются не только католики — немцы, но и приведенные теми язычники — чудь. Однако во всём предыдущем тексте летописи, где не раз упоминаются непосредственные конфликты Новгорода с разными группами чуди, в том числе оборонительные, маркеров нет¹⁷⁹. Между тем, при желании, которого, как видно, у владычных летописцев попросту не было, и в образе языческой чуди можно было отыскать признаки еще одного alter ego половцев. На это указывает реакция на столкновения Новгорода с чудью одного неновгородского летописца¹⁸⁰, в красках описавшего на страницах *ИЛ* под 6686/1178 г. короткое правление в Новгороде князя Мстислава Храброго. Автор несколько раз, в том числе и устами своих героев, назвал чудь «погаными» и помянул Божью помощь, ниспосланную князю и новгородцам в борьбе с ней¹⁸¹.

Вернемся к шведам. Тот же летописец (Тимофей), который рассказал в *НЛЛ* о Невской битве, в другом известии — о неудачном нападении шведов, еми, суми и «Дидмана» (фон Кивеля?)¹⁸²

¹⁷⁸ Новгородская первая летопись ... С. 78.

¹⁷⁹ Там же. С. 20, 22–23, 35 (нападение «всей Чудьской земли» на Псков), 36, 39 (нападение на Псков «чуди поморьской»), 40, 52, 183.

¹⁸⁰ По-видимому, речь идет о человеке, причастном к составлению семейной хроники смоленских Ростиславичей, отразившейся в *ИЛ* (Приселков М. Д. История русского летописания ... С. 88–89).

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 607–608, 610.

¹⁸² О нём см.: Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. С. 331–332.

на новгородский берег р. Нарвы, где те «начаша чинити городъ» (под 6764/1256 г.), — уже назвал нападавших «оканьними» (маркер *Ia*). Звучит это резче, чем упоминание Божией помощи под 6748/1240 г. И вновь заметим, что резкий эпитет был предназначен, по всей видимости, прежде всего шведам. Косвенно на это указывает то, что читающийся следом рассказ об ответном походе Александра Невского на емь остался, как всегда, без риторического обрамления¹⁸³.

В середине 1250-х гг. на новгородско-шведском рубеже устанавливается затишье, продлившееся более четверти века — до начала 80-х гг.

Под 6791/1283 и 6792/1284 гг. *НЛ* сообщает о двух новых визитах вооруженных шведских отрядов в Ладожское озеро. В обоих случаях новгородцы перехватили нападавших на обратном пути на Неве и разбили их. Под 6800/1292 г. говорится о походе новгородцев «на Емьскую землю» и об ответной шведской рати, обрушившейся на ижору и карел. Под 6801/1293 г. — об основании шведами «на Корѣльской землѣ» крепости (Выборга) и о поражении новгородцев с князем, задумавших прогнать их. Под 6802/1294 г. — о неудачной попытке шведов закрепиться и на другом конце вуоксинского водного пути — в Кареле¹⁸⁴.

За всеми этими событиями, описанными в нейтральных тонах, последовало нападение шведов на Неву, по масштабу и амбициозности сравнимое с осадой Ладоги в 1164 г. и попыткой завоевания Невы 1240 г. Большой шведский флот под командованием правителя государства Тюргильса Кнутсона вошел в реку, после чего там, у устья р. Охты, при участии инженера «из великого Рима от папы», была возведена крепость Ландскрона («Вънець земли»). Фортификация должна была отрезать Новгород от Балтики и способствовать дальнейшей экспансии Швеции в крае. Столь грозный оборот дел вновь сподвиг летописца к использованию исследуемых языковых приемов. Под 6808/1300 г. он сообщил о строительстве шведской крепости, а под следующим годом с удовлетворением рассказал о ее удачном штурме и разрушении новгородцами под началом князя Андрея Александровича, отметив при этом, что «город» был взят «силою святыя Софьи и помощью святою Бориса и Глѣба», а построен годом раньше — «безъ Божия повелѣния» (маркер *Ia*)¹⁸⁵.

¹⁸³ Новгородская первая летопись ... С. 81.

¹⁸⁴ Там же. С. 325, 327–328.

¹⁸⁵ Там же. С. 91.

Как видим, провиденциальные ремарки в летописании исследуемого времени появлялись в известиях только о наиболее опасных наступательных действиях шведов против Новгорода.

Формирование окрашенного в «половецкие тона» образа этого народа продолжилось в новгородском летописании и далее, причем тональность отдельных сообщений становится более мрачной. Так, авторы известий об очередном налете шведов на Ладогу под 6821/1313 г. и о новом неудачном походе новгородцев на Выборг под 6830/1322 г. уже увидели в шведах народ «малого круга», объяснив неудачи русских Божьим наказанием «за грѣхы наша» (маркер *Иб*)¹⁸⁶.

4.2. Немцы. Если оставить в стороне упоминания о пожарах «Варязьской» церкви в Новгороде под 6660/1152 и 6689/1181 гг.¹⁸⁷, то тема отношений с немцами в новгородском летописании второй половины XII — начала XIII в. открывается известиями о двух конфликтах республики с заморским немецким купечеством. Под 6696/1188 г. летопись сообщает об инциденте с конфискацией товаров у русских купцов на Готланде и о временном разрыве торговых контактов (полагают, что они были восстановлены в 1191—1192 гг.); под 6709/1201 г. — о завершении нового конфликта и заключении мира¹⁸⁸. Несмотря на остроту коллизий, события ожидаемо изображены в нейтральном ключе. А помещенная под 6712/1204 г. «Повесть о взятии Царьграда фрягами» (вставка которой в текст летописи произошла спустя недолгое время после описываемых событий¹⁸⁹) улавливает в образе немцев и некоторые положительные оттенки — чего совсем нельзя сказать об образе «фрягов», главных отрицательных героев повествования¹⁹⁰. Более

¹⁸⁶ Новгородская первая летопись ... С. 94, 96. В *НЛМл* первое известие дает шведам и такое наименование: «врази наши оканьнии» (с. 335). См. также: Там же. С. 360—362, и др.

¹⁸⁷ Там же. С. 29, 37. Еще один пожар «Варязьской божницы» упомянут ниже, под 6725/1217 г., а под 6783/1275 г. — гибель от огня «нѣмѣчкой» церкви (Там же. С. 57, 323).

¹⁸⁸ Там же. С. 39, 45. См.: *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М., 2009. С. 37—55.

¹⁸⁹ По А. А. Гиппиусу, «Повесть» была вставлена в *НЛ* летописцем архиепископа Антония, признаки работы которого обнаруживаются в статьях за 6719—6734 гг., причем, скорее всего, это случилось в первые годы пребывания Антония на кафедре — вскоре после 1209 г. (*Гиппиус А. А.* Архиепископ Антоний ... С. 187, 197).

¹⁹⁰ Новгородская первая летопись ... С. 46—49. См. также: *Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // ТОДРЛ. М.—Л., 1954. Т. 10. С. 131—132; *Müller L.* Das Bild vom Deutschen in der Kiever Rus' // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht* 11.—17. Jahrhundert. München, 1989. S. 74—75.

того, забегая вперед, находим в *НПЛ* и вовсе удивительный пример отношения к «заморским» немцам. Описывая под 6738/1230 и 6739/1231 гг. голод в Новгороде, летописец расценил появление немецких купцов «и-замория съ житомъ и мукою» как действие милосердного Промысла, орудием которого выступили иностранные торговцы: «откры Богъ милосердие Свое на нас грѣшныхъ, створи милость Свою»¹⁹¹. В таком качестве ни один другой народ в изучаемое время не фигурировал не только в летописании Новгорода, но и других городов. Это лишний раз указывает на отсутствие априорного отрицательного отношения к католикам-немцам у авторов владычной хроники.

Где-то со второй половины первого десятилетия XIII в. во внешнеполитической повестке Новгорода появляется новый сюжет, связанный с немцами. Рыцари-меченосцы вначале исподволь, а потом всё решительнее приступили к подчинению земель эстов — территории, находившейся в сфере интересов республики и игравшей не последнюю роль в обеспечении ее свободного выхода на Балтику. Новгород стал в ответ организовывать походы в земли эстов («чуди») для противодействия немецкому наступлению¹⁹². В двух первых известиях о таких походах (под 6720/1212 и 6722/1214 гг.) летописец, не склонный (по примеру почти всех своих собратьев по цеху) углубляться во внутренние дела соседей, не посчитал нужным каким-то образом упомянуть роль немцев в происходивших событиях¹⁹³. В 1217 г. крестоносцы с отрядом эстов из области Уганди впервые пересекли границу республики и, по словам немецкого хрониста Генриха, разослав «свое войско по всем деревням и дорогам... перебили много народа, множество женщин увели в плен, угнали массу коней и скота, захватили много добычи и, отомстив огнем и мечом за свои обиды, радостно со всей добычей вернулись...»¹⁹⁴. Это событие по неясной причине прошло мимо внимания летописца, но он подробно описал под 6725/1217 г. ответный поход новгородцев под началом псковского князя Владимира Мстиславича и их победу над немцами под Медвежьей Головой (Оденпе)¹⁹⁵. Именно это известие содержит пер-

¹⁹¹ Новгородская первая летопись ... С. 71.

¹⁹² *Шаскольский И. П.* Борьба Руси ... С. 122–123; *Хрусталева Д. Г.* Северные крестоносцы: Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1. С. 66–128.

¹⁹³ Новгородская первая летопись ... С. 52–53.

¹⁹⁴ *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.—Л., 1938. С. 182. См. также: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. С. 125.

¹⁹⁵ Новгородская первая летопись ... С. 57.

вое в *НЛ* упоминание ливонских немцев. А уже под следующим годом, говоря о новом походе новгородцев и новом успешном бое с немцами (и либью) под Пертуевым (Венденем?)¹⁹⁶, летописец использует впервые и интересующий нас оборот — «пособи Богъ новгородьцемъ» (маркер *Па*)¹⁹⁷. Появление этой ремарки находится не в столь очевидной связи с наступательной активностью неприятеля, как это мы увидели на шведском материале, но всё же обратим внимание, что летописец прибег к провиденциальному комментарию в то время, когда между сторонами завязывалось прямое военное противоборство и немцы уже нарушили пределы Новгородской Руси.

Впрочем, нововведение далеко не сразу закрепилось в практике владычных историографов. Далее в *НЛ* следует целая череда «немаркированных» известий об отношениях с немцами (а также датчанами, вторгшимися в Северную Эстонию в 1219 г.). Речь идет об описаниях следующих событий: русско-литовского похода на Кесь (Венден) под 6730/1222 г.; похода новгородцев на датский Колывань под 6731/1223 г.; захвата немцами Юрьева (где погиб русский наместник крепости князь Вячко) под 6732/1224 г.; сепаратного мира Пскова с немцами, сорвавшего план похода на Ригу Ярослава Всеволодовича под 6736/1228 г.; нападений немцев на русские города Изборск (вместе с крестоносцами тогда действовали русские перебежчики князь Ярослав Владимирович и некоторые новгородцы — «Борисова чадь») и Тесов (где был захвачен и уведен в плен местный воевода) под 6741/1233 г.¹⁹⁸ Сдержанность летописца¹⁹⁹ особенно показательна в рассказе о двух последних событиях, касавшихся непосредственно русских земель.

Ответный большой поход князя Ярослава Всеволодовича с «съ новгородци и съ всєю областью и с полкы своими», завершившийся знаменитым сражением при Омовже (Эмбахе), описан летописцем под 6742/1234 г. с использованием оборота «поможе Богъ» (маркер *Па*)²⁰⁰. Однако бурные события войны 1240–1242 гг. — захват немцами Изборска и Пскова, оккупация ими (при участии чуди) части Новгородской земли, а потом освобождение Александром Ярославичем Копорья и Пскова — вновь

¹⁹⁶ См. комментарий: Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. С. 295.

¹⁹⁷ Новгородская первая летопись ... С. 59–60.

¹⁹⁸ Там же. С. 60–61, 65–66, 72.

¹⁹⁹ См. также: Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004. С. 130–131, 205–207.

²⁰⁰ Новгородская первая летопись ... С. 72–73.

описаны нейтрально. Лишь в рассказе о Ледовом побоище, на которое немцы также вышли с чудью, появляется торжественный оборот «Богъ же и святая Софья и святою мученику Бориса и Глѣба, еуже ради новгородци кровь свою прольяша, тѣхъ святыхъ великими молитвами пособи Богъ князю Александру» (маркер *IIa*)²⁰¹.

И тем не менее события начала 1240-х гг., по-видимому, всё же оставили заметный след в образе ливонских немцев. На это указывает настойчивое появление рассматриваемых маркеров в известиях о русско-ливонских конфликтах последующего времени. Новое обострение отношений отмечено в *НЛ* под 6761/1253 г.: немцы напали на Псков, после чего последовали два ответных удара новгородцев и псковичей по ливонской территории, удачная для русских битва и заключение нового мира. Описывая эти события, летописец называет немцев «оканьнии преступници правды» и говорит, что русские победили в сражении «силою Креста честнаго» (маркеры *Ia*, *IIa*)²⁰². Под 6770/1262 г. описан большой русско-литовский поход на немецкий Юрьев под началом князя Дмитрия Александровича, увенчавшийся взятием крепости «помощью Божию» (маркер *IIa*)²⁰³. Под 6776/1268 г. в рассказе о походе на датский Раковор, где русским пришлось скрестить оружие и с нарушившими крестное целование немцами, автор подвел неоднозначный итог битвы противоречивыми ремарками. Тяжелое для русских начало сражения он оценил как Божье наказание «за грѣхы наша», а конечную победу — как Божью «милость»: «силою креста честнаго и помощью святыхъ Софья, молитвами святыхъ владычица наша Богородица приснодѣвица Мария и всѣхъ святыхъ, пособи Богъ...». Немцев же, уличив их в клятвопреступлении, он снова назвал «оканьными» — «оканьнии крестопреступници» (маркеры *Ia*, *IIa*, *IIб*)²⁰⁴. В следующей погодной статье неудачный ответный набег немцев на Псков и заключение с ними мира описаны нейтрально²⁰⁵. Но в сообщении о новом происшествии такого рода под 6806/1298 г. — нападении немцев на Псков и их силовом выдворении — снова находим провиденциальную ремарку: «плеско-

²⁰¹ Новгородская первая летопись ... С. 77–79.

²⁰² Там же. С. 80.

²⁰³ Там же. С. 83.

²⁰⁴ Там же. С. 86–87.

²⁰⁵ Там же. С. 87–88.

вици же съ княземъ Домонтомъ, укрѣпившеся Богомъ и святою Богородицею, прогнаша их» (вариант маркера *IIa*)²⁰⁶.

Важно отметить, что эту перемену в изображении русско-немецких конфликтов, проявившуюся в *НЛ* начиная со статьи 6750/1242 г., невозможно связать со сменой владычного летописца. Согласно упомянутому выше текстологическому построению А. А. Гиппиуса, она приходится на разгар работы одного и того же автора — епископского нотариуса Тимофея, приступившего к ведению летописи в 1226 г. и на протяжении первых полутора десятилетий работы писавшего о немцах, включая их нападения на русские города, без провиденциальных комментариев и конфессиональных оценок. И только неслыханные по дерзости и размаху действия западных соседей Новгорода в начале 1240-х гг. заставили его поменять тон.

Рассмотренный материал говорит о том, что в случае со шведами и немцами фактором изменения идейной окраски летописного повествования вновь оказывается военная активность соседей, угрожавшая населению и интересам Руси. Однако сравнение этого процесса в *НЛ* с синхронной трансформацией образа языческой литвы показывает, что владычные летописцы XIII в., описывая конфликтные ситуации с германскими народами, всё же старались удерживаться от слишком резких суждений. Причиной этой сдержанности, как можно думать, было еще не разрушенное до конца представление о конфессиональной близости русских с западными христианами. Впрочем, события на западных рубежах Руси и жесткая антиправославная риторика латинской стороны не способствовали долгому сохранению этого представления. Подтверждением тому, как показал Б. Н. Флоря, стало появление уже в первой половине XIV в. крайних оценок латинян в книжных памятниках Северо-Запада Руси. Псковская «Повесть о Довмонте» именует немцев и вообще католиков «погаными» и прямо ставит их на одну ступень с язычниками — литовцами и финнами, а *НЛ* под 6857/1349 г. называет латинское богослужение «богумерзъским», противопоставляя поляков — краковского короля Казимира III и его подданных — «крестианомъ»-русским²⁰⁷.

²⁰⁶ Новгородская первая летопись ... С. 329.

²⁰⁷ Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985. С. 190–192; Новгородская первая летопись ... С. 361; Кузьмин А. Н. Образ Польши и поляков в древнерусских источниках (до начала XIV века) // Древняя Русь и Запад: Научная конференция. М., 1996. С. 88–91; Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола ... С. 208, 211–212.

Плоды этого подхода можно отыскивать в памятнике и далее. Так, под 6007/1399 г. *НПЛ* рассказывает о литовском князе Витовте, который прежде был «крестианъ», а потом «отвержеся правовѣрныхъ вѣры и крестиянства и прия лятскую вѣру, церкви святыи превратил на богомерьское служение»²⁰⁸.

* * *

«Половецкий образец», возникший на страницах русской летописи конца XI в. в условиях быстрой эскалации кипчакской агрессии, предопределил линии и краски в словесных портретах других противников Руси. Но для появления этих новых портретов было недостаточно лишь бытования подходящего литературного архетипа. Должен был повториться и «исторический архетип» 1090-х гг. — резкий и болезненный для Руси рост наступательной активности соседнего народа. Этот механизм зарождения словесных новаций с удивительной точностью воспроизвел себя с литвой и монголами, а также (при всех сделанных оговорках) с германоязычными соседями Руси. И лишь формирование негативных черт в образе волжских булгар, отношения с которыми хотя и были конфликтными, но всё же не столь драматичными для сопредельных русских территорий, происходило пусть в сходной, но всё же, как кажется, не в столь очевидной исторической ситуации.

²⁰⁸ Новгородская первая летопись ... С. 395.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение конфессиональной лексики размежевания, провиденциальных моделей описания событий и библейских параллелей в древнерусских текстах домонгольского и раннего монгольского времени, затрагивающих тему отношений Руси и окружающих ее народов, привели нас к двум основным выводам.

Первый заключается в том, что появление перечисленных средств словесной изобразительности не было вызвано лишь причинами литературного порядка — жанровыми законами и транс-текстуальными влияниями, но находилось в очевидной связи с историческими событиями — оказывалось своеобразной формой их отражения и осмысления.

Второй вывод касается вопроса, поставленного в начале книги — о взаимосвязанности древнерусских книжных представлений о соседних народах. Исследование показало, что этноконфессиональная риторика книжников не представляла собой хаотическую россыпь затверженных стереотипов и ситуативных реакций, а подчинялась постепенно складывавшейся системе представлений — о себе как христианском народе, о мире иных народов и о ходе истории.

В источниках вполне различимы общие контуры этой системы. Религиозная по своей сути и лишенная априоризма этнического и культурного превосходства Руси¹, она была свободна

¹ Г. П. Федотов формулировал эту мысль резче и писал о совершенном отсутствии в общественном сознании Древней Руси «злобного национализма» (*Федотов Г. П. Русская религиозность*. М., 1988. [Т. 1.] С. 448).

и от византийского высокомерия по отношению к «варварам»², и от присущей латинской Европе идеи религиозного мессианства с оружием в руках³. Из кельи русского книжника и с амвона русского проповедника инородцы и иноверцы не казались объектами критики и военного наступления лишь из-за отличия их образа жизни или веры. Основной предпосылкой возникновения негативного образа чужого народа становилось не его культурное и конфессиональное своеобразие, а неблагоприятный опыт отношений с ним. Лишь тогда, когда эти отношения становились устойчиво недружественными и приводили к действительно тяжелым последствиям для Руси, в образе иноплеменного соседа начинали прочерчиваться линии «окаянства» и «безбожия» — мрачные признаки отрешенности от Бога. Эта отрешенность объясняла его жестокость и позволяла осмыслить противоборство с ним как исполненное провиденциальной тайны столкновение «народа Божьего» — христиан Руси — с миром «беззакония». Но и на таком фоне книжники никогда не допускали каких-либо проявлений узкой этнофобии. Отношение книжников к мирному неприятелю почти неизменно менялось с негативного на нейтральное, а крестившиеся инородцы, и того более, обычно вызывали у них приязнь. Для понимания описываемой системы представлений особенно существенно то, что в древнерусской книжности XI–XIII вв. отсутствуют даже попытки религиозного обоснования духовной или территориальной экспансии против сопредельных народов.

Описанные взгляды, зародившись не позднее конца XI в., в дальнейшем претерпевали не столько качественное (если говорить об общей схеме), сколько географическое изменение, распространяясь на новые «языцы». Если вначале книжникам был известен только один враждебный народ, достойный всего арсенала негативно-конфессиональных характеристик, — половцы (образ которых сделался архетипическим), то с течением времени к половцам присоединились еще волжские булгары, литва и монголы. В XIII в. вместе с трагичными переменами в отношениях

² Литаврин Г. Г. Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии. Вторая половина VII — XII в. М., 1989. С. 78–88; *Его же*. Как жили византийцы. СПб., 1997. С. 206–221.

³ О формировании идеи «сакрализованного насилия» на средневековом Западе см., напр.: Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 15–20; Лучицкая С. И. Библейские цитаты в хрониках Крестовых походов // Одиссей: Человек в истории. 2003. Язык Библии в нарративе. М., 2003. С. 65–70.

с католическим Западом начали медленно меняться и образы латинских народов, соседствовавших с Русью.

Неприметная на первый взгляд, но важная в пространстве древнерусской культуры, эта эволюция взглядов на соседей имела непосредственное отношение к становлению этноконфессионального самосознания на Руси, развитие которого продолжилось и в последующие столетия.

Источники и историография

Источники

а) Опубликованные

- Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Петроград, 1916.
- Акентьев К. К.* «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского: Древнейшая версия по списку ГИМ. Син. 591 // Византиноросси-ка. СПб., 2005. Т. 3.
- Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной Церкви: Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. 3: Приложения.
- Англосаксонская хроника. СПб., 2010.
- Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965.
- Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о та-тарях и Восточной Европе // Исторический архив. М.–Л., 1940. Т. 3.
- Арранц М.* Избранные сочинения по литургике. Рим; М., 2003. Т. 2: Таинства византийской традиции.
- Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкова-ний. СПб., 1906. Т. 1.
- Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкова-ний. София, 1987. Т. 2. [Приложения.]
- Библиа, сирѣчь(ь) Книгы Ветхаго и Новаго Завѣта по языку словенску [репринт изд. 1581 г.]. М.: Л., 1988.
- Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1.
- Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 3.
- Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4.
- Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5.
- Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6.
- Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9.

- Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Ексарха Болгарскаго по харатейному списку Московской Синодальной библиотеки буква в букву и слово в слово / предисл. А. Н. Попова // ЧОИДР. 1877: Кн. 4. М., 1878.
- [*Вульфстан Йоркский.*] Проповедь Волка к англам (фрагмент) // Англосаксонская хроника. СПб., 2010.
- Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.
- Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.
- Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913. Т. 2: Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе.
- Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.—Л., 1938.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.
- Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.
- Евсеев И. Е.* Книга пророка Даниила в древне-славянском переводе: Введение и тексты. М., 1905.
- Житие Андрея Юродивого. СПб., 2001.
- Закон Судный людем краткой редакции. М., 1961.
- Закон Судный людем пространной и сводной редакций. М., 1961.
- Зарубин Н. Н.* Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.
- Изборник Святослава 1073 года: факсимильное издание. М., 1983.
- Иоанн Дамаскин, св.* Точное изложение православной веры. СПб., 1894.
- Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.
- Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Петроград, 1920. Т. 1.
- Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Петроград, 1922. Т. 2.
- Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исследования и тексты. М., 1897.
- Киевская Псалтирь 1397 года из Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [ОЛДП F 6]. М., 1978.
- Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.

- Леонид (Кавелин), архим.* Посмертные чудеса святителя Николая. Памятник древней русской письменности XI века. Труд Ефрема, епископа Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV века библиотеки Троице-Сергиевой Лавры № 9) // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1888. Т. 72.
- Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст.
- Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009.
- Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX—XIII вв. Тексты, перевод, комментарии. М., 1979.
- Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Матфей Властарь.* Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, или Алфавитная Синтагма. Симферополь, 1892.
- Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.
- Михайлов А. В.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1908. Вып. 4.
- Невоструев К. И.* Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в. М., 1868.
- Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. (Сб. ОРЯС. Т. 82. № 4.)
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
- Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985.
- Охотникова В. И.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985.
- Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
- Павлов А. С.* Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (памятники XI—XV вв.). // РИБ. СПб., 1908. Т. 6.
- Палая Толковая [по Коломенскому списку 1406 г.]. М., 2002.
- Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2. Вып. 1. // РИБ. Петроград, 1920. Т. 36.
- Петухов Е. В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прибавление к исследованию.
- Плано Карпини Дж., дель.* История монгалов. *Де Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997.
- Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1. Лавреньевская летопись.

- Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2. Ипатьевская летопись.
- Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода.
- Полное собрание русских летописей. СПб., 1862. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.
- Полное собрание русских летописей. СПб., 1885. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.
- Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник.
- Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. 18. Симеоновская летопись.
- Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 24. Типографская летопись.
- Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века.
- Полное собрание русских летописей. Л., 1989. Т. 38. Радзивилловская летопись.
- Полное собрание русских летописей. М., 1995. Т. 41. Летописец Переслава Суздальского (Летописец русских царей).
- Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.
- Послания Иосифа Волоцкого. М.–Л., 1959.
- Правила Святых Апостол и Святых Отец с толкованиями. М., 2000.
- Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000.
- Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002.
- Рогерий, магистр.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012.
- Розанов С. П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.
- Русский феодальный архив. М., 1987. Ч. 3.
- Савваитов П. И.* Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб., 1872.
- Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915.
- Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по памятникам XIII–XVII веков // Странник. 1888. Т. 2.
- Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. 1: Текст и комментарии. М., 2010. С. 486.

- Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // ЧОИДР. М., 1912. Кн. 3 (242).
- Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.
- Турилов А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем (Славяне и их соседи. Вып. 11). М., 2004.
- Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997.
- Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. М., 2001.
- Шляпкин И. А. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николы Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881.
- Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratia 1253 ad partes Orientales // Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels and Discoveries of the English Nation. London, 1809.
- Jagić V. Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovenskih rukopisa // Starine. Zagreb, 1874. Kn. 6.
- Rydberg O. S. Sverges traktater med främmande magter. Stockholm, 1877. D. 1.
- Septuaginta, Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit A. Rahlfs. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2004.
- Τσολάκης Ε. Θ. Ἡ συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτση. Θεσσαλονίκη, 1968.

б) Архивные

- Канон св. Леонтию Ростовскому / Псалтирь с воследованием, XVI в. ОР РГБ. Ф. 304. I. № 327 (858).
- Канон св. Леонтию Ростовскому / Сборник житийно-учительный, 1548 г. ОР ГИМ. Епарх. 407 (648).
- Канон Покрову Пресвятой Богородицы / Псалтирь с шестодневом и избранными службами, XIV в. ОР ГИМ. Син. 325.
- Служебник, нач. XIV в. ОР ГИМ. Син. 605.
- Псалтирь с воследованием, XV в. ОР РГБ. Ф. 304. I. № 311 (879).
- Пятикнижие Моисеево, XIV в. ОР РГБ. Ф. 304. I. № 1 (2013).
- Собрание некоторых книг Ветхого Завета, конец XIV в. ОР РГБ. Ф. 304. I. № 2 (2027).
- Толковые пророки, начало XVI в. [Список с несохранившейся рукописи Упыря Лихого XI в.] ОР РГБ. Ф. 304. I. № 89 (1547).
- Толковые пророки, 1489 г. [Список с несохранившейся рукописи Упыря Лихого XI в.] ОР РГБ. Ф. 304. I. № 90 (1546).

Библиографический список

- Аверинцев С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972.
- Аверинцев С. С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья: (общие замечания) // Античность и Византия. М., 1975.
- Алексеев А. А.* Ветхий Иерусалим древнерусской историографии // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53.
- Алексеев А. А.* Палея в системе хронографического жанра // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57.
- Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Алексеев А. И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 2016.
- Алехина Л. И.* Мотив небесного заступничества в воинских повестях периода монголо-татарского нашествия // Макариевские чтения. Можайск, 1996. Вып. 4. Ч. 2.
- Алешковский М. Х.* Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981.
- Алешковский М. Х.* Первая редакция Повести временных лет // АЕ за 1967 год. М., 1969.
- Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной Церкви. Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. 2.
- Андрейчева М. Ю.* Мусульмане, католики и иудеи в летописном рассказе о выборе веры князем Владимиром: образы и смыслы // Одиссей. Человек в истории: Imitatio Christi в религиозной культуре Средневековья и раннего Нового времени. М., 2016.
- Аристов Н. Я.* Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей. СПб., 1888.
- Баранкова Г. С.* «Невъдомы(х) словесъ изложено Георгиемъ, митрополито(м) киевскимъ, Герману игомену въпрошающу, оному повѣдающу»: вопросы подлинности памятника и особенности его языка // Религии мира: История и современность. 2006–2010. М.; СПб., 2012.
- Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.—Л., 1965.
- Белова О. В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Бибииков М. В.* Святость как пространственная категория // Восточная Европа в древности и Средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой реальности. XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2002.

- Библейская энциклопедия. М., 1991. Т. 1.
- Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
- Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 1995.
- Борисов Н. С.* К вопросу о переносе митрополичьей кафедры из Киева во Владимир // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятое чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва 9–10 ноября 2017 года. М., 2017.
- Борисов Н. С.* Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.). М., 1999.
- Борисов Н. С.* Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238–1300) // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1976. № 6.
- Борюшкина Е. Н.* «Грѣхъ» и «безаконие» в Толковой Палее // ДРВМ. 2013. № 4 (54).
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Бугославский С. А.* Литература Ростова XIII–XIV вв. // История русской литературы. М.—Л., 1945. Т. 2. Ч. 1.
- Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960.
- Буланин Д. М.* Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I (XI — первая половина XIV в.).
- Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2.
- Вагнер Г. К.* Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во Владимирско-Суздальском искусстве // Византийский временник. М., 1963. Т. 23.
- Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Город Юрьев-Польский. М., 1964.
- Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. XII в. Владимир. Боголюбovo. М., 1969.
- Василевский В. Г.* Труды. СПб., 1908. Т. 1.
- Василик В. В.* Восприятие немцев и шведов в Житии Александра Невского // Россия и Германия в системе международных отношений: через века. СПб., 2012.
- Василик В. В.* Личность Св. Александра Невского в контексте цивилизационного противостояния Руси и Запада: Опыт прочтения жития // Александр Невский и Ледовое побоище. Материалы научной конференции, посвященной 770-летию Ледового побоища. СПб., 2014.
- Василик В. В.* Эсхатологические представления в Галицко-Волынской летописи // Русин. 2013. № 1 (31).

- Васильев А. А.* Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). Петроград, 1923.
- Ведюшкина И. В.* «Чувство — мы» в Повести временных лет // Восточная Европа в древности и Средневековье: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: тезисы докладов. М., 1994.
- Ведюшкина И. В.* Генеалогии «нечистых» народов в Повести временных лет // Восточная Европа в древности и Средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. XII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2000. С. 53–58.
- Ведюшкина И. В.* Летописные повести о походе Всеволода Большое Гнездо на Волжскую Булгарию в 1183 году // Восточная Европа в древности и Средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2002.
- Ведюшкина И. В.* Формы проявления коллективной идентичности в Повести временных лет // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.
- Ведюшкина И. В.* Этногенеалогии в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004.
- Верецагин Е. М.* Образ волжских болгар «вѣры бохмичѣ» в древнерусской книжности // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в Средние века: (сборник тезисов). М., 1990.
- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.
- Вершинин К. В.* К вопросу о происхождении Мерила Праведного // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11.
- Вершинин К. В.* Мерило Праведное как памятник древнерусской книжности и права: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2016.
- Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // Palaeoslavica. 2005. Vol. 13. No. 1.
- Висковатый К. К.* К вопросу об авторе и времени написания «Слова к Изяславу о латинех» // Slavica. Praha, 1939. Т. 16. С. 535–567.
- Вилкул Т. Л.* Біблія у Галицько-Волинському літописі // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2015. Вип. 9.
- Воронин Н. Н.* Зодчество Северно-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. XII столетие. М., 1961.
- Воронин Н. Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы в XII в. // Византийский временник. М., 1965. Т. 26.
- Галко В. И.* «Повесть о житии и храбрости» князя Александра Невского // Письменные памятники истории Древней Руси. М., 2003.

- Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1.
- Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012.
- Гардзанини М. «Хождение» игумена Даниила в Святую землю: Литература и богословие на Руси XII века // Славяноведение. 1995. № 2. С. 32.
- Гардзанини М. Библиейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58.
- Гарькавый И. В. «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998.
- Георгиевский А. И. Чинопоследование Божественной литургии. М., 1951.
- Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Гимон Т. В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // Восточная Европа в древности и Средневековье: XXX Юбилейные чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–20 апреля 2018 г. Материалы конференции. М., 2018.
- Гимон Т. В. К сегментации Лавреньевской летописи // ДРВМ. 2015. № 3 (61).
- Гимон Т. В. Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6.
- Гимон Т. В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57.
- Гимон Т. В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (3).
- Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17).
- Гиппиус А. А. 6700 год от Сотворения мира: Отмечались ли юбилеи в Древней Руси // Родина. 2002. № 11–12.
- Гиппиус А. А. Millennialism and Jubilee Tradition in Early Rus' History and Historiography // Ruthenica. Київ, 2003. Т. 2.
- Гиппиус А. А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... Памяти А. С. Хорошева. СПб., 2010. С. 181–198.

- Гуннуус А. А.* Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015.
- Гуннуус А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006.
- Гуннуус А. А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.–Вологда, 2012.
- Гуннуус А. А.* К вопросу о контактах региональных традиций в русском летописании первой трети XIII в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интеграция. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2009.
- Гуннуус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16).
- Гуннуус А. А.* К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5.
- Гуннуус А. А.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2.
- Гуннуус А. А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012.
- Гуннуус А. А.* К хазарской дани // Восточная Европа в древности и Средневековье: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2011.
- Гуннуус А. А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999.
- Гуннуус А. А.* Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы: (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006.
- Гуннуус А. А.* Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20).
- Гуннуус А. А.* Рекоша дружина Игореві...: К лінгвотекстологічeskій стратифікації Начальної літописі // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. № 2.

- Гладкова О. В. Где и когда было переведено «Житие Евстафия Плакиды» (предварительные замечания) // Мир житий. М., 2002.
- Голик Р. «Тоземльцы и иноплеменики»: «русский патриотизм», «образ світу» та етнічні стереотипи середньовічної Галичини й Волині // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2011. Вип. 4.
- Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Вторая половина тома. М., 1904.
- Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1900.
- Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.
- Горина Л. В. Памятник письменности в кризисной атмосфере на Руси (1262 г.) // Исторические корни этноконфессиональных конфликтов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Средние века — начало Нового времени). Тезисы докладов. (Славяне и их соседи: XXI конференция памяти В. Д. Королюка.) М., 2003.
- Горский А. А. «Царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей: Человек в истории. 1996. М., 1996.
- Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6.
- Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский в истории России. Новгород, 1996.
- Горский А. А. К вопросу о датировке «Слова о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 313–317.
- Горский А. А. Представления о защите отечества в средневековой Руси (XI–XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. статей. М., 1994.
- Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли» (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 19–33.
- Горский А. А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
- Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Декабрь. Т. 10 [157].
- Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Труды Уральского Межрегионального института общественных наук. Екатеринбург, 2006. Т. 20.
- Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000.
- Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41.

- Гудзий Н. К. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. М., 1952. Т. 11. Вып. 5.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 3.
- Данилевский И. Н. «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // Ruthenica. 2010. № 9.
- Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет: (К проблеме интерпретации летописных текстов) // Отечественная история. 1993. № 1.
- Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2000.
- Даркевич В. П. Единство и многообразие древнерусской культуры (конец X — XIII вв.) // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 42.
- Демин А. С. Гипотеза о первоначальном виде «Слова о погибели Русской земли» // Вестник общества исследователей Древней Руси за 2002–2003 гг. М., 2007.
- Джарылгасинова Р. Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы) // Советская этнография. 1987. № 4.
- Дмитриев М. В. Представления о «русском» в культуре Московской Руси XVI века // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия): Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. Москва, 30 ноября — 2 декабря 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. Препринт. М., 2005.
- Добровольский Д. А. «...И до Рима проиде»: Отношение к Западной Европе в летописании XI — начала XII в. // Проблемы исторической географии и демографии России. М., 2013. Вып. 2.
- Добровольский Д. А. «Теория казней Божьих»: от Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011.
- Добровольский Д. А. Восприятие половцев в летописании XI–XIII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 39.
- Дорошенко [Андрейчева] М. Ю. Ветхозаветная топонимика в статье 6604 (1096) года Повести временных лет // Диалог со временем. 2007. № 18.
- Древнерусские письменные источники X–XIII вв. М., 1991.
- Дубакин Д. Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества. СПб., 1880.
- Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

- Елагин И. П. Опыт повествования о России. М., 1803. Кн. 1.
- Елисеев Г. А. Две системы взглядов в общественном сознании средневековой Руси и эволюция апокрифов в XIII–XV вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998.
- Еремин И. П. Из истории древне-русской публицистики XI века // ТОДРЛ. М.—Л., 1935. Т. 2.
- Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.—Л., 1949. Т. 7.
- Еремин И. П. Литературные наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.—Л., 1947. Т. 5.
- Живов В. М. *Slavia Christiana* и историко-культурный контекст *Сказания о русской грамоте* // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь).
- Живов В. М. Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Слово и культура. М., 1998. Т. 2.
- Завадская С. В. Четвертая месть княгини Ольги в Повести временных лет и византийский Хронограф // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1988.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зализняк А. А. К изучению древнерусских надписей // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М., 2004. Т. 11.
- Зализняк А. А. Новгородское наречие: Берестяные грамоты в истории русского языка // Родина. 2002.
- Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Т. 3.
- Зеemann К. Д. Приемы аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48.
- Иванов С. А. «Христиане» как обозначение подданства в средневизантийский период // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2012 г. СПб., 2012.
- Иванов С. А. Миссия восточнохристианской Церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001.
- Иванова Е. Е. К вопросу об антиордынкой политике князя Даниила Романовича Галицкого // ДРВМ. 2013. № 2 (52).
- Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1.

- Иоаннисян О. М.* XIII век в истории древнерусского зодчества: Основные тенденции развития архитектурного процесса // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995.
- Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). М., 2003.
- Каган М. Д.* Иоанн, епископ Ростовский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.
- Каравашкин А. В.* Лабиринты центонно-парафразового метода // Источниковедение культуры: Альманах. М., 2007. Вып. 1.
- Карпов А. Ю.* «Заклепанные человеки» в летописной статье 1096 г. // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3.
- Карпов А. Ю.* Генеалогия хвалисов и болгар в летописной статье 1096 г. // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 4.
- Карпов А. Ю.* Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014.
- Карпов А. Ю.* Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI — начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2.
- Керимов Г. М.* Шариат. Закон жизни мусульман. М., 1999.
- Кибинь А. С.* От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. М., 2014.
- Кириллин В. М.* «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996.
- Кириченко К. В.* Пошуки образу: Литва XIII–XIV ст. очима літописців Північної Русі та Новгородської землі // Просемінарій. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Київ., 1999. Вип. 3.
- Клеванов А. С.* О значении русской летописи в духовной развитии русского народа // ЧОИДР. 1848. Кн. 1.
- Клейн И.* «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература. (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31.
- Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1.
- Князький И. О.* Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.
- Колобанов В. А.* К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. // ТОДРЛ. М.—Л., 1960. Т. 16.
- Коновалова И. Г.* Древняя Русь и Волжская Булгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // Восточная Европа в Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы к конференции. М., 1999.

- Коновалова И. Г. Тюрки и славяне в этногенеологиях арабо-персидских авторов // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003.
- Конявская Е. Л. К истории сложения Проложной статьи на 1 августа // ДРВМ. 2012. № 1 (47).
- Конявская Е. Л. Литва в восприятии русских (на материале древнерусских литературных памятников XIV века) // Древняя Русь и Запад: Научная конференция: Книга резюме. М., 1996.
- Конявская Е. Л. Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев // Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. IV. № 1.
- Конявская Е. Л. Смоленск в конце XII — первой трети XIII в. по летописным и агиографическим источникам // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятое чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва 9—10 ноября 2017 года. М., 2017.
- Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.
- Копелев Л. З. Чужие // Одиссей: Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994.
- Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV—XIX вв.: Исследования и тексты. СПб., 2006.
- Корогодина М. В. Принятие в православие в XIV—XV вв.: письменная традиция и практика // ДРВМ. 2013. № 1 (51).
- Косоруков А. А. Изображение Литвы в повестях о Куликовской битве // Древнерусская литература: Тема Запада в XIII—XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002.
- Костромин К. А., *свящ.* Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение. 2011. № 1 (36).
- Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2011.
- Котляр Н. Ф. Комментарий // Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.
- Котышев Д. М. Летописная статья о походе на половцев 6618 г. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и Средневековье: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2009.
- Кривцов Д. Ю. Проблемы антитатарской борьбы в русской общественной мысли середины XIII — начала XV в. // Мининские чтения: (Материалы научной конференции, посвященной 380-летию

- освобождения Москвы земским ополчением под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского). Нижний Новгород, 1992.
- Кудрявцев И. М.* Послание на Угру Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.—Л., 1951. Т. 8.
- Кудрявцев О. Ф.* «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь В. Л. Малькова. М., 2011.
- Кудрявцев О. Ф.* Александр Невский и папство // Александр Невский: Государь, дипломат, воин. М., 2010.
- Кузьмин А. Н.* Образ Польши и поляков в древнерусских источниках (до начала XIV века) // Древняя Русь и Запад: Научная конференция. М., 1996.
- Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003.
- Кучкин В. А.* Летописные рассказы о битве на р. Калке // Письменные памятники истории Древней Руси. М., 2003.
- Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. Сборник научных трудов. М., 1990. [Ч. 1.]
- Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974.
- Кучкин В. А.* Рассказ о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003.
- Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.
- Лаушкин А. В.* «Видя бѣду страшну и грозну»: еще раз о днях отъезда русских князей в Орду // Исторический вестник. 2014. Декабрь. Т. 10 [157].
- Лаушкин А. В.* «Провиденциальные круги» народов в русском летописании XI—XIII вв. // ДРВМ. 2013: Сентябрь. № 3 (53).
- Лаушкин А. В.* Библейские штрихи на портретах соседей-католиков в русской книжности XIII века // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции [Славяне и их соседи: XXIV конференция памяти В. Д. Королюка]. М., 2008.
- Лаушкин А. В.* Булгары как новые половцы: суздальская линия на карте древнерусской идентичности // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015.

- Лаушкин А. В.* Закладка владимирского собора Святой Богородицы в 1158 году и возможная дата крещения святого князя Владимира // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М.—Вологда, 2017.
- Лаушкин А. В.* Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001.
- Лаушкин А. В.* К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестяни» и «хрестьяньскыи» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6.
- Лаушкин А. В.* К истории возникновения ранних проложных Сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6.
- Лаушкин А. В.* К сложению негативного образа волжских булгар в летописании. (В печати.)
- Лаушкин А. В.* Летописный некролог ростовскому князю Глебу Васильковичу // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006.
- Лаушкин А. В.* Малоизученный эпизод ростовского летописания второй половины XIII века // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002.
- Лаушкин А. В.* Массовые бедствия и мотив коллективной ответственности за грехи в древнерусском летописании XI–XIII вв. // Особенности российского исторического процесса: сборник статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009.
- Лаушкин А. В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10.
- Лаушкин А. В.* Наследники праотца Измаила и библейская мозаика в летописных известиях о половцах // ДРВМ. 2013: Декабрь. № 4 (54).
- Лаушкин А. В.* Провиденциальная концепция взаимоотношений Руси и Степи в древнерусском летописании XI–XIII вв. // Славяне и кочевой мир. Средние века — раннее Новое время. [Славяне и их соседи: сборник тезисов 17 конференции памяти В. Д. Королюка]. М., 1998. С.75–78.
- Лаушкин А. В.* Русско-половецкие контакты в свете летописной лексики этноконфессионального размежевания // Восточная Европа в древности и Средневековье. Трансконтинентальные и локаль-

- ные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2008.
- Лаушкин А. В.* Святой первомученик Стефан и первые русские святые // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003.
- Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998.
- Лаушкин А. В.* Третьи «поганые»: изменение летописного образа литвы в первой трети XIII в. // ДРВМ. 2015: Сентябрь. № 3 (61). С. 73.
- Лаушкин А. В.* Усобица как «Божий суд» на страницах древнерусских летописей XI–XIII вв. // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2011.
- Лашнюков И. В.* Пособие по изучению русской истории критическим методом. Киев, 1874. Вып. 2.
- Лебедев Н. С.* Византия и монголы в XIII веке (По известиям Георгия Пахимера) // Исторический журнал. 1944. № 1.
- Левинтон Г. А.* К проблеме литературной цитации // Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1971.
- Линд Д. Г.* Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха: исследования и материалы. СПб., 1995.
- Литаврин Г. Г.* Заключение // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982.
- Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. СПб., 1997.
- Литаврин Г. Г.* Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Славяне и их соседи. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: Средние века — Новое время. М., 1994.
- Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
- Литаврин Г. Г.* Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии. Вторая половина VII—XII в. М., 1989.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Брак и власть между Западом и Востоком: матримониальный портрет династии Рюриковичей // Средневековая Европа: Восток и Запад. М., 2015.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013.

- Лифшиц Л. И., Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Приложения // Фелл Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
- Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Л., 1987. Т. 2.
- Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.
- Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1996.
- Лихачев Д. С. Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения) // ТОДРЛ. М.—Л., 1961. Т. 17.
- Лихачев Д. С. О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. 1948. № 9.
- Лихачев Д. С. От Илариона и до Аввакума // Памятники литературы древней Руси. XVII век. Кн. третья. М., 1994.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.
- Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009.
- Лосева О. В. Русские месяцесловы XI—XIV веков. М., 2001.
- Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. 2 (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 181).
- Лурье Я. С. Лавреньевская летопись — свод начала XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29.
- Лучицкая С. И. Библейские цитаты в хрониках Крестовых походов // Одиссей: Человек в истории. 2003. Язык Библии в нарративе. М., 2003.
- Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
- Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.
- Лустров М. Ю. Европа и европейцы в Галицко-Волынской летописи // Древнерусская литература: тема Запада в XIII—XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002.
- Мавродин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.
- Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Ю. В. Кривошеев. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XV вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. 468 с. [Рецензия] // Вопросы истории. 2004. № 12.
- Майоров А. В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1 (5).
- Майоров А. В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2 (6).

- Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешне-политических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011.
- Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2.
- Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3.
- Макаров Н. А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.
- Макарова И. Ф. Болгары и Османская империя в XV–XVI веках: роль имперского фактора в формировании этнического самосознания // Славяне и их соседи. Вып. 8: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998.
- Макарова Т. И., Николаева Т. В. Из истории культуры Тверского Отроча монастыря // Советская археология. 1976. № 4.
- Максимович К. А. К истолкованию псалма 78:1: положиша Иерусалима ъко овошьеное хранилиште // «Славяне и их соседи»: XX конференция памяти В. Д. Королюка. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья: сборник тезисов. М., 2001.
- Мансикка В. Й. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913.
- Мельник А. Г. К вопросу о времени возникновения «Повести о Петре, царевиче ордынском» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53.
- Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // ТОДРЛ. М.–Л., 1954. Т. 10.
- Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.–Л., 1958.
- Мещерский Н. А. К вопросу об источниках Повести временных лет // ТОДРЛ. М.–Л., 1957. Т. 13.
- Миллер Г. Ф. О первом летописателе российском, преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оныя // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Апрель.
- Милов Л. В. О древнейшей истории кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5.
- Милютенко Н. И. Владимирский великокняжеский свод 1205 года (Радзивилловская летопись) // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. СПб., 1996. Т. 49.
- Милютенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006.
- Милютенко Н. И. Сказания о Михаиле Черниговском // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64.
- Михеев С. М. Заметки о надписях-граффити Новгородского Софийского собора. Ч. I // ДРВМ. 2010. № 2 (40).
- Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Мишин Д. Е. Отношение Руси к крестовым походам // Сборник Русского исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155).

- Мошкова Л. В., Турилов А. А. «Неведомые словеса» киевского митрополита Георгия // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья: Сборник тезисов / «Славяне и их соседи»: XX конференция памяти В. Д. Королюка. М., 2001.
- Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси XIII–XV века. М., 1983.
- Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.
- Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20.
- Назаренко А. В. Авраамий Смоленский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1.
- Назаренко А. В. Греч. *Ρωμαιοι* — др.-русс. *грьци/хрьстьяни* (псевдонимом на «пути из варяг в греки») // Восточная Европа в древности и Средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2008.
- Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические очерки). М., 2009.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Назаренко А. В. «Натиск на Восток» или «свет с Востока»? История русско-немецких отношений в кругу стереотипов // Славяноведение. 1992. № 2.
- Назаренко А. В. «Никола вешний»: новое об обстоятельствах установления на Руси памяти святителя Николая Мирликийского 9 мая // Церковь в истории России. М., 2016. Сб. 11: К 70-летию Н. Н. Лисового.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.
- Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.—Л., 1940.
- Новосельцев А. П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // Вопросы истории. 1989. № 9.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.
- Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I (XI — первая половина XIV в.).
- Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902.
- Пак Н. И. Краткая характеристика редакций Повести о Михаиле Черниговском // Литература Древней Руси: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1988.

- Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
- Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54.
- Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
- Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Перхавко В. Б. Культурные контакты Древней Руси с соседними католическими странами Европы в XI–XIII вв. (по археологическим данным) // Славяне и их соседи: Католицизм и православие в Средние века. Сборник тезисов. М., 1991.
- Петрухин В. Я. «Русь и все языцы». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011.
- Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь).
- Петрухин В. Я. Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002.
- Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888.
- Печников М. В. Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним проповедник? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003.
- Печников М. В. К изучению соборных правил 1273 г. // ДРВМ. 2009. № 4 (38).
- Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003.
- Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002.
- Пиков Г. Г. Библия и представления европейцев VIII–XII вв. об исламе и арабах // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск, 1995.
- Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003.
- Пихоя Р. Г. Возникновение памятников покаянной дисциплины Древней Руси в XI в. // Античная древность и средние века. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987.
- Погодин М. П. Нестор: историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839.
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
- Полевой Н. А. История русского народа. М., 1830. Т. 1.
- Поппэ А. Владимир Святой: У истоков церковного прославления // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. М., 2008. Вып. 1.

- Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
- Поршинева О. С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 2014. Т. 1.
- Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. М., 1998.
- Приселков М. Д. «Летописец» 1305 г. // Века. Петроград, 1924. Т. 1.
- Приселков М. Д. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий // Ученые записки ЛГПИ. 1939. Т. 19.
- Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. М., 1996.
- Прохазка Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42.
- Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28.
- Прохоров Г. М. Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42.
- Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.–Л., 1959.
- Ранчин А. М. Древнерусская словесность и ее интерпретации: Маргиналии к теме. Saarbrücken, 2011.
- Ранчин А. М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // ДРВМ. 2012 № 3 (49).
- Ранчин А. М. Статьи о древнерусской литературе. М., 1999.
- Ранчин А. М. Что такое «повестные книги»: об одном наблюдении В. Я. Петрухина // Русское Средневековье. 2000–2001 годы. М., 2002.
- Ранчин А. М., Лаушкин А. В. К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // Вопросы истории. 2002. № 1.
- Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977.
- Расовский Д. А. Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии (работы разных лет). М., 2012.
- Рогачевская Е. Б. Цикл памятников о Николае Мирликийском // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996.
- Рогов А. И. Отражение в идеологической жизни славян разделения Церквей в 1054 г. (XI–XIII вв.) // Раннефеодальные славянские

- государства и народности (проблемы идеологии и культуры) / *Studia Balcanica*. София, 1991. Т. 20.
- Розенкампф Г. А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829.
- Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999.
- Романив В. Я.* Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Романов В. К.* Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980 год. М., 1981.
- Рудаков В. Н.* «Погибель» или «пленение» Русской земли? Два способа осмысления повседневности русскими книжниками второй половины XIII в. // Многоликая повседневность: Микроисторические подходы к изучению прошлого (Материалы конференции памяти Ю. Л. Бессмертного). М., 2014.
- Рудаков В. Н.* Восприятие монголо-татар в летописной повести о битве на Калке // Проблемы источниковедения истории книги. М., 1998. Вып. 2.
- Рудаков В. Н.* Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // ДРВМ. 2012. № 1 (47). С. 55-61.
- Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. М., 2009.
- Рудаков В. Н.* О значении термина «бесермене» в русских источниках второй половины XIII — XVI вв. // Вестник славянских культур. 2013. Т. 29. № 3.
- Рудаков В. Н.* Особенности восприятия монголо-татар во второй половине XIII в. (по материалам «Поучений» Серапиона Владимирского) // Проблемы источниковедения истории книги. М., 2000. Вып. 3.
- Рудаков В. Н.* Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII — XV века: (Эволюция представлений, сюжетов и образов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1999.
- Рудаков В. Н.* Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей: Человек в истории. Язык Библии в нарративе. М., 2003.
- Руди Т. Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А.* Религиозное «двоеверие» на Руси в XI—XIII вв. (по материалам городищ-святилищ) // Культура славян и Русь. М., 1998.

Русские. М., 1997.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 37–55.

Рябинин Е. А. От язычества к двоеверию. (По археологическим данным Северной Руси.) // Православие в Древней Руси. Л., 1989.

Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997

Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915.

Сахаров А. Н. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV–XVII в. М., 1989.

Сахаров В. А. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.

Седов Вл. В. Новгородская архитектура на Шелони. М., 2001.

Селезнев Ю. В. «И жаловася Александр на брата своего...»: к вопросу о вокняжении Александра Невского в 1252 г. // ДРВМ. 2007. Вып. 3 (29).

Селезнев Ю. В. Верховная власть ордынского хана в XIII в. в представлении русских книжников // Восточная Европа в древности и Средневековье: Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2007.

Селезнев Ю. В. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // ДРВМ. 2009. № 1 (35).

Селезнев Ю. В. Идейно-религиозная оценка современниками русско-ордынских отношений 1240–1270 гг. // Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII веков. Воронеж, 2004.

Селезнев Ю. В. Опыт герменевтического анализа «Сказания об убийнии в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» // Восточная Европа в древности и Средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти члена-корреспондента

- АН СССР В. Т. Пашуто. IV Чтения памяти доктора исторических наук А. А. Зимина. М., 2005. Ч. 1.
- Скржинская Е. Ч.* Половцы. Опыт исторического истолкования этникона // Византийский временник. М., 1986. Т. 46.
- Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. 1.
- Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2000. Т. 6.
- Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2002. Т. 5.
- Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. М., 2004.
- Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.
- Соколов Р. А.* Политика Александра Невского в Балтийско-Скандинавском регионе // Александр Невский: Государь, дипломат, воин. М., 2010.
- Соловьев А. В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. М.—Л., 1958. Т. 15.
- Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. М., 1988. Кн. 2.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. СПб., 1903. Т. 3.
- Ставиский В. И.* «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1990 год. М., 1991.
- Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X—XI вв. М., 2012.
- Стефанович П. С.* Идентичность Руси в «имперско-эсхатологической» перспективе составителя «Начального свода» // ДРВМ. 2018. № 2 (72).
- Стефанович П. С.* Разное отношение к половцам и печенегам в начальном летописании // Восточная Европа в древности и Средневековье: XXX Юбилейные чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17—20 апреля 2018 г. Материалы конференции. М., 2018.
- Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1908. Т. 85. № 1.
- Творогов О. В.* Апокрифы и сказания о Данииле // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I (XI — первая половина XIV в.).
- Творогов О. В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.—Л., 1964. Т. 20.
- Творогов О. В.* Кирилл // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.
- Тихомиров М. Н.* Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964.

- Тихомиров М. Н. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 3.
- Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: происхождение текстов. М.—Л., 1941.
- Толочко О. П. Образ «чужинця» в картині світу домонгольської Русі // Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей. Київ, 1992. Т. 1.
- Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005.
- Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.
- Толстой Н. И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982.
- Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. 1.
- Топоров В. Н. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в Средние века: сборник тезисов. М., 1990.
- Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1998. Т. 2.
- Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997.
- Турилов А. А. [Иоанн Дамаскин] Славянская рукописная и старопечатная традиция до XIX в. Почитание // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 24. С. 60.
- Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 3.
- Ужанков А. Н. Некоторые наблюдения над «Словом о погибели Русской земли». (К вопросу о месте написания и времени присоединения его к «Житию Александра Невского») // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9.
- Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.
- Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.
- Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 3.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 2.
- Федотов Г. П. Русская религиозность. М., 1988. [Т. 1].

- Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990.
- Фенелл Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
- Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. Период второй. М., 1888.
- Флоря Б. Н. Исторические судьбы и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2.
- Флоря Б. Н. Общественная мысль Древней Руси XIII–XIV вв. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. М., 2014.
- Флоря Б. Н. Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в Средние века. М., 1990.
- Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004.
- Флоря Б. Н. Формирование славянских народностей. Их этническое самосознание в эпоху раннего Средневековья и перспективы его дальнейшего развития // Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Флоря Б. Н. Христианство в древнепольском и древнечешском государстве во 2-й половине X — 1-й половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002.
- Хорошкевич А. Л. Католики в представлениях русских летописцев XIV–XV вв. // *Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.) / Католицизм в России и Православие в Польше (XI–XX вв.)*. [Warszawa], 1997.
- Храпачевский Р. П. Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) // Восточная Европа в древности и Средневековье: экономические основы формирования государств в древности и Средневековье: XXV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто и памяти члена-корреспондента АН СССР А. П. Новосельцева. Материалы конференции. М., 2013.
- Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы: Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1–2.
- Цыбульский С. Л. «Языки беззаконные» в «Повести временных лет» и древнеславянских кормчих книгах X–XIII вв. // Человек верующий в культуре Древней Руси: Материалы международной научной конференции 5–6 декабря 2005 года. СПб., 2005.
- Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь).

- Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.—Л., 1958.
- Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. № 12.
- Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
- Чуркина И. В.* Заключение // Роль религии в формировании южно-славянских наций. М., 1999.
- Шалыпин С. О.* Христианизация коренных народов Европейского Севера России: Этапы, факторы, последствия (XIII—XVIII вв.) // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2006. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера.
- Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.
- Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.—Л., 1940. Т. 4.
- Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938.
- Шахматов А. А.* Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. СПб., 1908.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001.
- Шахматов М. В.* Отношение древнерусских книжников к татарам // Труды IV-го съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 166—168.
- Шлецер А. Л.* Нестор: Русские летописи на древле-славянском языке. СПб., 1809. Ч. 1.
- Шмидт Е. А.* Христианство и языческие традиции в погребальном обряде кривичей в XI—XIII вв. // Славяне и их соседи: Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья: сборник тезисов XIX конференции памяти В. Д. Королюка. М., 2000.
- Шукуров Р. М.* Введение, или предварительные замечания о Чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999.
- Щавелёв А. С.* Древнерусские реалии в «Чуде о половчине» св. Николая Мирликийского // Восточная Европа в древности и Средневековье: Автор и его источник: восприятие, отношение, интер-

- претация. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2009.
- Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
- Щапов Я. Н.* К истории болгарской рукописи, бывшей протографом Рязанской кормчей 1284 года // *Studia slavico-byzantina et mediaevalia Europensia*. Sofia, 1988. Vol. 1.
- Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.
- Щапов Я. Н.* Памятники церковного права IX–XII вв. Древней Руси и славянских стран. (Опыт сравнительно-исторического изучения) // Исторические записки. М., 1982. Т. 107.
- Щапов Я. Н.* Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Церковь в истории России. М., 1998. Сб.2.
- Щедровицкий Д. В.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2001.
- Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1.
- Эггерт В.* Идентификация и «чувство — мы» у франкских и немецких средневековых хронистов (до периода борьбы за инвеституру) // Средние века. М., 1982. Вып. 45.
- Юрченко А. Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб., 2012.
- Юрьева И. С.* Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение. 2012–2013 гг. М., 2013.
- Яacobson P. O.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. М.—Л., 1958. Т. 14.
- Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
- Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Beihammer A.* Orthodoxy and Religious Antagonism in Byzantine Perceptions of the Seljuk Turks (Eleventh and Twelfth Centuries) // *Al-Masāq*. Vol. 23. No. 1. April 2011.
- Bouchard M.* The Medieval Nation of Rus': The Religious Underpinnings of the Russian Nation // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. Казань, 2001. № 3.
- Chekin L. S.* The Godless Ishmaelites: The Image of the Steppe in Eleventh-Thirteenth Century Rus' // *Russian History / Histoire Russe*. 1992. Vol. 19. Nos. 1–4.

- Fennell J. L. I.* The Tatar Invasion of 1223: Source Problems // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1980. Bd. 27.
- Fennell J. L. I.* Andrej Jaroslavič and the struggle for power in 1252: an investigation of the sources // *Russia mediavalis*. München, 1973. T. I.
- Fubrmann J. T.* Metropolitan Cyril II (1242–1281) and the Politics of Accommodation // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 24 (1976). H. 2.
- Halperin Ch. J.* Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985. P. 8, 61–68.
- Halperin Ch. J.* The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in the Medieval Russia. Bloomington, 2009.
- Harog L., de.* Russia and the Mongol Yoke: The History of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502. London–New York, 1996.
- Kappeler A.* Ethnische Abgrenzung: Bemerkungen zur Ostslavischen Terminologie des Mittelalters // *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl*. Stuttgart, 1986.
- Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Leiden, 1983. T. 2.
- Moser M.* Стереотипы Литвы и сведения о ней в древнейших восточнославянских летописях: Новгородская I, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи — до конца XIII в. // *Studia Slavica Hungarica*. 2004. Vol. 49. № 3–4. P. 229–246.
- Müller L.* Das Bild vom Deutschen in der Kiever Rus' // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 11.–17. Jahrhundert*. München, 1989.
- Ostrowski D.* The Tatar Campaign of 1252 // *Palaeoslavica*. 2009. Vol. 17. № 2.
- Pelenski J.* The Contest for the «Kievan Succession» (1155–1175): The Religious-Ecclesiastical Dimension // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. 12/13.
- Picchio R.* The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of «Slavia Orthodoxa» // *Slavica Hierosolymitana*. 1977. Vol. 1.
- Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // *Русский язык в научном освещении*. 2001. № 1.
- Timberlake A.* Who Wrote the Laurentian Chronicle (1177–1203)? // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 2000. Bd. 59.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН^{*}

- Абрамович Д. И.* 126, 250
Аввакум, протопоп 128, 268
Аведнаго, см. Азария
Аверинцев С. С. 129, 255
Авраам, праотец 135–138, 141, 153
Авраамий Болгарский, мч. 73, 89
Авраамий Смоленский, прп.
126, 133, 158, 159, 169, 253,
270, 271
Агапит, лекарь, прп. 40
Агарь, наложница Авраама 68,
83, 136–138
Адриан, римский имп. 170
Азария, отрок 146, 167–171, 178
Агентьев К. К. 132, 250
Александр Великий, македон-
ский царь 29, 143
Александр Ярославич Невский,
новгородский кн., владимир-
ский великий кн., св. 9, 12,
15, 45, 61, 72, 74, 80, 87, 88,
115, 154–156, 173, 174, 176–
180, 187, 188, 231, 236–240,
243, 244, 256, 257, 260, 263,
265, 267, 269, 270, 274–276
Алексеев А. А. 132, 142, 171, 184,
255
Алексеев А. И. 145, 255
Алексей I Комнин, византий-
ский имп. 141, 142
Алехина Л. И. 114, 255
Алешковский М. Х. 14, 197, 224,
255
Алипий (Алимпий), иконопи-
сец, прп. 40
Алмазов А. И. 19, 30, 250, 255
Альберт Буксгевден, еп. Риж-
ский 35
Амелькин А. О. 9, 162, 274
Аммон, см. Бен-Амми
Амос, пророк 146
Амраган, великий баскак 230
Амфилохий Иконийский, свт. 46
Анания, отрок 167–171, 178
Андрей (Андраш), венгерский
принц, сын кор. Андраша II
97, 111
Андрей Александрович, горо-
децкий кн., владимирский
великий кн. 229, 231, 240

^{*} Курсивом выделены имена исследователей.

- Андрей Юрьевич Боголюбский, владимирский кн. 22, 58, 63, 67, 70, 186, 204, 205, 208–210
- Андрей Ярославич, кн. суздальский, владимирский великий кн. 121, 172–177, 230, 280
- Андрей, священник, агиограф 163, 164
- Андрей Юродивый, блж. 158, 251
- Андрейчева [Дорошенко] М. Ю.* 10–12, 140, 144, 205, 255, 261
- Анна Комнина, византийская царевна 141, 250
- Аннинский С. А.* 161, 250
- Антиох IV Эпифан, сирийский царь 84
- Антоний, архиеп. Новгородский 31, 119, 216, 217, 224, 241, 253, 258
- Арапов Д. Ю.* 16
- Аристов Н. Я.* 7, 255
- Арнольд Любекский, немецкий хронист 34
- Арранц М.* 24, 250
- Аскольд, киевский кн. 50
- Аттик, царь 171
- Ахмат, баскак 86, 89, 96, 111, 230, 231
- Бакунин А. В.* 8, 272
- Баранкова Г. С.* 21, 255
- Басты, половецкий хан 23
- Батый, монгольский хан 9, 30, 31, 81, 86, 106, 116, 121, 124, 151, 162, 164, 168, 174, 175, 179, 219, 225–228, 232, 265, 268, 274
- Башкорд, половецкий хан 34
- Бегунов Ю. К.* 188, 255
- Бела IV, венгерский кор. 77, 116, 152, 236
- Белдюзь, половецкий хан 149
- Белова О. В.* 22, 57, 255
- Бен-Амми, сын Лота 135, 207
- Бенедикт Бор, венгерский палатин 159
- Бенешевич В. Н.* 19, 21, 25, 26, 28, 33, 36–39, 46, 78, 250
- Бережков Н. Г.* 15, 255
- Берке, монгольский хан 89, 231
- Бертольд, еп. Ливонский 120
- Бессмертный Ю. Л.* 106, 273
- Бибилов М. В.* 142, 255
- Богородица 57, 71, 78, 103, 107, 114, 121, 122, 124–126, 159, 169, 208, 210, 229, 236, 238, 244, 245, 254, 266
- Болеслав I Храбрый, польский кн. 120
- Болеслав IV Кудрявый, польский кн. 77
- Болеслав V Стыдливый, польский кн. 97
- Боняк, половецкий хан 103, 106, 203
- Борис Василькович, ростовский кн. 163, 179, 186
- Борис Владимирович, ростовский кн., св. 44, 110, 118, 126, 130, 132, 199, 210, 240, 244, 250, 266, 269, 276
- Борис Вячеславич, кн., внук Ярослава Мудрого 201
- Борисенков Е. П.* 151, 158, 256
- Борисов Н. С.* 8, 16, 166, 178, 184, 186, 193, 231, 256
- Борюшкина Е. Н.* 45, 256
- Бромлей Ю. В.* 47, 256
- Буганов А. В.* 49, 260
- Бугославский С. А.* 187, 256
- Будовниц И. У.* 192, 256
- Буланин Д. М.* 224, 256
- Бурундай, монгольский военачальник 86, 121, 232, 233
- Буслаев Ф. И.* 7, 256
- Вагнер Г. К.* 170, 256
- Варух, пророк 166, 184, 186

- Василевский В. Г.* 142, 256
 Василий Великий, свт. 19, 20, 36, 37, 39, 46
Василик В. В. 12, 84, 159, 179, 256
Васильев А. А. 142, 257
 Василько Константинович, ростовский кн., мч. 30, 105, 107, 121, 224
 Василько Романович, волынский кн. 77, 121, 123, 221, 222, 232, 233, 236
 Вассиан Рыло, архиеп. Ростовский 8, 88, 265
Ведюшкина И. В. 10, 11, 46, 53, 71, 91, 135, 208, 209, 257
Верецагин Е. М. 11, 57, 89, 257
Вернадский Г. В. 174, 257
Вершинин К. В. 183, 257
Вилкул Т. Л. 153, 208, 257
Висковатый К. К. 18, 257
 Витовт, литовский великий кн. 82, 246
Вілкул Т. Л., см. Вилкул Т. Л.
 Владимир Василькович, волынский кн. 234
 Владимир Всеволодович Мономах, черниговский, переяславский, киевский кн. 40, 49, 60, 64, 77, 83, 125, 148, 150, 202, 203
 Владимир Глебович, переяславский кн. 150
 Владимир Давыдович, черниговский кн. 34
 Владимир Мстиславич, волынский, киевский кн. 69
 Владимир Мстиславич, псковский кн. 35, 242
 Владимир Рюрикович, переяславский, смоленский, киевский кн. 115
 Владимир Святославич Святой, киевский кн. 5, 11, 22, 76, 89, 105, 123, 126, 169, 205, 210, 253, 255, 266, 271
 Войшелк, литовский кн. 75, 219
Воронин Н. Н. 71, 170, 210, 257
 Всеволод Ольгович, черниговский, киевский кн. 62, 70
 Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, владимирский великий кн. 63, 67, 71, 72, 107, 186, 208, 257
 Всеволод Юрьевич, сын великого кн. Юрия Всеволодовича, новгородский кн. 105
 Всеволод Ярославич, переяславский, черниговский, киевский кн. 52, 198, 199
 Всеслав Брючиславич, полоцкий кн. 52, 110, 115, 199, 200
 Вульфстан, архиеп. Йоркский 39, 251
 Вячеслав Владимирович, туровский, переяславский, киевский кн. 62, 63, 77
 Вячко, юрьевский кн. 243
Галко В. И. 88, 257
 Галл Аноним, польский хронист 7, 119, 120, 251
Гальковский Н. М. 80, 105, 251, 258
Гальперин Ч. 9, 192, 193, 235, 258, 280
Гардзанини М. 78, 129, 131, 258
Гарькавый И. В. 10, 143, 161, 258
 Геден, израильский судья 137–139, 143, 160, 161
 Геза II, венгерский кор. 77
 Генрих Латвийский, ливонский хронист 35, 120, 242, 251
 Генрих, сандомирский кн. 77
Георгиевский А. И. 65, 258
 Георгий Амартол (Мних), византийский хронист 51, 98, 99, 101, 138–140, 147, 185, 251

- Георгий Пахимер, византийский ученый 34, 267
 Георгий Скрипица, священник 110
 Георгий, митр. Киевский 15, 16, 19, 21, 25–27, 40, 254, 255, 270
 Герман, русский игумен XI в. 19, 21, 254, 255
Гимон Т. В. 14, 16, 62, 209, 210, 212, 214, 217, 226, 258
Гиппиус А. А. 10, 14, 16, 29, 51, 100, 105, 110, 130, 133, 135, 143, 144, 195, 197, 198, 200, 212, 214, 216–218, 224, 241, 245, 258, 259, 262
Гладкова О. В. 16, 170, 260
 Глеб Василькович, белозерский, ростовский кн. 9, 163, 177, 179, 186, 187, 189, 190, 231, 266
 Глеб Владимирович, муромский кн., св. 44, 110, 118, 126, 130, 132, 199, 210, 240, 244, 250, 266, 269, 276
 Глеб Ростиславич, рязанский кн. 107
 Глеб Святославич, тмутараканский, новгородский кн. 115
Голик Р. 13, 78, 260
Голубинский Е. Е. 18, 26, 35, 191, 260
Голубовский П. В. 23, 141, 260
Горина Л. В. 191, 260
Горский А. А. 16, 37, 80, 92, 158, 164, 173, 174, 229, 260
 Григорий IX, папа Римский 155
 Григорий Неокесарийский, свт. 28, 38, 39
 Григорий Нисский, свт. 36, 37
 Григорий, игумен Андреевского монастыря в Киеве 62
Грищенко А. И. 44, 260
Громыко М. М. 49, 260
Грушевский М. С. 15, 159, 260
Гудзий Н. К. 189, 261
 Гюрята (Георгий) Рогович, новгородский посадник 10, 143, 144, 197, 259
 Давид, израильский царь, пророк 107, 129, 134, 148, 150, 154, 155, 181
 Далмат, архиеп. Новгородский 217, 226
Даль В. И. 31, 261
 Даниил Заточник, книжник 94, 251
 Даниил, пророк 29, 106, 138, 146, 147, 166–171, 178, 184, 251, 275
 Даниил Романович, волынский, галицкий кн. 30, 31, 76–80, 97, 106, 111, 116, 121, 123, 153, 155, 176, 187, 188, 221, 222, 226, 232, 236, 262, 276, 278
 Даниил, русский игумен начала XII в. 15, 31, 64–66, 78, 140, 258
Данилевский И. Н. 9, 10, 129, 229, 261
Даркевич В. П. 48, 91, 261
Демин А. С. 80, 261
 Демьян, галицкий воевода 152, 153
Джарылгасинова Р. Ш. 47, 261
 Джучи, монгольский хан 173
 Дидман (Дитрих фон Кивель?), феодал в датской Эстонии 239
 Дир, киевский кн. 50
Дмитриев М. В. 132, 261
 Дмитрий Александрович, переяславский кн., владимирский великий кн. 123, 189, 229, 230, 236, 244
 Дмитрий Борисович, ростовский кн. 189, 190

- Добровольский Д. А.* 11, 77, 101, 195, 261
 Добрыня Ядрейкович, см. Антоний
 Довмонт, псковский кн. 31, 88, 122, 219, 245, 252
Дорошенко М. Ю., см. *Андрейчева М. Ю.*
Дубакин Д. Н. 88, 261
 Дюдень (Тудан), монгольский «царевич» 230
Евсеев И. Е. 168, 169, 178, 251
 Евстафий Плакида, мч. 170, 260
 Евстратий Постник, прмч. 12, 28, 29, 267
 Евфросиния Полоцкая, прп. 79
Егоров В. Л. 230, 261
 Езекия, иудейский царь 152—154
Елагин И. П. 7, 262
 Елдега, монгольский вельможа 168
 Елеазар, воевода израильского царя Давида 148
Елисеев Г. А. 170, 262
 Епифаний Кипрский, свт. 101, 149
Еремин И. П. 18, 43, 62, 209, 262
 Ефрем, митр. Переяславский 23, 118, 252
 Ефрем, смоленский агиограф 159
Живов В. М. 29, 87, 91, 110, 130, 195, 259, 262
 Жидослав, воевола 172
Завадская С. В. 147, 262
Зализняк А. А. 62, 91, 105, 209, 262
Зарубин Н. Н. 94, 251
 Захария, пророк 98, 109
Зверинский В. В. 169, 262
Зеemann К. Д. 129, 262
Зимин А. А. 162, 274
 Иаков, апостол 107, 150
 Иаков, сын Исаака 137, 153
 Иаков-Святослав, видинский деспот 192
 Иафет, сын Ноя 213
 Иван I Калита, московский кн., владимирский великий кн. 8, 186
Иванов С. А. 47, 48, 50, 56, 262
Иванова Е. Е. 176, 262
 Игнатий, еп. Ростовский 189, 190
 Игнатий, еп. Смоленский 158
 Игорь, киевский кн. 47, 65, 135, 259
 Игорь Святославич, новгород-северский кн. 59, 69, 102, 110, 124, 125, 150
 Иезекииль, пророк 81, 166, 176, 184
 Иеремя, пророк 165, 166, 169, 171, 172, 175—180, 182—185
 Измаил, сын Авраама 10, 54, 68, 83, 106, 136—142, 157, 204, 205, 207, 266
 Изяслав Давыдович, черниговский, киевский кн. 63
 Изяслав Мстиславич, волинский, переяславский, киевский кн. 18, 60, 62, 63, 77, 257
 Изяслав Ярославич, киевский кн. 52, 110, 199, 200
 Иисус Навин, предводитель израильских племен 102, 155, 157
 Иисус Христос 11, 25, 28, 30, 37, 46, 48, 73, 79, 104, 108, 132, 150, 159, 210, 229, 255
Иконников В. С. 7, 262
 Иларион, митр. Киевский 15, 77, 128, 132, 134, 250, 268
 Иннокентий IV, папа Римский 79, 80, 155, 161, 176

- Иоанн II, митр. Киевский 16, 21, 24, 27, 33, 35–37, 39
Иоанн III Дука Ватац, никейский имп. 80
Иоанн XI Векк, патр. Константинопольский 24
Иоанн Богослов, апостол и евангелист 104, 160
Иоанн Дамаскин, прп. 93, 94, 99, 100, 140, 251, 276
Иоанн Зонара, византийский канонист и хронист 19, 25, 40
Иоанн Скилица, византийский хронист 141, 254
Иоанн, еп. Ростовский 71, 263
Иоанн, экзарх Болгарский 94, 250
Иоаннисян О. М. 86, 87, 91, 263
Иов, ветхозаветный праведник 100, 146
Иосиф Волоцкий, прп. 110, 253
Иосиф Прекрасный, сын Иакова 137–139, 179
Иосиф Флавий, еврейский историк 154, 269
Ипполит Римский, раннехристианский писатель 147, 160, 170, 252
Ирод I Великий, иудейский царь 84, 150
Исаак, сын Авраама 137, 153
Исайя, пророк 98, 102, 103, 108, 110, 150, 154, 166, 175, 182, 184
Истрин В. М. 29, 51, 89, 99, 101, 138–140, 158, 166, 171, 185, 251, 263
Иуда Искарот 108
Каган М. Д. 71, 263
Казимир III, польский кор. 245
Каравашкин А. В. 131, 263
Карпов А. Ю. 10–12, 55, 135, 143, 144, 157, 160, 194, 207, 263
Керимов Г. М. 20, 263
Кибинь А. С. 75, 263
Киприан, митр. Киевский 110
Кирик Новгородец, иеромонах 16, 22, 23
Кирилл I, еп. Ростовский 210
Кирилл II, еп. Ростовский 81, 105
Кирилл II, митр. Киевский 9, 15, 24, 155, 176, 183, 187–192, 266, 280
Кирилл Иерусалимский, свт. (?) 226
Кирилл, еп. Туровский 65, 133, 170, 275
Кириллин В. М. 26, 263
Кириченко К. В. 11, 44, 211, 217, 220, 263
Клеванов А. С. 7, 263
Клейн И. 10, 43, 145, 263
Климент Смолятич, митр. Киевский 170
Ключевский В. О. 7, 263
Кнутсон Тюргильс, шведский военачальник 240
Князький И. О. 142, 263
Койяк, монгольский вельможа 83
Колобанов В. А. 189, 263
Коломан, венгерский принц, сын кор. Андраша II 115
Кондрат I, мазовецкий кн. 123
Кондрат II, черский кн. 235
Коновалова И. Г. 11, 70, 139, 205, 210, 263, 264
Константин Всеволодович, ростовский, владимирский великий кн. 224
Кончак, монгольский военачальник 86, 232
Кончак, половецкий хан 68, 104, 150
Конявская Е. Л. 11, 16, 45, 159, 195, 210, 211, 264

- Копанев А. И.* 178, 264
Копелев Л. З. 8, 18, 264
Корогодина М. В. 19, 24, 264
Королюк В. Д. 11, 12, 21, 92, 103, 153, 191, 260, 265, 266, 269, 270, 278
Косоруков А. А. 11, 211, 264
Костромин К. А. 18, 56, 82, 264
Котляр Н. Ф. 221, 264
Котышев Д. М. 101, 264
Кривошеев Ю. В. 229, 268
Кривцов Д. Ю. 9, 264
Кудрявцев И. М. 8, 88, 265
Кудрявцев О. Ф. 80, 265
Кузьма (Кузьмище) Киянин, княжеский слуга 208
Кузьмин А. Н. 12, 245, 265
Куремса, монгольский военачальник 121, 232
Кучкин В. А. 8, 9, 16, 72, 73, 85, 88, 164, 173, 186, 187, 192, 224, 225, 227, 232, 234, 265
Лавров П. А. 87, 251
Лаушкин А. В. 9—13, 46, 89, 97, 109, 118, 126, 130, 131, 141, 148, 153, 158, 163, 164, 166, 177, 178, 186, 190, 209, 210, 218, 265—267, 272
Лашнюков И. В. 7, 267
Лебедев Н. С. 34, 267
Лев VI Мудрый, византийский имп. 22
Лев Данилович, галицкий, волынский кн. 97, 233—235
Лев, см. Леонт, митр. Переяславский
Левинтон Г. А. 131, 267
Леонид (Кавелин), архим. 23, 61, 87, 118, 126, 252
Леонт, митр. Переяславский 26
Леонтий Ростовский, свт. 71, 126, 169, 254
Линд Д. Г. 238, 267
Лисовой Н. Н. 77, 141, 270
Литаверин Г. Г. 12, 29, 91, 139, 141, 248, 267
Литвина А. Ф. 11, 23, 34, 55, 195, 203, 267
Лифшиц Л. И. 192, 268
Лихачев Д. С. 22, 42, 43, 47, 62, 76, 128, 134, 155, 176, 188, 209, 210, 268
Лосева О. В. 125, 169, 170, 210, 252, 268
Лот, племянник Авраама 135
Лотман Ю. М. 89, 268
Лука, евангелист 108, 147, 166, 184, 229
Лука, еп. Ростовский 210
Лукин П. В. 16
Лурье Я. С. 14, 227, 268
Лучицкая С. И. 8, 55, 139, 142, 248, 268
Любавский М. К. 217, 268
Люстров М. Ю. 12, 78, 153, 211, 268
Мавродин В. В. 48, 268
Мадриан, сын Авраама 138
Мазуров А. Б. 229, 268
Майоров А. В. 78—80, 116, 226, 268
Макарий (Булгаков), митр. 18, 48, 88, 269
Макаров Н. А. 151, 158, 269
Макарова И. Ф. 91, 269
Макарова Т. И. 170, 269
Максим, митр. Киевский 231
Максимович К. А. 103, 269
Мальков В. Л. 80, 265
Мансикка В. Й. 154, 155, 179, 269
Мария, см. Богородица
Мария Михайловна, ростовская княгиня 179
Марк, евангелист 166, 184
Марко Поло, итальянский купец 30, 37, 83, 165, 252

Матвей Парижский, английский хронист 161

Матасова Т. А. 16

Матузова В. И. 35, 155, 161, 215, 238, 239, 242, 243, 248, 252

Матфей Властарь, византийский канонист 19, 20, 33, 38, 124, 252

Матфей, апостол и евангелист 40, 100, 150, 166, 184

Матфей, киево-печерский монах 77

Мельник А. Г. 24, 269

Менгу-Темир, ордынский хан 231, 234

Месуд I, сельджукский султан 34

Мефодий Патарский, см. Псевдо-Мефодий Патарский

Мещерский Н. А. 101, 154, 241, 269

Милей, баскак 232

Миллер Г. Ф. 6, 269

Милов Л. В. 11, 109, 159, 191, 231, 256, 264–266, 269

Милютенко Н. И. 14, 164, 165, 187, 199, 269

Миндовг, литовский кн. 75

Минин Кузьма, «выборный человек», думный дворянин 9, 265

Мисаил, отрок 167–171, 178

Мисах, см. Мисаил

Михаил III, византийский имп. 140

Михаил Архангел 113

Михаил Всеволодович, черниговский, галицкий, киевский кн., мч. 9, 15, 29, 30, 37, 89, 106, 162–164, 166–171, 177, 179, 186–188, 230, 232, 260, 266, 269, 270, 274

Михаил (Михалко) Юрьевич, владимирский кн. 186

Михаил Ярославич, тверской кн., владимирский великий кн., св. 8, 121, 186, 187, 230, 252, 265

Михаил Ярославич Хоробрит, владимирский великий кн. 220

Михайлов А. В. 138, 252

Михеев С. М. 105, 199, 200, 269

Мишин Д. Е. 79, 269

Моав, сын Лота 135, 225

Моисей Угрин, прп. 35

Моисей, выдубицкий игумен 133

Моисей, пророк 133–135, 138, 149, 155, 157, 181, 252

Мошкова Л. В. 21, 270

Мстислав Андреевич, кн., сын Андрея Боголюбского 58, 67

Мстислав Владимирович Великий, новгородский, киевский кн. 62

Мстислав Данилович, волынский кн. 233

Мстислав Изяславич, переяславский, волынский, киевский кн. 59, 77, 124

Мстислав Мстиславич Удатный, торопецкий, новгородский, галицкий кн. 115, 236

Мстислав Ростиславич Храбрый, смоленский, новгородский кн. 58, 59, 70, 122, 124, 239

Мстислав, рыльский кн. 230

Мстислав Юрьевич, кн., сын великого кн. Юрия Всеволодовича 105

Мунке (Менгу), монгольский хан 174

Муравьева Л. Л. 191, 270

Мюллер Л. 132, 270

- Навуходоносор II, вавилонский царь 147, 165, 167, 168, 169, 171, 175, 177–179, 187
- Надеждин Н. И.* 7, 270
- Назаренко А. В.* 12, 16, 34, 35, 49, 50, 57, 76, 77, 79, 87, 88, 92, 141, 159, 185, 270
- Назарова Е. Л.* 35, 155, 215, 238, 239, 242, 243, 248, 252
- Насонов А. Н.* 14, 175, 178, 209, 234, 270
- Невоструев К. И.* 160, 252
- Нерон, римский имп. 84
- Нестор Летописец, прп. 6, 7, 65, 91, 262, 269, 271, 276, 278
- Никандров А. Ю.* 229, 268
- Никифор I, митр. Киевский 15, 26
- Никифор II, митр. Киевский 63
- Николаева Т. В.* 170, 269
- Николай Святоша, прп. 40
- Николай Чудотворец, свт. 15, 23, 60, 61, 77, 87, 118, 126, 141, 252, 254, 270, 272, 276, 278
- Николина Н. А.* 44, 260
- Никольский Н. К.* 105, 126, 133, 169, 252
- Никон Черноризец, прп. 28, 146
- Никон, киево-печерский игумен 198
- Нифонт, (архи)еп. Новгородский 22, 41
- Новосельцев А. П.* 48, 88, 174, 270, 277
- Ногай, монгольский хан 86, 97, 232, 233
- Огуль-Гамиш, монгольская правительница 174
- Ожегов С. И.* 31, 270
- Олег, киевский кн. 47
- Олег Святославич, тмутараканский, черниговский, новгород-северский кн. 53, 60, 64, 196, 201, 202
- Ольга, киевская княгиня 51, 105, 126, 133, 147, 169, 262
- Осия, пророк 132
- Охотникова В. И.* 31, 88, 155, 187, 188, 245, 252, 270
- Павлов А. С.* 22–25, 27, 33, 36, 39–41, 78, 252, 270
- Пак Н. И.* 164, 270
- Панченко А. М.* 129, 271
- Панченко О. В.* 16, 129, 271
- Пасецкий В. М.* 151, 158, 256
- Пахомий, еп. Ростовский 210
- Пашуто В. Т.* 9–11, 23, 46, 50, 62, 70, 71, 77, 97, 115, 135, 142, 147, 155, 157, 162, 174, 176, 201, 205, 208, 209, 216, 217, 222, 223, 255, 257–259, 262–264, 266, 267, 270, 271, 274, 275, 277, 279
- Перхавко В. Б.* 82, 271
- Петр Александрийский, свт. 37
- Петр Ордынский, прп. 24, 269
- Петр, апостол 79, 184
- Петр, лекарь-сириец 40
- Петр, русский архиерей 160
- Петрухин В. Я.* 9, 10, 12, 22, 49, 76, 91, 105, 118, 119, 129, 132, 134, 154, 157, 160, 162, 271, 172
- Петухов Е. В.* 7, 66, 81, 88, 95, 103, 109, 111, 134, 162, 180–182, 252, 271
- Печников М. В.* 159, 183, 271
- Пиккио Р.* 42, 91, 129, 166, 185, 271, 280
- Пиков Г. Г.* 139, 142, 271
- Пихоя Р. Г.* 25, 271
- Плано Карпини Джованни, папский посол 30, 37, 83, 165, 188, 252, 275
- Плетнева С. А.* 201
- Плигузов А. И.* 192, 268

- Погодин М. П.* 7, 271
Подскальски Г. 43, 133, 187, 271, 272
Пожарский Дмитрий Михайлович, кн., воевода 9, 265
Полевой Н. А. 7, 271
Понырко Н. В. 16, 26, 78, 253
Попов А. Н. 94, 251
Поппэ А. 89, 187, 271, 272
Поршнева О. С. 8, 272
Пресняков А. Е. 190, 272
Приселков М. Д. 14, 44, 45, 72, 85, 89, 158, 173, 178, 189–191, 209, 210, 227, 231, 239, 253, 272
Прохазка Е. А. 52, 118, 272
Прохоров Г. М. 106, 227, 272
Псевдо-Мефодий Патарский, автор «Откровения» 29, 104, 138, 143, 144, 158–162, 251
Рамм Б. Я. 80, 272
Ранчин А. М. 16, 130, 131, 134, 145, 148, 272
Раппопрот П. А. 91, 272
Рапсак, воевода Сеннахирима 153
Расовский Д. А. 201, 202, 272
Рогачевская Е. Б. 87, 272
Рогерий, архиеп. Сплитский 38, 161, 253
Рогов А. И. 82, 272
Розанов С. П. 126, 169, 253
Розенкамф Г. А. 7, 273
Роман IV Диоген, византийский имп. 141
Роман Мстиславич, волынский, галицкий кн. 83, 158, 222
Роман Ростиславич, смоленский, киевский кн. 63
Роман Ольгович, рязанский кн., мч. 230
Романив В. Я. 174, 273
Романов В. К. 75, 225, 273
Ростислав Всеволодович, перемышльский кн. 202
Ростислав Михайлович, новгородский, галицкий кн. 116, 236
Ростислав Мстиславич, смоленский, киевский кн. 62
Рубрук Гильом де, французский посол 30, 37, 82, 83, 165, 252, 254
Рудаков В. Н. 9, 10, 32, 43, 106, 161, 175, 180, 225, 227, 273
Руди Т. Р. 43, 273
Русанова И. П. 92, 273
Рыбаков Б. А. 56, 71, 274
Рыбина Е. А. 241, 274
Рюрик, родоначальник династии русских князей 65, 163
Рюрик Ростиславич, черниговский, киевский кн. 63, 104, 134
Рябинин Е. А. 92, 237, 274
Рязановский Ф. А. 105, 274
Савва, новгородский священник 41
Савваитов П. И. 31, 119, 253
Салтыков-Щедрин М.Е. 103, 137, 251
Сарра, жена Авраама 45, 136
Сартак, монгольский хан 82, 83
Саул, израильский царь 148–150
Сахаров А. Н. 56, 274
Сахаров В. А. 138, 274
Святополк Владимирович (Ярополчич) Окаянный, туровский, киевский кн. 44
Святополк Изяславич, новгородский, туровский, киевский кн. 111, 148, 202, 203
Святослав Всеволодович, черниговский, киевский кн. 63, 67, 70, 208, 209

- Святослав Игоревич, киевский кн. 119, 123
 Святослав Ольгович, новгородский, черниговский кн. 63
 Святослав Ростиславич, новгородский кн. 238
 Святослав Ярославич, черниговский, киевский кн. 34, 52, 98, 186, 199, 251
 Седекия, иудейский царь 176, 177
Седов В. В. 91, 274
Седов Вл. В. 217, 274
 Седрах, см. Анания
Селезнев Ю. В. 9, 157, 162, 174, 177, 274
 Семен, еп. Тверской 65
 Сеннахирим, ассирийский царь 152–154
 Серапион, еп. Владимирский 7, 15, 65, 66, 81, 87, 88, 95, 103, 109, 111, 134, 161, 162, 180–184, 187, 189, 252, 261, 263, 271, 273
Серебрянский Н. И. 30, 38, 162–166, 168–172, 179, 186, 253
 Симеон Логофет, византийский хронист 50
 Скомонд, ятвяжский волхв 84
Скржинская Е. Ч. 55, 275
Славнитский М. 126, 169, 253
Смирнов С. И. 19, 23, 25, 27, 28, 34, 36, 37, 39, 110, 254, 275
Соколов П. П. 48, 275
Соколов Р. А. 237, 275
Соловьев А. В. 48, 80, 81, 185, 275
Соловьев С. М. 7, 275
 Спиридон Просфорник, прп. 40
 Спиридон, архиеп. Новгородский 217, 226
Срезневский И. И. 48, 275
Ставиский В. И. 188, 275
 Стефан, мч. 130, 267
Стефанович П. С. 11, 16, 52, 110, 275
Сухомлинов М. И. 7, 275
Тарасов А. Е. 16
Творогов О. В. 43, 133, 170, 275
 Телебуга, ордынский хан 86, 121, 232, 233
 Теодорих, брат рижского еп. Альберта Буксгевдена 35
 Тимофей, галицкий книжник 159
 Тимофей, новгородский пономарь, летописец 217–219, 226, 228, 229, 239, 245
Тимощук Б. А. 92, 273
 Тит, апостол «от 70» 166, 184
Тихомиров М. Н. 32, 183, 191, 275, 276
 Товтивил, литовский кн. 219
Толочко О. П. [А. П.] 10, 20, 194, 276
Толочко П. П. 34, 56, 58, 91, 276
Толстой Н. И. 48, 65, 91, 276
Топоров В. Н. 11, 31, 160, 180, 181, 189, 211, 276
 Тройден, литовский кн. 84, 221
Тронский И. М. 48, 262
Трубачев О. Н. 49, 276
 Тугоркан, половецкий хан 148, 202, 203
Турилов А. А. 19, 21, 25–27, 40, 87, 94, 254, 270, 276
Ужанков А. Н. 61, 155, 188, 276
 Узбек, ордынский хан 187
 Упырь Лихой, писец 165, 171, 172, 177, 180, 182, 185, 254
Усачев А. С. 16
Успенский Б. А. 44, 61, 118, 129, 130, 132, 164, 276
Успенский Ф. Б. 11, 23, 34, 55, 195, 203, 267, 276
Фасмер М. 31, 48, 276

- Федор, русский (г. Руса) посадник 215
- Федотов Г. П.* 159, 187, 247, 276, 277
- Фенелл Дж.* 172, 173, 192, 224, 268, 277, 280
- Феогност, сарайский еп. 16, 24, 191
- Феодор Вальсамон, византийский канонист, патр. Антиохийский 19, 25, 40
- Феодор Черниговский, мч. 15, 30, 38, 162, 163, 165, 169
- Феодосий Грек, киево-печерский игумен 15, 18, 264
- Феодосий Печерский, прп. 15, 18, 26, 51, 65, 66, 262, 263
- Филарет (Гумилевский), архиеп.* 7, 277
- Филипп Нянка, московский воевода 105
- Фильний (Филя), венгерский военачальник 78
- Флоря Б. Н.* 12, 16, 35, 39, 78–80, 82, 88, 92, 151, 153, 176, 243, 245, 277
- Фома Сплитский, далматинский хронист 161, 254
- Хеттура, наложница Авраама 138
- Хорошев А. С.* 216, 258
- Хорошкевич А. Л.* 12, 86, 192, 268, 277
- Храпачевский Р. П.* 174, 277
- Хрусталева Д. Г.* 174, 242, 277
- Цыбульский С. Л.* 45, 277
- Чекин Л. С.* 10, 12, 28, 55, 104, 129, 141, 143, 156, 157, 161, 194, 203, 204, 223, 277, 279
- Черепнин Л. В.* 48, 91, 132, 155, 178, 261, 278
- Чернов С. З.* 16
- Чилбук, половец 59
- Чингисхан, монгольский хан 37, 225
- Чуркина И. В.* 91, 278
- Шаляпин С. О.* 119, 278
- Шаскольский И. П.* 237, 238, 242, 278
- Шахматов А. А.* 10, 14, 29, 49, 51, 110, 140, 143, 144, 146, 197, 199, 200, 209, 259, 278
- Шахматов М. В.* 8, 192, 278
- Шевченко Т. Г. 15, 159, 260
- Шлецер А. Л.* 7, 278
- Шляпки И. А.* 77, 141, 254
- Шмидт Е. А.* 92, 278
- Шукуров Р. М.* 8, 16, 278
- Щавелёв А. С.* 23, 278
- Щапов Я. Н.* 21, 25, 27, 28, 32, 61, 120, 125, 183, 191, 192, 279
- Щедровицкий Д. В.* 20, 138, 279
- Щербатов М. М.* 6, 279
- Эггерт В.* 43, 279
- Юлиан, венгерский миссионер 160
- Юрий Владимирович Долгорукий, суздальский, киевский кн. 62, 63, 77, 209
- Юрий Всеволодович, владимирский великий кн. 81, 84, 105, 224
- Юрченко А. Г.* 30, 31, 279
- Юрьева И. С.* 221, 279
- Якобсон Р. О.* 144, 279
- Ян Длугош, польский историк 92, 277
- Янин В. Л.* 87, 105, 214, 215, 259, 262, 279
- Ярослав Владимирович Мудрый, ростовский, новгородский, киевский кн. 16, 25, 26, 32, 61, 112
- Ярослав Владимирович, псковский кн. 243

- Ярослав Всеволодович, переяславский кн., владимирский великий кн. 117, 119, 215, 216, 218, 220, 238, 243
- Ярослав Святославич, муромский кн. 62
- Ярослав Ярославич, переяславский, тверской кн., владимирский великий кн. 173, 228
- Beihammer A.* 141, 279
- Bouchard M.* 91, 279
- Chekin L. S.* , см. Чекин Л. С.
- Fennell J. L. I.* , см. Фенелл Дж.
- Fubrmann J. T.* 176, 280
- Halperin Ch. J.* , см. Гальперин Ч.
- Hartog L. , de.* 185, 280
- Jagić V.* 36, 254
- Kappeler A.* 13, 43, 44, 54, 70, 72, 84—86, 280
- Moravcsik Gy.* 141, 280
- Moser M.* 11, 211, 280
- Müller L.* 12, 82, 241, 280
- Ostrowski D.* 174, 280
- Pelenski J.* 210, 280
- Picchio R.* , см. Пиккио Р.
- Rahlfs A.* 171, 254
- Rubruquis Willielmi de, см. Рубрук Гильом де
- Rydberg O. S.* 155, 254
- Stökl G.* 13, 44, 280
- Timberlake A.* 14, 197, 199, 200, 210, 280
- Τσολλης E. Θ.* 141, 254

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 1 Ин. — Первое послание апостола Иоанна
1 Мак. — Первая книга Маккавейская
1 Пар. — Первая книга Паралипоменон
1 Пет. — Первое послание апостола Петра
1 Цар. — Первая книга Царств
2 Пар. — Вторая книга Паралипоменон
2 Цар. — Вторая книга Царств
3 Цар. — Третья книга Царств
4 Цар. — Четвертая книга Царств
А — Сказание о убиении князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора, редакция «отца Андрея» (по Н. И. Себрянскому)
Ам. — Книга пророка Амоса
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
Быт. — Бытие
Вар. — Книга пророка Варуха
Втор. — Второзаконие
Гал. — Послание апостола Павла к Галатам
Дан. — Книга пророка Даниила
Деян. — Деяния святых апостолов
ДРВМ — Древняя Русь: Вопросы медиевистики
Зах. — Книга пророка Захарии
Иез. — Книга пророка Иезекииля
Иер. — Книга пророка Иеремии
ИЛ — Ипатьевская летопись
Ин. — Евангелие от Иоанна
Иов. — Книга Иова
Ис. — Книга пророка Исайи
Исх. — Исход
Лев. — Левит
Лк. — Евангелие от Луки
ЛЛ — Лаврентьевская летопись
ЛПС — Летописец Переяславля Суздальского

<i>МАЛ</i>	— Московско-Академическая летопись
<i>Мк.</i>	— Евангелие от Марка
<i>Мф.</i>	— Евангелие от Матфея
<i>НЛ</i>	— Новгородская Первая летопись
<i>НЛМл</i>	— Новгородская Первая летопись младшего извода
<i>НЛст</i>	— Новгородская Первая летопись старшего извода
<i>Нав.</i>	— Книга Иисуса Навина
<i>ОР ГИМ</i>	— Отдел рукописей Государственного исторического музея
<i>ОР РГБ</i>	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
<i>ПВЛ</i>	— Повесть временных лет
<i>Плач.</i>	— Книга Плач Иеремии
<i>Притч.</i>	— Книга Притчей Соломоновых
<i>Пс.</i>	— Псалтирь
<i>ПСРЛ</i>	— Полное собрание русских летописей
<i>Р</i>	— Краткое (ростовское) Сказание о убиении князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора
<i>РА</i>	— Сказание о убиении князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора, «распространение редакции отца Андрея» (по Н. И. Серебрянскому)
<i>РИБ</i>	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
<i>Рим.</i>	— Послание апостола Павла к Римлянам
<i>РЛ</i>	— Радзивилловская летопись
<i>Сб. ОРЯС</i>	— Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
<i>Сим.</i>	— Симеоновская летопись
<i>Суд.</i>	— Книга Судей Израилевых
<i>Тит.</i>	— Послание апостола Павла к Титу
<i>ТОДРЛ</i>	— Труды Отдела древнерусской литературы
<i>Тр.</i>	— Троицкая летопись
<i>ЧОИДР</i>	— Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Две границы	17
§ 1. Канонические предписания	18
1. Молитва с иноверцами	21
2. Употребление пищи	24
3. Сожительство и брак	32
4. Нахождение в плену	35
5. Другие ситуации	40
§ 2. Конфессиональное размежевание	42
1. Последние десятилетия XI — начало XII в.	49
2. XII в.	57
3. XIII в.	71
Глава II. Промысел Божий	93
§ 1. Батоги Божии	95
1. «Малый круг»	95
2. Гнев Господень	97
§ 2. Небесная помощь	112
1. «Средний круг»	112
2. Господня милость	117
Глава III. Библейская призма	128
§ 1. Ветхозаветное окружение	132
1. Русь	132
2. Половцы	136
§ 2. Ордынский плен	151
1. Соседи-католики	152
2. Монголы	156

Глава IV. Меняющаяся картина	194
§ 1. Появление архетипа	194
§ 2. «Новые половцы»	203
1. Волжские булгары	204
2. Литва и ятвяги	211
3. Монголы	223
4. Шведы и немцы	235
Заключение	247
Источники и историография	250
Указатель имен	281
Список сокращений	294

**КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ
ПОЖАРСКОГО (РУССКИЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ
И НАУКЕ)**

СЕРИЯ «Древнейшие государства Восточной Европы»

1. Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2010.
2. Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год: Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
3. Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 год: Паушто В. Т. Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М., 2011.
4. Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2013, 2015.
5. Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2013.
6. Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. А. В. Подосинов, О. Л. Габелко. М., 2014.
7. Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / отв. ред. Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон. М., 2016.
8. Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. тома Т. Н. Джаксон; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2016.
9. Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / отв. ред. тома А. С. Щавелев; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2017.
10. Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год: Памяти Г. В. Глазыриной / Отв. ред. тома Т. В. Гимон, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова, А. С. Щавелев; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2018.

**СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. НОВОЕ ВРЕМЯ.
ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ**

а) Сборники и хрестоматии

11. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том I. Античные источники / сост. А. В. Подосинов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009, 2017.
12. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том II. Византийские источники / сост. М. В. Бибилов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
13. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том III. Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
14. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники / сост., пер., коммент. А. В. Назаренко, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
15. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том V. Древнескандинавские источники / сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон,

- Е. А. Мельникова, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
16. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой; авторы: М. В. Бибилов, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. М., 2013, 2015.
 17. Висы дружбы: сборник статей в честь Т. Н. Джаксон / под ред. Н. Ю. Гвоздецкой, И. Г. Коноваловой, Е. А. Мельниковой, А. В. Подосинова. М., 2011.
 18. Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Галины Васильевны Глазыриной / под ред. Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельниковой. М., 2012.
 19. Именослов. История языка. История культуры: сборник статей / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2012.
 20. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. О. В. Кудрявцева. М., 2011.
 21. Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика) / отв. ред. Е. П. Кудрявцева. М., 2015, 2017.
- б) Русь и Россия. Славянский мир**
22. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2012.
 23. *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016.
 24. *Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013.
 25. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016.
 26. *Гоков О. А.* Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878—1895): по русским источникам. М., 2018.
 27. *Евсеева Л. М.* Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия. М., 2013.
 28. *Живов В. М.* История языка русской письменности: в 2 т. Т. I. М., 2017.
 29. *Живов В. М.* История языка русской письменности: в 2 т. Т. II. М., 2017.
 30. *Каштанов С. М.* Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012.
 31. *Каштанов С. М.* Московское царство и Запад: историографические очерки. М., 2015.
 32. *Лидов А. М., Евсеева Л. М., Чугреева Н. Н.* Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2008.
 33. Мария Фёдоровна, императрица, 1847—1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875—1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882—1960. Письма (1918—1940) к княгине А. А. Оболенской / подгот. текста, пер. с франц. М. Е. Сороки, под ред. Л. И. Заковоротной. М., 2013.
 34. *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М., 2011.
 35. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830—1850-е гг.). Документы / сост.: М. Ю. Анисимов, Ю. П. Аншаков, Р. Распопович, Н. Н. Хитрова. М., 2013.
 36. *Пихоя Р. Г.* Записки археографа. М., 2016.
 37. *Пулькин М. В.* Самосожжения старообрядцев (середина XVII—XIX в.). М., 2013, 2015.
 38. *Ранчин А. М.* Памятники Борисоглебского цикла: текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М., 2017.

39. *Рахаев Д. Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. М., 2012.
40. *Романова Г. Я.* Объяснительный словарь старинных русских мер. М., 2017.
41. *Столярова Л. В., Каштанов С. М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.) / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2010.

в) Западный мир. Восток

42. *Большаков О. Г.* Рождение и развитие ислама и мусульманской империи (VII–VIII вв.). М., 2016.
43. *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование / отв. ред. Л. В. Столярова. М., 2012.
44. *Калинина Т. М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
45. *Креленко Н. С.* Такие разные... Судьбы английских интеллектуалок Нового времени / Н. С. Креленко, Л. Н. Чернова, А. К. Костина; под общей ред. Н. С. Креленко. М., 2018.
46. *Лидов А. М.* Росписи монастыря Ахтала. История, иконография, мастера. М., 2014.
47. *Марей Е. С.* Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.

Если вы нашли в наших книгах опечатки, просьба сообщить о них на электронный адрес knigiudr@gmail.com. В сообщении нужно указать книгу, страницу и абзац, где была обнаружена опечатка. Благодарим за сотрудничество.

МЕСТА, В КОТОРЫХ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НАШИ КНИГИ:

В офисе нашего издательства:

Москва, Комсомольский проспект, дом 23/7, корп. 2, по будням с 10:00 до 19:00 (необходим предварительный заказ по эл. почте knigiudp@gmail.com или по тел.: +7(499) 242-37-24).

1. Интернет-магазины:

www.bookish.ru
www.bookvoed.ru
www.chitai-gorod.ru
www.greybooks.ru
www.primuzee.ru
www.respublica.ru
www.ozon.ru

www.urss.ru
www.kniger.by
www.academbook.com.ua
www.arhe.com.ua
www.good-book.com.ua
и многие другие.

2. Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- «ARMBOOK», Проспект мира, д. 119, ВДНХ, павильон «Армения»
- «PRIMUS VERSUS», ул. Покровка, д. 27, стр. 1, www.dbiblio.org
- ТД «БИБЛИО-ГЛОБУС», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, www.biblio-globus.ru
- «ГИПЕРИОН», Хохловский пер., д. 7/9, стр. 3, www.hyperionbook.ru
- «ГНОЗИС», Турчанинов пер., д. 4, www.gnosisbooks.ru
- Дом Книги «Молодая гвардия», ул. Большая Полянка, 28
- Киоск «ГНОЗИС» в ИФ РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
- Книжная лавка историка «КЛИ», ул. Б. Дмитровка, д. 15, www.rosspen.ru
- «КНИГА МАКСИМА», Ленинские горы, д. 1, стр. 51, здание Первого гуманитарного корпуса МГУ им. М.В. Ломоносова, www.maxi-book.ru
- «КНИЖНАЯ ЯРМАРКА В ОЛИМПИЙСКОМ», Олимпийский пр-т, д. 16, стр. 1, здание СК Олимпийский, www.marketbooks.ru
- «МОСКВА», ул. Тверская, д. 8, стр. 1, www.moscowbooks.ru
- Сеть книжных магазинов «МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ», www.mdk-arbat.ru
- «МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР НЕПРЕРЫВНОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ», Б. Власьевский пер., д. 11, www.mccme.ru
- «МУЗЕЙ РУССКОЙ ИКОНЫ», ул. Гончарная, д. 3, стр. 1, www.russikona.ru
- Книжная галерея «НИНА», ул. Волхонка, д. 18/2, www.kniginina.ru
- «ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО», ул. Пятницкая, д. 51, на территории храма Живоначальной Троицы, www.pravslowo.ru
- Сеть магазинов «РЕСПУБЛИКА», www.respublica.ru
- «РИЗА», Красноармейская ул., д. 2, стр. 4, www.knigipochtoi.ru
- Книжный киоск «РОССПЭН», ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, www.rosspen.ru
- Книжный магазин «РОССПЭН», 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1, www.rosspen.ru
- «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ», ул. Нижняя Радищевская, д. 2, www.kmrz.ru
- «У КЕНТАВРА», ул. Чайнова, д. 15, здание РГГУ, www.knigirgu.ru
- «ФАЛАНСТЕР», Малый Гнезниковский пер., д. 12, www.falanster.ru
- «ФАЛАНСТЕР НА ВИНЗАВОДЕ», 4-й Сыромятнический пер., д. 1, стр. 6
- «ХОДАСЕВИЧ», ул. Покровка, д. 6, www.xodacevich.com

- «ЦИОЛКОВСКИЙ», Пятницкий пер., д. 8, www.primuzee.ru
- Сеть книжных магазинов «ЧИТАЙ-ГОРОД», www.chitai-gorod.ru
- «ЧИТАЛКА», ул. Жуковского, д. 4, www.chitalcafe.livejournal.com
- «ШАНС БОКУ», Арбатский пер., д. 2/6

Санкт-Петербург

- Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД», www.bookvoed.ru
- «ВСЕ СВОБОДНЫ», УЛ. НЕКРАСОВА, 23, www.vse-svobodny.com
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», ул. Петрозаводская, д. 9, www.dbulanin.ru
- «ЖЕЛТЫЙ ДВОР», Ковенский пер., д. 14
- Торгово-издательский дом «МИТРА», 3-я Советская ул., д. 34, www.mitra-books.com/rfson-p1-manuf.html
- «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ», Литейный пр-т, д. 57, www.podpisnie.ru
- «ПОРЯДОК СЛОВ», набережная реки Фонтанки, д. 15, www.wordorder.ru
- Сеть магазинов «РЕСПУБЛИКА», www.respublica.ru
- Книжный киоск СПбГУ, Университетская набережная, д. 7-9, здание Санкт-Петербургского государственного университета
- «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДОМ КНИГИ», Невский пр-т, д. 28 литера А, www.spbdk.ru
- «СВОИ КНИГИ», Васильевский остров, ул. Репина, д. 41, www.svoi-knigi.ru
- «ФАРЕНГЕЙТ 451», ул. Маяковского, д. 25
- Книжная лавка издательства «ЧЕРНАЯ СОТНЯ», Биржевой пер., д. 2-4, 3-й этаж

Владимир

- «ЭЙДОС», Большая Московская ул., д. 20а

Воронеж

- «КНИЖНЫЙ КЛУБ», ул. 2-летия ВЛКСМ, д. 54А, здание ТЦ «Петровский пассаж», www.knigafe.ru

Екатеринбург

- «ЙОЗЕФ КНЕХТ», ул. 8 марта, д. 7
- «ПИОТРОВСКИЙ», ул. Бориса Ельцина, д. 3, здание Ельцин Центра
- Сеть магазинов «РЕСПУБЛИКА», www.respublica.ru

Казань

- «СМЕНА», ул. Бурхана Шахиди, д. 7, здание Центра современной культуры «Смена», www.smenagallery.ru/bookstore

Красноярск

- «БАКЕН», пр-т Мира, д. 115А, www.bakenbooks.com

Нижний Новгород

- «ДИРИЖАБЛЬ», ул. Б. Покровская, д. 46; ул. Белинского, д. 118; ул. Щербакова, д. 2; ул. Советская, д. 19/2, www.dirigable-book.ru
- «ЛОГОС», «ПОЛКА», ул. Б. Покровская, д. 30, <https://vk.com/polka.knig>

Новосибирск

- «ВООК-LOOK», ул. Ильича, д. 6; Морской пр-т, д. 22
- «КАПИТАЛЬ», ул. Горького Максима, д. 78
- «ПЛИНИЙ СТАРШИЙ», Красный пр-т, д. 17
- Сеть магазинов «РЕСПУБЛИКА», www.respublica.ru

Пермь

- «ПИОТРОВСКИЙ», ул. Ленина, д. 54, www.piotrovsky.su

Петрозаводск

- Книжный киоск ПетрГУ, пр-т Ленина, д. 33, здание Петрозаводского государственного университета

Саратов

- «ОКСЮМОРОН», пр-т Кирова, д. 52

Ставрополь

- «КНЯЗЬ МЫШКИН», ул. Космонавтов, д. 8А

Тверь

- «МЫСЛЬ», Свободный пер., д. 28, здание Библиотеки им. Горького

Тюмень

- «НИКТО НЕ СПИТ», Сургутская, д. 11, корп. 2

Фрязино

- «КЛАДЕЗЬ», ул. Московская, д. 2Б

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», ул. Свердлова, д. 9

В других городах России

- Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД», www.bookvoed.ru
- Сеть книжных магазинов «ЧИТАЙ-ГОРОД», www.chitai-gorod.ru

АРМЕНИЯ

Ереван

- «БУКИНИСТ», пр-т Месропа Маштоца, д. 20

БЕЛОРУССИЯ

Минск

Книжная выставка «У ПОЮЩИХ ФОНТАНОВ», отдел исторической литературы, ул. Октябрьская, д. 5, здание КЗ «Минск», тел.: +37529-7-555-041 (МТС), +37529-336-82-84 (vel)

ГЕРМАНИЯ

- Интернет-магазин «EXLIBRUS», www.exlibrus.de

Франкфурт-на-Майне

- «ESTERUM», Gagerstr., 48, www.esterum.com

ЛАТВИЯ

- Сеть книжных магазинов «ПОЛЯРИС», www.polaris.lv

УКРАИНА

- Перчак Валерий, perchak.valery@yandex.ru
- Кравченко Оксана, okhuce@gmail.com
- Швед Павел Владимирович, p.shved@gmail.com
- «КНИЖНЫЙ БУМ», www.academbook.com.ua
- «ЛИТЕРА НОВА», www.litera-book.com.ua

**По вопросам оптовых розничных закупок, с предложениями и пожеланиями
обращайтесь на адрес Издательства: knigiudr@gmail.com.**

Научное издание

Алексей Владимирович Лаушкин

**Русь и соседи: история этноконфессиональных
представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв.**

Верстка *О. В. Бочкова*

Редактор *К. А. Кочегаров*

Корректор *О. В. Рачулик*

Подписано в печать 25.04.2019. Формат 60 × 90^{1/16}.

Тираж 500 экз. Заказ №

Русский фонд содействия образованию и науке.

Университет Дмитрия Пожарского.

119146, Москва, Комсомольский пр-т, д. 23/7, корп. 2.

Сайт: www.publisher.usdp.ru.

Тел.: +7 (499) 242-37-24.

9 785912 442438